

ПРОБЛЕМЫ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА

Печенизм и проблемы Китая

Бандунг: история и современность

Антисоциалистический курс внешней политики КНР
в отношении развивающихся стран

Пекин: деструктивная политика

К вопросу о реабилитации героя
китайской революции

Афганская революция и предательский
курс Пекина

2

1980

СОДЕРЖАНИЕ

- 3 Ленинизм и проблемы Китая

ЭКОНОМИКА И ПОЛИТИКА

- 17 Бандунг: история и современность
И. И. Коваленко
- 29 Антисоциалистический курс внешней политики
КНР в отношении развивающихся стран
В. А. Кривцов
- 44 Пекин: деструктивная политика
В. Н. Борисов
- 55 Сближение Пекина и Вашингтона — угроза миру и
безопасности народов
В. И. Петухов
- 69 К итогам пленума ЦК КПК
В. Н. Фетов
- 83 К вопросу о реабилитации героя китайской
революции Пэн Дэхуая
А. С. Титов
- 93 Япония: тяжелый груз экономических и
политических проблем
К. М. Попов
- 103 Афганская революция и предательский курс Пекина
Ю. В. Агранов
- 110 XXXIV сессия Генеральной Ассамблеи ООН и Пекин
В. К. Гусаченко

ИДЕОЛОГИЯ

- Идейно-политический крах маоистских группировок
в странах Запада
- 122 *Р. М. Асланов, Б. А. Болотин*
- 135 Антимарксистские концепции японских буржуазных
обществоведов о сущности классов и классовой борьбы
Б. В. Поспелов

ИСТОРИЯ

- 147 Страницы пролетарской солидарности
Р. А. Мировицкая
- 155 Правда о территориальном размежевании между Рос-
сией и Китаем
В. С. Ясенев, А. Г. Кручинин

Большое воздействие на развитие революционного движения в Китае оказала русская революция 1905 г. В. И. Ленин откликнулся на это событие статьей «Пробуждение Азии», в которой есть такие слова: «Давно ли Китай слыл образцом стран векового полного застоя? А теперь в Китае кипит политическая жизнь, ключом бьет общественное движение и демократический подъем. Вслед за русским движением 1905 года демократическая революция охватила всю Азию — Турцию, Персию, Китай»³.

В. И. Ленин предсказал, что в Китае неизбежен «переход старых китайских бунтов в сознательное демократическое движение»⁴. Он приветствовал победу буржуазно-демократической революции в Китае 1911—1912 гг., покончившей с монархическим строем и установившей буржуазно-демократический строй. Вместе с тем он предупреждал, что революция в Китае вызвала среди европейской буржуазии не энтузиазм к делу свободы и демократии, а «стремление *разграбить* Китай, начать раздел Китая, оттягать земли у Китая»⁵.

Особое значение В. И. Ленин придавал революционно-демократическому движению, развернувшемуся в Китае после победы буржуазно-демократической революции 1911—1912 гг. под руководством великого китайского революционера-демократа Сунь Ятсена. В ленинской статье «Демократия и народничество в Китае» давалась такая оценка политической платформе Сунь Ятсена: «Перед нами действительно великая идеология действительно великого народа, который умеет не только оплакивать свое вековое рабство, не только мечтать о свободе и равенстве, но и *бороться* с вековыми угнетателями Китая»⁶.

Критикуя Сунь Ятсена за его непоследовательность, В. И. Ленин в то же время высоко оценивал его искреннее стремление превратить Китай в демократическое государство с высокоразвитой экономикой. В. И. Ленин подчеркивал, что для Китая в тех исторических условиях важнейшей задачей является ликвидация феодальных отношений. С ростом национальной промышленности будет расти китайский пролетариат, который создаст свою партию: она, говорил В. И. Ленин, «будет, наверное, заботливо выделять, охранять и развивать революционно-демократическое ядро его (Сунь Ятсена.— Ред.) политической и аграрной программы»⁷. Этими словами В. И. Ленин закончил свою знаменитую статью «Демократия и народничество в Китае».

Победа Октябрьской революции в России явилась самым великим событием XX в. Сунь Ятсен назвал Октябрьскую революцию «великой надеждой человечества». В 1918 г. он послал из Шанхая телеграмму Советскому правительству и Ленину, в которой поздравил с достигнутыми успехами молодую Советскую Россию. В телеграмме говорилось: «Революционная партия Китая выражает глубокое восхищение тяжелой борьбой, которую ведет революционная партия вашей страны, и выражает надежду, что революционные партии Китая и России объединятся для совместной борьбы»⁸.

Октябрьская революция, подчеркивали китайские революционеры, принесла в Китай марксизм — единственно правильное учение, освещающее путь к социальному и национальному освобождению китайского народа.

Ленинское учение по национально-колониальному вопросу имело огромное значение для народов Востока. В наиболее концентрированном виде взгляды В. И. Ленина по национально-колониальному воп-

³ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 23, с. 145.

⁴ Там же, т. 17, с. 179.

⁵ Там же, т. 23, с. 28.

⁶ Там же, т. 21, с. 401.

⁷ Там же, т. 21, с. 406.

⁸ Пын Мин. История китайско-советской дружбы, с. 68.

росу изложены в его докладе на II конгрессе Коммунистического Интернационала (19 июля — 7 августа 1920 г.) и в принятых им программных документах.

При рассмотрении национального и национально-колониального вопросов В. И. Ленин учитывал преимущественно аграрный характер экономики колониальных стран, отводя центральное место вопросу о крестьянстве. Анализируя социальный состав крестьянства, он выделял в нем три категории, которые, по его убеждению, могут быть союзниками пролетариата в борьбе за социалистические преобразования.

К первой категории относился сельскохозяйственный пролетариат: «привлечение его на сторону Советской власти и диктатуры пролетариата является *основной* задачей коммунистических партий во всех странах»⁹.

Ко второй категории относились полупролетарии и парцелльные крестьяне, те, кто «снискивает себе средства к жизни частью наемной работой... частью — трудясь на собственном или арендуемом клочке земли...»¹⁰.

К третьей категории относились мелкие земледельцы, владевшие, «на праве собственности или аренды, такими небольшими участками земли, что, покрывая потребности своей семьи и своего хозяйства, они не прибегают к найму чужой рабочей силы»¹¹.

Эти группы сельского населения являются той социальной основой, которая, как говорил В. И. Ленин, обеспечит «успех пролетарского переворота не только в городах, но и в деревне...»¹².

В отношении среднего крестьянства, то есть мелких земледельцев, прибегающих «к найму чужой рабочей силы»¹³, В. И. Ленин рекомендовал ограничиться задачей нейтрализации его, то есть «сделать нейтральным в борьбе между пролетариатом и буржуазией»¹⁴.

Трудовое крестьянство как надежный союзник «способно решительно поддержать революционный пролетариат», но «лишь *после того*, как эти задавленные люди увидят *на практике*, что у них есть организованный вождь и защитник, достаточно могучий и твердый для помощи и руководства, для указания верного пути»¹⁵.

В. И. Ленин отмечал, что в колониальных и зависимых странах необходимы союзники и из других классов.

Учитывая малочисленность пролетариата в этих странах, который к тому же только выходил на политическую арену и еще не мог занять руководящие позиции в общественной жизни, В. И. Ленин указывал на необходимость привлечения к национально-освободительному движению и национальной буржуазии. Последняя тоже заинтересована в национальном возрождении своей страны, в ликвидации всех привилегий, навязанных империалистическими государствами, хотя она и склонна к компромиссу с империалистами.

Эти ленинские положения легли в основу решений Коминтерна. При обсуждении их на комиссии было единодушно принято решение поддерживать национально-революционное движение, хотя оно и носит буржуазно-демократический характер («всякое национальное движение, — говорил Ленин, — может быть лишь буржуазно-демократическим...»¹⁶).

⁹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 41, с. 170.

¹⁰ Там же.

¹¹ Там же, с. 171.

¹² Там же, с. 172.

¹³ Там же, с. 173.

¹⁴ Там же, с. 174.

¹⁵ Там же, с. 173.

¹⁶ Там же, с. 243.

В буржуазно-демократическом освободительном движении (прежде всего в крестьянском), в народах угнетенных стран В. И. Ленин видел союзника мирового пролетариата, а потому призывал рабочих, в первую очередь пролетариев самих угнетенных стран, а также колониальных держав, оказывать всемерную помощь крестьянам в борьбе с помещиками, крупными землевладельцами. Ленин призывал облачать реакционное духовенство, панисламизм, пытающихся «соединить освободительное движение против европейского и американского империализма с укреплением позиции ханов, помещиков, мулл и т. п.»¹⁷.

При определении позиции в отношении буржуазии Ленин говорил, что «мы, как коммунисты, лишь в тех случаях должны и будем поддерживать буржуазные освободительные движения в колониальных странах, когда эти движения действительно революционны...»¹⁸. В. И. Ленин обращал внимание на то, что «между буржуазней эксплуатирующих и колониальных стран произошло известное сближение, так что очень часто — пожалуй, даже в большинстве случаев — буржуазия угнетенных стран, хотя она и поддерживает национальные движения, в то же время в согласии с империалистической буржуазией, т. е. вместе с нею, борется против всех революционных движений и революционных классов»¹⁹.

Рассматривая национально-освободительное движение колониальных народов в неразрывной связи с общей борьбой международного пролетариата против буржуазии, В. И. Ленин указывал, что «во главу угла всей политики Коминтерна по национальному и колониальному вопросу должно быть положено сближение пролетариев и трудящихся масс всех наций и стран для совместной революционной борьбы за свержение помещиков и буржуазии. Ибо только такое сближение гарантирует победу над капитализмом, без которой невозможно уничтожение национального гнета и неравноправия»²⁰.

Выдвигая задачу поддержки буржуазно-демократических национальных движений, В. И. Ленин требовал, чтобы коммунисты отстаивали свои пролетарские, коммунистические взгляды, сознавая свои особые задачи — задачи борьбы с буржуазно-националистическими движениями внутри своих стран. «...Коммунистический Интернационал, — писал В. И. Ленин, — должен идти во временном союзе с буржуазной демократией колоний и отсталых стран, но не сливаться с ней и безусловно охранять самостоятельность пролетарского движения даже в самой зачаточной его форме...»²¹.

Величайшей заслугой вождя мировой революции является то, что он не только открыл первичные формы политической власти самого многочисленного класса колониальных стран — трудового крестьянства, но и осветил им путь движения к социализму. В изменившейся международной обстановке, когда единая цепь империализма была разорвана Октябрьской социалистической революцией, а образовавшаяся Советская республика продемонстрировала свою жизненную силу и явилась притягательным примером для всех других стран, когда идеи коммунизма овладевали умами миллионов людей во всех уголках земного шара, для народов, избавившихся от империалистического господства, появилась возможность, не уступая буржуазии политического руководства, при поддержке международного рабочего класса направить развитие страны по пути к социализму и коммунизму, минуя капитализм.

¹⁷ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 41, с. 166.

¹⁸ Там же, с. 243.

¹⁹ Там же.

²⁰ Там же, с. 163.

²¹ Там же, с. 167.

В. И. Ленин указывал на необходимость во всех колониях и отсталых странах создавать революционные партии, готовить руководителей, которые могли бы возглавить движение трудовых масс за национальное и социальное освобождение и направлять его на создание Советов и переход этих стран на некапиталистический путь развития.

Обращаясь к участникам II конгресса Коминтерна, В. И. Ленин говорил: «Коммунистический Интернационал должен установить и теоретически обосновать то положение, что с помощью пролетариата передовых стран отсталые страны могут перейти к советскому строю и через определенные ступени развития — к коммунизму, минуя капиталистическую стадию развития»²².

Величайшее мировое значение для народов всех стран имеет ленинское учение о социалистической революции и строительстве социализма. Непременным условием победы социалистической революции В. И. Ленин считал переход власти в руки пролетариата под руководством коммунистической партии. Перед пролетариатом поэтому стоят три задачи: первая — «свергнуть эксплуататоров и в первую голову буржуазию, как главного экономического и политического предшественника их»²³; вторая — «увлечь и повести за революционным авангардом пролетариата, его коммунистической партией, не только весь пролетариат или подавляющее, огромное большинство его, но и всю массу трудящихся и эксплуатируемых капиталом»²⁴, третья — «нейтрализовать или обезвредить неизбежные колебания между буржуазией и пролетариатом, между буржуазной демократией и Советской властью со стороны довольно еще многочисленного почти во всех передовых странах, хотя и составляющего меньшинство населения, класса мелких хозяев в земледелии, промышленности, торговле и соответствующего этому классу слоя интеллигенции, служащих и т. п.»²⁵.

Особые качества пролетариата, как ведущего класса общества, определяют его руководящую роль не только в период взятия политической власти трудовым народом и утверждения ее, но и на протяжении всего периода превращения эксплуататорского капиталистического общества в бесклассовое коммунистическое. «Переход от капитализма к коммунизму, — отмечал В. И. Ленин, — конечно, не может не дать громадного обилия и разнообразия политических форм, но сущность будет при этом неизбежно одна: *диктатура пролетариата*»²⁶.

Взяв власть в свои руки и подавив сопротивление эксплуататорских классов, пролетариат под руководством своего авангарда — коммунистической партии приступает к выполнению второй, созидательной функции — к социалистическому строительству.

Определяя задачи Советской власти после перехода к социалистическому строительству, Ленин говорил: «Во всякой социалистической революции, после того как решена задача завоевания власти пролетариатом и по мере того как решается в главном и основном задача: экспроприировать экспроприаторов и подавить их сопротивление, выдвигается необходимо на первый план коренная задача создания высшего, чем капитализм, общественного уклада, именно: повышение производительности труда, а в связи с этим (и для этого) его высшая организация»²⁷.

Великий вожь отмечал, что в период строительства социализма экономика является определяющим элементом политики социалисти-

²² В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 41, с. 246.

²³ Там же, с. 184.

²⁴ Там же, с. 184—185.

²⁵ Там же, с. 185.

²⁶ Там же, т. 33, с. 35.

²⁷ Там же, т. 36, с. 187.

ческого государства. Вслед за завоеванием политической власти пролетариат должен нанести поражение капиталистическому миру и в сфере материального производства путем создания высокопроизводительной экономики, опирающейся на последние достижения науки и техники. «Сейчас главное свое воздействие на международную революцию, — говорил Владимир Ильич, — мы оказываем своей хозяйственной политикой. Все на Советскую Российскую республику смотрят, все трудящиеся во всех странах мира без всякого исключения и без всякого преувеличения... На это поприще борьба перенесена во всемирном масштабе. Решим мы эту задачу — и тогда мы выиграли в международном масштабе наверняка и окончательно»²⁸.

* * *

Советское государство на протяжении всей своей истории неизменно руководствовалось в отношениях с Китаем научными принципами ленинской внешней политики, всегда выступало на стороне китайского народа в его борьбе за свое национальное и социальное освобождение.

Научные основы внешней политики Советского государства были разработаны В. И. Лениным еще до Октябрьской революции, уточнены, конкретизированы и развиты в первые послеоктябрьские годы. Отличительными чертами ленинской внешней политики являются глубокий и подлинный демократизм, признание равноправия всех государств, больших и малых, равноправия рас и национальностей, последовательная борьба за свободу, демократию, прогресс, решительное отрицание «тайной дипломатии». Основополагающими принципами советской внешней политики были и есть мирное сосуществование государств с различными социальными системами и пролетарский интернационализм, находящиеся в тесной связи и составляющие основу советской внешней политики.

Принцип пролетарского интернационализма после Великой Октябрьской социалистической революции находил выражение в поддержке Советским государством стран и народов, вступивших на путь национального и социального освобождения, в защите пролетариями всех стран Советской России, единственной тогда моральной, политической, материальной и военной базы мирового революционного процесса.

Принцип мирного сосуществования между государствами с различными социальными системами материализовался в призыве Советского правительства к установлению мира, в призыве к налаживанию добрососедских отношений со всеми государствами мира. Выдвигая в качестве одного из основных советских внешнеполитических устоев принцип мирного сосуществования, В. И. Ленин отвергал авантюристическую концепцию «экспорта революции», как несовместимую с марксизмом-ленинизмом, и разъяснял, что действие на окружающие страны и народы советская власть будет оказывать своими успехами в строительстве нового общества. Вместе с тем он считал непременным условием мирного сосуществования отказ империалистических держав от «экспорта контрреволюции» и потому подчеркивал, как важно сохранить готовность к отпору любых атак на Советское государство, к защите завоеваний Октябрьской революции. В. И. Ленин рассматривал мирное сосуществование как особую форму классовой борьбы, охватывающей сферу экономики, идеологии и политики и включающую войну как средство разрешения международных конфликтов и коллизий.

²⁸ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 43, с. 341.

Естественно, что курс на развитие нормальных межгосударственных отношений со всеми странами не предполагал отказа от договорной системы вообще. В. И. Ленин неоднократно подчеркивал, что Советская власть радушно примет все пункты в договорах, где «заключены условия добрососедские и соглашения экономические... мы их не можем отвергать», — указывал В. И. Ленин²⁹.

С первых дней Октября Советское правительство, руководимое В. И. Лениным, уделяло большое внимание национально-освободительному движению. Оно решительно отказалось от империалистической политики царской России в странах Востока; заявило, что аннулирует тайные договоры дореволюционных правительств, направленные, как правило, на порабощение народов Востока и ущемление их суверенных прав. Совет Народных Комиссаров РСФСР торжественно заявил, что молодая Республика Советов будет строить свои отношения со всеми странами на основе равенства, взаимного уважения, дружбы.

Советское правительство, руководствуясь ленинскими внешнеполитическими принципами, последовательно добивалось установления подлинно равноправных дружественных отношений с Китаем. Наиболее полно позиция Советского правительства была изложена в Обращении СНК РСФСР «К китайскому народу и правительствам Южного и Северного Китая» от 25 июля 1919 г. В нем подчеркивалось, что как только рабоче-крестьянское правительство взяло в октябре 1917 г. власть в свои руки, оно от имени русского народа обратилось к народам всего мира с предложением установить прочный, постоянный мир. Советское правительство тогда же предложило китайскому правительству вступить в переговоры об аннулировании Договора 1896 г., Пекинского протокола 1901 г. и всех соглашений с Японией с 1907 по 1916 г. Следует отметить, что среди упомянутых договорных актов нет договоров и соглашений, определивших линию прохождения границы между странами. Таким образом, полностью несостоятельна маонистская попытка фальсифицировать ленинскую позицию по отношению к статьям «царских договоров».

В. И. Ленин и руководимая им партия, определяя внешнюю политику Советского государства в отношении Китая в первые послеоктябрьские годы, исходили и из того, что в Китае под влиянием идей Октябрьской революции начался подъем национально-освободительного движения, что Великая Октябрьская социалистическая революция оказала на Китай огромное влияние. Под ее воздействием передовые представители китайской нации, много лет безуспешно пытавшиеся найти пути преодоления отсталости страны, сумели по-новому поставить вопрос об исторических судьбах Китая, связав будущее своей страны с Октябрьской революцией, с союзом и дружбой с советской страной.

Советское правительство исходило из того, что китайскому народу в его освободительной борьбе противостоят не только внутренняя реакция, но и внешние империалистические силы. Китайская революция, таким образом, сталкивалась с силами мирового капитала, намного превосходящими слабо вооруженные и недостаточно организованные демократические силы Китая. В этих условиях помощь международного пролетариата, прежде всего пролетариата первого в мире социалистического государства, становилась объективно необходимой для победы китайской революции.

В свою очередь китайские демократы стремились к установлению связи с Советским правительством. В январе 1923 г. в Шанхае во время встречи с представителем Советской России А. А. Иоффе, при-

²⁹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 35, с. 20.

бывшим в Китай для переговоров об установлении дипломатических отношений между Советской Россией и Китаем, Сунь Ятсен обратился к Советскому правительству с просьбой оказать помощь Южному правительству и национально-освободительному движению, в частности направить советников для работы по созданию армии и организации Северного похода. 1 мая 1923 г., при жизни В. И. Ленина, Советским правительством было принято решение оказать поддержку китайскому народу в решении его коренных проблем. После кончины В. И. Ленина Советское правительство неуклонно осуществляло ленинскую политику в отношении Китая.

В годы национально-демократической революции 20-х годов Советский Союз оказал патриотическим силам Китая всю необходимую им поддержку. Защита и помощь китайской революции была важнейшим элементом советской дальневосточной политики.

Не менее важную помощь оказал Советский Союз Китаю в тяжелые для китайского народа годы японской агрессии (1931—1945). Расчеты гоминьдановского правительства на помощь США и Англии в противодействии Японии оказались иллюзорными. Отклонение гоминьдановским правительством под давлением США предложения Советского Союза о заключении советско-китайского договора о взаимопомощи приблизило начало японского вторжения в Китай и показало широким кругам китайской общественности пагубность антисоветской позиции гоминьдановского Китая. После вторжения японских войск во Внутренний Китай 7 июля 1937 г. гоминьдановское правительство было вынуждено искать пути к сближению с Советским Союзом и прекращению гражданской войны в Китае.

Советское правительство было единственным, которое на Брюссельской конференции государств, заинтересованных в делах на Дальнем Востоке, созванной по инициативе Лиги наций в ноябре 1937 г., поддержало обращение Китая об оказании ему помощи и о прекращении поставок в Японию военного снаряжения из США, Англии и других западных стран. Вслед за тем Советское правительство предоставило Китаю три займа (два займа по 50 млн. долл. и один на 150 млн. долл. в 1939 г.). Поскольку японским оккупантам удалось блокировать морское побережье Китая, а западные державы не оказывали ему реальной помощи, советские поставки вооружения, материалов, горючего, а также участие советских летчиков, танкистов и инструкторов сыграли весьма важную роль в антияпонской борьбе китайского народа в 1938—1939 гг.

Советская военная помощь Китаю в годы антияпонской войны высоко оценивалась как гоминьдановским правительством, так и руководителями КНР. «С начала войны сопротивления ни одно правительство какой-либо империалистической державы не оказало нам настоящей помощи, — говорил Мао Цзэдун в декабре 1949 г. — Только Советский Союз оказал нам помощь своими людскими, материальными и финансовыми силами в большом размере».

В первые годы развязанной гитлеровской Германией войны против СССР правые гоминьдановцы вновь вернулись на антисоветские позиции и вопреки национальным интересам китайского народа стали свертывать связи с Советским Союзом. Однако решающие победы Советской Армии, поддержка миролюбивыми странами Советского Союза как главной силы, способной нанести поражение фашизму и освободить порабощенные народы, привели к укреплению в Китае позиций сторонников дружбы с СССР. Китайская общественность не могла не оценить роль Советского Союза в борьбе с силами фашизма. «Победы Красной Армии, — говорилось в приветственной телеграмме ЦК КПК по случаю XXV годовщины Октябрьской революции, — безгранично радуют китайский народ, ведущий войну против Японии, ибо

они не только поддерживают наше мужество и нашу уверенность в победе, но и наносят смертельный удар по японскому империализму».

Исключительно важное значение для китайского народа имели вступление СССР 9 августа 1945 г. в войну против империалистической Японии и разгром советскими войсками отборной миллионной Квантунской армии на территории Маньчжурии. Советское правительство, руководствуясь ленинскими идеями помощи трудящимся угнетенных империализмом стран, сосредоточило усилия на том, чтобы плодами победы над империалистической Японией воспользовались народно-демократические силы китайского народа, руководимые Коммунистической партией Китая, а не реакционный гоминьдан, пытавшийся с помощью США утвердить в стране власть буржуазно-помещичьих классов. При содействии Советского Союза Северо-Восток Китая (Маньчжурия) превратился в основную базу народно-освободительной армии³⁰. Здесь создавалась армия под командованием Линь Бяо, получившая от Советского Союза современное вооружение и военное имущество, горючее, медикаменты и пр. При содействии советских специалистов в короткий срок были восстановлены железные дороги и все бывшие японские промышленные предприятия, торговля, банки.

Народно-демократические органы власти, утвердившиеся на территории Северо-Востока, взяв курс на социалистическое развитие Китая, провели обобществление основных отраслей народного хозяйства. Тем самым было положено начало образованию социалистического сектора в экономике Китая.

Новые, более благоприятные условия для осуществления ленинской внешней политики Советского Союза в отношении Китая сложились после окончательной победы в октябре 1949 г. народно-демократических сил в борьбе с реакционными гоминьдановцами и образования Китайской Народной Республики.

Еще до официального образования Китайской Народной Республики в Москву в июле 1949 г. прибыла делегация демократической администрации Северо-Востока Китая, возглавляемая Гао Ганом, для переговоров и получения срочной экономической помощи.

Советский Союз был первым государством, признавшим КНР сразу же после ее образования (2 октября 1949 г.) и установившим с ней дипломатические отношения. «Китайское правительство и китайский народ, — говорилось в ноте МИД КНР в связи с установлением дипломатических отношений между СССР и КНР, — испытывают безграничную радость по поводу того, что сегодня Советский Союз стал и первой дружественной державой, признавшей Китайскую Народную Республику». Признание Советским Союзом КНР упрочило положение народного Китая на международной арене.

После победы народной революции в Китае в октябре 1949 г. китайские коммунисты, руководствуясь марксистско-ленинским учением и опираясь на интернациональную помощь Советского Союза, повели китайский народ по пути социализма.

В. И. Ленин разработал основы плана строительства социализма: создание материальной базы социалистического общества — современной тяжелой промышленности и социалистическое переустройство деревни путем кооперирования.

Отводя общенародной, государственной собственности ведущую роль, Ленин вместе с этим подчеркивал, что кооперативная собственность также является социалистической и вместе с государственной собственностью составляет экономическую основу нового общественного строя.

³⁰ О. Б. Борисов. Советский Союз и Маньчжурская революционная база. — «Проблемы Дальнего Востока», 1975, № 3.

Третьим основным звеном ленинского плана построения социализма является культурная революция: развитие науки, подъем народного просвещения, создание условий для приобщения широких трудящихся масс к политике, знаниям, воспитание их в коммунистическом духе, преодоление пережитков капитализма в сознании людей и пр.

Творчески применяя ленинское учение о социалистическом строительстве, Коммунистическая партия Китая добилась в этом деле больших успехов: с помощью Советского Союза была создана первичная основа социалистической промышленности; единоличная собственность крестьян и кустарей была преобразована в кооперативную собственность; частнокапиталистические предприятия были преобразованы в государственно-частные, которые, по существу, превратились в государственную собственность; много было сделано и в области культурного строительства.

VIII съезд КПК, проходивший в сентябре 1956 г., подвел итоги социалистических преобразований и разработал грандиозную программу дальнейшего движения Китая по пути социализма. «Генеральная линия китайских коммунистов, — говорил Л. И. Брежнев, — это линия на построение социализма, выработанная VIII съездом Компартии Китая в 1956 году. Это — линия на планомерное экономическое развитие и «максимальное удовлетворение материальных и культурных потребностей жизни народа». Это — линия на «развитие демократической жизни». Это, как подчеркивалось в решении съезда, линия на «вечную и нерушимую братскую дружбу с великим Советским Союзом и всеми странами народной демократии»³¹.

В период развернувшегося в КНР социалистического строительства в соответствии с генеральной линией КПК (1950—1957 гг.) Советский Союз предоставил Китаю кредиты на сумму около 2 млрд. долл. и безвозмездно передал научно-техническую документацию (проекты, чертежи, патенты, инструкции и другие документы), в которой отражался научно-технический, производственно-административный опыт Советского Союза за годы социалистического строительства и стоимость которой (даже по приблизительной оценке) по мировым стандартам составила не менее 10 млрд. долл. Как признавали китайские представители на седьмой сессии советско-китайской комиссии по научно-техническому сотрудничеству, на начало 1958 г. по советской научно-технической документации в КНР изготовлялось свыше 50 % продукции машиностроения (в том числе 85 % станков), было освоено производство 306 видов промышленной продукции³².

При содействии Советского Союза в КНР были созданы многие новые отрасли промышленности: самолетостроение, автомобильная, тракторная, приборостроение, производство качественных сталей, современного вооружения. В 1956 г. был построен крупный атомный реактор и переданы документация, лабораторное оборудование и материалы для дальнейшего развития национальной атомной промышленности в мирных целях.

В течение 1950—1958 гг. Советский Союз оказал КНР путем проектирования предприятий, поставок оборудования, монтажа и пуска его в эксплуатацию помощь в создании 221 промышленного объекта. Кроме того, по соглашениям от 8 августа 1958 г. и 7 февраля 1959 г. предусматривалось в течение второй и третьей пятилеток (1958—1962 и 1963—1967 гг.) оказать содействие в строительстве 125 дополнительных объектов. Советской стороной было передано

³¹ Л. И. Брежнев. Актуальные вопросы идеологической работы КПСС, т. 1, М., 1978, с. 146.

³² См. М. И. Сладковский. История торгово-экономических отношений СССР с Китаем. 1917—1974. М., 1977, с. 278.

4216 учебных программ по специальным и общеобразовательным дисциплинам и направлено в китайские вузы 1200 преподавателей, в том числе свыше 900 профессоров и доцентов. При содействии Советского Союза в Пекине был создан первоклассный госпиталь, являющийся и сейчас одним из ведущих в китайской столице. Плодотворное сотрудничество осуществлялось в области искусства, культуры и в других сферах материальной и духовной жизни китайского общества.

В связи с войной в Корее и нависшей угрозой вторжения американских армий в КНР Советский Союз оказывал Китаю политическую поддержку, материальную и военную помощь, а в 1954 г. передал Китаю военно-морскую базу Порт-Артур с полным военно-морским, авиационным и артиллерийским вооружением.

Руководители КНР и весь китайский народ высоко оценивали помощь Советского Союза Китаю. «Отмечая десятилетнюю годовщину со дня образования КНР,— писал в 1959 г. Чжоу Эньлай,— народ нашей страны выражает особую благодарность Советскому Союзу, который оказал нашей стране помощь в строительстве 166 объектов в период первой пятилетки и вновь заключил в прошлом (1958 г.) и нынешнем (1959 г.) году соглашения об оказании помощи нашей стране в строительстве 125 объектов, причем за десять лет направил в Китай на работу свыше 10 800 специалистов в области экономики, культуры и просвещения»³³.

Политика СССР в отношении Китая на протяжении всей истории Советского государства неизменно основывалась на принципах пролетарского интернационализма и являлась претворением в жизнь ленинского учения в конкретных исторических условиях.

* * *

В истории коммунистического движения в Китае прослеживается непрерывная борьба между двумя основными направлениями: марксистско-ленинским, интернационалистским и мелкобуржуазным, националистическим.

В начале 1935 г. в КПК, обескровленной пятью карательными экспедициями гоминьдановцев, потерявшей территориальные базы и связи с пролетариатом Китая, стало брать верх националистическое крыло, возглавленное Мао Цзэдуном, утверждаются антиленинские, диктаторские принципы руководства и начинается отход от марксистско-ленинского учения.

Теоретическим обоснованием антимарксистского курса националистического крыла в КПК явилась выдвинутая Мао Цзэдуном доктрина «новой демократии».

Именно тогда, отталкиваясь от «классового нигилизма», Мао игнорировал предупреждение В. И. Ленина о склонности национальной буржуазии колоний и полуколоний к союзу с империализмом и сделал вывод, что Китай развивается по особому пути и что китайская революция завершится «созданием общества новой демократии и государства объединенной диктатуры всех революционных классов»³⁴.

В последующих рассуждениях о «новой демократии» Мао приходил к категорическому отрицанию выводов основоположников марксизма-ленинизма об исторической неизбежности перехода к социализму через диктатуру пролетариата. Обосновывая свои выводы особым характером китайской революции, Мао тем не менее «открытую» им новодемократическую форму власти превращал в «универсальную для всех колониальных и полуколониальных стран»³⁵.

³³ Цит. по: Великое десятилетие (на кит. яз.). Пекин, 1959, с. 41.

³⁴ Мао Цзэдуноу. Избр. произв. Харбин, 1948, с. 238.

³⁵ Там же, с. 245.

Выход в свет брошюры Мао Цзэдуна «О новой демократии» должен был легализовать отход руководства КПК от основ марксистско-ленинского учения и решений II конгресса Коминтерна о путях перехода к социализму народов колониальных и зависимых стран. Действия Мао Цзэдуна облегчались начавшейся второй мировой войной, а также ослабленным связями КПК с международным коммунистическим движением.

Отход от марксизма-ленинизма в теории переносился и на политическую практику руководства КПК. Развернувшаяся в КПК в 1942—1943 гг. террористическая кампания «чжэифэн» («исправление стиля») привела к массовому отстранению коммунистов-интернационалистов от руководящей деятельности, и, таким образом, путь к утверждению националистического курса в КНР был расчищен.

Однако в условиях, когда Советская Армия одерживала победы и авторитет Советского Союза в мире и среди китайского народа был очень высок, Мао Цзэдун не решился официально отказаться от марксизма-ленинизма. Свое отступничество он пытался прикрыть отождествлением учения К. Маркса и В. И. Ленина с маоизмом как «китаизированным марксизмом». В то же время в «Решении по некоторым вопросам истории КПК», принятом ЦК КПК 20 апреля 1945 г., содержались прямые призывы к коммунистам не изучать работы основоположников марксизма, поскольку произведения Мао Цзэдуна «являются блестящим образцом китайского диалектического материализма, китайского исторического материализма»³⁶.

На VII съезде КПК (апрель 1945 г.) маоизм как идеология КПК был закреплен уставом партии. На этом же съезде в докладе Мао Цзэдуна «О коалиционном правительстве» были официально высказаны положения, полностью отрицавшие марксистско-ленинскую теорию, и введены по всем принципиальным вопросам формулировки буржуазно-националистической доктрины «новой демократии».

Отвергая ленинские взгляды о возможности перехода отсталых стран социализму, минуя капитализм, Мао Цзэдун утверждал: «Без радикальной буржуазно-демократической революции нового типа попытка построить социализм на развалинах колониального, полуколониального и полуфеодального порядка была бы совершенной утопией...»³⁷, «китайский народ не сможет и поэтому не должен пытаться создать социалистический государственный строй»³⁸.

Отрицая историческую неизбежность установления диктатуры пролетариата, Мао Цзэдун пояснял, что выдвигаемое им «новодемократическое государство», представляющее собой союз нескольких демократических классов, принципиально отличается от социалистического государства пролетарской диктатуры. «В Китае в течение всего периода «новой демократии» невозможен и не должен иметь место строй диктатуры одного класса и монопольное положение одной партии в правительстве»³⁹.

Последующие события показали несостоятельность утверждений Мао Цзэдуна о невозможности в течение длительного периода приступить к строительству социализма в Китае. Уже через пять лет после VII съезда КПК в Китае развернулось строительство социализма в соответствии с генеральной линией КПК в переходный период, базировавшейся на ленинской теории социалистической революции.

В конце 50-х — начале 60-х годов маоистской группировке в КПК удалось навязать КПК новую генеральную линию, основанную на политике «трех красных знамен» («большой скачок», «народная комму-

³⁶ Решения по некоторым вопросам истории КПК (на кит. яз.). [Б. М.], 1945, с. 34.

³⁷ Мао Цзэдун. Избр. произв., с. 313.

³⁸ Там же, с. 312.

³⁹ Там же, с. 317.

на» и «генеральная линия»). Мао Цзэдуну удалось утвердить «особый» политический курс КНР, рассчитанный на создание могучего милитаристского государства путем военизации всех сторон жизни китайского общества, на установление режима «казарменного коммунизма».

Отказ от социалистической генеральной линии КПК в переходный период сопровождался нарушением всех законов общественного развития, полным отходом от марксизма-ленинизма.

Мао провозглашал основой своего курса не пролетарскую солидарность и сотрудничество с СССР и другими социалистическими странами с целью использования их опыта и укрепления социалистических производственных отношений, а изоляцию Китая от социалистических стран и их партий, насаждая фанатический национализм и неприязнь ко всему иностранному («ломать иностранные шаблоны, изменять иностранную технологию производства»).

Однако даже в дни головокружительных «успехов» кампании «большого скачка», когда, как казалось, Мао беспредельно владел разумом и чувствами китайского народа; он не решался открыто выступить против СССР и ленинизма. Формальная привязанность к отдельным марксистско-ленинским формулировкам и лозунгам ограничила его маневренность и заставляла его излагать свои истинные замыслы до поры до времени в секретном порядке, на закрытых заседаниях и собраниях партийных «ганьбу» (кадров). Мао учил кадры двурушничать в отношении СССР. «В статьях и выступлениях, — поучал он на совещании Военного совета ЦК КПК 28 июня 1958 г., — не следует критиковать Советский Союз», а «неофициально следует говорить, что надо „критически учиться“».

На расширенном заседании Политбюро ЦК КПК в августе 1958 г. Мао говорил: «Товарищи должны уяснить себе, что Маркс, Энгельс, Ленин, Сталин объяснили понятие «производственные отношения» как совокупность трех сторон: системы собственности, взаимоотношения людей в процессе производства и способа распределения материальных благ. Они объяснили это, но не развили. На мой взгляд, в экономической науке эта сторона дела не разъяснена достаточно четко. В Советском Союзе после Октябрьской революции этот вопрос тоже не был решен». Не заботясь о точности и ясности изложения взглядов основоположников марксизма, Мао явно претендовал на «великие открытия» и беззастенчиво раскрывал свои антимарксистские взгляды «казарменно-коммунизма».

Враждебность марксизму-ленинизму в теории и практике маонисты обнаженно продемонстрировали в ходе так называемой культурной революции. Мао Цзэдун и его сподвижники в этот период направили огонь в первую очередь против ленинской теории социалистической революции, против конкретной программы КПК по осуществлению этой теории в условиях Китая — социалистической генеральной линии КПК в переходный период, ставили своей главной задачей разрушение коммунистической партии как руководящей силы китайского общества.

Уничтожив народно-демократические органы власти всех ступеней, созданные на основе Конституции КНР 1954 г., и заменив их военно-бюрократическим аппаратом личной власти вождя, маонисты нарушили соответствие между надстройкой и базисом и тем самым насильственно прервали закономерный поступательный ход общественного развития, ввергнув страну в глубокий и затяжной политический кризис.

Уход Мао Цзэдуна с политической арены (9 сентября 1976 г.) вызвал разброд в высшем руководстве КПК. Стремясь сохранить великоханьский стратегический курс Мао Цзэдуна, утвердившееся у власти новое руководство во главе с Хуа Гофэном было вынуждено отказаться от некоторых наиболее обанкротившихся маонистских установок, прежде всего от тех, которые относились к сфере материального производ-

ства. Однако в Китае делалось и делается все, чтобы выгородить Мао, сохранить националистические, гегемонистские основы маонизма. По-прежнему сохраняется суть внешней политики Мао — агрессивный великодержавный шовинизм, стремление к гегемонизму, игра на мировых противоречиях, подстрекательство к войне.

Разоблачая реакционную сущность этой политики, говорится в Постановлении ЦК КПСС «О 110-й годовщине со дня рождения Владимира Ильича Ленина», показывая несовместимость идеологии и практики маонизма с научным социализмом, КПСС вместе с тем неизменно стоит за нормализацию межгосударственных отношений, за подлинное добрососедство и взаимное сотрудничество между СССР и КНР.

* * *

История китайской революции убедительно подтверждает жизненную силу ленинизма, универсальность его основных принципов. Всегда, когда Коммунистическая партия Китая руководствовалась учением великого Ленина, она поднималась до уровня достойного руководителя китайского народа, добивалась успехов в революции и пользовалась заслуженным уважением всего международного коммунистического движения.

Попытки маонистов, так же как и западных апологетов империализма, обособить Китай от общен исторических закономерностей общественного развития, повести страну по «особому пути» на основе «китайского марксизма» потерпели провал.

Ленинская теория социалистической революции служила руководством для китайских коммунистов в первое десятилетие успешного социалистического строительства в КНР. Призыв китайских интернационалистов изучать ленинизм и в наши дни, несомненно, найдет отклик в китайском трудовом народе. Отмечая великие заслуги В. И. Ленина перед народами мира, китайский революционер-демократ Сунь Ятсен писал: «За многие века мировой истории появились тысячи вождей и ученых с красивыми словами на устах, которые никогда не проводились в жизнь. Ты, Ленин,— исключение. Ты не только говорил и учил, но и претворил свои слова в действительность. Ты создал новую страну. Ты указал нам путь для совместной борьбы»⁴⁰. Ленинизм — вечно живое, развивающееся учение. Он освещает дорогу к коммунизму всем народам мира.

⁴⁰ Советско-китайские отношения 1917—1957 гг. Сборник документов, М., 1959, с. 79.

Бандунг: история и современность

*И. И. Коваленко,
доктор исторических наук, профессор*

В апреле с. г. исполнилось 25 лет со времени проведения Бандунгской конференции, сыгравшей исключительно важную роль в истории национально-освободительного движения народов Азии и Африки. Историческое значение Бандунга состоит в том, что он заложил основы единства афро-азиатских народов в борьбе против империализма и колониализма, за национальное освобождение поработенных стран и угнетенных народов этих двух великих континентов. Идеи Бандунга, его принципы стали составной частью современного международного права и послужили важным стимулом перестройки международных отношений на новой, демократической основе. Публикуемая статья профессора И. И. Коваленко не только раскрывает значение духа Бандунга в историческом аспекте, но показывает его важную роль и в наши дни.

* * *

Освободительные движения народов выражают объективную необходимость перехода от устаревших, отживших свой век отношений к новым, более современным формам общественной жизни. Массовые движения угнетенных народов начинаются тогда, когда «верхи» не могут управлять по-старому, а «низы» сознают невозможность жить по-старому, когда национальное сознание народа не может мириться с гнетом и эксплуатацией колониальных держав, когда создаются внутренние и внешние благоприятные условия.

Военный разгром германского фашизма и японского империализма, образование мировой системы социализма коренным образом изменили положение в мире, привели к существенному изменению в расстановке мировых сил, открыли возможности для установления новых международных отношений, когда диктатура пролетариата превратилась, по выражению В. И. Ленина, из силы «национальной» в силу интернациональную, «способную иметь решающее влияние на всю мировую политику»¹.

Именно разгром ударных сил мирового империализма и создание мировой социалистической системы оказали решающее воздействие на судьбы народов Азии, Африки и Латинской Америки. Навсегда рухнула колониальная система империализма, на месте бывших колониальных империй родилось свыше 100 самостоятельных, независимых государств, на долю которых приходится почти 70 % населения несоциалистического мира².

Ликвидация колониальной системы и превращение бывших колоний в суверенные государства внесли существенные изменения в международные отношения, эти государства «привнесли в международную жизнь весь свой пыл борьбы за свободу и независимость»³.

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 41, с. 165.

² К ноябрю 1975 г., по данным ООН, утвердилось 110 развивающихся государств: 33 в Азии, 46 в Африке, 26 в западном полушарии и 5 — в Океании.

³ Л. И. Брежнев. Ленинским курсом. Речи и статьи, т. 4, М., 1974, с. 361.

Став на путь самостоятельного развития, бывшие колониальные страны из резерва империализма превратились в естественных союзников мирового социализма в борьбе за мир, демократию и социальный прогресс, за установление новых международных отношений на основе мирного сосуществования, равенства и взаимной выгоды. Социалистические страны и освободившиеся государства стали все чаще выступать в едином строю за демократическое обновление мира, за поступательное развитие человечества, за обуздание империалистических и гегемонистских сил, стремящихся к мировому господству.

По мере роста национально-освободительного движения в Азии, Африке и Латинской Америке, укрепления независимости вновь созданных там национальных государств все более актуальной становилась проблема обеспечения их безопасности и свободы на основе совместных усилий, консолидации освободившихся государств в единое движение или организацию, способную противостоять давлению и провокациям со стороны империалистических держав.

Первая попытка создания азиатской организации безопасности была предпринята еще в 1945 г. президентом Демократической Республики Вьетнам Хо Ши Мином, который предложил правительству Индонезии, подвергшейся англо-голландской агрессии, принять совместную декларацию об объединении усилий обоих государств в борьбе против колониализма, а также создать подготовительную комиссию для организации сотрудничества стран Юго-Восточной Азии.

В апреле—июле 1945 г. во время работы учредительной конференции Организации Объединенных Наций, проходившей в Сан-Франциско, ряд представителей стран Азии и Африки выдвинули идею упрочения единства народов двух континентов и обратились с ней к наиболее авторитетному политическому деятелю освободительного движения Джавахарлалу Неру. Выбор, павший на Неру, не был случайным. Своей самоотверженной борьбой за свободу и независимость индийского народа, широтой своих представлений о путях и методах избавления от колониального гнета угнетенных народов, стремлением найти опору в борьбе за национальное освобождение в лице Советского Союза и других социалистических стран этот выдающийся деятель снискал высокий авторитет и искреннее уважение во всем колониальном мире.

Джавахарлал Неру живо откликнулся на адресованное ему предложение и сразу же приступил к разработке фундамента, поиску основы сплочения и консолидации стран обоих континентов в целях усиления борьбы против империализма и колониализма. Он совершил ряд поездок по странам Юго-Восточной Азии, чтобы обсудить созревшие у него идеи единства афро-азиатских стран с такими видными лидерами национально-освободительного движения, как Аунг Сан, Сукарно, Соломон Бандаранаике, и другими.

Было решено созвать первую общеазиатскую конференцию с участием делегаций из советских республик Средней Азии и Закавказья. В марте—апреле 1947 г. в Дели была созвана такая конференция, на которой присутствовали представители 27 стран Азии и некоторых международных организаций—ООН, Лиги арабских стран и других. Открывая конференцию, Дж. Неру говорил: «Пожалуй, одним из самых существенных последствий европейского господства в Азии была изоляция азиатских стран друг от друга... По мере того как это господство отходит в прошлое, окружающие нас стены падают, и мы снова видим друг друга и встречаемся, как давно расставшиеся старые друзья... Для того чтобы создать «мир единства», мы в Азии должны подумать о взаимном сотрудничестве азиатских стран в достижении этого более широкого идеала»⁴.

⁴ In: A. Vandenbosch, R. A. Butwell. South-East Asia among the World Powers. Lexington, 1957, p. 299.

Выражая чаяния и стремления всех угнетенных народов, Дж. Неру высказался за утверждение идеалов равенства, мира и прогресса, гневно осудил все формы колониальной зависимости.

«На этой конференции и в ее работе, — подчеркивал Неру, — не будет ни лидеров, ни ведомых. Всем странам Азии нужно встретиться на равных правах и во имя общей цели... Слишком долго Азия была просительницей в западных странах и канцеляриях. Теперь это должно отойти в прошлое. Мы намерены твердо стоять на собственных ногах и сотрудничать как равные с равными со всеми, кто готов сотрудничать с нами. Но мы не намерены быть игрушкой в чьих бы то ни было руках». В заключение Дж. Неру подчеркнул: «Над всей Азией дует могучий ветер. Так не будем же его бояться, будем приветствовать его, потому что только с его помощью мы сможем построить Азию нашей мечты»⁵.

В других своих выступлениях Дж. Неру развивал идеи борьбы против колониализма и неоколониализма, призывал к сплочению освободившихся стран, их противодействию силам империализма, стремившимся вновь надеть ярмо рабства на освободившиеся страны. Неру выступал за позитивный нейтралитет, против присоединения к каким-либо группировкам, но подчеркивал, что неприсоединение не имеет ничего общего с пассивным нейтралитетом. Неру был страстным сторонником подъема экономики, возрождения культурного наследия освободившихся стран. Он активно выступал за развитие экономических связей и культурных и научных контактов с Советским Союзом и другими странами социалистического содружества, в которых угнетенные народы видели своих друзей и союзников в борьбе за укрепление суверенитета, независимость и социальный прогресс.

Эти и другие идеи и концепции Дж. Неру нашли то или иное отражение в решениях конференции, участники которой предприняли попытку выработать принципы объединения азиатских государств для борьбы против колониализма и империализма, наметить пути обеспечения безопасности совместными усилиями.

Так, делегат Малайи предложил организационно оформить сотрудничество народов Азии, создать нейтральный блок азиатских государств с целью предупреждения агрессии иностранных держав и предотвращения новой войны. Делегат из Индонезии заявил, что «мир в Азии не может быть отделен от мира во всем мире», что «азиатское сотрудничество должно быть направлено не на расширение, а на сокращение сферы конфликтов и на окончательное устранение конфликтов путем пресечения деятельности реакционных империалистических держав на территории Азии»⁶.

Когда голландские агрессоры захватили Джокьякарту и интернировали лидеров Индонезийской Республики, Бирма внесла предложение о созыве конференции азиатских стран для оказания помощи Индонезии. Это предложение было поддержано Индией и другими афро-азиатскими странами. Состоявшаяся в Дели конференция на высоком уровне, в которой приняли участие 16 государств и наблюдатели от четырех стран, потребовала вывода голландских войск и передачи власти на всей территории законному правительству Индонезийской Республики. Эти требования были поддержаны Советом Безопасности ООН, что положительно сказалось на дальнейшем развитии событий в этой стране.

В связи с непрекращавшимися провокационными действиями западных держав против Индонезии и других обретших независимость азиат-

⁵ Дж. Неру. Внешняя политика Индии. М., 1965, с. 56.

⁶ Asian Relation Being Report of the Proceedings and Documentation of the First Asian Relation Conference. New-Delhi. New-Delhi, 1949, p. 86.

ских стран в январе 1949 г. в Дели вновь обсуждался вопрос о борьбе против империализма и колониализма и велись поиски более эффективных средств борьбы для защиты суверенных прав молодых афро-азиатских стран. Ряд делегатов высказался за создание как общеазиатских, так и региональных оборонительных организаций стран Азии для противодействия агрессивным протекциям империалистических держав в этом регионе. «Разве не естественно, — говорил Дж. Неру в речи, произнесенной на открытии конференции, — что свободные народы Азии должны начать думать о более постоянном, нежели эта конференция, учреждении для эффективных взаимных консультаций и совместных усилий в достижении общих целей»⁷.

Несмотря на противодействие империалистических держав, азиатские государства на конференции в Дели высказались за «проведение соответствующих консультаций друг с другом, с тем чтобы изучить пути и средства для создания подходящего политического механизма, относящегося к их региону»⁸. Принятие данной резолюции положило начало созданию антиимпериалистической, антиколониальной региональной организации, которая получила название Афро-азиатской группы. Эта организация стала аппаратом согласования позиций стран Азии и Африки по важнейшим международным вопросам.

В дальнейшем, после образования КНР, встал вопрос о расширении деятельности Афро-азиатской группы, выхода ее за рамки ООН, превращения в самостоятельное движение, в важный фактор мировой политики. Особенно возросли авторитет афро-азиатской солидарности, ее влияние на ход мировых событий после того, как страны двух континентов стали активно включаться в решение региональных конфликтов и вносить позитивный вклад в решение вопросов международной безопасности.

Известно, что правительство Индии выступило с важной инициативой прекращения военных действий в Корее. Это предложение получило активную поддержку со стороны СССР. Большой вклад в прекращение военных действий на Индокитайском полуострове и урегулирование конфликта наряду с социалистическими государствами внесли страны Афро-азиатской группы. Выдвинутое Индией в апреле 1954 г. предложение из шести пунктов о мирном урегулировании в Индокитае, поддержанное решением конференции премьер-министров Индии, Бирмы, Индонезии, Пакистана и Цейлона (апрель—май 1954 г.), укрепило позиции сторонников мирного решения конфликта и вынудило дипломатию западных стран искать компромиссного решения проблемы с целью прекращения войны на условиях, удовлетворявших стороны, принимавшие участие в военных действиях.

Международным признанием силы и авторитета молодых независимых государств, их стремления к миру, к налаживанию равноправного международного сотрудничества явился, например, тот факт, что Индия — одна из ведущих афро-азиатских стран — была избрана председателем международных комиссий по осуществлению контроля за перемирием во Вьетнаме, Лаосе и Камбодже. Мирное урегулирование индокитайской проблемы, нашедшее свое выражение в заключении Женевских соглашений, явилось серьезной победой социалистических стран, активно поддержанных неприсоединившимися странами. Именно объединенными усилиями стран социализма и независимых национальных государств удалось нанести серьезное поражение империалистическим силам, сорвать их планы порабощения индокитайских народов.

Важную роль в консолидации молодых государств Азии и Африки и борющихся движений сыграла историческая Бандунгская конферен-

⁷ The Conference on Indonesia (1949). Delhi, 1949, p. 21—22.

⁸ Ibid., p. 37.

ция, состоявшаяся в апреле 1955 г. На ней присутствовали свыше 300 представителей из 29 афро-азиатских стран. Конференция приняла Декларацию о содействии всеобщему миру и сотрудничеству, в основу которой были положены пять принципов мирного сосуществования (панча-шила), впервые сформулированные в апреле 1954 г. Республикой Индией и Китайской Народной Республикой в преамбуле Соглашения о торговле и связях между Тибетским районом Китая и Индией. Эти принципы, соответствующие духу Устава ООН, сыграли важную роль в налаживании международного сотрудничества и в перестройке международных отношений на новой основе.

Созыв Бандунгской конференции и ее решения были подготовлены самой жизнью, логикой борьбы освободившихся стран против колониализма и неоколониализма.

Стремясь вернуть утраченные позиции, империалистические державы готовились к широкому контрнаступлению на молодые национальные государства, строили различные планы подавления национально-освободительного движения.

Хотя к этому времени война в Индокитае была прекращена и подписано Женевское соглашение 1954 г., было достигнуто мирное урегулирование в Корее, империалистические державы под фальшивым флагом создания системы «коллективной безопасности» против коммунизма создали широкую сеть военных баз, сколачивали военные блоки и союзы, пытались вовлечь в них молодые, еще не окрепшие национальные государства, бряцали оружием на границах социалистических стран, направляли войска в районы национально-освободительного движения, нагнетали международную напряженность, вели дело к развязыванию новых военных конфликтов.

Обострение обстановки в Азии и Африке в этот ответственный период выдвигало на первый план задачу сплочения всех антиимпериалистических и миролюбивых сил в борьбе против империалистической агрессии, колониализма и расизма, в защиту национального суверенитета, политической и экономической независимости освободившихся стран.

Бандунгская конференция была призвана дать ответ на эти и другие актуальные проблемы, вставшие перед азиатскими народами, указать им путь борьбы против «холодной войны» и империалистических блоков, за мир и мирное сосуществование.

Уже в ходе подготовки Бандунгской конференции проявилась ее важнейшая черта — коллективность и коллегиальность. Именно из таких позиций руководители Бирмы, Индии, Индонезии, Пакистана и Цейлона исходили на совещаниях в Коломбо (апрель 1954 г.) и в Богоре (декабрь 1954 г.), на которых было принято решение о созыве Бандунгской конференции, определены цели, сроки проведения и состав участников этого важного форума, открывшего новый этап в борьбе народов двух континентов за свободу и независимость.

Созыв впервые в истории объединенной конференции афро-азиатских стран привлек к себе пристальное внимание мировой общественности. Советский Союз рассматривал эту конференцию не как простой форум представителей афро-азиатского мира, собравшихся для обмена мнениями по интересующим их вопросам, а как мощное оружие борьбы против империализма, колониализма, за освобождение поработенных народов, важный инструмент борьбы за мир и всеобщую безопасность.

Важнейшим в работе конференции был вопрос оказания поддержки национально-освободительным движениям в Азии и Африке. На скамье подсудимых оказались империалистические державы, творившие жестокую расправу над участниками национально-освободительных движений в Северной Африке (Алжире, Тунисе, Марокко), насаждав-

шие и поддерживавшие расистские режимы в Черной Африке, удерживавшие свои колониальные владения в Азии (в частности, в Малайе).

На конференции были обсуждены вопросы освобождения острова Тайваня, незаконно отторгнутого от Китая, изгнания португальских колонизаторов с индийской территории Гоа, воссоединения Западного Ириана с Индонезией.

Много места в работе конференции заняли вопросы борьбы за мир и безопасность народов, за утверждение принципов мирного сосуществования в качестве основы взаимоотношений между государствами с различными социальными системами. Несмотря на отчаянные попытки представителей некоторых стран, зависящих от империалистических держав, отвергнуть принцип мирного сосуществования, подавляющее большинство делегатов высказалось в поддержку этого важнейшего положения, стойко и последовательно защищало дело мира, осуждало войну и военные конфликты как средство решения спорных вопросов. Участники конференции решительно осудили атомное и термоядерное оружие, поддержали требования народов о разоружении и запрещении оружия массового уничтожения.

В центре внимания конференции стояли вопросы борьбы за экономическую независимость освободившихся стран, преодоления их экономической отсталости, налаживания равноправного экономического и культурного сотрудничества между европейскими державами и освободившимися странами Азии и Африки.

Историческое значение Бандунгской конференции состоит в том, что она показала объективную возможность сплочения всех азиатских и африканских народов, независимо от их политического строя, на общей основе борьбы против империализма и колониализма, за мир и международную безопасность. Бандунг продемонстрировал, что сила народов состоит в их способности преодолевать частные разногласия в интересах торжества общих принципов сотрудничества, в интересах мира и социального прогресса.

Бандунгская конференция не только признала пять принципов мирного сосуществования, но подняла и развила их в стройную систему, представляющую политико-правовую основу взаимоотношений государств с различными социальными системами. В принятой на ней Декларации о содействии всеобщему миру и сотрудничеству подчеркивалось, что все страны должны проявлять терпимость и жить в мире друг с другом, как добрые соседи, и развивать дружеское сотрудничество на основе следующих принципов:

1) уважение основных прав человека, а также целей и принципов Устава ООН;

2) уважение суверенитета и территориальной целостности всех стран;

3) признание равноправия всех рас и равенства всех наций, больших и малых;

4) уважение права каждой страны на индивидуальную и коллективную оборону в соответствии с Уставом ООН;

5) воздержание от интервенции и вмешательства во внутренние дела другой страны;

6) а) воздержание от использования соглашений о коллективной обороне в частных интересах какой-либо из великих держав;

б) воздержание любой страны от оказания нажима на другие страны;

7) воздержание от актов или угрозы агрессии или применения силы против территориальной целостности или политической независимости любой страны;

8) урегулирование всех международных споров мирными средствами, такими, как переговоры, примирение, арбитраж или юридическое урегулирование, так же как и другими мирными средствами по выбору сторон в соответствии с Уставом ООН;

9) содействие взаимным интересам и сотрудничеству;

10) уважение справедливости и международных обязательств⁹.

Углубление и конкретизация принципов «панча-шила» и их развертывание в десять принципов на Бандунгской конференции способствовали упрочению правовой основы борьбы народов за свою свободу и независимость, указывали конкретный путь перестройки международных отношений на новой основе. Можно без преувеличения сказать, что в наше время этими принципами проникнуты международно-правовые отношения всех миролюбивых государств. Следует особо подчеркнуть, что десять принципов Бандунга явились важным вкладом в упрочение мира, взаимопонимания и сотрудничества на Азиатском континенте.

Подлинный смысл десяти принципов Бандунга раскрыл Л. И. Брежнев в своем выступлении в Улан-Баторе на торжественном заседании, посвященном 50-летию МНР (ноябрь 1974 г.). «В пятидесятые годы, — подчеркивал Л. И. Брежнев, — о своей приверженности принципам мирного сосуществования официально заявили правительства Индии, Китайской Народной Республики и ряда других стран Азии. Сделать Азию и Африку континентами мира и сотрудничества — таков был смысл десяти принципов, принятых на исторической Бандунгской конференции 1955 года»¹⁰.

Характерная особенность Бандунгской конференции состоит в том, что она собралась не для решения какого-либо конкретного вопроса, а для рассмотрения и одобрения комплекса основополагающих принципов, призванных лечь в основу международных отношений на новом этапе исторического развития. Бандунгская конференция явилась и органом защиты прав афро-азиатских народов, важным инструментом их борьбы против империалистического гнета, за свободное и независимое развитие.

Она способствовала выходу на международную арену афро-азиатского мира как организованной силы в борьбе против колониализма и империализма. Как справедливо отмечала индийская газета «Хиндустан таймс», это была успешная попытка собрать вместе независимые страны двух континентов и придать практическую форму политике дружеского сотрудничества в Азии.

Важным итогом Бандунгской конференции явилось то, что на ней была заложена основа единства афро-азиатских стран в борьбе против империализма и колониализма, продемонстрирована твердая воля народов Азии и Африки бороться за достижение полной независимости на основе коллективных усилий. Бандунг убедительно подтвердил ту истину, что сила освободившихся народов в их единстве и сплоченности, в солидарности и сотрудничестве со странами социалистического содружества.

Всякий раз, когда империалистические державы осуществляли агрессивные действия, мировая демократическая общественность выступала с предложением о созыве очередной сессии Бандунгской конференции. Так было, например, во время тройственной агрессии Англии, Франции и Израиля на Ближнем Востоке (1956) или англо-американской агрессии против Ливана и Иордании в июле 1958 г. Животворность идей Бандунга со всей силой проявилась в согласованных вы-

⁹ См. «Правда», 26.IV.1955.

¹⁰ Л. И. Брежнев. О внешней политике КПСС и Советского государства. Речь и статьи. М., 1978, с. 447.

ступлениях участников этой конференции, сыгравших наряду с решительной позицией Советского Союза большую положительную роль в защите не только арабских, но и других народов, боровшихся за свою свободу и независимость.

Особенность международного сотрудничества афро-азиатских государств состоит в том, что они не пытались создать свой особый блок, который, по их мнению, только вел бы к обострению международной напряженности и созданию конфликтных ситуаций. Афро-азиатские лидеры стремились объединить страны, добившиеся независимости, на широкой основе борьбы против империализма и колониализма, за укрепление политической и достижение полной экономической независимости, за создание благоприятных условий для их самостоятельного развития по пути мира и социального прогресса.

Достижения афро-азиатских народов в духе Бандунга не получили дальнейшего развития из-за обструкционистской политики китайского руководства. Уже на первом этапе бандунгского движения пекинские лидеры пытались использовать тягу афро-азиатского мира к единству в своих корыстных великодержавных интересах. Добиваясь положения лидера в афро-азиатском движении, маоисты хотели поставить его на службу своим антисоветским целям. Они стремились оторвать освободившиеся страны Азии и Африки от Советского Союза, направить их борьбу в антисоветское русло.

Гегемонистские замыслы Пекина с особой наглядностью проявились в период подготовки второй межправительственной конференции стран Азии и Африки («второго Бандунга»), которая должна была состояться в Алжире в 1965 г. Однако народы афро-азиатских стран разгадали подлинные цели маоистов и не позволили втянуть себя в антисоветскую игру. Все усилия китайской делегации во главе с Чжоу Эньлаем навязать второму афро-азиатскому форуму позицию борьбы против Советского Союза, добиться исключения СССР из общего антиимпериалистического фронта и проташить националистическую концепцию «общности исторических судеб» народов двух континентов с Китаем окончились полным провалом.

Политика шантажа и нажима, с помощью которых маоисты пытались добиться своих целей, вызвала решительный отпор подавляющего большинства афро-азиатских стран, потребовавших неуклонного участия Советского Союза в Алжирской конференции. Когда стало ясно, что попытка исключить СССР из движения афро-азиатской солидарности провалилась, делегация Китая изменила свою позицию на 180 градусов, стала яростно выступать против проведения «второго Бандунга» и фактически сорвала конференцию.

Это нанесло огромный вред духу Бандунга, движению неприсоединения, афро-азиатской солидарности, интересам национально-освободительного движения.

Выступление Пекина против принципов Бандунга вполне закономерно, так как они не отвечают великодержавным устремлениям маоистской верхушки. Признание и практическое осуществление этих принципов мешало проведению экспансионистского курса пекинского руководства. Оно не желает считаться с принципом признания суверенитета и территориальной целостности всех стран, фактически выступает против принципа равенства всех рас и наций, является ярким противником принципа невмешательства во внутренние дела других стран и не признает принцип урегулирования всех международных споров мирными средствами.

Пекин не мог долго скрывать свои подлинные замыслы под личиной «бескорыстного друга» афро-азиатских народов. Его конкретная политика уже давно показала, что Китай представляет огромную угрозу свободе и независимости молодых национальных государств. Неодно-

кратные нападения китайских войск на территорию Бирмы, Индии и других соседних стран, непрерывные провокационные требования о «возвращении утраченных территорий», захват Парасельских островов, принадлежащих Социалистической Республике Вьетнам, и ничем не спровоцированное вторжение китайских войск на территорию Вьетнама никак не соответствуют духу Бандунга, вступают в явное противоречие с интересами и целями национально-освободительного движения афро-азиатских народов.

Наконец, открытое смыкание китайского руководства с американским империализмом и международной реакцией говорит о том, что Пекин окончательно порвал с освободительным движением народов и перешел на позиции гегемонизма и великоханьского шовинизма, на позиции покорения соседних народов и установления китайского господства над всем миром.

Попытки маоистов похоронить коллективно выработанные в Бандунге принципы свободы и независимости афро-азиатских народов не имеют успеха. Бандунгская конференция в исторической перспективе способствовала укреплению единства сил национального освобождения и мирового социализма в борьбе за мир и безопасность на Азиатском континенте.

Выступая в индийском парламенте в ноябре 1973 г., Генеральный секретарь ЦК КПСС, Председатель Президиума Верховного Совета СССР Л. И. Брежнев дал высокую оценку принципам мирных отношений, которые были выработаны азиатскими странами еще в 50-е годы. «Азиатские страны, — подчеркивал он, — уже выработали принципы, которые предусматривали развитие отношений между ними в направлении мирного сосуществования и сотрудничества. Это — принципы Бандунга, а также особенно близкая Индии политика «панча-шила». Но затем по причинам, на которых здесь, видимо, не имеет смысла останавливаться, этот процесс был как бы заморожен. Мы думаем, что сейчас настала пора возобновить прерванное движение.

Вот почему представляется своевременным обстоятельное и всестороннее обсуждение идеи коллективной безопасности в Азии, которое могло бы нащупать общий, приемлемый для всех заинтересованных государств подход к проблемам мира и безопасности на континенте»¹¹.

Призыв Л. И. Брежнева возобновить прерванное движение азиатских народов к созданию обстановки мира и безопасности совместными усилиями стран Азиатского континента был подхвачен мировой демократической общественностью.

В итоговом коммюнике Всемирного конгресса миролюбивых сил «За международную безопасность и разоружение, за национальную независимость, сотрудничество и мир» (октябрь 1973 г.) подчеркивалось, что сегодня главная задача состоит в том, чтобы путем совместных, объединенных усилий нанести поражение маневрам империализма, стремящегося подорвать суверенитет государств для достижения своих неокOLONиалистских целей и пытающегося в этих целях продолжать политику «натравливания азиатов против азиатов». «Политика создания системы коллективной безопасности в Азии, открытой для всех азиатских государств, независимо от их социального строя, — говорится в коммюнике, — должна основываться на принципах мирного сосуществования, развивая дух Бандунга. Она, несомненно, будет содействовать решению таких важных проблем, как немедленная ликвидация еще существующих очагов войны и преодоление последствий иностранной агрессии и вмешательства»¹².

Действуя в духе Бандунга, Советский Союз, другие социалистические страны оказали и оказывают огромную материальную помощь и

¹¹ Л. И. Брежнев. Ленинским курсом. Речи и статьи, т. 4. М., 1974, с. 382.

¹² «Известия», 3.XI.1973.

морально-политическую поддержку афро-азнатским народам в строительстве новой жизни. Вместе с миролюбивыми государствами они сделали немало для перестройки международных отношений на основе принципов мирного сосуществования, внедрения этих принципов в качестве нормы взаимоотношений между странами с различными социальными системами.

В 70-е годы Советскому Союзу удалось добиться благоприятных перемен на одном из решающих направлений, каким являются советско-американские отношения, от характера которых в большой степени зависит общая политическая атмосфера на мировой арене. В результате советско-американских встреч на высшем уровне было сделано немало для того, чтобы не конфронтация, не столкновения, а мирное сотрудничество определяло характер этих отношений. Крупными вехами на пути улучшения советско-американских отношений было подписание в Москве документа об «Основах взаимоотношений между Союзом Советских Социалистических Республик и Соединенными Штатами Америки» и подписание в Вашингтоне между СССР и США бессрочного соглашения о предотвращении ядерной войны. В соответствии с этими важнейшими документами обе стороны взяли на себя обязательство делать все возможное, чтобы избежать военных конфликтов и предотвратить возникновение ядерной войны; они обязались проявлять сдержанность в своих взаимоотношениях и готовность к урегулированию разногласий мирным путем, путем переговоров в духе взаимности, взаимного учета позиций и взаимной выгоды.

Новым крупным вкладом в улучшение дела мира и международной безопасности явились третья и четвертая советско-американские встречи на высшем уровне, состоявшиеся в Москве (июль 1974 г.) и во Владивостоке (ноябрь 1974 г.). Эти встречи в верхах, как и предыдущие, содействовали дальнейшему утверждению принципов мирного сосуществования государств с различным социальным строем.

Важный вклад в упрочение мира и международной безопасности несли успешно развивающиеся отношения между странами социалистического содружества и такими крупными европейскими державами, как Франция, Западная Германия, Италия и другие. В ФРГ возобладал курс на мирное развитие отношений с СССР и другими государствами социалистического содружества. Время, прошедшее после подписания договора между Советским Союзом и ФРГ (август 1971 г.), подтверждает, что конфронтация уступает место сотрудничеству. Договоры ФРГ с ПНР, ГДР и ЧССР внесли новые элементы стабильности в обстановку в Европе и во всем мире.

Крупнейшим завоеванием миролюбивых народов была встреча на высшем уровне в Хельсинки и принятие на ней Заключительного акта Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе, наполнившего международную разрядку конкретным содержанием.

С упрочением мира и международной безопасности в духе Бандунга неразрывно связаны исторические победы освободительного движения народов колониальных и зависимых стран, образование десятков независимых национальных государств. Развал бывших колониальных империй привел к гигантской передвижке сил на международной арене в пользу мира, демократии и социального прогресса. Ликвидация колониальной системы империализма по праву названа международным форумом коммунистов в 1960 г. вторым по своему историческому значению явлением после образования мировой системы социализма¹³.

Характерной чертой стран, обретших национальную независимость, является их стремление не только к миру, желание жить в дружбе

¹³ См. Программные документы борьбы за мир, демократию и социализм. М., 1964, с. 64.

с другими народами, в обстановке, обеспечивающей их мирное существование и созидательный труд, но и их стремление к социальным переменам. Как отмечалось на XXIV съезде КПСС, главная особенность национально-освободительного движения на современном этапе состоит в том, что борьба за национальное освобождение во многих странах стала практически перерастать в борьбу против эксплуататорских отношений.

Наглядным подтверждением этого важного вывода XXIV съезда является перерастание национально-освободительных революций в революции социалистические. Победа над американским империализмом и силами местной реакции в Лаосе, Кампучии, а также в Афганистане, наличие в них марксистских партий привели к отпадению этих стран от системы капитализма и включению их или их приближению к мировой системе социалистического содружества.

Коренные социально-экономические преобразования, которые осуществляются в таких странах, как Ангола, Эфиопия, Мозамбик, Южный Йемен и другие, ставят их в особое положение в системе капиталистических отношений, открывают перед ними реальную перспективу постепенного перехода на путь социалистического строительства.

Однако было бы неверно считать, что колониализм уже мертв и что идеи Бандунга уже воплощены в жизнь на всем земном шаре. В новых условиях империализм меняет свои формы господства над бывшими колониальными и зависимыми странами, выступает в новом обличье, в обличье неоколониализма, для которого характерны косвенные методы господства и контроля. Это прежде всего монополизация каналов международной торговли и неэквивалентный обмен.

Коварным оружием, к которому все чаще прибегают империалистические державы, чтобы удержать свои позиции в освободившихся странах, является политика дестабилизации. Современные колонизаторы, вступая в союз с реакционными политическими силами во многих освободившихся странах, осуществляют наглое вмешательство во внутренние дела этих государств, подрывают сложившуюся антиколониальную структуру, продвигают на руководящие посты преданных им людей, подкупают лидеров политических партий и общественных организаций, дискредитируют и убирают патриотически настроенных, прогрессивных деятелей. Типичным примером политики дестабилизации, проводимой империалистическими разведками, может служить Чили, где был убит законный президент Альенде и свергнуто правительство Народного единства. Объектами дестабилизации по-американски были Ангола, Иран и многие другие страны.

В настоящее время ЦРУ сосредоточило свое внимание на Афганистане. Раздувая демагогическую кампанию «защиты» афганских мусульман, засылая в страну своих агентов и банды диверсантов, США пытаются свергнуть народно-демократический режим в этой стране и поставить ее под свой полный контроль, то есть установить там порядки, угодные американским монополиям.

Никакие уловки империалистов и их агентуры не в силах изменить соотношение сил, сложившееся в послевоенные годы на мировой арене. Тем не менее заправилы американского империализма не хотят признать реальную действительность и все еще пытаются претендовать на господствующее положение в современном мире, вернуть времена «холодной войны».

В послании «О положении в стране», направленном недавно президентом Дж. Картером конгрессу, прямо говорится о «лидирующей роли США в мире», под которой понимается намерение Вашингтона диктовать свои порядки в любом регионе и любому государству. США присваивают себе право применять вооруженную силу для подавления любых национально-освободительных движений и революционных вы-

ступлений трудящихся, если они направлены против гнета иностранных монополий и ставят своей целью проведение прогрессивных социально-экономических преобразований в интересах своих народов.

«Мы должны заплатить любую цену, какая потребуется, — заявляет президент Дж. Картер, — чтобы оставаться самой могучей страной в мире»¹⁴. Для достижения этой цели в США объявлено о небывалом наращивании военной силы в мирное время. Только в будущем финансовом году военные расходы США увеличатся на 20 млрд. долл., а к середине 80-х годов военный бюджет США превысит 200 млрд. долл.

Используя события в Иране и Афганистане в качестве предлога, администрация США создает «корпус быстрого реагирования», вынуждает своих союзников по НАТО ежегодно увеличивать военные расходы на 3%, разворачивает в Западной Европе новое ракетно-ядерное оружие средней дальности, нацеленное на Советский Союз и другие социалистические страны. Вашингтон отложил на неопределенное время ратификацию Договора об ОСВ-2. Наконец, американские политики решили применить экономические санкции в отношении нашей страны, организуют бойкот проведения Олимпийских игр в Москве.

Однако можно с уверенностью сказать, что все эти попытки оказать давление на Советский Союз, обострить международную обстановку и вернуть мир к временам «холодной войны» обречены на провал и больно ударят по их организаторам.

Как отмечал в ответах на вопросы корреспондента «Правды» Л. И. Брежнев, «вызванное американским империализмом намеренное обострение международной обстановки выражает его недовольство упрочением позиций социализма, подъемом национально-освободительного движения, укреплением сил, выступающих за разрядку и мир. Мы знаем, что воля народов сквозь все препятствия пробилась дорога тому положительному направлению в мировых делах, которое емко выражается словом «разрядка». Такая политика имеет глубокие корни. Ее поддерживают могучие силы, и эта политика имеет все шансы оставаться ведущей тенденцией в отношениях между государствами»¹⁵.

Тот факт, что, несмотря на агрессивные происки врагов мира и безопасности народов, события в мире развиваются в благоприятном направлении и носят поступательный характер, а разрядка международной обстановки продолжает оставаться ведущей тенденцией, в немалой степени объясняется тем, что призыв Бандунга, сделанный 25 лет тому назад, к укреплению единства афро-азиатских народов в борьбе за свободу и национальную независимость был услышан и поддержан народами Азии и Африки, которые в настоящее время вышли на историческую арену и вносят достойный вклад во всемирную борьбу против империализма и реакции, за мир и социальный прогресс.

Сегодня, когда в мире сложилось новое соотношение сил в пользу мира и социализма, перед общественностью стран двух великих континентов открываются новые, еще более благоприятные возможности в борьбе за полное претворение в жизнь высоких принципов Бандунга, нацеленных на упрочение мира и международной безопасности на основе коллективных усилий афро-азиатских стран, к которым присоединяют свой голос и борющиеся народы Латинской Америки.

¹⁴ Цит. по «Правда», 29.I.1980.

¹⁵ Там же, 13.I.1980.

Антисоциалистический курс внешней политики КНР в отношении развивающихся стран

*В. А. Кривцов,
доктор исторических наук, профессор*

После второй мировой войны в системе международных отношений появилась многочисленная группа стран, получивших условное название развивающихся, или освободившихся. При общности многих социально-экономических и политических черт эти страны находятся на разных уровнях развития, значительно отличаются друг от друга и поэтому не являются неким единым целым. Подавляющее их большинство расположено в трех основных регионах — африканском (51 государство), азиатском (32 государства) и латиноамериканском (30 государств), причем страны каждого региона имеют свои особенности и специфику.

В современных международных отношениях развивающиеся страны год от года приобретают все более возрастающее значение. В настоящее время проблема развивающихся стран в мировой политике стала одной из наиболее важных и острых. Это связано с тем, что они, во-первых, составляют большинство суверенных государств современного мира (более 110 из 160). Во-вторых, их население в общей сложности превышает 2 млрд. человек, или более 50 % всего населения земли. В-третьих, на долю этих стран приходится почти 60 % территории земного шара, они располагают богатейшими запасами полезных ископаемых и другого дефицитного сырья; в мировом экспорте минерального и сельскохозяйственного сырья доля развивающихся стран по 24 видам составляет 30 %, а по 12 видам — 80 %. В-четвертых, эти страны ведут активную борьбу за полное национальное освобождение, политический суверенитет и равенство, экономическую независимость, справедливость международных экономических отношений, за безопасность и мир, то есть выступают на мировой арене как динамичная антиимпериалистическая и антинеоколониалистская сила. В-пятых, во многих из этих стран идет борьба за социальный прогресс и демократию, ведутся поиски путей дальнейшего развития, причем большинство из них опять-таки связывает эти поиски с национально-освободительной и антиимпериалистической борьбой, а часть стран ориентируется на социалистический путь развития. В-шестых, в своем противостоянии империализму и неоколониализму эти страны все более выступают совместно, сплачиваются, создают свои движения, организации и ассоциации, что усиливает их воздействие на международные отношения. В-седьмых, без развивающихся стран теперь невозможно решать такие глобальные проблемы, как борьба с распространением ядерного оружия, загрязнением природы, и др. В-восьмых, развитие хозяйства этих стран усиливает их воздействие на международные экономические отношения и особенно на мировую торговлю.

В то же время большинство развивающихся стран испытывает серьезные экономические, социальные и политические трудности из-за неразвитости средств производства, аграрного, нередко монокультурно-

го характера экономики, бедности населения, нехватки капиталов, безработицы, наличия архаичных социальных структур, политической нестабильности, традиционности общественного сознания, неграмотности. Эти обстоятельства уменьшают возможности воздействия развивающихся стран на международные отношения и эффективность их борьбы против империализма.

Исключительное значение имеет то обстоятельство, что развивающиеся страны вышли на мировую арену в эпоху раскола мира на две противоположные общественные системы — социализм и капитализм, причем возникновение и усиление социализма было в конечном счете главным условием появления и укрепления развивающихся стран в системе современных международных отношений. Поэтому вся история развивающихся стран неотделима от процесса борьбы между социализмом и капитализмом на мировой арене. Эта борьба требует от них определения путей своего внутреннего развития и внешней политики в контексте противостояния двух основных социально-экономических систем современности.

Что же касается отношения к развивающимся странам со стороны социализма и капитализма, то эти позиции диаметрально противоположны. Капитализм исторически был поработителем, угнетателем и эксплуататором ныне развивающихся стран, на нем лежит основная ответственность за их отсталость и переживаемые ими трудности. Более того, капитализм продолжает угнетать эти страны. Включаясь в систему капиталистических экономических отношений, они испытывают неравноправие и эксплуатацию. Это значит, что основные интересы и цели стран развитого капитализма и развивающихся стран в области международных отношений объективно различны и противоположны друг другу. И наоборот, основные интересы и цели социалистических и развивающихся стран на международной арене сходны или близки друг другу. Речь идет о борьбе за мир, разрядку, справедливые экономические международные отношения, демократию и социальный прогресс. Отношения социалистических и развивающихся стран строятся на принципах независимости и равноправия, невмешательства во внутренние дела, взаимного уважения и взаимовыгодного сотрудничества. Следует подчеркнуть, что эти принципы возникли в системе международных отношений под огромным воздействием стран социализма.

В 70-е годы в развивающихся странах и их положении в системе международных отношений произошли серьезные изменения. Это вынудило империализм вносить коррективы в свою неокOLONиалистскую политику. 70-е годы показали, что империализм все более вынужден считаться с развивающимися странами, приспосабливаться к факту их растущего влияния и принимать меры для налаживания отношений с ними. Но империализм, понимая неизбежность экономического прогресса и даже промышленного развития освободившихся стран, пытался затормозить в них социальный и политический прогресс, поставить их экономическое развитие под свой контроль. Причем стремление сохранить зависимость развивающихся стран от империализма нередко вынуждало его идти на модернизацию экономики и ускорение темпов развития этих стран, вырабатывать новую стратегию неокOLONиализма. В связи с этим империализм пытается «усовершенствовать» неокOLONиальные формы, методы своей политики, навязать развивающимся странам свою концепцию «взаимозависимости», с тем чтобы подчинить эти связи интересам развитых капиталистических государств. Эта политика направлена на укрепление позиций капитализма на мировой «периферии». Однако эта новая, неокOLONиалистская стратегия не смогла остановить социальный и политический прогресс в развивающихся странах. В связи с этим в США и ряде других стран НАТО в конце 70-х годов стали усиливаться тенденции к применению силы в отношении

развивающихся стран. Видимо, идет новый пересмотр стратегии империализма как в глобальном плане, так и в отношении Азии, Африки и Латинской Америки.

Вышесказанное, естественно, вызывает вопрос: какую политику в отношении развивающихся стран проводит Китайская Народная Республика? Какие цели она в связи с этим преследует и интересам какой из противостоящих общественно-политических систем в конечном счете служит?

Как известно, Китайская Народная Республика появилась на мировой арене в 1949 г., то есть почти одновременно со многими развивающимися странами, с которыми у нее, кстати, было немало общего в социально-экономическом и историческом развитии в новое и новейшее время. Сейчас она представляет собой одно из крупнейших государств современного мира, ее площадь — 9 597 520 кв. км (около 25 % площади Азии), население — 1 млрд. человек; Китай имеет богатые природные ресурсы, большую, оснащенную ядерным оружием армию. Его влияние на мировой арене также постепенно росло, и в настоящее время он оказывает значительное воздействие на международные отношения.

Пройдя в развитии своей внешней политики через три основных этапа (1949—1959 — ориентация на СССР, социалистическое содружество; 1960—1970 — ориентация на развивающиеся страны и 1970—1980 — ориентация главным образом на развитые капиталистические страны), КНР ныне проводит на международной арене великодержавный социал-шовинистический курс. Ее внешняя политика отличается ярко выраженным гегемонизмом, экспансионизмом, агрессивностью, враждебностью СССР, всему социалистическому содружеству (последнее особенно полно проявилось в виде прямой агрессии Пекина против СРВ). Причем все эти основные черты внешней политики КНР представляют собой производное от ее главной особенности — воинствующего шовинизма. Еще одной специфической традиционной чертой внешней политики Китая является ее стратагемность, проведение этой политики преимущественно на основе стратагем, то есть долговременных или кратковременных замыслов и планов, касающихся двусторонних, региональных и глобальных отношений Китая на международной арене.

Огромную роль в разработке современной внешней политики КНР, ее стратегии и тактики сыграли Мао Цзэдун и Чжоу Эньлай. Современные китайские руководители неоднократно подчеркивали, что Мао Цзэдун лично разработал «линию, курс и политические установки» внешней политики Китая и что они будут «продолжать решительно претворять» их в жизнь.

В выступлении на XXV съезде КПСС Генеральный секретарь ЦК КПСС Л. И. Брежнев отметил, что всякая стратегия «начинается с постановки задач, с выдвижения фундаментальных, долговременных целей»¹. Какую же фундаментальную, долговременную цель ставят перед собой на международной арене китайские руководители? Такая цель была четко сформулирована Мао Цзэдуном в сентябре 1959 г. на закрытом военно-дипломатическом совещании, проходившем в период апогея политики «трех красных знамен», когда китайским руководителям казалось, что они действительно совершают большой скачок в экономическом развитии страны и, таким образом, создают условия для осуществления своих глобальных замыслов. Мао Цзэдун тогда прямо сказал: «Мы должны покорить земной шар. Таким объектом является весь земной шар, где мы создадим мощную державу»².

Итак, основная стратегическая цель маонизма — мировое господство Китая. Само собой разумеется, что такая цель не могла быть по-

¹ Материалы XXV съезда КПСС. М., 1976, с. 39.

² Да здравствуют идеи Мао Цзэдуна! (на кит. яз.). Тайбэй, 1967, с. 98.

ставлена перед внешней политикой КНР открыто и, таким образом, стать достоянием мирового общественного мнения. Поэтому в заявлениях китайских руководителей, в официальных партийных и государственных документах, а также в пропаганде эта цель изображается как «освобождение всего человечества» от эксплуатации и «внесение сравнительно большого вклада в дело человечества» и т. п.

Выдвижение китайским руководством в качестве главной стратегической цели «покорения земного шара» неизбежно делало все государство, обладающее значительным влиянием на международной арене, потенциальными противниками КНР, ибо в них Пекин видел главное препятствие к достижению этой цели. В качестве наиболее сильного и опасного глобального противника Китая в Пекине считают Советский Союз. Поэтому именно против него в первую очередь нацелена внешнеполитическая стратегия маоистов.

Долговременная внешнеполитическая стратегия Пекина не только строится на совершенно искаженном представлении о действительных международных отношениях, но и в настоящее время совершенно не соответствует реальным экономическим, научно-техническим, военным и иным возможностям Китая. Осознание китайским руководством последнего обстоятельства и приводит его к выводу о необходимости как можно быстрее осуществить «четыре модернизации», то есть модернизировать промышленность, сельское хозяйство, военное дело, науку и технику страны, с тем чтобы к 2000 г. превратить Китай в современную могущественную державу. Таким образом, реализация конечной цели стратегического замысла откладывается по крайней мере до 2000 г.

При анализе глобальной стратегии маоизма возникает вопрос: какое место занимают в ней развивающиеся страны? Оно определяется, во-первых, местом, возможностями и ролью развивающихся стран в современных международных отношениях и, во-вторых, характером, целями, местом и возможностями внешней политики КНР как на международной арене в целом, так и в отношении развивающихся стран в особенности. Главная задача, которую КНР ставит в настоящее время в своей политике в отношении развивающихся стран,— привлечь их на свою сторону, использовать их в интересах своей стратегии и тактики и включить в глобальную борьбу на международной арене против Советского Союза, стран социалистического содружества. В связи с этим особое значение во внешней политике КНР по отношению к развивающимся странам приобретает установка на борьбу против «гегемонизма». С помощью этой установки китайские руководители рассчитывают направить антиимпериалистические настроения и борьбу развивающихся стран против Советского Союза.

Внешнеполитическая стратегия китайского руководства создавалась в течение длительного времени, причем характерно, что ее разработка с самого начала была связана с отношением Китая к тем странам, которые теперь называются развивающимися. Можно утверждать, что основы этой стратегии были заложены еще в конце 30-х годов, когда Мао Цзэдун разрабатывал свою теорию «новой демократии».

Видимо, в начале 50-х годов Мао Цзэдун и его ближайшие сподвижники в основном завершили разработку своих стратегических планов, а затем вносили в них различные коррективы в зависимости от развития обстановки в Китае и положения в мире.

Одна из целей маоистской стратегии состояла в утверждении за пределами Китая маоистских идейно-политических и социально-экономических моделей. Причем китайские руководители уже в 40-х годах рассматривали в качестве объектов маоистской идейно-политической экспансии колониальные и полуколониальные страны вообще и азиатские в первую очередь, полагая, что в этих странах легче всего внед-

ритель маоизм. Именно с учетом этих стран Мао Цзэдун и создал свою модель «новой демократии», которая должна была стать, по его мнению, обязательной для колониальных и полуколониальных стран. В 1940 г. он писал, что открытая им форма «государственного устройства» — «республика новой демократии» — будет «необходимой и обязательной» формой «во всех колониальных и полуколониальных странах»³. Одновременно разрабатывалась и уточнялась китайская модель революционного процесса, которая также считалась в Пекине обязательной для этих стран.

Следовательно, отношение КНР к развивающимся странам определялось, во-первых, тем, что эти страны рассматривались китайским руководством как объекты, которые оно поставит под контроль и сравнительно легко подчинит своей гегемонии сначала в Азии, а затем в Африке и Латинской Америке, и, во-вторых, тем, что эти страны китайские руководители рассчитывали сделать своими союзниками в борьбе на длительный срок, то есть в борьбе против всех развитых государств вообще.

Эти расчеты и заставляют маоистов называть развивающиеся страны «основной силой» в современной борьбе на международной арене. Политика Пекина в отношении развивающихся стран и их народов в 50—60-х годах строилась на расчете использовать в гегемонистских целях объективные революционные процессы, происходившие в них, стремление этих стран и народов к освобождению, независимости, социальному прогрессу, сыграть на возникающих в связи с этим их противоречиях с империализмом.

Исходя из этого, китайское руководство рассчитывало навязать развивающимся странам китайскую модель революции, а затем и социально-экономические преобразования в духе маоистской политики «новой демократии» и маоистского псевдосоциализма.

Эти замыслы определенно выразил Го Можо в стихотворении, написанном в 1967 г.:

Вчерашний день Китая — это сегодняшний день
Многих афро-азнатских стран,
А сегодняшний день Китая
Станет их завтрашним днем,
Мы будем бороться за полное освобождение
Угнетенных стран и народов,
Мы поднимаем великое красное знамя идей Мао
Цзэдуна

Над всеми афро-азнатскими странами,
Над всеми пятью континентами и четырьмя
океанами⁴.

Итак, развивающиеся страны рассматривались в стратегии маоизма как главный союзник Китая, основная сила в борьбе, рассчитанной на длительный период. Эти силы должны были нанести «решающий и сокрушительный удар по всему старому миру» (Мао Цзэдун). Маоисты считали, что «основными столкновениями в мире будут столкновения между народами Азии и Африки и народами Европы и Америки» (Мао Цзэдун). Это значит, что основное противоречие современной эпохи рассматривалось в Китае не с классовых, а с националистических и даже расовых позиций.

Следует заметить, что в своем стремлении опереться на развивающиеся страны для борьбы за мировое господство маоисты не оригинальны. Аналогичным способом собирались действовать и другие китайские националисты, идеи которых выражали Дай Цзинтао, Чан Кайши и пр. И те и другие рассчитывали использовать в своих интересах национально-освободительную борьбу этих стран против развитых капита-

³ Мао Цзэдун. Избр. произв., т. 3. М., 1953, с. 219.

⁴ «Peking review», 1967, № 24, p. 24.

листических государств, поставить себе на службу их революционный потенциал и ненависть к иностранцам-угнетателям.

Кроме того, китайские руководители, очевидно, исходили из того, что Китаю сравнительно легко удастся навязать развивающимся странам свой пример. Разрабатывая свою внешнеполитическую стратегию, маонисты имели в виду многообразие форм постепенного расширения господства Китая на земном шаре. Учитывая относительную слабость Китая, его внешнеполитические традиции и другие факторы, можно предположить, что китайские руководители рассчитывали сначала создать по соседству с Китаем систему государств, построенных на основе китайской политико-идеологической модели.

Судя по некоторым высказываниям китайских руководителей и дипломатов, они рассматривали решение региональных стратегических проблем в районах, находящихся в непосредственной близости от Китая, в качестве условия, которое позволит им со временем перейти к реализации их глобальных стратегических планов. В 1975 г. тогдашний министр иностранных дел КНР Цяо Гуаньхуа, тесно связанный с Мао Цзэдуном и Чжоу Эньлаем, заявил: «В настоящее время Китай ведет войну в районе аванпостов. Когда мы наведем порядок в районе сторожевого охранения, мы начнем решающую войну против наших врагов». Причем эта система должна была возникнуть главным образом не путем открытой, прямой агрессии, а прежде всего посредством скрытого идеологического и политического проникновения в эти страны, развала их изнутри с помощью прокитайских политических сил (в том числе китайских эмигрантов) и создания в них политических систем, основанных на маонизме. Затем под китайским политическим контролем должны были оказаться и другие азиатские, африканские и латиноамериканские государства.

Среди китайского руководства не было единства в вопросе о способах проникновения в развивающиеся страны. Мао Цзэдун и его ближайшие сторонники были склонны придерживаться преимущественно тактики создания в них «единого фронта снизу», то есть использования революционных сил и народных движений в китайских интересах. Лю Шаоци и его сторонники пытались воздействовать главным образом на правительства и государственных деятелей, склоняя их к сотрудничеству с Китаем в создании «единого фронта сверху».

Есть основания полагать, что систему государств, ориентированных в своем развитии на маоистскую политико-идеологическую модель, китайское руководство рассчитывало создать сначала в Юго-Восточной Азии. При этом учитывались не только особенности географического положения, богатство природных ресурсов и традиционность направления китайской экспансии на юг, но и наличие в этом регионе миллионов китайских эмигрантов. Именно последнее обстоятельство могло значительно облегчить идейно-политическое проникновение туда маонизма и внедрение основанных на нем политических систем.

Практические меры, направленные на реализацию этого регионального стратегического замысла, китайское руководство начало предпринимать еще в конце 40-х годов, пытаясь поставить под свой контроль национально-освободительные движения путем навязывания им китайской модели революционного процесса. Однако особую активность китайское руководство развило здесь в первой половине 60-х годов. В середине 60-х годов Юго-Восточная Азия была объявлена Пекином «очагом революционных бурь» современного мира, центром «всех мировых противоречий». Наиболее активной деятельностью китайского руководства стала в таких странах, как Малайзия, Филиппины, Индонезия, Бирма, Таиланд, Камбоджа. Пекин пытался разжечь во многих из этих стран «народные войны», грубо вмешивался во внутренние дела Непала, Индии, Цейлона, Лаоса и других государств.

Однако эта политика, несмотря на огромные усилия Пекина, не дала положительных результатов.

В 1965 г. внешнеполитическая стратегия маоизма в отношении развивающихся стран нашла свое выражение в теории борьбы «мировой деревни» (государств Азии, Африки и Латинской Америки) против «мирового города» (государств Северной Америки и Западной Европы, включая Советский Союз, который причислялся Пекином к европейским государствам) путем развертывания «народных войн». Характерно, что широкое обоснование этой теории появилось в китайской печати 3 сентября 1965 г.⁵, то есть незадолго до известных событий в Индонезии, и явилось как бы их идейно-теоретической подготовкой. Речь идет о попытке реализации важнейшего внешнеполитического регионального замысла китайского руководства в Азии, где оно планировало целый ряд политических акций, связанных с попыткой государственного переворота в Индонезии 30 сентября 1965 г., индийско-пакистанским военным конфликтом и борьбой народов Индокитая за свою национальную независимость и социальный прогресс. Успешное завершение этих акций должно было, по замыслам Пекина, принципиально изменить военно-политическую ситуацию в Юго-Восточной, а следовательно, и в Восточной Азии в целом, поставить под контроль Китая сначала Индонезию, затем другие государства Юго-Восточной Азии и, наконец, Индию.

Провал этих акций нанес огромный удар по планам маоистов в Азии, усилил борьбу в их среде и стимулировал «культурную революцию» в КНР. Это, однако, не привело к отказу китайского руководства от его региональных стратегических замыслов в Азии, но вынудило внести в эти замыслы известные изменения, подсказанные новой международной обстановкой в этом районе мира.

Несостоятельность маоистской стратегии в отношении развивающихся стран после событий осени 1965 г. в Индонезии с особой полнотой нашла выражение в ее полном провале в годы «культурной революции», когда были предприняты огромные усилия для прямого навязывания многим развивающимся странам опыта «культурной революции» и маоистской модели социально-экономической и политической организации общества. Попытки экспортировать «культурную революцию» вызвали в развивающихся странах резкий отпор, завели внешнюю политику Пекина в этих странах в тупик и заставили китайских руководителей вносить поправки в свой курс в отношении развивающихся стран.

Значило ли это, что развивающиеся страны утрачивали свое место в стратегических замыслах китайских руководителей? Нет, не значило. Им по-прежнему отводилась роль «основной силы» в борьбе за китайские интересы, однако исполнение этой роли во времени было решено отодвинуть на более поздний срок, когда КНР сама станет «сверхдержавой» и будет иметь возможность эффективно воздействовать на развивающиеся страны экономически.

Следовательно, место и роль развивающихся стран во внешней политике Пекина в плане ее долговременных целей не меняются. Пекин рассчитывает перестроить современный международный экономический и политический порядок и, таким образом, занять место гегемона на мировой арене, опираясь в конечном счете главным образом на развивающиеся страны.

С 70-х годов во внешней политике КНР начался новый этап все более открытого сближения с империализмом и другими реакционными силами на международной арене. Началась перестройка курса и в

⁵ См. Линь Бяо. Да здравствует победа народной войны. — «Жэньминь жибао», 3.IX.1965.

отношении развивающихся стран. Разумеется, эта перестройка по-прежнему прикрывалась революционной фразой, наглядным примером чего является «теория трех миров». Тем не менее с начала 70-х годов китайское руководство приглушило пропаганду идеи окружения «мировой деревней» «мирового города» и других ультрареволюционных тезисов.

В его политике в отношении развивающихся стран стала усиливаться тенденция не только к созданию «единых фронтов сверху», но и к блокированию с самыми консервативными, реакционными правительствами развивающихся стран вроде правительств Пиночета, Садата и других. Это, однако, не значит, что китайское руководство отказалось от вмешательства во внутренние дела развивающихся стран и поддержки там различных оппозиционных, антиправительственных движений с целью оказать давление на соответствующие правительства. С другой стороны, в 70-е годы был полностью дискредитирован маоистский казарменный социализм, что вынудило китайское руководство временно воздержаться от пропаганды китайской «модели» социально-экономического развития в странах Азии, Африки и Латинской Америки.

Следует заметить, что с середины 70-х годов интерес китайского руководства к развивающимся странам стал особенно расти также в связи с тем, что последние начали активно требовать перестройки международных экономических отношений и усиливать нажим на развитые капиталистические страны путем повышения цен на полезные ископаемые и другие товары. «Развивающиеся страны стали располагать новыми средствами борьбы, расширили ее арену и получили возможность постепенно усилить сотрудничество и предпринять совместные действия в общей борьбе» — такой вывод сделали китайские стратеги, подчеркивая, что эти страны «создали многочисленные региональные или специализированные международные организации, чтобы объединенными усилиями вести борьбу в защиту общих прав и интересов». Исходя из этого, в Пекине, видимо, пришли к выводу, что развивающиеся страны могут оказать сильное влияние на современный экономический и политический порядок в мире, лишить, если потребуется, развитые страны «ресурсов» и, таким образом, оказать исключительное воздействие на современную международную обстановку. Говоря иными словами, развивающиеся страны могут изменить роль и вес развитых стран в современном мире, что при наличии в Китае огромных человеческих и природных ресурсов обеспечит ему роль гегемона в международных отношениях. Именно поэтому Пекин настойчиво подчеркивает «общность задач» Китая и развивающихся стран, заявляет о том, что его долгосрочные интересы на международной арене неотделимы от интересов развивающихся стран. Более того, китайские руководители уверяют развивающиеся страны в том, что Китай, став мощной державой к началу следующего века, внесет особый вклад «в развитие стран третьего мира»⁶.

В течение 70-х годов в стратегию Китая в отношении стран Азии, Африки и Латинской Америки вносились существенные коррективы, были разработаны промежуточные стратегические цели. При этом корректировка китайским руководством своей стратегии в отношении развивающихся стран проводилась в 70-х годах с учетом состояния и перспектив отношений КНР с США, развитыми капиталистическими странами Европы и Японией; с усилением гегемонизма в политике США и других стран НАТО; с учетом кризисного состояния мировой капиталистической системы и нового наступления неокOLONиализма на развивающиеся страны, предпринятого под влиянием этого кризиса с целью переложить его бремя на страны Азии, Африки и Латинской Америки.

⁶ «Beijing review», 1980, № 2.

В новой тактике неоколониализма в отношении развивающихся стран все более заметным становится стремление к созданию системы так называемого «зависимого капитализма» посредством «сверхнациональных корпораций», активного вовлечения этих стран в международное капиталистическое разделение труда, усиления социальной дифференциации в них, укрепления класса буржуазии и известных уступок этому классу в интересах развития «зависимого капитализма». Китайское руководство, безусловно, учитывает эту новую экономическую и социальную тактику и старается действовать в соответствии с ней, рассчитывая таким образом помешать связям развивающихся стран с СССР и другими странами социалистического содружества.

Нельзя не видеть и того, что гегемонистская «доктрина Картера» зародилась и оформилась в неразрывной связи с этой неоколониалистской тактикой, сопровождающейся наращиванием военной мощи США, прежде всего в регионе Азии, на Тихом и Индийском океанах. При этом США, по словам З. Бжезинского, стремятся установить «более тесные отношения» с «державами, имеющими большое значение в региональных и международных масштабах», имея в виду прежде всего Китай. Иначе говоря, принимались меры для вовлечения этих «держав» в гегемонистский курс США в отношении развивающихся стран. Причем эти меры в отношении КНР дали свои результаты, что нашло выражение в политической поддержке Пекином наращивания военной мощи США на мировой арене, направленной не только против СССР и социалистического содружества, но и против национально-освободительных движений и социального прогресса в развивающихся странах. Во время визита в КНР в мае 1978 г. помощник президента США по национальной безопасности З. Бжезинский прямо говорил о «параллельных интересах» и действиях США и Китая в Африке и Азии⁷. Индийская газета «Висала Андхра» писала 6 февраля 1979 г., что Соединенным Штатам удалось сделать Китай «партнером своей империалистической стратегии против СССР и социалистических стран, против национально-освободительного движения и всеобщего мира».

При этом следует иметь в виду все более возрастающую экономическую и иную зависимость КНР от развитых капиталистических стран, проводящих в отношении Китая политику, похожую на их неоколониалистский курс в отношении развивающихся стран, то есть политику создания «зависимого капитализма», укрепления буржуазных элементов и тенденций, интенсивного вовлечения в систему международных капиталистических экономических отношений. В связи с этим промежуточная стратегия КНР в отношении развивающихся стран объективно оказывается поставленной на службу стратегии и интересам империализма и в настоящее время фактически является ее частью и дополнением. Что касается промежуточных стратегических целей внешней политики КНР в отношении развивающихся стран в настоящее время и, очевидно, на ближайшее десятилетие, то важнейшие из них следующие:

— представить Китай в виде развивающейся страны и превратить его в лидера развивающихся стран для опоры на них в борьбе за гегемонистские цели на международной арене, в первую очередь против СССР и других стран социалистического содружества;

— подрывать дружбу и сотрудничество развивающихся стран с СССР и всем социалистическим содружеством, препятствовать развитию отношений между освободившимися странами и СССР;

— объединять развивающиеся страны на почве «общей борьбы» против «гегемонизма» (то есть против СССР и социалистического содружества) в некий «антигегемонистский союз» во главе с Китаем и

⁷ In: «New York Times», 26.V.1978.

добиться слияния этого союза с аналогичным союзом развитых капиталистических стран в «широкий единый фронт» борьбы против СССР и социалистического содружества; поддерживать в связи с этим существующие или возможные политические и военные блоки империалистических стран с участием некоторых развивающихся стран или только из развивающихся стран;

— подрывать движение развивающихся стран в защиту мира, за разрядку, безопасность;

— втягивать развивающиеся страны в гонку вооружений, чтобы затормозить их экономический и социальный прогресс, обострять отношения или создавать напряженность между ними, усиливать их зависимость от КНР, увеличивать возможность возникновения конфликтных ситуаций и войн;

— раскалывать развивающиеся страны на отдельные враждебные друг другу группировки для ослабления их единства и проведения политики по принципу «разделяй и властвуй»;

— бороться против национально-освободительного движения и социального прогресса в развивающихся странах, особенно в тех случаях, когда они ведут эти страны к социалистической ориентации; поддерживать в связи с этим наиболее реакционные, антисоциалистические режимы и аналогичные политические силы, делая ставку на национализм и расизм;

— проникать в международные организации и движения развивающихся стран с целью подрыва их изнутри и оказания на них соответствующего воздействия;

— использовать экономические отношения с развивающимися странами в первую очередь для оказания на них соответствующего политического воздействия, завоевания рынков, привязывания их к китайской экономике, а также с целью получения свободной валюты, необходимой для покрытия дефицита в экономических отношениях с развитыми капиталистическими странами;

— усиливать влияние на развивающиеся страны через развитие официальных двусторонних политических, научно-технических и культурных связей;

— усиливать влияние на развивающиеся страны, с помощью неофициальных каналов вмешиваясь во внутренние дела, используя национальную рознь, внутривнутриполитическую борьбу, а также китайскую эмиграцию;

— использовать развивающиеся страны для укрепления регионального влияния КНР и ее международных позиций в целом путем создания «опорных» государств в Азии и Африке (Пакистан, Танзания), а также поддерживать «опорные государства» империализма (Египет, Пакистан и др.).

Перечисленные выше промежуточные стратегические цели Пекина в отношении развивающихся стран свидетельствуют о том, что они во многом параллельны, а зачастую частично или полностью совпадают с целями современной неокOLONИАЛИСТСКОЙ стратегии империализма. Нельзя исключить и то, что некоторые из них совместно поставлены пекинскими и вашингтонскими стратегами (например, борьба против СССР и социалистических стран под видом борьбы против гегемонизма). Такое совпадение или параллелизм стратегических целей Пекина с задачами империализма в отношении развивающихся стран, с одной стороны, естественно, значительно увеличивают их опасность для мирового социализма, национально-освободительного движения и социального прогресса, с другой же — уменьшают возможность их решения, так как разоблачается истинное проимпериалистическое, шовинистическое, гегемонистское содержание внешней политики КНР в отношении развивающихся стран. — Разумеется, китайское руководство, ведя борьбу

бу за влияние в развивающихся странах, не отказывается от установления своего непосредственного господства там и в настоящее время, если для этого возникают возможности. Подтверждением правильности этого вывода служит установление в Кампучии прокитайского режима Пол Пота, свергнутого в 1979 г. кампучийским народом и пришедшей ему на помощь СРВ.

Следует отметить, что подавляющее большинство этих промежуточных целей носит политический характер. Это значит, что стратегия Пекина в отношении развивающихся стран в настоящее время — это по преимуществу стратегия политическая (дополняемая экономическими мерами), в то время как стратегия империализма в отношении развивающихся стран является главным образом стратегией экономической, хотя в последнее время она тоже все более приобретает политический характер. Следовательно, можно говорить об известном распределении задач в отношении развивающихся стран между развитыми капиталистическими странами и Китаем. С помощью последнего империализм пытается решать такие политические и идеологические задачи в развивающихся странах, которые по тем или иным соображениям не хочет или не может решать сам. Следовательно, закономерен вывод о том, что внешнеполитическая стратегия Пекина в отношении развивающихся стран представляет собой в настоящее время важное дополнение антисоциалистической стратегии империализма.

Известные корректировки, вносимые китайским руководством в его стратегию в 70-е годы, и активное политическое, пропагандистское и экономическое давление на развивающиеся страны, поддерживаемое империализмом, способствовали установлению и развитию двусторонних отношений КНР с рядом этих стран. К началу 80-х годов Китай имел дипломатические отношения более чем с 80 освободившимися государствами (22 в Азии, 45 в Африке, 14 в Латинской Америке). Характерным моментом в этом процессе в 70-е годы было установление связей с любыми режимами, независимо от их политики и идеологии.

С 1958 г. КНР стала заключать с развивающимися странами двусторонние политические договоры. К 1965 г. такие договоры были подписаны с 11 государствами: Йеменом, Бирмой, Афганистаном, Камбоджей, Непалом, Гвинеей, Индонезией, Ганой, Мали, Конго (Браззавиль), Танзанней. Причем китайская сторона рассматривала эти договоры как средство усиления своего влияния и изоляции афро-азиатских стран от социалистического содружества. Она не останавливалась при этом перед вмешательством во внутренние дела государств, с которыми не только имеет дипломатические отношения, но и подписала договоры о дружбе. В результате этого после 1965 г. ни одно развивающееся государство не подписало с КНР нового политического договора. Развивающиеся страны сознательно пытаются ограничивать свои политические отношения с КНР.

Стремясь облегчить себе задачу утверждения определяющего влияния в развивающихся странах, Пекин рекламирует свою готовность «установить и развивать отношения со всеми странами на основе пяти принципов мирного сосуществования». Однако на деле подобного рода заявления представляют собой тактический прием китайской дипломатии, направленный на успокоение развивающихся стран и достижение компромиссов и соглашений с реакционно-националистическими режимами и кругами. Такие соглашения нередко заключаются тайно, ибо они бывают направлены против революционных процессов и социального прогресса. В этой связи следует упомянуть, например, о соглашении Пекина с Каиром с целью военного и политического сотрудничества в Африке против «советско-кубинского проникновения». Надо полагать, что у КНР с Пакистаном также имеется соответствующая дого-

воренность о совместной борьбе против революционных процессов в Афганистане и других странах Юго-Западной Азии.

Поскольку Пекин на данном этапе не располагает возможностями для быстрого осуществления своих гегемонистских планов в отношении развивающихся стран, китайская дипломатия направлена на сохранение в них на определенный срок империалистического влияния — только бы помешать развитию отношений этих стран с Советским Союзом и социалистическим содружеством в целом.

В дипломатии Пекина по отношению к развивающимся странам значительное место принадлежит визитам китайских руководителей в эти страны и визитам руководителей развивающихся стран в КНР. Дипломатия визитов используется для политической обработки руководителей развивающихся стран и навязывания им китайских внешнеполитических концепций и теорий, направленных против СССР и других стран социалистического содружества. Только в 1978—1979 гг. китайские руководители нанесли визиты в 34 страны и приняли у себя лидеров из 20 развивающихся стран.

В качестве средства давления на ряд стран ЮВА и Южной Азии китайское руководство продолжает использовать спровоцированные маоизмом повстанческие движения в Малайзии, Бирме, Таиланде и на Филиппинах, а также промаоистские группировки в Индии, Непале, Бангладеш и других странах. С помощью этих сил Пекин пытается направить внутреннюю политику этих государств на борьбу с социальным прогрессом, а внешнюю политику — на поддержку внешнеполитического курса КНР. Немаловажную роль в качестве средства давления на развивающиеся страны играет китайская эмиграция, занимающая нередко ключевые позиции в экономике этих стран.

Характерная особенность политической дипломатии маоистов в отношении развивающихся стран в 70-х годах состоит в стремлении любой ценой втянуть эти страны в борьбу против «гегемонизма» (то есть СССР и других социалистических стран). При этом они совершенно замалчивают перспективы и цели этой борьбы, тщательно обходят вопросы социального прогресса, некапиталистического пути развития и социалистической ориентации этих стран. Делают это китайские руководители сознательно, так как их основная задача как раз и заключается в том, чтобы помешать этим процессам в развивающихся странах, отвлечь их от борьбы за национальное освобождение и независимость и толкнуть на борьбу против Советского Союза и социалистического содружества, то есть заставить служить стратегическим интересам китайского руководства. Следовательно, развивающиеся страны рассматриваются в Пекине даже не как достойный союзник в борьбе за общие интересы, а лишь как орудие борьбы, временно используемое для достижения корыстных целей. Установка на борьбу против «гегемонизма» одновременно представляет собой прикрытие и маскировку фактического перехода Пекина к открытому блокированию с империализмом и реакционными кругами развивающихся стран для борьбы против мирового социализма.

Серьезное место среди средств, с помощью которых китайская дипломатия пытается влиять на развивающиеся страны, по-прежнему занимает также идеологическое, пропагандистское воздействие, целенное, с одной стороны, на внедрение китайских концепций и, с другой — на дискредитацию научного социализма и Советского Союза. ✓

Совместно с буржуазными идеологами маоисты пытаются навязать развивающимся странам антинаучные, реакционные теории, препятствующие распространению марксистско-ленинских идей, углублению революционного процесса в Азии, Африке и Латинской Америке. При этом они делают ставку на всемерное культивирование и укрепление реакционной стороны национализма развивающихся стран, ведущей к нацио-

нальной замкнутости, к отрыву от мирового социализма и международного рабочего класса. Тем самым Пекин стремится ослабить влияние мировой социалистической системы на развивающиеся страны, столкнуть развитие национально-освободительного процесса на мелкобуржуазные, националистические позиции и тем самым воспрепятствовать продвижению народов освободившихся стран по пути социального прогресса.

Сочетание в маоистских идеологических концепциях показного антиимпериализма, «антигегемонизма» и подлинного национализма импонирует ряду мелкобуржуазных лидеров Азии, Африки и Латинской Америки, среди которых Пекин ищет и находит единомышленников и союзников.

Хотя лозунги борьбы против империализма, колониализма, расизма, сионизма продолжают фигурировать в китайской пропаганде, практическая деятельность Пекина убедительно свидетельствует о том, что политика китайских руководителей, их подход к важнейшим проблемам развивающихся стран глубоко противоречат коренным интересам борьбы народов за национальную независимость и социальный прогресс.

Китайские руководители навязывают развивающимся странам антисоветизм в качестве главного направления «антиимпериалистической» борьбы. Отрицая существование реального социализма и социалистического содружества, маоисты пытаются лишить развивающиеся страны их основного союзника в борьбе против империализма, за национальную независимость и социальный прогресс, помешать выбору социалистической ориентации. Пекинская пропаганда служит интересам антисоциалистического курса, блокированию с империализмом, с антикоммунистами различных мастей, с режимами расистско-фашистских клик, с реакционно-националистическими силами.

Совершенно очевидно, что промежуточные цели пекинской внешнеполитической стратегии противоречат коренным интересам развивающихся стран, идут вразрез с политикой большинства из них на международной арене, и поэтому борьба КНР за их реализацию не только не может способствовать укреплению авторитета и влияния Китая среди развивающихся стран, но неизбежно ведет к осложнению этих отношений. Последнее, однако, не всегда проявляется открыто и приобретает политический характер прежде всего потому, что китайское руководство связывает развивающиеся страны своей экономической дипломатией и активной политической тактикой. Кроме того, развивающиеся страны вынуждены считаться с тем, что большинство промежуточных целей внешнеполитической стратегии Пекина поддерживается развитыми капиталистическими странами, способными оказывать сильное экономическое и политическое давление на развивающиеся страны.

Значительную роль в экономических отношениях КНР с развивающимися странами играет торговля (она стала быстро расти с начала 70-х годов, причем экспорт КНР растет примерно в два раза быстрее, чем импорт), а также предоставление экономической помощи, которая, однако, сокращается. В целом же в 70-е и в 80-е годы значение экономического фактора в отношениях КНР с развивающимися странами будет продолжать возрастать. Это связано, во-первых, с тем, что китайское руководство, стремясь преодолеть военно-экономическое отставание Китая от наиболее развитых стран современного мира, поставило задачу превратить Китай к 2000 г. в современное могучее государство. Сделать это без импорта заводов, оборудования, машин, научно-технических знаний невозможно. В связи с этим исключительное значение для КНР приобретает торговля с развивающимися странами, дающая возможность покрывать значительную часть дефицита от торговли с развитыми капиталистическими государствами. Из этого следует, что экспорт КНР в развивающиеся страны в ближайшие годы будет воз-

растать, причем китайское руководство будет активно пытаться использовать торговые отношения и экономическую помощь для расширения экономического проникновения в развивающиеся страны, которое необходимо для увеличения экспорта. Как и прежде, основными средствами увеличения экспорта в развивающиеся страны и расширения экономического проникновения будут демпинг и товарные кредиты.

Активизация экономических связей КНР с развивающимися странами в значительной степени обуславливается также растущей заинтересованностью в получении ряда сырьевых товаров с рынка развивающихся стран: каучука, хлопка, меди, фосфатов и др.

Повышение значения экономического фактора в отношениях КНР с развивающимися странами связано с возрастанием экономической роли развивающихся стран на мировой арене, с энергетическим и сырьевым кризисом, а также с борьбой этих стран за перестройку международных экономических отношений. При этом Пекин пытается направить усилия стран Азии, Африки и Латинской Америки не на решение фундаментальных задач по созданию нового международного экономического порядка, не на отражение натиска неокolonизма, а на подрыв экономического сотрудничества с миром социализма.

И наконец, в-четвертых, экономический фактор в отношениях КНР с развивающимися странами возрастает также и потому, что борьба КНР против СССР и социалистического содружества в 70-е годы приобрела глобальный и всесторонний характер. Развитие экономических отношений КНР со странами Азии, Африки и Латинской Америки имеет целью нанесение экономического ущерба СССР и ослабление его влияния в этих странах. Недаром китайское руководство объявило Советский Союз «самым крупным международным эксплуататором и угнетателем» и пытается повернуть перестройку международного экономического порядка против СССР и социалистического содружества.

Несмотря на то что реальные возможности экономического воздействия КНР на развивающиеся страны сравнительно ограничены из-за экономической отсталости КНР, их не следует недооценивать. Развивающиеся страны все более активно втягиваются в гонку вооружений, что находит выражение в увеличении военных ассигнований на содержание растущих армий и оснащение их современным оружием. Во второй половине 70-х годов импорт оружия развивающимися странами увеличивался ежегодно в среднем на 25 %, причем его стоимость составляла больше половины помощи, официально получаемой от Запада. Ряд развивающихся стран создает собственную военную промышленность, а некоторые из них приближаются к овладению ядерным оружием. Одной из важнейших причин этого процесса является неокolonизмская политика империализма, рассчитывающего укрепить свое влияние в развивающихся странах, ослабить их единство, а также извлекать все большие прибыли из торговли оружием. В 70-е годы Китай не только поддерживал эту политику империализма, но и сам принял в ней активное участие. Надо полагать, что в 80-е и 90-е годы Китай будет стремиться усилить процесс милитаризации и гонки вооружений в некоторых развивающихся странах, которые он, видимо, рассчитывает превратить со временем в рынок сбыта продукции своей растущей военной промышленности.

* * *

Представляется, что угроза развивающимся странам со стороны Китая в ближайшие десятилетия будет возрастать. Это связано с тем, что, во-первых, политика КНР на международной арене сближается с политикой империализма и получает от последнего все большую поддержку; во-вторых, дипломатия и тактика КНР в отношении развивающихся стран становится более активной и, в-третьих, создаваемая в

КНР новая модель социально-экономической организации общества будет более привлекательной для развивающихся стран, чем «казарменный социализм» Мао Цзэдуна, то есть снова может встать вопрос о воздействии на развивающиеся страны китайской социально-экономической модели.

С другой же стороны, Пекину все труднее выдавать себя за участника мировой антиимпериалистической революционной борьбы, поскольку от этого участия осталась одна «левая» фраза, практическая же политика китайского руководства на международной арене свидетельствует о том, что Китай выступает как сила шовинистическая, контрреволюционная, как союзник и особый отряд империализма в борьбе против национального освобождения, независимости и социального прогресса.

Сближение КНР с развитыми капиталистическими странами и сосредоточение главных усилий на курсе «четырёх модернизаций» создают ряд новых проблем в отношениях Пекина с развивающимися странами. Становится все более ясно, что сближение КНР с развитыми капиталистическими странами в значительной мере идет за счет интересов развивающихся стран, а это значит, что КНР приносит в жертву интересы развивающихся стран во имя собственного развития. Это, естественно, не может не влиять на отношения последних с Пекином. Вместе с тем нельзя не видеть и того, что стремление КНР одновременно опираться и на развитые, и на развивающиеся страны, объединив их в едином антисоветском фронте, внутренне противоречиво и обречено на провал. Как известно, экономические и политические противоречия между империализмом и развивающимися странами все более обостряются. Пекин же, закрывая глаза на это, пытается сглаживать их противоречия, подталкивая развивающиеся страны к политическому антисоветскому союзу с империализмом для борьбы против социалистической системы.

Более того, расчет создать «единый фронт» развитых капиталистических и развивающихся стран заставляет Пекин жертвовать многими идеологическими установками и делать такие внешнеполитические шаги, которые дискредитируют политику КНР в глазах развивающихся стран. Таким образом, в последние годы очевидны рост противоречий между внешнеполитическим курсом КНР и интересами развивающихся стран и падение авторитета Китая в развивающихся странах.

Политика КНР в отношении развивающихся стран приносит ей известные политические и экономические выгоды, поэтому она будет продолжаться.

В заключение несколько слов о перспективах стратегии КНР в отношении развивающихся стран. В глобальном долгосрочном плане этот курс бесперспективен, он, разумеется, не дает и не даст тех результатов, на которые рассчитывают в Пекине. Китайские руководители не смогут вовлечь развивающиеся страны в активную борьбу против Советского Союза и других социалистических стран, тем более им не удастся создать на международной арене единый антисоветский фронт. Эти замыслы маоистов обречены на провал.

Не сможет Пекин достичь своих планов и в региональном масштабе, хотя он и сможет добиваться известных временных успехов, используя свои военные и экономические возможности и другие средства воздействия на развивающиеся страны. Но эти успехи будут иметь временный, нестабильный и преходящий характер, поскольку внешнеполитический курс КНР, его стратегия и тактика в отношении стран Азии, Африки и Латинской Америки преследуют шовинистические, гегемонистские цели, противоречат основным тенденциям мирового развития и международных отношений, идут вразрез с коренными интересами развивающихся стран.

Пекин: деструктивная политика

В. Н. Борисов

Разрыв китайских руководителей с принципами марксизма-ленинизма и пролетарского интернационализма, переход их на рельсы великодержавного шовинизма полностью изменили характер внешней политики Китайской Народной Республики и роль этой политики на международной арене. Из конструктивной, какой она являлась в первое десятилетие существования КНР, эта роль во все большей мере становится деструктивной, а воздействие внешнеполитического курса КНР на международные отношения — отрицательным, дестабилизирующим.

С позиций борьбы за обеспечение прочного мира и безопасности на Дальнем Востоке и во всем мире китайское руководство перешло в ряды противников разрядки, открыло поход против принципов мирного существования, все шире и яростнее нападает на миролюбивую политику СССР и стран социализма, все чаще предпринимает опасные авантюры на международной арене.

Вместо тесного сотрудничества с Советским Союзом и другими социалистическими государствами Пекин с конца 50-х годов идет по пути оголтелого антисоветизма и упорной борьбы против социалистического содружества.

Линия на единство антиимпериалистических прогрессивных сил, которой первоначально придерживалась КНР, сменилась настойчивыми попытками подмять эти силы, подчинить их гегемонистским амбициям китайских руководителей, а когда эти замыслы провалились, Пекин сосредоточил свои усилия на том, чтобы расколоть социалистическое содружество, вбить клин между СССР и другими странами социализма, разорвать естественные связи между социалистическим содружеством, с одной стороны, и молодыми национальными государствами и мировым национально-освободительным движением — с другой. Лихорадочная деятельность, развернутая китайскими руководителями для достижения этих целей, началась, как известно, с провозглашения левацких лозунгов и обвинений основных отрядов мирового коммунистического движения в «ревизионизме». Однако в Советском Союзе, в социалистических странах, в рядах коммунистического и рабочего движения понимали, что, пойдя налево, пекинские лидеры неизбежно придут направо. Действительность подтвердила эти предвидения, китайское руководство из борца против империализма стало его пособником и союзником.

Наиболее рельефное и конкретное воплощение разрыв Китая с принципами социалистической внешней политики получил в провозглашении Пекином в качестве своей государственной задачи создания под эгидой китайского руководства «широчайшего единого международного фронта» против СССР и социалистического содружества¹. В результате про-

¹ См., например, доклад Хуа Гофэна на I сессии ВСНП пятого созыва («Жэньминь жибао», 7.III.1978).

изошли полная смена международных позиций, полный пересмотр взглядов по основным международным проблемам как в глобальном, так и в региональном плане.

Вместо научного, классового подхода к международным отношениям в Пекине были изобретены и введены в обиход фальшивые, антинаучные концепции «теория двух сверхдержав», «теория трех миров», клеветнические измышления о «социал-империализме». Особенностью этих схоластических схем — кстати говоря, во многом неоригинальных, навеянных «творчеством» буржуазных политологов Запада — является то, что они, эти схемы, по сути дела, полностью игнорируют тот основополагающий для каждого марксиста факт, что в центре всей современной эпохи находится противоречие между двумя мировыми системами: социализмом и капитализмом. Они клеветнически приравнивают социалистическую внешнюю политику СССР к политике главной империалистической державы — США, оказывая тем самым немалую идеологическую и политическую услугу империализму. «Теория трех миров» идет еще дальше в этом направлении: она фактически объявляет, что в нынешних условиях обе мировые системы, на которые разделен современный мир, якобы перестают существовать².

Эти «теории» понадобились китайским руководителям прежде всего для того, чтобы изобразить дело так, будто Пекин совершил якобы не грубый разрыв с Советским Союзом и социалистическим сотрудничеством и отнюдь не изменил принципам социалистической внешней политики, а всего лишь порвал с одной из «сверхдержав», и только! Таким образом, дескать, политика Пекина стала даже более «последовательной», поскольку он занял позицию противостояния обеим «сверхдержавам». Однако служебная роль теории «двух сверхдержав» этим не исчерпывалась. Еще более существенное ее назначение состояло в том, чтобы подготовить почву, создать подходящую платформу для того, чтобы, разорвав со вчерашними союзниками, пойти на сближение, смыкание со вчерашними политическими противниками, создать условия для блокирования с силами империализма.

Для того чтобы обеспечить достижение этих целей, Пекин был вынужден предпринять в последние годы кое-какую «доработку» так называемых концепций «двух сверхдержав» и «трех миров». В своем первоначальном варианте обе эти «теории» ставили, как известно, СССР и США в сходное положение, соблюдая в подходе к ним своего рода «симметрию». Но такой подход недостаточно соответствовал политическим потребностям китайского руководства, которое искало пути к блокированию с империалистическими силами, и прежде всего, разумеется, с США. И вот китайские политики от «симметричной модели» переходят к «асимметричной». Они делают еще одно «открытие»: оказывается, между «сверхдержавами» имеется якобы существенная разница, состоящая в том, что СССР на международной арене «наступает» на позиции Соединенных Штатов, а последние лишь «обороняются». Таким образом, по мнению пекинских теоретиков, был заложен теоретический базис, позволяющий проводить в отношении «сверхдержав» различную и даже противоположную политику, то есть вести враждебный курс в отношении Советского Союза и одновременно вести линию на смыкание с другой «сверхдержавой» — США. Заместитель премьера Госсовета КНР Дэн Сяопин с предельной ясностью обнажил линию Пекина в этом вопросе: я надеюсь, заявил он 21 октября 1977 г. руководителю агентства Франс Пресс К. Русселю, что в дело борьбы с СССР включится весь мир — «третий мир», «второй мир» и даже «первый мир», то есть Соединенные Штаты³.

² См. Выступление главы делегации КНР Дэн Сяопина на специальной сессии ГА ООН (10 апреля 1974 г.). Пекин, 1974, с. 2.

³ См. М. С. Каица. КНР: три десятилетия — три политики. М., 1979, с. 327.

Эти мотивы звучат и ныне. В начале 1979 г. Дэн Сяопин, на этот раз уже в Вашингтоне, выступил с призывом к созданию фронта США, Японии, государств Западной Европы и Китая против СССР⁴. Вторя Дэн Сяопину, заместитель министра иностранных дел КНР Сун Чжигуан призвал к тому, чтобы в антисоветское объединение наряду с Японией, США, Западной Европой и Китаем включились также и страны «третьего мира». «Все, — вещал Сун Чжигуан, — должны участвовать в попытке блокировать советский экспансионизм. В настоящее время одна Америка слишком слаба»⁵.

Призывы к сколачиванию подобного глобального антисоветского, антисоциалистического суперблока, возведенные, например, в докладе Хуа Гофэна на I сессии ВСНП пятого созыва в ранг «общей стратегической задачи народов всех стран»⁶, Пекин, по-видимому, рассматривает как некий катализатор в осуществлении сближения Китая с ведущими капиталистическими странами.

Дело усугубляется тем, что, поставив задачу превращения Китая в сверхдержаву, обладающую всеми видами вооружений, от ракетно-ядерных до обычных, и стремясь с этой целью, как выражаются в Пекине, «выиграть время у противника», китайские руководители и ныне, несмотря на разговоры о том, что внешняя политика КНР якобы претерпела эволюцию в сторону «реализма» и «миролюбия», по-прежнему остаются на авантюристических позициях. Серьезную опасность для народов представляет, как и в прошлом, весь комплекс их взглядов по актуальным международным проблемам современности — проблемам войны и мира, мирного сосуществования, разрядки международной напряженности, ограничения гонки вооружений и разоружения.

Еще большую угрозу делу мира и безопасности народов несет строящаяся на этих взглядах политика Пекина. Эта политика исчерпывающе охарактеризована в докладе товарища Л. И. Брежнева на XXV съезде КПСС, где указывалось: «Большую опасность для всех миролюбивых народов представляют лихорадочные попытки Пекина сорвать разрядку, не допустить разоружения, сеять недоверие и вражду между государствами, его стремление спровоцировать мировую войну, а самому погреть на этом руки. Такая политика Пекина глубоко противоречит интересам всех народов»⁷.

Эта характеристика политики Пекина, данная на высшем форуме нашей партии, остается полностью верной и теперь. Именно об этом свидетельствуют такие факты последнего времени, как агрессия КНР против героического Вьетнама, непрекращающиеся давление и провокации на китайско-вьетнамской границе, вмешательство во внутренние дела Лаоса, Кампучии, подрывная деятельность против Демократической Республики Афганистан и ряда других стран Азии.

Разоблачение гегемонистских, авантюристических взглядов Пекина по актуальным проблемам современности приобретает в нынешних условиях особую важность еще и потому, что в последнее время, продолжая проводить враждебную делу мира политику и шире прибегая к агрессивным действиям, китайские руководители явно пытаются маневрировать и маскировать свои позиции в вопросах войны и мира, стремясь представить их по возможности в «респектабельном виде». Эти маневры носят вынужденный характер. Китайские лидеры начинают понимать, что многие их поистине чудовищные высказывания, ставшие достоянием широкой гласности в Китае и за его пределами, вызвали и продолжают вызывать у народов мира, у всех, кто понимает, к каким опасным для

⁴ См. М. С. Капица. КНР: три десятилетия — три политики, с. 327.

⁵ Цит. по: «Дагенс нюхетер», 14.V.1979.

⁶ «Жэньминь жибао», 7.III.1978.

⁷ Л. И. Брежнев. Ленинским курсом. Речи и статьи, т. 5. М., 1976, с. 459.

человечества последствиям может привести новый военный взрыв, все большее недоверие к политике Китая. Слишком много наговорили пекинские лидеры, слишком прямолинейно излагали они свои планы и замыслы. И по-видимому, у них родилось желание как-то уменьшить вызванный этой чрезмерной откровенностью политический ущерб. Стремясь решить эту нелегкую задачу, Пекин, однако, судя по всему, отнюдь не собирается отказываться от самого существа своих милитаристских платформ и прогнозов. Дело сводится к попыткам «подправить» некоторые однозвучные места в старых изречениях, афоризмах и «пророчествах», кое-где слегка изменить их направление и акценты, «разъяснить» мотивы и т. п. Расчет тут в том, чтобы пустить людям пыль в глаза, затушевать гегемонистское острие политики Пекина, сохранение им ставки на войну и таким образом облегчить себе приобретение новых союзников для осуществления великодержавных замыслов. Не потому ли в последнее время Пекин усиленно стремится создать впечатление эволюции своих взглядов в направлении «миролюбия», исходя, по-видимому, из того, что в результате таких маневров прежние высказывания китайских лидеров по вопросам войны и мира будут забыты, или надеясь, что со временем острота их восприятия притупится.

Но именно поэтому и необходимо освежить в памяти людей хотя бы некоторые из этих высказываний, особенно с учетом того факта, что до сих пор никто в Пекине не дезавуировал их. Наоборот, время от времени тот или иной из нынешних лидеров Китая нет-нет да и повторит в слегка приглаженной форме суть этих высказываний.

Прежде всего речь идет об апологии китайскими руководителями новой мировой войны, проповеди ее фатальной неизбежности. Читателю, несомненно, памятли суждения и афоризмы пекинских лидеров по этим вопросам. Напомним хотя бы выступление Мао Цзэдуна на II сессии VIII съезда КПК в мае 1958 г., где было заявлено следующее: «Война — ну и хорошо. Быстрее можно будет начисто покончить с империализмом. Полагаю, что с ним можно было бы покончить за три года. При наличии атомных бомб война может продлиться на год меньше, чем раньше. Зато потом не будет войн. Будет война — значит, будут мертвые. Смерть не страшна. Если из 600 миллионов человек (численность населения Китая в тот период. — В. Б.) половина погибнет, останется 300 миллионов человек. Если во время войны погибнет половина человечества — это не страшно. Не страшно, если останется и треть населения»⁸.

Это высказывание отнюдь не представляет собой личное мнение одного Мао Цзэдуна. Спустя семь с лишним лет, 21 июля 1975 г., Дэн Сяопин в беседе с японскими журналистами заявил: «Третьей огромной мировой войны не избежать. Возможно, в этой войне погибнет столько-то людей. Но эта война облегчит решение вопросов угнетенных наций и человечества. Она не так уж плоха (подчеркнуто нами. — В. Б.)».

Эта линия отнюдь не сдана Пекином в архив. Она остается и сегодня составной частью политической платформы китайского руководства, несмотря на значительные изменения в его составе. По-прежнему в китайской печати пишут, что «в нынешних исторических условиях прочный мир невозможен, новая мировая война неизбежна». Мировая война, утверждают в Пекине, «может разразиться в любой момент. Вопрос в том, когда это произойдет, а не в том, произойдет это или нет». Смысл этой логики пекинских лидеров, их утверждений, что войну можно отсрочить, но ее нельзя избежать, существо связанных с такой постановкой вопроса замыслов Пекина становится ясным в свете высказывания Дэн Сяопина, относящегося к 1977 г., которое гласило: «Вспышка третьей мировой войны неизбежна. Однако если время возникновения этой вспышки мо-

⁸ Да здравствуют идеи Мао Цзэдуна! Пекин, 1967 (на кит. яз.).

жет быть отодвинуто до конца столетия, мы сможем захватить инициативу, и это будет наиболее выгодным»⁹.

Летом 1978 г. министр обороны КНР Сюй Сянцян писал по случаю годовщины НОАК: «Война — нормальное явление в отношениях между двумя мирами», «третья мировая война может разразиться в любой день», «война — это также продолжение мира...»¹⁰. Проповедь неизбежности войны ведется китайскими представителями и с такой, казалось бы, явно неподходящей для подобного занятия трибуны, как Генеральная Ассамблея ООН, где они неоднократно заявляли, что война неизбежна и «это не зависит от воли людей». Из постулатов неизбежности войны исходит и нынешняя военная доктрина Пекина, в соответствии с которой будущая война станет беспрецедентной в истории человечества, что она начнется скоро, будет крупномасштабной и даже ядерной¹¹.

Все это говорит о том, что китайские руководители и ныне верны тезису о неизбежности новой мировой войны. Единственное, что они теперь допускают, это возможность «отсрочки мировой войны». При этом условием такой отсрочки они выставляют создание «единого международного фронта» против СССР. Истинный смысл такого маневра Пекина не так уж трудно уразуметь. Во-первых, выдвижение этого тезиса позволяет китайским руководителям сохранить в неприкосновенности сам постулат о фатальной неизбежности войны. Во-вторых, признавая возможность отсрочки войны и даже призывая к борьбе за такую отсрочку, пекинские лидеры рассчитывают выдать себя, разумеется только на словах, за «миролюбцев», продолжая на деле вести линию на обострение международной напряженности и сталкивания между собой других стран, для чего, в частности, усиленно используются призывы к образованию «широчайшего международного фронта» против СССР и других социалистических стран. В-третьих, тезис об «отсрочке» войны несколько не претягивает, а наоборот, стимулирует политику всесторонней подготовки к войне, проводимой китайскими руководителями. Если вспомнить цитированные выше слова Дэн Сяопина о «выгодности» «отсрочки» войны до конца столетия, то становится особенно ясным, что положение о возможности отсрочки войны выдвигается Пекином в целях, ничего общего с борьбой за мир не имеющих. Характерно, что когда во время своей поездки по странам Западной Европы Хуа Гофэн выступал с тезисом об отсрочке войны, то некоторые из его собеседников отмечали, что считают необходимым добиваться не только отсрочки войны, но и ее предотвращения.

Оставаясь на позициях утверждения неминуемости нового военного катаклизма, в Пекине не пытаются подтвердить эти свои постулаты сколь-нибудь серьезным анализом особенностей современной эпохи. Китайские руководители не замечают или не желают замечать огромных исторических изменений. Они игнорируют значение того факта, что уже из-за самого характера современного оружия войну нельзя рассматривать как допустимое средство внешней политики, каким она когда-то являлась, что исключение войны из жизни общества становится насущной задачей народов. В Пекине не видят или не хотят видеть, что примерный баланс военных потенциалов двух мировых систем принес весьма существенные перемены на мировую арену, ограничивая свободу действий империалистических сил в вопросах войны и мира. Китайские руководители проходят и мимо того несомненного факта, что рост мощи мировой социалистической системы становится все более труднопреодолимой преградой для сил войны.

Не желая видеть всех этих реальностей нашего времени, пекинские лидеры с упорством, достойным лучшего применения, повторяют свои

⁹ Цит. по: «Background of China», 17.V.1978.

¹⁰ «Хушун», 1978, № 8; «Жэньминь жибао», 31.VII.1978.

¹¹ См., например, речь министра обороны КНР Е Цзяньпина 9 мая 1977 г.

апокалипсические «предсказания», по-видимому рассчитывая, что повторение вполне заменит им аргументацию, основанную на изучении живой жизни.

Правда, есть у них излюбленное выражение, которое они везде и всюду повторяют, считая его, видимо, неопровержимым «доказательством» фатальной неизбежности новой мировой войны. Это утверждение о «неизбежности схватки двух сверхдержав» — США и СССР, неизбежности, якобы вытекающей из того, что «конфликт между ними нельзя решить мирным путем»¹². Однако доказательства тут, собственно говоря, нет. Ведь утверждения о неизбежности «схватки двух сверхдержав», то есть неизбежности военного столкновения СССР и США, у пекинских «теоретиков» ничуть не более обоснованы, чем их же утверждения о фатальной неизбежности новой мировой войны. Это просто-напросто по-другому выраженное отрицание самой возможности мирного сосуществования государств с различным социально-политическим строем. Это еще раз доказывает не то, что новая мировая война фатально неизбежна, а лишь то, что пекинские лидеры до сих пор остаются на позициях отрицания принципа мирного сосуществования, хотя они иногда и не прочь представить себя его сторонниками.

Формула о «неизбежности схватки двух сверхдержав» — это не научный вывод, а всего лишь яркий пример того, как китайские руководители пытаются паразитировать на противоречии между двумя мировыми системами — социализмом и капитализмом. Но одно дело исходить из того факта, что противоречие двух мировых систем является центральным противоречием нашей эпохи, и совсем другое дело утверждать неизбежность военного столкновения этих двух систем.

Курьез, до которого доходят китайские «руководители», состоит еще и в том, что, как отмечалось выше, они, по существу, отрицают, что противоречие двух мировых систем является коренным противоречием нашей эпохи, и даже пытаются отрицать само существование систем социализма и капитализма, а вот «неизбежность схватки» этих систем они пытаются возвести в абсолют. Не особенно вяжется одно с другим! Но это не тревожит пекинских теоретиков. Утверждения о «неизбежности схватки двух сверхдержав» нужны им для обслуживания нужд проводимого ими национал-шовинистического курса, для того, чтобы вызвать конфронтацию СССР и США, натравить эти две крупнейшие страны друг на друга, попытаться разжечь костер войны и «погреть руки» на этом костре.

Для Советского Союза такая провокационная тактика Пекина отнюдь не новость. Еще на рубеже 50-х и 60-х годов, подготавливая открытый переход на рельсы великодержавной гегемонистской политики и стремясь к подрыву сложившейся к тому периоду системы международных отношений, пекинские лидеры предпринимали попытки вызвать обострение в отношениях СССР и США и даже спровоцировать их военную конфронтацию. Они настойчиво требовали, чтобы СССР вел с США борьбу по принципу «острием против острия», «предупреждали» о недопустимости политики «умиротворения» Соединенных Штатов, объявляя «умиротворением» лишь развитие советско-американских отношений на основе принципа мирного сосуществования, усиленно повторяли, что «американские империалисты и все реакционеры — бумажные тигры». Все это говорилось с определенной целью — оказать на Советский Союз давление, чтобы подтолкнуть его к активным действиям против США, вызвать между ними военное столкновение.

Пекинские лидеры не ограничились разговорами. Они предприняли и определенные практические шаги, чтобы вызвать обострение международной обстановки на Дальнем Востоке, в районе Тайваньского про-

¹² «Жэньминь жибао», 1.XI.1979.

лива, что могло привести при существовавших в тот период союзнических отношениях СССР и КНР к военному противостоянию Советского Союза и Соединенных Штатов.

Советский Союз в этих сложных условиях продемонстрировал свою роль надежного оплота международного мира. Его твердая недвусмысленная позиция оказала отрезвляющее воздействие на правящие круги США, проводившие в отношении КНР явно враждебную линию. В этих кругах нашлись элементы, вознамерившиеся использовать критическую ситуацию для нанесения удара по Китайской Народной Республике. Следует напомнить, что кое-кто из американской военщины призывал в то время обрушить на материковый Китай ядерные бомбы. Более того, о готовности США применить против КНР в связи с тайваньским кризисом ядерное оружие прямо говорилось в письме государственного секретаря США Д. Ф. Даллеса, направленном сенатской комиссии США по иностранным делам¹³.

Именно вследствие твердой позиции СССР, заявившего о том, что Советский Союз в случае нападения извне окажет Китаю всю необходимую помощь, и одновременно выразившего мнение, что обе стороны, участвующие в конфликте, должны найти общий язык и избежать вооруженного столкновения, опасный кризис пошел на убыль и в конечном счете был преодолен. Вместе с тем Советский Союз отчетливо дал понять пекинским руководителям, что их авантюристические действия, артиллерийский обстрел прибрежных островов, предпринимая которые Пекин не считал нужным проконсультироваться со своим союзником или хотя бы предварительно информировать его, чреваты опасными последствиями для мира на Дальнем Востоке и во всем мире.

В наши дни история повторяется, так сказать, с другого конца. Факты свидетельствуют, что в настоящее время китайские руководители отнюдь не оставили своих замыслов вызвать советско-американскую конфронтацию. Более того, они ее энергично и всемерно провоцируют. Разница при этом состоит лишь в том, что теперь они стремятся использовать свои контакты с американской стороной для того, чтобы подтолкнуть Соединенные Штаты к выступлению против СССР. Любопытно, что в Пекине даже не утруждают себя разработкой новой аргументации: доводы, при помощи которых китайские политики стремятся убедить американских партнеров, что против СССР необходимо вести «жесткую» линию, как две капли воды похожи на те доводы, которые адресовались ими в прошлом Советскому Союзу.

Например, в мае 1978 г. министр иностранных дел КНР Хуан Хуа, принимая в Пекине помощника президента США по национальной безопасности З. Бжезинского, убеждал его, что перед лицом «угрозы социализма» необходимо «выступать против политики умиротворения», вести борьбу «острием против острия»¹⁴. Итак, вектор китайского воздействия изменил направление на противоположное, он изменил также точку приложения, но цели Пекина остались прежними. Как и раньше, его цель состоит в том, чтобы попытаться столкнуть США и СССР и таким образом «выиграть время» для «самоусиления».

Стремясь добиться этого, китайские руководители активно включились в распространение различного рода небылиц о «советской угрозе», оказывая этим добровольную услугу тем кругам в американском истеблишменте, которые сами не прочь использовать этот фальшивый лозунг. Так, нагнетая атмосферу, китайская печать навязчиво «предупреждает» американцев: «Перед лицом наступления Советского Союза по всему миру и ускоренного наращивания им вооружений Соединенные

¹³ См.: К. Т. Young. Negotiating with the Chinese communists: the United States experience, 1953—1967. New York, 1967, p. 142—143.

¹⁴ «Жэньминь жибао», 21.V.1978.

Штаты должны сделать выбор. Либо посмотреть опасности в глаза и принять эффективные меры противодействия, либо создать видимость «мира», а если вспыхнет война, потерпеть поражение»¹⁵.

Конечно, такого рода дешевые подстрекательские выходки сами по себе большого веса не имеют. Однако они способствуют империалистическим силам, прежде всего определенным кругам США, в их усилиях, направленных на осложнение международной обстановки, подрыв разрядки, разжигание милитаристского психоза. И если по вине этих сил «на стыке 70-х и 80-х годов международная обстановка, к сожалению, заметно осложнилась»¹⁶, то немалую долю ответственности за это следует отнести на счет Пекина.

«Мы знаем,— говорил товарищ Л. И. Брежнев,— что воля народов сквозь все препятствия пробила дорогу тому положительному направлению в мировых делах, которое емко выражается словом «разрядка». Такая политика имеет глубокие корни. Ее поддерживают могучие силы, и эта политика имеет все шансы оставаться ведущей тенденцией в отношениях между государствами»¹⁷.

Широко известно, что с конца 50-х годов китайские руководители неизменно демонстрировали враждебное отношение к процессу разрядки международной напряженности. Еще в сентябре 1958 г. Мао Цзэдун, объясняя мотивы артиллерийского обстрела прибрежных островов, сказал в беседе с А. А. Громыко, что «если брать вещи и явления в сравнении, то международная напряженность сейчас (речь шла, напомним, о 1958 г. — В. Б.), особенно в связи с событиями в районе Тайваня, более выгодна-де нашим странам (Мао имел в виду социалистические страны. — В. Б.) и менее выгодна империалистам... Запад полагает, говорил Мао Цзэдун, будто «холодная война» выгодна только ему, однако она „более выгодна нашим странам“»¹⁸.

С тех пор нападки на процесс разрядки, попытки вызвать неверие в саму возможность разрядки, постоянная борьба за подрыв разрядки все более занимают китайских руководителей, оказавшихся в этом важнейшем вопросе в рядах сил вчерашнего дня, в лагере сторонников возрождения «холодной войны», на позициях более реакционных, чем даже многие реально мыслящие буржуазные политики.

Открывая огонь по разрядке, что называется, «главным калибром», Чжоу Эньлай в докладе на X съезде КПК в 1973 г. говорил: «Разрядка— явление временное и поверхностное, а колоссальные потрясения будут продолжаться и дальше. Такие колоссальные потрясения являются для народа делом хорошим, а не плохим»¹⁹.

Прошло немало лет, с арены ушли Мао Цзэдун и Чжоу Эньлай, но не претерпела изменений враждебность китайских руководителей к процессу разрядки. В докладе на 2-й сессии ВСНП пятого созыва Хуа Гофэн почти дословно повторил то, что говорилось Чжоу Эньлаем на X съезде КПК. «За год с лишним, — сказал Хуа Гофэн, — международная обстановка характеризуется еще большими волнениями и напряженностью. По-прежнему нарастают факторы войны»²⁰.

В китайской периодической печати коллекционируются высказывания зарубежных противников разрядки, в которых Пекин видит своих близких единомышленников. С нескрываемым одобрением было помещено, например, высказывание английского консерватора, внука бывшего

¹⁵ Там же, I.I.1978.

¹⁶ Ответы Л. И. Брежнева на вопросы корреспондента газеты «Правда». — «Правда», 13.I.1980.

¹⁷ Там же.

¹⁸ М. С. Капица а. КНР: три десятилетия — три политики, с. 205.

¹⁹ X Всекитайский съезд Коммунистической партии Китая (Документы). Пекин, 1973 с. 23—24.

²⁰ «Жэньминь жибао», 28.VI.1979.

премьера Великобритании У. Черчилля, который заявил: «Разрядка — это катастрофа, ... это — синоним умиротворения»²¹.

В последнее время Пекин, выступая против разрядки, пытается приукрасить эту свою позицию. Китайские лидеры утверждают, что они, собственно, не против разрядки, они, дескать, тоже за разрядку, но не за «мнимую», а за «подлинную». Какую же разрядку они считают «мнимой», а какую «подлинной»? Реальный процесс разрядки, явившийся результатом усилий народов мира, китайские руководители вопреки фактам называют «мнимой» разрядкой. Эту разрядку, которая сменила период «холодной войны», Пекин признавать не желает! Они выступают за такую разрядку, которая сопровождалась бы борьбой против СССР по формуле «острием против острия» и созданием международного антисоветского, антисоциалистического фронта, чтобы не было никакого «умиротворения» в отношении СССР и социалистических стран! Но ведь такая, с позволения сказать, «разрядка» на пекинский манер означала бы не ослабление международной напряженности, а, напротив, ее нагнетание. Но этого как раз и добиваются китайские лидеры. У тех, кто направляет политику Пекина, на этот счет свои соображения. Разрядка — это движение в сторону от войны, а рост напряженности — движение в направлении войны. Китайских лидеров этот второй путь больше устраивает. Именно поэтому они испытывают оживление и не скрывают злорадного удовлетворения в связи с тем враждебным разрядке курсом, который взяли некоторое время тому назад руководящие круги США и некоторых других стран НАТО.

Однако, несмотря на зигзаги истории, процесс разрядки должен положить себе путь, а его противникам придется отступить. Ведь за разрядку выступают все более широкие слои мировой общественности, социалистические страны, мировое коммунистическое и рабочее движение, неприсоединившиеся страны, силы национального освобождения, наконец, все реально мыслящие люди, отдающие себе отчет о том, что разрядка не имеет для человечества разумной альтернативы.

Негативистский, чреватый угрозой миру и безопасности курс продолжает проводиться Китаем в таком важнейшем вопросе наших дней, как проблема разоружения. Ни для кого не является секретом, что, делая ставку на превращение Китая в военную сверхдержаву, китайское руководство с конца 50-х годов ведет упорную и непрерывную кампанию против разоружения, саботирует усилия народов и государств, направленные на поиски путей к ограничению и прекращению гонки вооружений и к разоружению, а также и меры, принимаемые в этих направлениях. Это относится и к проблеме всеобщего и полного разоружения, и к любым аспектам борьбы за частичное разоружение и ограничение вооружений как ядерных, так и обычных.

Свою кампанию китайские лидеры на протяжении многих лет вели неприкрыто и без особой оглядки, атакуя идею разоружения, что называется, в лоб. Например, в июле 1972 г. Чжоу Эньлай без обиняков заявлял, что в современных условиях «не может быть и речи о разоружении»²². Не менее резко и по-своему «колоритно» выражались по этому вопросу китайские представители в ООН, утверждая, что «говорить о всеобщем разоружении просто глупо»²³ или что разоружение — «чистый обман»²⁴, что «не следует питать иллюзий относительно разоружения»²⁵.

²¹ Цит. по: «Шинзе чжиши», 1979, № 1.

²² «Жэньминь жибао», 18.VII.1972.

²³ Из выступления министра иностранных дел КНР на XVIII сессии Генеральной Ассамблеи ООН. — «Жэньминь жибао», 3.X.1973.

²⁴ Документ ООН А (32) PV.13 от 30 октября 1977 г., с. 53.

²⁵ Из выступления министра иностранных дел КНР Хуан Хуа на спецсессии Генеральной Ассамблеи ООН по разоружению. — Цит. по кн.: М. С. Капица. КНР: три десятилетия — три политики, с. 354.

Число подобных высказываний китайских руководителей без труда можно было бы намного увеличить. Наверное, они заняли бы немало томов. К этому следует добавить, что, проводя милитаристский курс наращивания вооружений, китайские руководители всегда вели линию на то, чтобы Китай был вне рамок международных соглашений по вопросам ограничения гонки вооружений и разоружения. Китай, как известно, не подписал международных соглашений, под которыми стоят подписи большинства государств мира: договора о запрещении ядерных испытаний в трех средах, договора о нераспространении ядерного оружия. Более того, невзирая на протесты правительства многих стран и оставляя без внимания многочисленные предупреждения авторитетных специалистов об опасных для человечества последствиях продолжения ядерных испытаний в атмосфере, Китай продолжает такие испытания. Под предлогом необходимости развития ядерного оружия в целях «самообороны» КНР выступила против договора о принципах деятельности государств в космическом пространстве и договора о неразмещении ядерного оружия на дне морей и океанов и в его недрах. Китай отказался подписать конвенцию о запрещении бактериологического и токсинного оружия.

Невольно возникает вопрос: чем можно объяснить эту настойчивую линию на сохранение за собой Пекином полной свободы рук в вопросах вооружений, это стремление во что бы то ни стало удержать за собой «право» продолжать ничем не ограниченные испытания ядерного оружия, создавать другие виды оружия массового уничтожения? Не следует забывать и о том, что, не присоединяясь к широким международным соглашениям в области ограничения гонки вооружений и разоружения, китайские руководители не только сохраняют за собой полную свободу неограниченно вооружаться, но и опасное средство, которое может позволить им в тот или иной момент попытаться подорвать плоды многолетней кропотливой и трудной работы большинства государств мира и усилий мировой демократической общественности, направленных на то, чтобы сдвинуть с места проблему разоружения.

В последнее время в Пекине появились некоторые признаки стремления несколько «скорректировать» свою тактику в вопросах разоружения. Видимо, там пытаются сделать какие-то выводы из того, что негибкая и слишком обнаженная позиция, которую многие годы занимает Китай в этой области, не приносит политических дивидендов и все более компрометирует его в глазах мировой общественности. С этим связаны такие шаги китайской дипломатии, как участие в работах спецсессии ООН по разоружению, а затем в 1979 г. в сессии Комиссии ООН по разоружению, где КНР внесла свое «предложение по элементам всеобъемлющей программы разоружения», а также решение Китая принять участие в работах Женевского Комитета по разоружению, деятельность которого игнорировалась Пекином в течение многих лет.

Однако все эти шаги Китая, как показывает изучение его участия в деятельности спецсессии, а также комиссии ООН по разоружению и анализ упомянутого предложения об элементах программы разоружения, не свидетельствуют о сколько-нибудь существенных переменах в позиции Пекина по проблеме разоружения или о его намерениях включиться в конструктивную работу по поискам взаимоприемлемых подходов к решению этой проблемы.

Достаточно указать на то, что предварительным и ультимативным условием осуществления любой меры по разоружению в соответствии с проектом КНР объявляется, как этого всегда требовали китайские представители и во всех своих прежних выступлениях, осуществление первоначально этой меры Советским Союзом и Соединенными Штатами. Это требование относится и к ядерному разоружению, и к сокращению обычных вооружений, и к запрещению химического оружия, и к другим мерам. Предложения китайского проекта сформулированы с таким расче-

том, чтобы добиться разоружения только СССР и США, оставив Китай в обозримом будущем в стороне от процесса разоружения.

В этой связи стоит отметить также, что, выступая с требованиями «разоружения сверхдержав», пекинские лидеры в то же время всегда выступали против любых переговоров между СССР и США по вопросам ограничения гонки вооружений и разоружению. Они были в числе противников и хулителей достигавшихся СССР и США договоренностей, в том числе и подписанного в 1979 г. в Вене договора ОСВ-2. Это еще одно свидетельство того, что, выдвигая требование о «первоначальном разоружении сверхдержав», Китай в действительности стремится нагромоздить препятствия на пути к решению проблемы обуздания гонки вооружений.

Таким образом, существо маневров Пекина в проблеме разоружения состоит в том, чтобы, не меняя своих позиций по существу и продолжая саботировать усилия других государств в этой области, в то же время попытаться путем выдвижения так называемой «всеобъемлющей программы» подвести своего рода юридический «базис» под проводимую китайским руководством политику наращивания военного потенциала Китая.

В итоге рассмотрения нынешних позиций Пекина в вопросах разрядки и разоружения можно с полным основанием сделать вывод, что позиции китайского руководства по коренным проблемам современности, несмотря на попытки Пекина придать этим позициям более респектабельный и солидный вид, существенных изменений не претерпели.

Линия китайского руководства на нагнетание международной напряженности, авантюристическая установка на сталкивание друг с другом государств и народов, проповедь неизбежности войны, территориальные притязания почти ко всем своим соседям, растущая склонность к роли международного жандарма и бряцанию оружием, претензии на роль ракетно-ядерной сверхдержавы, проводящей гегемонистскую политику в глобальном масштабе, представляют серьезнейшую угрозу миру во всем мире, противоречат интересам всех государств и народов, в том числе и китайского народа.

Сближение Пекина и Вашингтона — угроза миру и безопасности народов

*В. И. Петухов,
кандидат исторических наук*

Иntenсивно развивающиеся в последние годы особого рода связи между Китаем и США, в основе которых лежит общая враждебность пекинского руководства и американского империализма Советскому Союзу, социалистическому содружеству, заключают в себе один из важнейших факторов нынешнего обострения международной напряженности.

Крутой поворот политики Вашингтона в сторону безудержной эскалации гонки вооружений и торпедирования разрядки вызвал решительное осуждение самых широких слоев общественности в большинстве стран мира. Однако в Пекине они нашли безоговорочную поддержку. За пределами Америки нынешний курс администрации Картера, пожалуй, никого не устраивает в такой мере, как маоистских лидеров с их великодержавно-гегемонистскими амбициями и ставкой на новую мировую войну. Это как раз тот курс, которого они добивались от США на протяжении всего периода китайско-американского сближения, начавшегося, как известно, с визита тогдашнего президента Никсона в КНР в феврале 1972 г. Ведь одна из главных целей, которую постоянно преследуют пекинские лидеры в отношениях КНР с США, — помешать улучшению советско-американских отношений, склонить США и их союзников к усилению конфронтации с Советским Союзом. Такая цель предопределена общим стратегическим замыслом китайского руководства — толкнуть США и СССР на вооруженный конфликт, который отбросил бы эти державы далеко назад по уровню развития, подорвал бы их мощь и таким образом дал бы возможность отсталому в технико-экономическом отношении Китаю вырваться вперед, занять ведущее место в международных делах.

Нетрудно заметить, что «кризисная драматургия» Картера, как называют новый курс Вашингтона в некоторых странах Запада, вполне отвечает такой политике. Маоистские лидеры потирают руки от удовольствия в надежде, что великодержавное неистовство американской администрации может покончить с разрядкой и разжечь большой пожар.

Нарастание агрессивно-великодержавных тенденций в политике как Пекина, так и Вашингтона, их общее стремление сдержать усиление позиций мирового социализма явились тем определяющим фактором, который побудил обе стороны форсировать процесс «дипломатической нормализации» отношений между Китаем и США. Сущность их стремлений, разумеется, не в установлении формальных дипломатических отношений, а в том, чтобы расчистить пути к блокированию Пекина и Вашингтона в международных делах на антисоветской основе.

Пекинское руководство давно стремилось к этому, преследуя, конечно, собственные корыстные цели, отнюдь не совпадавшие с установками вашингтонских политиков. Министр иностранных дел КНР Хуан

Хуа в одном из закрытых выступлений в конце 1978 г. сформулировал эти цели следующим образом: «Необходимо перетянуть Соединенные Штаты на свою сторону, чтобы сосредоточить все свои силы на борьбе с главным противником (то есть СССР.— В. П.)... Нужно вызвать раскол между двумя сверхдержавами, чтобы раздробить их». Провозгласив своей задачей сколачивание «широкого международного фронта» конфронтации с Советским Союзом, пекинское руководство окончательно сделало стержнем своего внешнеполитического курса сближение с государствами империалистического лагеря, смыкание с крайними силами антикоммунистической реакции. Это обусловило особую заинтересованность Пекина в установлении тесных отношений с США как главным силовым центром мирового империализма.

Накануне заключительного этапа китайско-американских переговоров о «дипломатической нормализации» в политике Пекина важное место заняли два новых момента, толкавших его к ускорению соглашения с США и их союзниками (в первую очередь с Японией). Во-первых, в начале 1978 г. была выдвинута амбициозная программа модернизации экономики и вооруженных сил КНР, которая базируется на заимствовании передовой техники капиталистических государств и финансовой помощи с их стороны. Во-вторых, примерно тогда же произошло резкое обострение китайско-вьетнамских отношений и Пекин приступил к разработке планов агрессии против СРВ, что также побуждало его искать поддержки у США и связанных с ними стран. Пекин был готов поступиться некоторыми своими принципами и позициями, в частности в вопросе о Тайване, лишь бы расположить к себе правящие круги Соединенных Штатов.

США по ряду причин длительное время проявляли определенную терпимость в развитии отношений с Китаем. В правительственных сферах Вашингтона шла борьба между сторонниками «политики равноудаленности» от СССР и Китая, учитывавшими необходимость продолжать азрядку в отношениях с Советским Союзом, и сторонниками линии на форсированное сближение с Пекином ценой даже определенных уступок ему по тайваньской проблеме и содействия вооружению Китая против СССР. Эта вторая линия взяла верх, когда «ястребы», представленные такими деятелями, как З. Бжезинский и его единомышленники — агенты военно-промышленного комплекса, приобрели доминирующее влияние в американской администрации и повели наступление на политику разрядки. Не случайно завершение китайско-американских переговоров о «нормализации» отношений совпало по времени с разработкой правительством США целой системы мер, направленных на ухудшение советско-американских отношений и усиление военного давления на СССР и его союзников. Именно после вашингтонской сессии Совета НАТО в мае 1978 г., когда был утвержден автоматический рост военных бюджетов стран — членов этого блока до конца XX в., что может считаться исходной вехой нового курса США, президент Картер выразил намерение форсировать урегулирование китайско-американских отношений и направил в Пекин З. Бжезинского для выяснения настроений маоистского руководства на этот счет, а затем предложил правительству КНР свои условия урегулирования, которые фактически и были положены в основу соглашения об установлении полных дипломатических отношений между Китаем и США, достигнутого в декабре 1978 г.

Соглашение было результатом компромисса, который отражал стремление Пекина и Вашингтона ускорить взаимное сближение в преддверии запланированных обеими сторонами осложнений в международной обстановке. С этой целью были приглушены противоречия между Китаем и США по вопросу о Тайване, который на протяжении целого ряда лет китайско-американских переговоров рассматривался как основное препятствие на пути к взаимному дипломатическому признанию. Пекину

пришлось пойти на принципиальные уступки по этому вопросу и, по сути дела, примириться с сохранением нынешнего статус-кво, то есть с независимым от КНР существованием тайваньского режима. Разыгрывая «китайскую карту», Вашингтон, однако, не пожелал поступиться собственными империалистическими интересами в этом важном для престижа Китая вопросе. Формальный разрыв Соединенными Штатами дипломатических отношений и военного договора с тайваньским режимом не внес существенных изменений в положение Тайваня: он фактически остается под американской опекой. США не признали суверенитета КНР над Тайванем и продолжают в полном объеме поддерживать с ним, хотя теперь и на неофициальной основе, торговые, экономические и другие связи, поставлять ему оружие и боевую технику, гарантировать безопасность Тайваня от нападения Китая. Чувствуя за собой поддержку Соединенных Штатов, тайваньский режим решительно отказывается от всяких переговоров с Пекином о мирном воссоединении с КНР. Тайваньская проблема осталась, таким образом, нерешенной.

Тем не менее формальная «дипломатическая нормализация» китайско-американских отношений была завершена. По существу, начался новый этап сближения Китая и США, который характеризуется значительным расширением двусторонних политических контактов, торговли, научно-технического сотрудничества и — что особенно опасно в смысле возможных последствий — налаживанием связей в военной области.

В первый же год после установления дипломатических отношений с визитами в Америке побывали заместитель премьера Госсовета Дэн Сяопин, которому там был оказан особенно пышный прием как главному в Пекине проводнику политики сближения Китая с США; заместитель премьера Госсовета, председатель Государственного комитета по науке и технике Фан И; заместитель премьера Госсовета, председатель Государственного экономического комитета Кан Шиэнь; министры нефтяной промышленности, металлургической промышленности, финансов, внешней торговли. Всего же в течение 1979 г. Соединенные Штаты посетили 308 китайских делегаций. С американской стороны в КНР с официальными визитами выезжали вице-президент У. Мондейл, министр финансов М. Блюменталь, министр торговли Х. Крепс, специальный представитель президента по торговым вопросам Р. Страус, министр здравоохранения Дж. Калифано. Увеличился поток делегаций в Китай представителей конгресса, деловых и научных кругов, органов пропаганды, всякого рода общественных организаций США. Кроме того, в КНР в течение года побывало около 40 тыс. американских туристов¹.

За всем этим оживленным обменом визитами проступала большая, тщательно спланированная работа обеих сторон по активизации межгосударственных связей, по установлению особого сотрудничества между Китаем и США. В результате в течение 1979 г. было подписано на правительственном уровне 15 соглашений, касающихся различных сфер двусторонних отношений, в том числе общее торговое соглашение, по которому Китаю предоставляется режим наибольшего благоприятствования в торговле с Америкой (это соглашение было в ускоренном порядке ратифицировано конгрессом в конце января текущего года), соглашения о научно-техническом и культурном сотрудничестве и др.

Но дело не только в названных соглашениях. Вероятно, более важное значение имеют те негласные договоренности, которые были достигнуты китайскими и американскими руководителями во время многочисленных взаимных визитов, в ходе переговоров, происходивших, как правило, в обстановке сугубой секретности. Так, в итоге визита Дэн Сяопина в Вашингтон стороны договорились о периодическом проведении консультаций друг с другом по международным вопросам, что предполагает ко-

¹ In: «Washington Post», 22.I.1980.

ординацию усилий Китая и Соединенных Штатов на мировой арене на базе «параллельных интересов». Содержание этих консультаций не раскрывается в печати, но официальные представители США всякий раз подчеркивают, что в результате переговоров выявилось совпадение или параллельность «глобальных стратегических интересов» США и Китая и что пекинское руководство поддерживает позицию Вашингтона по многим ключевым вопросам международного положения. Вашингтон в свою очередь старается в последнее время заверить китайских руководителей в том, что он готов содействовать созданию «сильного Китая», опирающегося на империалистический Запад.

Характерным в этом отношении был визит вице-президента США У. Мондейла, посетившего Пекин в августе 1978 г., накануне открытия советско-китайских переговоров в Москве, явно с целью повлиять на исход этих переговоров, помешать улучшению отношений Китая с Советским Союзом. Выступления Мондейла в Пекине отличались неприкрытой враждебностью к СССР и многообещающими реверансами Китаю, рассчитанными на то, чтобы закрепить его на проимпериалистической платформе. Подыгрывая маоистам, вице-президент США заявил: «Мощь, безопасность и модернизация Китая в последующем десятилетии будут отвечать интересам Соединенных Штатов... Если вы станете сильнее во всех областях, то это поможет сдержать другие страны, которые могут захотеть навязать вам свою волю». Не воздержавшись от недвусмысленных угроз, обращенных к СССР и его союзникам, Мондейл подчеркнул: «Мы будем считать, что любая страна, которая будет стремиться ослабить вас или добиться вашей изоляции в международных делах, занимает позицию, противоречащую американским интересам»². В связи с этим Мондейл призывал китайских лидеров «установить конкретные политические связи в целях обеспечения взаимной безопасности», «расширять консультации по мировым проблемам и своими самостоятельными действиями добиваться общей цели»³.

Дело не ограничилось словесными призывами. Мондейл объявил в Пекине о решении правительства США предоставить Китаю кредиты Экспортно-импортного банка на общую сумму 2 млрд. долл. сроком на пять лет и провести переговоры о выделении дополнительных кредитов в случае соответствующих заявок с китайской стороны. Он заверил, что администрация Картера будет добиваться санкции конгресса в отношении благоприятствования американо-китайской торговли и поощрения капиталовложений американских фирм в китайскую экономику посредством гарантий и страховки. Вице-президент США обсуждал с пекинскими руководителями возможности оказания американской помощи также и в перевооружении КНР.

Вопросы сотрудничества в военной области были главным предметом переговоров во время визита в Пекин министра обороны США Г. Брауна в начале января текущего года. В итоге этого визита наметилась линия на согласование Пекином и Вашингтоном их военно-политических акций на мировой арене и было положено начало установлению прямых военных связей между двумя странами. Согласно сообщениям печати, участники переговоров рассмотрели, в частности, такие формы этих связей, как регулярные консультации по вопросам военной политики, обмен разведывательной и другой закрытой информацией, взаимные визиты высших военных чинов и специалистов КНР и США, содействие Соединенных Штатов обучению офицерского состава китайских вооруженных сил, поставка Китаю из США наземных станций связи с искусственными спутниками в целях ведения военной разведки.

² Цит. по: «Жэньминь жибао», 28.VIII.1979.

³ Там же.

В центре переговоров между руководителями КНР и министром обороны США стоял вопрос, особенно интересующий Пекина, — о содействии Соединенных Штатов в модернизации вооруженных сил Китая и о поставках ему боевой техники и технологии для военных отраслей промышленности. Китай «готов покупать оружие, если США сделают ему соответствующие предложения», — заявил Дэн Сяопин в беседе с американскими конгрессменами⁴.

Соединенные Штаты на первых порах предпочитали не проявлять активности в данном вопросе, учитывая как собственные долговременные интересы на Дальнем Востоке, которые могут оказаться под ударом в случае усиления позиций китайского милитаризма, так и настроения азиатских союзников Америки, особенно Японии, опасавшейся увеличения военного потенциала своего агрессивно настроенного соседа. Принимались во внимание, видимо, и протесты миролюбивых стран, а также выступления против вооружения Китая в самих Соединенных Штатах. Однако с переходом к политике открытой конфронтации с силами мира и социализма правительство Картера все менее склонно считаться с упомянутыми сдерживающими факторами, которые оттесняются на задний план преходящими интересами, соображениями сиюминутного тактического выигрыша. В результате стало ясно: неоднократно публиковавшиеся заявления официальных представителей США о том, что Америка не намерена поставлять оружие Китаю, — фиговый листок, прикрывающий действительные намерения и действия Вашингтона.

Вашингтон уже давно снял вето на продажу оружия Китаю другими странами НАТО, то есть, по существу, санкционировал их участие в наращивании военного потенциала КНР. По инициативе США сессия Ассамблеи стран НАТО в декабре 1978 г. приняла решение, допускающее продажу оружия Китаю без каких-либо особых ограничений. Этот вопрос в секретном порядке обсуждался и на встрече руководителей США, Англии, ФРГ и Франции, которая состоялась в январе 1979 г. на острове Гваделупа. В последнее время внимание к запросам китайских милитаристов заметно возросло, поскольку в Соединенных Штатах, да и в других западных странах Китай стали рассматривать как что-то вроде шестнадцатого члена НАТО, самого желательного и многообещающего партнера.

Министерство обороны США накануне визита Г. Брауна в Пекин по указанию правительства разработало доклад, в котором рассматривается возможность оказания помощи в модернизации вооруженных сил Китая на общую сумму до 63 млрд. долл. Однако, судя по докладу, ряд моментов осложняет решение данного вопроса в полном объеме. Во-первых, подвергается сомнению способность китайских вооруженных сил освоить крупные партии современного оружия, а также использовать предоставляемую им технологию производства такого оружия. Во-вторых, в Вашингтоне опасаются, что «историческая китайская ксенофобия» ограничит возможность американцев «действовать непосредственно вместе с китайцами в больших масштабах». В-третьих, помощь Китаю вызвала бы недовольство азиатских союзников США и других стран региона. В-четвертых, она разошлась бы с американской политикой в отношении Тайваня, который в результате роста военного потенциала КНР оказался бы не в состоянии защитить себя в случае нападения со стороны Пекина. В-пятых, указанная помощь Китаю могла бы вызвать опасное осложнение отношений Соединенных Штатов с Советским Союзом, что все же не могут не учитывать в Вашингтоне.

Тем не менее министр обороны США заверил китайских лидеров, что американское правительство не останется в стороне от программы модернизации китайских вооруженных сил. На первых порах Соединенные

⁴ In: «New York Times», 12.1.1979.

Штаты санкционируют сделки своих фирм на продажу КНР техники «двойного использования», «технологии серой зоны», то есть той промышленной продукции, которая предназначается как для гражданских, так и для военных целей. В 1979 г. были выданы лицензии на экспорт в КНР, например, аэрокосмической аппаратуры, самолетов и запасных частей к ним, оборудования и аппаратуры для сейсмической разведки нефти и газа, вычислительной техники и другой продукции «двойного использования» на общую сумму около 250 млн. долларов⁵. Китайское правительство добивается рассмотрения его заявок на поставки Соединенными Штатами боевой техники самых последних образцов — истребителей, военно-транспортных самолетов, танков, ракет различного типа, электронных и радиолокационных бортовых устройств для ВВС и пр. В Вашингтоне пока идут споры по вопросу о том, следует ли вооружать Китай такой техникой, но при новом курсе администрации Картера нужно полагать, что «ястребы», делающие ставку на сотрудничество с Пекином, вероятно, и в этом вопросе одержат верх.

Взяв курс на материальное оснащение Китая в качестве своего фактического союзника, Соединенные Штаты стараются оправдать этот курс заверениями в том, будто они руководствуются стремлением оказать обычную помощь слабой, отсталой, якобы незащитной стране чуть ли не ради обеспечения равновесия сил и стабильности в прилегающем регионе. Но в действительности речь идет вовсе не об обычной помощи и, конечно же, не об обеспечении стабильности в интересах мира. Указанный курс нацелен явно на подрыв такой стабильности, ибо Соединенные Штаты вместе со своими партнерами по НАТО пытаются, как указывал Л. И. Брежнев, «всемерно поощрять и подбадривать приманками экономического характера, а теперь постепенно и поставками современного оружия, военной техники и технологии тех, кто, стоя во главе одной из крупнейших стран мира, открыто объявил о своей враждебности делу азрядки, разоружения и стабильности в мире; кто претендует на территории многих стран и организует провокации против них; кто провозгласил войну неизбежной и развернул активную подготовку к войне»⁶.

Такой курс связан с интересами западных производителей оружия, жаждущих погреть руки на военно-промышленном бизнесе и утвердиться на китайском рынке. Но он продиктован, несомненно, не столько коммерческими, сколько политическими расчетами. США и их союзники вооружают Китай с той целью, чтобы он продолжал втягиваться в противоборство с Советским Союзом и помогал подрывать социалистическую систему, содействуя укреплению позиций империализма. Ясно, что Запад хотел бы канализировать агрессию маоистского Китая в сторону СССР подобно тому, как это он пытался сделать в 30-е годы, натравливая на советское государство гитлеровскую Германию. Ныне, заигрывая с Пекином, стратеги империализма стараются не вспоминать роковые просчеты прошлого, не думая о том, что такая близорукая политика может дорого стоить Западу. Как учит опыт истории, в частности на примере той же гитлеровской Германии, те, кто вынашивает агрессивные, гегемонистские замыслы, вооружившись, сами решают, в какую сторону направить удар. Недаром говорят: «Змея часто кусает того, кто ее обогрел». Наиболее дальновидные деятели в западных странах понимают, что маоистский Китай с его великодержавными амбициями и традиционным вероломством, унаследованным от имперских времен, может обратить взоры не столько на север, который ему определенно не по силам, сколько, скажем, на запад, восток или юг, то есть на те районы Азии, где Соединенные Штаты, Англия, Франция, не говоря уже о Японии, имеют обширные

⁵ Ип: «Washington Post», 17.I.1980.

⁶ Из ответов товарища Л. И. Брежнева на вопросы американского журнала «Тайм». — «Правда», 16.I.1979.

интересы. Вооруженная авантюра Пекина в Индокитае дала убедительный материал для серьезных размышлений, от которых пытаются сегодня уйти политики Запада. Как и многие другие акции Пекина, она показала, что наследники Мао склонны вести на мировой арене самую безрассудную и безответственную игру.

Сегодня очевидно, что Китай стал для правящих кругов США одним из тех факторов, с которыми они связывают свои иллюзорные надежды изменить стратегическое соотношение сил в мире, укрепить позиции Америки. Однако даже американские специалисты, не сбитые с толку нынешним угаром воинственности в правительственных кругах своей страны, отмечают, что «при существующем соотношении сил едва ли можно рассчитывать, что относительная мощь Соединенных Штатов может возрасти в результате союза с Китаем»⁷. К тому же наивно ожидать, что маоистский Китай, после того как он еще более вооружится, будет послушно следовать за своим американским партнером, обслуживать его интересы.

Великодержавно-гегемонистский характер активности пекинского руководства на мировой арене свидетельствует о том, что оно использует своих партнеров, включая США, в собственных целях и стремится само «разыгрывать свои карты» с едва ли предсказуемыми последствиями для других стран, для всего мира. В этих условиях, как неоднократно указывалось советской стороной, вооружать Китай, поощрять его экспансионизм — значит рисковать судьбами человечества, пренебрегать интересами народов, в том числе и американского.

Тем не менее военно-политическое сотрудничество между Пекином и Вашингтоном начинает приобретать все более определенные очертания. При этом оно демонстративно противопоставляется политике разрядки напряженности и активно используется обеими сторонами как средство устрашения СССР и других миролюбивых стран, а также сил национально-освободительного движения и в известной мере как средство давления на страны так называемого «второго мира», в частности на Японию. Характерная особенность такой «сплоченности» состоит в том, что каждый из партнеров стремится использовать другого в своих интересах, создать максимально благоприятные условия для того, чтобы толкнуть другого партнера на конфликт с противником, а самому остаться в стороне и таскать каштаны из огня чужими руками. Иначе говоря, «сплоченность» пронизана духом провокаций, что делает китайско-американский альянс особенно опасным для всеобщего мира.

Факты последнего времени красноречиво свидетельствуют об этой опасности. Форсированное сближение Китая и Соединенных Штатов способствовало усилению их «параллельной» агрессивной активности в Азии, что привело к значительному осложнению обстановки как в данном регионе, так и вообще в мире.

Обострилось прежде всего положение в Индокитае. Известно, что Дэн Сяопин во время упомянутого визита в Вашингтон в начале прошлого года публично заявлял о намерении Пекина «проучить» Вьетнам, «преподать урок» ему. Это намерение было затем осуществлено: Пекин выступил уже не просто глашатаем войны, но и ее зачинщиком, прямым агрессором против одной из социалистических стран. Сделано это было не без одобрения Вашингтона. «Практически не вызывает сомнений тот факт, — писал американский журналист Р. Уорд, разделяя мнение большинства политических обозревателей Запада, — что если бы Китай не был уверен в дипломатической поддержке со стороны Соединенных Штатов ...он не мог бы позволить себе напасть на Вьетнам. Соединенные Штаты решили нормализовать свои отношения с Китаем (и принимали

⁷ Из заявления профессора Джорджауэнского университета Э. Латтуака («Washington Star», 26.X.1978).

у себя заместителя его премьер-министра как главу государства) в то время, когда они прекрасно знали, что Китай собирается предпринять военную акцию против Вьетнама... Наше правительство ни разу не отмежеввалось от враждебных высказываний Дэн Сяопина против Вьетнама»⁸.

В Вашингтоне, видимо, рассчитывали, что пекинская авантюра приведет к прямому столкновению Китая и Советского Союза и окончательно перекроет дорогу к улучшению отношений между ними, а если китайцы увязнут во Вьетнаме так, как в свое время увязли американцы, то это еще более привяжет Пекин к Америке. Учитывалось и то, что речь шла о конфликте, в котором сталкивались между собой социалистические страны, а это, разумеется, отвечало интересам империализма. Поэтому правительство США солидаризировалось с Пекином, утверждая, что его акция может быть оправдана ее направленностью против советского влияния в Индокитае (заметим, что в свое время правительство США прикрывало собственное вторжение во Вьетнам ссылками на борьбу против китайского влияния). Это был яркий пример применения, в данном случае американской стороной, той тактики подталкивания своего партнера в огонь войны, которая составляет характерную черту китайско-американского сотрудничества на мировой арене.

В результате своей агрессии Пекин потерпел беспрецедентное морально-политическое поражение. Вместе с тем был окончательно развенчан миф о миролюбивом характере политики китайского руководства, который пыталась распространять западная пропаганда в угоду маонстам. «Теперь все видят, — отметил Л. И. Брежнев, — что именно эта политика в настоящее время представляет собой самую серьезную угрозу миру во всем мире»⁹. Одновременно разоблачению подверглась провокационная роль Вашингтона, стала очевидной опасность подрыва мира, пронескающая из военно-политического сотрудничества маоистского Китая и американского империализма.

Вашингтон оказал определенную услугу Пекину, воспрепятствовав вместе со своими союзниками принятию в Совете Безопасности ООН резолюции, осуждавшей китайскую агрессию. Блокируясь с Пекином, американское правительство отказалось от установления дипломатических отношений с Вьетнамом, от предоставления ему давно обещанной экономической помощи, которую оно было обязано оказать в порядке возмещения ущерба, нанесенного многолетней американской интервенцией. Вкупе с китайским руководством американское правительство инспирировало против Вьетнама шумную пропагандистскую кампанию в связи с так называемой проблемой беженцев. Под предлогом оказания «помощи беженцам» США направили к берегам Вьетнама корабли своего 7-го флота, что способствовало продолжению вооруженных провокаций Пекина на китайско-вьетнамской границе, подбадривало агрессора. Американская и китайская пропаганда совместно занялись раздуванием мифа о «вьетнамской угрозе» Юго-Восточной Азии, чтобы обострить отношения между Вьетнамом и другими государствами Индокитая, с одной стороны, и государствами АСЕАН (Таиланд, Малайзия, Сингапур, Индонезия, Филиппины) — с другой. Негласное сотрудничество в оказании давления на СРВ становится, таким образом, постоянно действующим фактором в отношениях между Китаем и США.

Китай и США объединили свои усилия в попытках в собственных корыстных целях воздействовать на ход событий в Кампучии, воспрепятствовать признанию другими странами ее народно-демократического правительства и оказанию международной помощи кампучийскому на-

⁸ «Afrique — Asie», 21.I.1980.

⁹ Из речи Л. И. Брежнева на встрече с избирателями 2 марта 1979 г. («Правда», 3.III.1979).

роду, пережившему огромные жертвы и лишения в результате господства преступного режима пекинских ставленников. Пекин и Вашингтон продолжают оказывать поддержку недобитым остаткам полпотовских банд, снабжают их с территории Таиланда оружием, техникой, продовольствием и одновременно противодействуют изгнанию из ООН и других международных организаций агентов давно свергнутого народом режима.

На «параллельной основе» действуют Китай и США также в иранских делах. С падением кровавой диктатуры шаха провал в Иране потерпели не только американские империалисты, но в известной мере и маоисты. Они ведь тоже заигрывали с шахом, завязывали с ним особые отношения, добиваясь подключения феодально-монархического Ирана к антисоветскому «международному фронту». А после изгнания шаха китайские спецслужбы сотрудничают с ЦРУ в акциях, направленных на подрыв антиимпериалистического движения в Иране и организацию там антисоветских провокаций. Пекин не скрывал своего удовлетворения по поводу предпринятой администрацией Картера демонстрации американской военной мощи в Персидском заливе.

Особенно тесным оказалось сотрудничество пекинского руководства с американской империалистической реакцией в делах, связанных с Афганистаном. Пекин уже давно протягивал свои шупальца к этой стране, надеясь превратить ее в один из плацдармов своей шпионско-диверсионной и военной активности непосредственно у границ СССР. В Афганистан засылалась маоистская агентура, там создавались направляемые Пекином всякие левацкие группировки («Шоалее Джавид», кружок братьев Яри и др.), которые вели антисоветскую пропаганду, разжигали межплеменную вражду и мешали сплочению революционных сил афганского народа, боровшихся против монархического режима и феодальной реакции. Как и Вашингтон, Пекин заигрывал с королевским двором, надеясь с его помощью не допустить усиления советского влияния в Афганистане.

Народную революцию в апреле 1978 г. пекинское руководство встретило явно неодобрительно: оно признало Демократическую республику лишь через 11 дней после ее провозглашения. Маоисты пытались использовать своих немногочисленных сторонников в Афганистане для борьбы против нового строя. Но установление демократических порядков в этой стране, экономическая помощь и политическая поддержка, оказанные ей Советским Союзом, взаимовыгодное, равноправное советско-афганское сотрудничество выросли в препятствие для китайского проникновения. Пекин оттолкнул от себя демократические круги Афганистана, поскольку становились все очевиднее великодержавно-экспансионистские замашки и проимпериалистическая направленность политики маоистского руководства.

Обанкротившийся Пекин перешел к вооруженным формам борьбы против афганской революции. Он избрал базой своей подрывной активности лагеря афганского контрреволюционного отребья на территории Пакистана. Здесь маоисты занялись подготовкой и вооружением банд наемников для засылки в Афганистан, рассчитывая с их помощью организовать прокитайский переворот в Кабуле. Для пекинского руководства, отличающегося крайней беспринципностью, оказалось безразличным то, что его опорой во всей этой враждебной ДРА деятельности стали махровые реакционеры-антикоммунисты из числа экспропрированных революцией афганских феодалов, крупных коммерсантов, королевских чиновников и им подобных.

Естественно, что маоисты быстро нашли общий язык и с американской реакцией, которая никогда не прекращала антисоветских империалистических интриг в Афганистане. Эта общность явилась еще одним порочным результатом сближения КНР и США. Их скоординированное

вмешательство в афганские дела вылилось, по существу, в вооруженную агрессию, создавшую серьезную угрозу независимости Афганистана, миру и безопасности в Азии. Вступление советских войск в Афганистан по просьбе его правительства преградило путь агрессорам, что, понятно, вызвало их ярость. Американское правительство поспешило согласовать планы дальнейших действий против ДРА прежде всего с Пекином как самым подходящим партнером. С этим отчасти и был связан упомянутый визит министра обороны США Г. Брауна в КНР. Стороны «проявили полное взаимопонимание» и договорились о поставках оружия и других видах военной помощи Пакистану с целью прежде всего активизировать вылазки афганских наемников с пакистанской территории. Главная роль в этом деле была отведена Китаю: правительство США сочло более удобным действовать через него, чтобы не вызвать чрезмерное антиамериканское раздражение в Индии и других миролюбивых странах, переложить ответственность за последствия на своего партнера. К тому же учитывалось, что Пекину по ряду причин договориться с Пакистаном об общем взаимодействии легче, чем Вашингтону, у которого отношения с Исламабадом в последние годы были довольно прохладными, а временами и напряженными.

Пекинское руководство выступает фактическим пособником американского империализма и на других участках международной борьбы. Оно активно поддерживает курс США на взвинчивание гонки вооружений, укрепление НАТО, размещение новых видов американского ракетно-ядерного оружия в Европе. Нарастающая дипломатическая и пропагандистская активность Пекина в этом отдаленном от него регионе неизменно направляется на то, чтобы сорвать реализацию исторических решений Общеευропейского совещания по безопасности и сотрудничеству, натравить капиталистические государства Европейского континента на СССР, на государства социалистического содружества, удержать западную Европу в путях зависимости от США.

На Дальнем Востоке Пекин тесно сотрудничает с Японией, пытаясь вовлечь ее в орбиту своей антисоветской стратегии, обострить советско-японские отношения. Он поддерживает линию правящих кругов Токио на сохранение американо-японского военного союза и наращивание вооружений страны в соответствии с требованиями Вашингтона. Одновременно маоисты направляют усилия на раскол японских демократических сил, ведущих борьбу против военного союза с Америкой, за независимость и нейтралитет Японии. Пекин одобряет сохранение военных баз США не только на Японских островах, но также на Филиппинах, в Таиланде и некоторых других странах азиатско-тихоокеанского региона. Вопреки известному решению ООН о превращении зоны Индийского океана в зону мира, как того требуют Индия, Индонезия, Шри Ланка и другие прибрежные государства, Пекин выступает за усиление военного присутствия Соединенных Штатов в Индийском океане, и в частности за расширение их военно-морской базы на острове Диего-Гарсия. Китайское правительство фактически сотрудничает с Вашингтоном в дипломатических маневрах, нацеленных на подрыв отношений между СССР и Индией.

На Ближнем Востоке пекинское руководство, по существу, солидаризируется с капитулянтской линией египетского правителя Анвара Садата, вступившего в сепаратную сделку с Израилем, и занимается среди прочего поставкой оружия Египту. Оно содействует углублению раскола среди арабских стран, услуживая тем самым Вашингтону, его политике безоговорочной поддержки агрессивного сионизма. Пекин охотно идет на взаимодействие с Соединенными Штатами и в африканских делах, поддерживая вылазки проимпериалистической агентуры против прогрессивных государств и движений этого континента. Он одобрил интервенцию США, Франции и Бельгии в Заире и проявил готовность действовать

совместно с державами НАТО в оказании помощи их ставленникам в африканских странах.

В то же время Пекин всячески науськивает Соединенные Штаты на социалистическую Кубу: китайская пропаганда частенько злорадствует по поводу того, что США при всей их мощи не могут расправиться с Кубой. Американцев, однако, устраивает то, что Пекин постоянно ведет пропагандистскую кампанию против Кубы, стремясь подорвать единство социалистических государств, настроить против них неприсоединившиеся страны. Близкая к правящим кругам США печать приветствовала активность, проявленную маоистами в связи с проведением в Гаване осенью прошлого года конференции неприсоединившихся стран, когда пекинское руководство, используя свои связи с некоторыми участниками конференции, предприняло попытки расколоть движение неприсоединения, подменить его традиционную платформу антиимпериалистической борьбы концепцией «борьбы против двух сверхдержав», а точнее — борьбы против СССР.

Таков краткий обзор взаимоотношений Китая и США, тех новых аспектов их военно-политического сотрудничества, которые усиливают опасность осложнения международной обстановки. Известно, что Пекин завязывает особые связи на антисоветской основе не только со США, но и с их союзниками — с Японией, европейскими странами НАТО (особенно с Англией и ФРГ), Австралией и др. Но на данном этапе главным направлением, практической основой «международного антисоветского фронта», за создание которого ратуют пекинские лидеры, нужно считать, очевидно, китайско-американское сближение. Как показано выше, с точки зрения интересов укрепления мира, разрядки напряженности оно имеет определенно деструктивный, дестабилизирующий характер. В связи с этим возникает вопрос, насколько устойчиво такое сотрудничество между пекинской верхушкой и американской империалистической реакцией, каковы его пределы и возможности воздействия на международную обстановку в перспективе.

Ответ на этот вопрос нужно искать прежде всего в общей картине развития международной обстановки, нынешнего соотношения сил в глобальном масштабе. Китайско-американское сближение происходит в условиях укрепления позиции международных сил социализма, демократии и мира. Усиление экономической и оборонной мощи Советского Союза, всех государств социалистического содружества, их успехи в отстаивании дела мира и безопасности народов ведут ко все большему сужению возможностей как маоистского Китая, так и американского империализма в отношении осуществления великодержавно-гегемонистских целей.

В этих условиях воинственной реакции нелегко расправиться с политикой разрядки, отвечающей коренным интересам народов. «Такая политика имеет глубокие корни, — указывает Л. И. Брежнев. — Ее поддерживают могучие силы, и эта политика имеет все шансы оставаться ведущей тенденцией в отношениях между государствами»¹⁰. Но это значит, что те, кто сегодня пытается похоронить разрядку и вернуть человечество к временам «холодной войны», рано или поздно будут вынуждены более трезво оценить реальности современного мира, диктующие необходимость мирного сосуществования. Долговременные интересы Америки так или иначе должны привести вашингтонских политиков к выводу, что для Соединенных Штатов самый разумный путь — это путь переговоров с Советским Союзом, улучшения отношений с ним как со своим главным партнером на мировой арене. Надо полагать, что и пекинские руководители в конце концов осознают, что конфронтация с Советским Союзом — дело бесперспективное и крайне ущербное для национальных интересов

¹⁰ Ответы Л. И. Брежнева на вопросы корреспондента газеты «Правда». — «Правда», 13.I.1980.

Китая. Улучшение же отношений с Советским Союзом той или другой страной сделает беспредметной нынешнюю агрессивно-провокационную суть китайско-американского сближения.

Нужно иметь в виду также то объективное обстоятельство, что между Китаем и США существует целый ряд противоречий, которые и в настоящее время сдерживают процесс их сближения, а в будущем при определенных условиях могут привести к новому обострению взаимоотношений.

Дело далеко не ограничивается тайваньской проблемой, которая, как уже указывалось, остается нерешенной и по-прежнему представляет собой не только объект расходящихся, несовместимых позиций Китая и США, но и очаг международной напряженности, ибо судьба Тайваня затрагивает интересы целого ряда стран азиатско-тихоокеанского региона. Действуют и другие, на первый взгляд менее явные противоречия и расхождения, которые, однако, имеют стабильный, непреходящий характер. Назовем некоторые из них.

Первое. Агрессивный экспансионизм, характерный для политики как США, так и маоистского Китая, способствует усилению взаимного недоверия между ними, а в будущем — по мере роста военно-экономического потенциала КНР — неизбежно приведет к обострению соперничества.

Элементы такого соперничества просматриваются уже сегодня в подходе сторон к некоторым глобальным и региональным проблемам. В претензиях Пекина на руководящую роль в «третьем мире», в его стремлении использовать развивающиеся страны Азии, Африки и Латинской Америки для усиления своего влияния на мировой арене Соединенные Штаты видят прямую угрозу своим геополитическим устремлениям. «Китай по-прежнему рассматривается как один из основных соперников, а в ряде районов Азии и в бассейне Тихого океана как потенциально главный соперник США. Из высказываний пекинских лидеров явствует, что их стратегической целью является подрыв позиций обеих «сверхдержав» — сперва Советского Союза, а потом и США. Американцам приходится задумываться над этим. «Необходимо всегда помнить. — писала влиятельная американская газета «Крисчен сайенс монитор», — что Китай преследует свои корыстные цели... В один прекрасный день, когда Китай станет сильной с военной и экономической точек зрения державой, его интересы могут войти в конфликт с интересами Запада»¹¹.

При таком положении Вашингтон, при всем его стремлении разыграть «китайскую карту», вряд ли станет содействовать чрезмерному усилению Китая, на что рассчитывают пекинские руководители.

Второе. В результате продолжительного вооруженного вмешательства Соединенных Штатов во внутренние дела Китая и проводившейся ими в свое время политики блокады и изоляции КНР между двумя странами возник глубокий антагонизм, следы которого сохраняются в сознании китайского народа, несмотря на изменение характера официальных отношений. Поэтому нынешний курс на сближение с США не пользуется поддержкой в широких кругах китайского народа, что делает такой курс неустойчивым, подверженным неожиданным изменениям, особенно в случае основательных перетрясок в пекинском руководстве. Китайские лидеры вынуждены в той или иной мере учитывать настроения народа, а правительство США, не уверенное в прочности позиций пекинского руководства, и особенно той его части, которая ориентируется на Америку, колеблется в отношении ценности долговременных соглашений с КНР. Об этом свидетельствует, в частности, его позиция по тайваньской проблеме.

Третье. Отношения между Китаем и США подвержены воздействию такого фактора, как различия в их социально-экономическом строе и

¹¹ «Christian Science Monitor», 12.I.1980.

идеологии, что затрудняет сближение двух стран. Так, например, готовность США оказать помощь Китаю в модернизации экономики связывается с расчетами подчинить ее контролю американских монополий, вовлечь КНР в орбиту экономических связей капиталистического мира и добиться деформации социальных основ китайского государства. В силу такой перспективы вопросы отношений с Соединенными Штатами вызывают серьезные разногласия в пекинской верхушке, которые обусловлены приверженностью китайского общества ориентации на социализм. Не менее важно и другое: эта ориентация способствует тому, что всегда остаются открытыми двери для урегулирования отношений между КНР и Советским Союзом. А возможность такого поворота событий пугает правящие круги США, ибо он означал бы провал их расчетов на использование Китая в интересах империализма и резкое изменение соотношения сил на мировой арене в пользу социализма. ✓

На данном этапе развития китайско-американских отношений указанные противоречия старательно приглушаются обоими партнерами, отодвигаются в сторону, чтобы не нарушить процесс взаимного сближения, которому теперь предоставлен приоритет во внешней политике Пекина и Вашингтона. Поэтому никак нельзя приуменьшать опасность для дела мира, возникающую в результате этого сближения — ведь оно стимулирует воинственные акции той и другой стороны.

Было бы совершенно неправильно исходить из того, что Китай еще слишком слаб, чтобы оказать существенное влияние на развитие международной обстановки, поставить под угрозу всеобщий мир. «Поставить человечество на грань термоядерной катастрофы может не обязательно самый сильный в военном отношении враг разрядки. Опаснейшим нередко оказывается не сильнейший, а наиболее безрассудный. Гитлеровская Германия, развязывая вторую мировую войну, отнюдь не была сильнее всех среди империалистических держав. Однако именно в этой стране сложилось самое авантюристическое и безответственное руководство, действовавшее в соответствии с шовинистическими, гегемонистскими идеями гитлеризма, который закономерно вылился в политику агрессии и войны»¹². Те же идеи великодержавия и гегемонизма определяют и политику маоизма, которая на практике также стала политикой агрессии и войны. Достаточно вспомнить, что за последние два десятилетия мир был очевидцем целого ряда агрессивных вылазок китайских социалшовинистов — против Индии, СССР, МНР, Вьетнама, Бирмы, Таиланда и других стран. Из 30 военных конфликтов, имевших место в Азии после второй мировой войны, 19 возникли по вине КНР. Прошлогоднее вооруженное нападение Китая на Вьетнам лишний раз показало, «насколько безответственно относятся в Пекине к судьбам мира, с какой преступной легкостью китайское руководство пускает в ход оружие»¹³.

Опасность возрастает не только в результате прямого военно-политического взаимодействия Пекина и Вашингтона на мировой арене. Как показано выше, сближение Китая с Соединенными Штатами и другими империалистическими странами происходит также по линии сотрудничества в области некоторых внутренних проблем китайского государства, в первую очередь проблем модернизации его экономики и вооруженных сил. В этой части политика пекинского руководства, формирующаяся под влиянием сближения с империалистическим миром, ведет к широкому проникновению в страну иностранного капитала. «Закон о смешанных предприятиях», принятый сессией Всекитайского собрания народных представителей в июне 1979 г., обеспечивает особо благоприятные условия для деятельности в Китае капиталистических монополий. В ряде

¹² А. Г. Кручинин. От антиимпериализма к союзу с империализмом и реакцией. — «Проблемы Дальнего Востока», 1979, № 3.

¹³ Из заявления Советского правительства («Правда», 19.II.1979).

районов КНР создаются специальные зоны, где иностранным капиталистам предоставляется право создавать собственные предприятия, покупать землю, эксплуатировать дешевую рабочую силу, вести беспошлинную торговлю, полностью вывозить из Китая прибыли в валюте. При экономической и политической слабости Китая такие порядки могут привести к захвату капиталистами господствующих позиций в этой стране, что может иметь самые серьезные последствия с точки зрения перспектив развития международной обстановки. ✓

Из всего этого видно, что положение дел, складывающееся в результате политики сближения Пекина с силами империализма, чревато серьезными осложнениями на мировой арене. Оно затрагивает интересы многих миролюбивых стран, и прежде всего, конечно, соседей Китая. Вместе с тем оно включает в себе угрозу также и для жизненных интересов самого китайского народа. Это в первую очередь опасность вовлечения Китая в большую войну, чему может способствовать провокационно-авантюристическая политика пекинского руководства. Это крушение надежд народа на преодоление экономических бедствий и повышение материального уровня жизни, который остается предельно низким. Ведь программа «четырёх модернизаций», о которой так много говорят китайские лидеры, нацелена в действительности на форсированное наращивание военного потенциала и совершенно игнорирует задачу улучшения жизненных условий народных масс. Милитаризация страны, осуществляемая при поддержке капиталистических держав, военные авантюры, предпринимаемые маонистским руководством, поглощают огромные средства и преграждают дорогу нормальному развитию народного хозяйства КНР, усугубляя социальную и политическую неустойчивость китайского государства, китайского общества. Наконец, это угроза перерождения социально-экономического строя КНР под влиянием вторжения иностранного капитала, усиления политического и идеологического влияния Запада, вовлечения Китая в орбиту экономических связей капиталистического мира.

Подчеркнем поэтому, что борьба против теории и практики маонизма, против политики нынешнего пекинского руководства и его сговора с воинственными кругами империализма имеет огромное значение для дела защиты мира и всеобщей безопасности, а вместе с тем и для интернационалистской поддержки интересов самого китайского народа.

К итогам пленума ЦК КПК

В. Н. Фетов

С 23 по 29 февраля 1980 г. в Пекине проходил 5-й пленум ЦК КПК одиннадцатого созыва. В Китае опубликованы итоговое коммюнике пленума, постановления «О досрочном созыве XII съезда КПК» и «Об учреждении Секретариата ЦК КПК», принятый пленумом документ «Некоторые нормы политической жизни в партии». Появились многочисленные комментарии, включая большую статью в № 5 журнала «Хунци», органа ЦК КПК.

«Главным делом» пленума, согласно коммюнике, было «отстоять и усовершенствовать руководство со стороны партии, повысить боеспособность партии»¹. На деле речь идет в основном об очередном туре борьбы между фракциями китайского руководства, которая обострилась после смерти Мао Цзэдуна в сентябре 1976 г. и ведется вокруг вопросов об определении путей развития страны, отношения к маоистскому наследию и др.

Значение пленума — в принятии организационных мер, предназначенных подкрепить нынешнюю политическую линию китайского руководства, которая имеет целью «модернизацию» Китая, создание как можно скорее мощного милитаризованного государства. Соответственно модифицируется и маоизм. Отбрасываются или корректируются «левацкие» постулаты, определявшие его идейно-политическое лицо в последние 20 лет и оторванные от жизни. Эта линия включает внешнеполитический курс, направленный на подрыв дела мира, против СССР и других социалистических стран, на блокирование с империализмом и на получение с его стороны содействия в техническом, особенно военном, перевооружении Китая.

Пленум стал этапом на пути практического претворения в жизнь установок 3-го пленума ЦК КПК (декабрь 1978), принявшего, как известно, решение о «переносе центра тяжести всей работы партии на экономическое строительство». Он продолжил ранее начатую работу — расчистку политических завалов, выправление «ошибок» маоизма, нанесших неисчислимый урон во всех областях общественной жизни Китая, отказ от скомпрометировавших себя установок Мао. Но, как и прежде, остались в неприкосновенности националистическая платформа Мао Цзэдуна, великодержавно-гегемонистские основы и цели маоистской стратегии; борьба за власть затронула лишь вопросы выбора средств и методов реализации данной стратегии. Пленум не только не раскрыл действительные причины страданий, бедствий и потерь китайского народа в недалеком прошлом, не назвал их истинных виновников, но и постарался всячески этот вопрос замазать, обошел основные проблемы, интересующие страну.

¹ «Жэньминь жибао», 1.III.1980. (В дальнейшем документы пленума цитируются без ссылок. «Некоторые нормы политической жизни в партии» опубликованы 15.III.1980.)

Китайское руководство вновь подчеркнуло свою приверженность маоизму. «Иден Мао Цзэдуна,— писала «Жэньминь жибао», — есть и будут маяком, освещающим путь вперед в деле модернизации»². По окончании работы пленума председатель ЦК КПК Хуа Гофэн в беседе с японской делегацией Ассоциации депутатов парламента за японо-китайскую дружбу во главе с И. Фурун говорил: «Мао Цзэдун был руководителем строительства великого государства. Если бы не было председателя Мао, то не было бы и современного Китая... Мао Цзэдун и сам при жизни не говорил, что он был всегда прав. Эти вредные слухи распространяли Линь Бяо и «группа четырех», обожествлявшие председателя Мао и утверждавшие, что он заявлял нечто подобное. Мы же заняли в этом отношении следующую позицию: если в прошлом были ошибки, то мы обязаны исправить их. Мы хотим добиться правильной оценки идей Мао Цзэдуна»³.

Иными словами, нынешнее руководство не идет дальше внесения в маоизм нужных ему коррективов, сохраняет его в качестве идейно-политической платформы и навязывает всей стране новую редакцию маоизма, на которой сходятся деятели нынешней правящей верхушки.

Пленум проходил в сложной обстановке. Продолжая внешнюю политику Мао, которую отличают воинствующий великоханьский шовинизм, стремление к гегемонии, игра на мировых противоречиях, провоцирование войны, авантюризм и вражда социализму, Пекин всецело подключился к маневрам правящих кругов США, направленным на обострение международной обстановки. Рассчитывая на тактическое взаимодействие с ними в плане борьбы против СССР, Пекин объективно все больше скатывается на положение младшего партнера, подручного американского империализма, который откровенно пытается разыгрывать «китайскую карту» в собственных интересах. Этому в немалой мере способствует и линия на развитие Китая, прежде всего его милигаризацию, с помощью капиталистических держав, которую верхушка проводит, дезориентируя партию и народ.

Внутри страны сохраняются серьезные кризисные явления в экономической, идеологической, политической и социальной жизни, общая нестабильность. Положение характеризуется сокращением нищенского жизненного уровня на протяжении 20 с лишним лет без надежд для народа на его улучшение, ростом безработицы, дезорганизацией промышленности, в которой четверть предприятий работает убыточно, отставанием сельскохозяйственного производства от увеличения населения, кризисом всех топливно-энергетических отраслей, огромными трудностями на транспорте. Экономика Китая изранена диспропорциями, к которым привели маоистский волюнтаризм и ошибки руководства уже после смерти Мао. Трудности, провалы и неразбериха заставили китайское руководство отказаться от плана развития народного хозяйства на 1976—1985 гг., принятого в феврале 1978 г., и перейти к политике «урегулирования» в течение 1979—1981 гг., осуществляемого на основе годовых планов.

У пекинской верхушки не появилось пока четкой программы действий, нет единства в вопросах экономической и социальной политики, образования, государственного строительства и других. Прошедший пленум не принял каких-либо решений по перечисленным основным проблемам, как бы признав, что руководство Китая не может должным образом заняться ими, погрязнув в борьбе за власть.

Ситуация в правящей верхушке и в разных звеньях политической системы режима накануне пленума отличалась активным наступлением группировки деятелей правого толка, возглавляемых Дэн Сяопином. Он

² «Жэньминь жибао», 3.III.1980.

³ «Асахи», 17.III.1980.

выступает за решительное отбрасывание «левой» оболочки маоизма, за подгонку его к задаче поиска эффективных путей экономического строительства, а также за сближение с империализмом, прежде всего американским. Ряд деятелей в составе высшего руководства (включая некоторых реабилитированных жертв «культурной революции») не во всем сходятся с Дэн Сяопином, они более «умеренны», склонны к «центризму», к компромиссам. До последнего времени в руководстве была и группа лиц, связанных с «левой» линией Мао, «ортодоксальных маоистов», основные представители которой — заместитель председателя ЦК КПК Ван Дунсин, члены Политбюро Цзи Дэнькуй, У Дэ и Чэнь Силян — оказались «вычищенными» 5-м пленумом. Ход событий свидетельствует о том, что по мере развития новой политической ситуации происходило все большее сближение фракции Дэн Сяопина с «умеренными», «промежуточными» элементами верхушки против фракции «леваков», что и привело к развязке борьбы — устранению последних.

В борьбе за власть Дэн Сяопин выставлял себя автором «реалистического подхода», главным поборником прогресса Китая и «демократизации», а также с особым неистовством спекулировал на «советской угрозе», выдавая при этом за «успех» свою проимпериалистическую дипломатию. 16 января этого года он выступил перед высшими руководящими кадрами с докладом о текущем моменте и задачах, в котором изложил «четыре предпосылки модернизации»: 1) «незыблемая политическая линия», 2) «политическая обстановка стабильности и сплоченности», 3) «дух первооткрывателей в созидательной борьбе, которую придется вести в тяжелых условиях», 4) наличие преданных и профессионально подготовленных кадров. Отправляясь от антисоветизма, Дэн сделал упор в докладе на необходимости обеспечения «модернизации» скачкообразными темпами, с тем чтобы 80-е годы стали ее «решающим» этапом. Одновременно он потребовал ликвидации фракционности и любых «дестабилизирующих» факторов, искоренения недовольства и замены «непригодных» кадровых работников.

Видимо, не все в руководстве разделяют полностью положения этого доклада. Привлекают внимание материалы китайской прессы, критикующие погоню за высокими темпами роста производства. Интересно и то, что, как явствует из документов 5-го пленума, после доклада Дэн Сяопина заместитель премьера Госсовета КНР Ли Сяньнянь выступил 10 февраля со специальным докладом об экономических задачах. Как бы то ни было, Дэн добился обсуждения своего доклада по всей стране как партийной платформы, «перекрывающей» даже речь Е Цзяньина по случаю 30-летней годовщины КНР. Он явно претендует на роль ведущего деятеля режима, от которого зависят важнейшие решения и кадровые передвижки.

* * *

Пленум рассмотрел следующие вопросы: созыв внеочередного съезда КПК; дополнительные выборы в Постоянный комитет Политбюро ЦК КПК; вывод из состава Политбюро «новой четверки»; учреждение секретариата ЦК КПК; обсуждение проекта Устава КПК; обсуждение и принятие «Некоторых норм политической жизни в партии»; реабилитация Лю Шаоци, бывшего заместителя председателя ЦК КПК, председателя КНР, главного противника Мао Цзэдуна и объекта его удара во время «культурной революции»; исключение из 45-й статьи Конституции КНР положения о праве граждан на «широкое высказывание мнений, полное изложение взглядов, широкие дискуссии и дацзыбао».

В документах пленума немало цветистых, демагогических утверждений — о «сплочении» всей партии, всей армии и народа всей страны во-

круг ЦК КПК, о воцарении в Китае обстановки «стабильности и сплоченности, живости и бодрости». В целях повышения своего авторитета пекинские лидеры не жалеют усилий для подкрепления собственной версии о «послемаоцзэдуновском» периоде как якобы самом зрелом и плодотворном в жизни КНР, периоде особо бурного и заметного прогресса.

Однако это ничем не обосновывается, кроме общих фраз о «широком претворении в жизнь» текущих политических установок. В материалах пленума можно найти вольные или невольные признания тяжелого положения в партии и в стране, неспособности руководства дать ответ на актуальные и важные проблемы. Пленум проявил известную уклончивость и сдержанность, когда в многочисленные лозунги приходилось вкрапливать политические оценки ситуации. Так, в коммюнике отмечается, что Китай «в основном» завершил «переход от состояния серьезного хаоса... к ситуации, характеризующейся наличием руководства, порядка, направления и целей». Как видно, прогресс не выходит за рамки перехода от «серьезного хаоса» к элементарному порядку, когда наконец-то появляется руководство, указывающее направление и цели. Тем самым признается, что при Мао руководства в сущности не было или оно было таким, что это было равнозначно отсутствию руководства. Оптимистическому тону коммюнике, например, противоречит и заявление о том, что в текущем году Китай ожидают «исключительные трудности».

Разъяснение решения о досрочном созыве партийного съезда также сводится к общей фразе: «В связи с изменениями, происшедшими во внутренней обстановке, необходимо... надлежащим образом разрешить целый ряд важнейших вопросов политической жизни государства и партийной жизни, равно как и ряд важнейших вопросов идеологического и теоретического порядка в интересах развития и укрепления политической обстановки стабильности и сплоченности, живости и бодрости, в интересах успешного осуществления модернизации».

Такая формулировка не раскрывает, а затуманивает истинные мотивы созыва съезда. Существо же в том, что политическая платформа предыдущего, XI съезда, состоявшегося в августе 1977 г., менее чем через год после смерти Мао и под свежим влиянием «культурной революции», уже не может обеспечивать китайскому руководству проведение того нынешнего курса. Эта платформа содержит выдвинутые во время «культурной революции» установки на разжигание внутренней борьбы и на ведение производства волюнтаристскими методами. За словами о необходимости решения «важнейших вопросов идеологического и теоретического порядка» кроется тот простой факт, что сейчас пекинским правителям, вынужденным фактически осудить «культурную революцию», потребовалось заново перелицевать маоизм, избавляясь от многих положений и установок IX (апрель 1969 г.), X (август 1973 г.) и XI съездов, которые были выдвинуты и навязаны партии лично Мао. Сам по себе этот факт — неоспоримое свидетельство общего банкротства-маоизма. Но как раз это-то и не хотят признавать пекинские лидеры, выдающие собственную операцию над маоизмом за «восстановление» его «подлинного облика».

Кроме того — и это главное — перестал существовать кадрово-организационный компромисс XI съезда. Вышедшим победителями пекинским руководителям необходимо побыстрее закрепить нынешнее соотношение сил, сложившееся в верхах, для чего они и созывают съезд досрочно. Все остальное имеет для них второстепенное значение и выносится на съезд в порядке дополнения к главному вопросу о распределении власти. Наконец, верхушке требуется хоть сколько-нибудь сплотить партию вокруг своей программы, а до ее сплочения еще очень далеко. Для достижения всех этих целей ей и нужно опереться на авторитет партийного съезда.

Объявленная повестка дня съезда предусматривает отчетный доклад ЦК, доклад Центральной комиссии по проверке дисциплины, внесение изменений в устав, обсуждение основных положений перспективной программы народнохозяйственного развития, выборы нового состава ЦК. Сроки созыва съезда еще предстоит определить, его «успешное проведение» связывается в коммюнике с выполнением «исключительно трудных» задач 1980 г.

✓ По вопросам внешней политики пленум ограничился замечанием, что «в международной обстановке произошли важные перемены и сдвиги». Скорее всего, эти вопросы специально не обсуждались, и обмен мнениями по ним не выходил за рамки подтверждения проводимого курса. ✓ Что же касается социально-экономических проблем, то здесь налицо противоречивая позиция пленума. В коммюнике перечисляются следующие вопросы: «разработка перспективной программы народнохозяйственного развития; разработка такой экономической системы, которая отвечала бы требованиям развития народного хозяйства; разработка такой программы развития просвещения и такой системы образования, которые бы отвечали требованиям развития народного хозяйства». Добавлено, что именно эти вопросы «следует разрешить в неотложном порядке и скорейшим образом». Признана, стало быть, жгучая острота экономических и кадровых проблем. Но в то же время заявляется, что пленум, по существу, их не рассматривал, они отложены до XII съезда КПК (первая из «разработок», как видно, входит в объявленную повестку дня съезда). Формально такой подход оправдывается тем, что в ноябре — декабре 1979 г. Всекитайское плановое совещание разработало, как утверждается, народнохозяйственный план на 1980 г., а также тем, что после выступления Дэн Сяопина 16 января Ли Сяньнянь сделал упомянутый выше специальный доклад об очередных экономических задачах.

Такое объяснение представляется неосновательным. Во-первых, приводившиеся в Пекине данные о Всекитайском плановом совещании не позволяют назвать результаты его работы составлением какого-то цельного плана, это, скорее, наметки и установки общего характера и по отдельным позициям. Во-вторых, разве годовой план, если даже он существует, снимает задачу разработки перспективных программ? В-третьих, что бы ни сказал Ли Сяньнянь в своем докладе (его содержание пока не известно), разве не дело пленума — скрепить его положения своим авторитетом? Кстати, непонятно также, почему пленум, вопреки сложившейся в Китае практике, не утверждал очередной народнохозяйственный план, если он уже разработан.

Суть дела не в оговорках, сделанных пленумом, а в том реальном и основном факте, что экономические проблемы остаются главным предметом разногласий среди китайских руководителей и преодолеть их не удастся. Не желая возвращаться на путь научного социализма, они, по словам Дэн Сяопина, ищут свой «особый путь», который «подходит реальным условиям Китая» (в частности, опробуются «расширение прав предприятий на самоуправление», «развитие специализации и координации», «комбинация планового и рыночного регулирования», «сочетание передовой и обычной технологии», использование иностранных капиталовложений и др.). По всем этим вопросам идет борьба. Пленум просто не мог обойти экономические проблемы, и они наверняка затрагивались, но, как и до этого, руководство не пришло к единому мнению, в связи с чем их решение и отложено с внесением в коммюнике формулировок, затушевывающих суть дела.

Пленум, следовательно, так или иначе отразил главное — что в экономике, культуре, просвещении положение остается трудным, если не критическим, а у китайских руководителей до сих пор нет не только цельной, долговременной социально-экономической программы, но и

более или менее согласованного и четкого подхода к решению текущих проблем, связанных прежде всего с выправлением сложившихся диспропорций и налаживанием системы управления народным хозяйством. Не случайно появление в зарубежной печати сообщений о том, что в руководящих кругах Пекина высказывалось мнение о необходимости затратить на «урегулирование» четыре-пять лет, а не три года.

В этой связи нельзя не обратить внимание на маневры и особенности поведения Дэн Сяопина. Он как был, так и остается проповедником «ускоренной модернизации», форсированных темпов развития. Дэн Сяопин обрушивается на тех, кто «сомневается», «страдает отсутствием веры», он торопит, требует, суетится. Чем это объяснить? Ведь в последнее время Китай пережил крушение многих фантазий: «завершение в основном механизации сельского хозяйства к 1980 г.»; «план капитального строительства на полях» (которым занимался, кстати, устранившийся Цзи Дэнкуй)⁴; народнохозяйственный план 1976—1985 гг. и др. Опытный политический и государственный деятель, Дэн Сяопин не может не знать, что «модернизация» Китая или хотя бы ее «решающая» фаза за какие-то 10 лет неосуществима (если не подразумевать под ней постройку военных заводов с помощью империалистов). Зачем же ему нужно сеять иллюзии?

Несомненно, в его расчеты входит, в частности, убедить в успехе «китайской модернизации» правящие и деловые круги стран Запада и Японии. Дэн Сяопин, например, написал статью для Британской энциклопедии о перспективах развития Китая, которая призвана поддержать «огонь веры» у реальных и потенциальных кредиторов Китая. С другой стороны, активизацию политических и торгово-экономических связей со странами капитализма, поддержку, получаемую им от империалистов, в первую очередь американских, он использует как орудие своего возвышения во внутривнутриполитической борьбе.

Но все это не главное. Дэн Сяопин расточает оптимизм в отношении «модернизации», требуя при этом ускорить «реформу кадровой структуры», осуществить широкую замену кадров в целях их «омоложения», а также повышения их компетентности, профессионального уровня, деловых качеств. Все это, действительно, крайне необходимо Китаю. Но в том-то и дело, что Дэн Сяопин (и не один только он) руководствуется в первую очередь не этими важными соображениями, а собственными интересами в междоусобной борьбе, используя вопросы «модернизации» и кадровой политики для тактического маневрирования.

Тактика его сводится к следующему: «модернизация», дескать, вполне осуществима, и осуществима быстро, надо только избавиться поскорее от «кадрового балласта», от тех, кто ей мешает. А под эту категорию подводятся политические противники Дэна и его группы. Так идея «модернизации» превращается в спекулятивный лозунг борьбы за власть, а «реформа кадровой структуры» — в средство устранения неудобных. Призывая к «модернизации», становясь в позу борца за прогресс страны, Дэн Сяопин прежде всего преследует тривиальную цель расправы с политическими противниками. Недаром американский журнал «Ньюсуик» писал, что Дэн лишь внушает мысль о «новой политике», но на деле просто подвергает чистке своих противников; поэтому политический смысл происходящего в Китае по-прежнему сводится к взаимной борьбе, а «кампания модернизации Китая выдыхается»⁵.

Итак, основные усилия китайского руководства по-прежнему поглощает внутренняя борьба. В этом и кроется главная причина того, что важнейшие проблемы жизни страны решаются со скрипом.

⁴ См. «Чжунгун яньцзю», 1978, № 9, с. 41—43.

⁵ Цит. по: «Правда», 15.III.1980.

Устранение «новой четверки» — Ван Дунсина, Цзи Дэнкуя, У Дэ и Чэнь Силян — еще один конкретный итог этой борьбы. Они обвинены теперь в «серьезных ошибках», совершенных как во время «культурной революции», так и после ареста 6 октября 1976 г. первой «банды четырех» в составе Ван Хунвэня, Чжан Чуньцяо, Цзян Цин и Яо Вэньюаня. Данная акция — крупный успех Дэн Сяопина и важнейшая мера прошедшего пленума. Персональные перемещения и есть главное содержание его работы. Им предшествовал длительный процесс перегруппировки и напряженных столкновений в правящей верхушке.

Выступая как представитель выдвиженцев «культурной революции», группировка Ван Дунсина первоначально опиралась в целом по стране на довольно значительные силы. После устранения «банды четырех» к ней тяготели все последователи наиболее близкой к Мао Цзэдуну «первой четверки», все носители «левизны», такие же выскочки времен затеянной Мао кампании, как и сам Ван Дунсин или Цзи Дэнкуй (первый из малоизвестного охранника Мао, командира воинской части № 8341 поднялся до поста заместителя председателя ЦК КПК, а второй из заместителя секретаря комитета КПК провинции Хэнань превратился в члена Политбюро ЦК КПК). После смерти Мао, сознавая неизбежность перемен, устраненные сейчас «левые» в руководстве пытались перестроиться, активно маневрировали и даже приняли деятельное участие в ликвидации «первой четверки» (ее арест Ван Дунсин ставил себе в заслугу). Будучи от начала и до конца связаны с «культурной революцией» и ультралевой линией Мао, а также с репрессиями и кадровыми перетасовками тех лет (Чэнь Силян, например, прямо обвинялся в этом на рабочем совещании в ЦК КПК в 1978 г.), они всячески стремились сохранить политические итоги «культурной революции», маоистское наследие и особенно кадровый компромисс XI съезда КПК. В сентябре 1978 г. Ван Дунсин пытался даже перейти в наступление, обвинив Дэн Сяопина в нарушении данного компромисса. За свою позицию группировка Ван Дунсина получила кличку «фаньшипай» — люди, требующие делать все в точности так, как говорил Мао Цзэдун.

Однако с 1978 г. в центре и на местах происходили изменения, подрывавшие шаг за шагом позиции Ван Дунсина и других «левых». В этом направлении действовали и отказ от линии «культурной революции», и вытекавшие отсюда кадровые сдвиги. Важным этапом был 3-й пленум ЦК КПК, который не только наметил новую политическую линию, но и покончил с контролем Ван Дунсина и его группировки в канцелярии и отделе пропаганды ЦК КПК, в комиссии по редактированию трудов Мао, в журнале «Хунци», в органах по руководству сельским хозяйством, которыми ведали раньше члены Политбюро Цзи Дэнкуй и Чэнь Юнгуй. 3-й пленум реабилитировал более 1500 видных деятелей КПК, репрессированных во время «культурной революции», и часть из них во главе с Пэн Чжэнем ввел в состав ЦК. Произошли изменения в партийном руководстве провинций, а ревкомы заменялись народными правительствами при местных собраниях народных представителей, причем состав этих руководящих органов нередко обновлялся наполовину. Большое значение имели изменения в составе руководства столичного комитета КПК и в командовании Пекинского большого военного округа, которые ранее были оплотами соответственно У Дэ и Чэнь Силяня. В канун 5-го пленума произошли кадровые перестановки в 8 из 11 больших военных округов, а в Пекин были переведены член Политбюро, первый секретарь парткома провинции Сычуань Чжао Цзыян, член Политбюро, первый секретарь парткома Шанхая Пэн Чун и первый секретарь провинции Аньхой Вань Ли; они сыграли большую роль в работе пленума и получили новые назначения.

Но «левая оппозиция» не собиралась сдаваться. По признаниям китайской печати, весной 1979 г. возникло сильное сопротивление решени-

ям 3-го пленума ЦК КПК, наблюдавшееся повсюду. В марте — апреле того же года противники Дэн Сяопина попытались перейти в атаку, обвиняя его в провале плана 1976—1985 гг., в крахе вьетнамской авантюры и в попустительстве волне «широкой демократии» (развешивание дацзыбао), напугавшей власти⁶. Однако он не только сохранил, но и укрепил свои позиции в последующей борьбе.

Если, с одной стороны, кадровые изменения в различных ведомствах и на местах подорвали позиции «левых» лидеров и подготовили почву для их поражения, то, с другой, было ясно, что без устранения их из состава верхушки трудно идти дальше в осуществлении чистки на низших этажах, в выкорчевывании влияния «левого» маоизма в разных звеньях режима и в обществе⁷.

Эти соображения и привели к согласованным действиям фракции Дэна и других, «промежуточных», сил в руководстве, направленным на вытеснение «фаньшипай». Дэн нанес удар тогда, когда счел момент подходящим; вместе с тем он опасался, как бы затягивание операции не привело к новому оживлению «левой оппозиции» в процессе обостряющейся борьбы за утверждение платформы 3-го пленума. Хуа Гофэн и другие деятели верхушки, поддерживая его, руководствовались в основном интересами сохранения стабильности и единства режима на поворотном этапе.

Особенность новой чистки — ее внешняя благопристойность (якобы даже «по просьбе» самих устраненных). Режим явно хочет показать свою прочность и респектабельность. Но, по существу, эта акция в корне подрывает организационную основу XI съезда и создает совершенно новую расстановку сил в руководстве. Если не считать самого Хуа Гофэна, то сейчас в Политбюро из выходцев «культурной революции» остались только «крестьянин» Чэнь Юнгуй, бывший руководитель критикуемой сейчас Дачжайской большой производственной бригады, и «рабочий» Ни Чжифу, который ведает профсоюзами.

Прочие организационные меры пленума сливаются в одно целое с чисткой «новой четверки». Пленум расширил состав Постоянного комитета Политбюро с 5 до 7 человек и включил в него, помимо Чжао Цзыяна, еще Ху Яобана, известного до «культурной революции» в основном в качестве главы китайского комсомола. Оба эти деятеля считаются сравнительно молодыми и призваны олицетворять преемственность нынешней политической линии. Таким образом, в состав этого органа внутри Политбюро ЦК КПК, который играет решающую роль в определении политики руководства, сейчас входят Хуа Гофэн, Е Цзяньин, Дэн Сяопин, Ли Сяньянь, Чэнь Юнь, Ху Яобан и Чжао Цзыян.

Пленум воссоздал ликвидированный Мао Цзэдуном во время «культурной революции» Секретариат ЦК КПК как «орган по текущей работе, действующий под руководством Политбюро и его Постоянного комитета». Генеральным секретарем ЦК, стоящим во главе Секретариата (до «культурной революции» этот пост занимал Дэн Сяопин), стал Ху Яобан. Вместе с ним в состав секретариата вошли еще 10 человек.

Согласно коммюнике, основной смысл решений пленума — в «укреплении и усовершенствовании партийного руководства, что продиктовано требованиями развития социалистической модернизации страны». Фак-

⁶ Дэну даже пришлось держать в ЦК оправдательную речь, текст которой попал на страницы французской газеты «Либерасьон» от 22 декабря 1979 г. Дэн якобы был вынужден заявить: «Похоже на то, что по моей вине произошло бедствие» (см. «Синдао жибао», 16.VI.1979).

⁷ Заместитель председателя ЦК КПК Чэнь Юнь говорил, что приходится преодолевать «двойное бремя» — мертвого Мао и живой «четверки», причем второе опаснее, поскольку «четверка» создала свою систему по всей стране («Чжаньван», 1980, № 1). Подразумеваются все «левые» силы, ориентировавшиеся на «левых лидеров» в центре.

тически это означает попытку обеспечить консолидацию нового руководящего ядра в целях укрепления сложившегося маоистского режима и более эффективной реализации его замыслов по скорейшему превращению Китая в «могучую державу».

Изменения в составе пекинской верхушки комментировались на Западе в основном как ослабление позиций Хуа Гофэна, которому чуть ли не предстоит отказаться от поста премьера Госсовета. Они трактуются и как решающий сдвиг в пользу Дэн Сяопина, становящегося главной фигурой в руководстве. Действительно, можно вспомнить в этой связи, что Хуа Гофэн, по существу, был вместе с «новой четверкой» на XI съезде КПК, вместе с Ван Дунсином и У Дэ участвовал в заседаниях пекинской группы депутатов ВСНП во время I-й сессии (февраль — март 1978 г.) и вместе с Цзи Дэнкуем совершил свою первую заграничную поездку в Румынию и Югославию. Со времени XI съезда и особенно после 3-го пленума ему приходится усиленно лавировать.

Однако представляется упрощением выносить какие-либо односторонние суждения относительно прочности позиций и дальнейшей судьбы тех или иных лиц в китайском руководстве. И не случайно появление в американской и другой западной печати сообщений также и о возможных изменениях в статусе Дэн Сяопина (напомним, что он уже передал свой пост начальника Генштаба НОАК назначенному на это место бывшему командующему Куньминским большим военным округом Ян Дэчжи, который вошел также в состав секретариата ЦК). Хотя фракция Дэна и победила, все же эта победа достигнута на основе определенного компромисса с другими деятелями правящей верхушки. И Постоянный комитет Политбюро, и Секретариат укомплектованы именно на компромиссной основе, без явного перевеса в ту или иную сторону. Можно сказать, что сфера фракционных противоречий в руководстве сузилась и в дальнейшем они будут определяться конкретным ходом борьбы мнений вокруг конкретных вопросов. Высшие руководители являются сейчас в основном ветеранами, позиции которых будут зависеть скорее от стремления к самостоятельной активности, а не от «клановой принадлежности». Что касается Хуа Гофэна, то его положение, видимо, будет определяться способностью к достаточно действенному маневрированию, а также тем, удастся ли пекинским лидерам ввести «систему коллективного руководства». Такое руководство еще окончательно не сложилось, разногласия в нем не устранены. Борьба в нем будет продолжаться, хотя, возможно, и в иных формах. Она может затронуть того или иного руководителя, но кого именно — гадать об этом трудно.

И все такого рода вопросы являются деталями, не имеющими особого значения. Дело не в том, кто выиграл или проиграл в борьбе на пекинской арене, а в том, что ее ведут законченные националисты, в том, что за любым исходом этой борьбы стоит дальнейшее усиление политики великоханьского шовинизма, гегемонизма, милитаризма, экспансии, подрыва дела мира и безопасности народов при бессовестном паразитировании на социализме, марксистско-ленинском учении. В усиление именно этих тенденций, даже в сравнении с недавним прошлым, выливается внутренняя борьба в Пекине. Вот почему она вызывает осуждение.

В связи с этой борьбой следует рассматривать и решение пленума рекомендовать ВСНП отмену части 45-й статьи конституции, мотивируя это необходимостью «устранения факторов нестабильности». В последнее время различными слоями населения Китая конституционные установления о «широкой демократии» стали использоваться для выражения (через дацзыбао, посылку делегаций, ходоков и т. д.) недовольства, протеста в связи с произволом и тяжелыми условиями жизни. Отмена этих установлений — очевидное ограничение гражданских прав. Но с другой стороны, надо отметить, что «широкая демократия» была изобретена Мао Цзэдуном исключительно в плане социальной демагогии и ра-

нее никогда не была чем-то большим, чем орудие политического манипулирования в руках властей. Ею пользовались в своих целях и в «подходящие» моменты Мао Цзэдун, «четверка», а в последнее время, судя по всему, и Дэн Сяопин. Но в какой-то момент акции протеста вышли из-под контроля верхов, кампания дацзыбао вылилась в критику режима. И в этих условиях пекинская верхушка решила, что игра в «широкую демократию» больше не нужна. Именно Дэн Сяопин в докладе 16 января потребовал покончить с нею. А пленум закрепил взятую с первой половины 1979 г. линию на ужесточение административно-политического контроля. Псевдодемократическая вывеска маоистской диктатуры просуществовала недолго.

* * *

Обсуждение пленумом вопросов, связанных с Уставом КПК, и соответствующие материалы китайской прессы показывают, что пекинское руководство для осуществления нового курса нуждается в существенных изменениях организационных и частично теоретических основ деятельности партии.

Действующий Устав КПК, принятый XI съездом, содержит однозвучные маоистские положения о «классовой борьбе», о «теории и практике проведения революции при диктатуре пролетариата», прославляет «культурную революцию». В нем записано даже, что «в дальнейшем великая политическая революция такого характера будет проводиться много раз». Теперь все эти положения изъяты из обращения, а «культурная революция» осуждена, названа «тяжелой», «серьезной» ошибкой партии.

Судя по содержанию документов пленума, требуется восстановить также уставные организационные принципы, перечеркнутые во время «культурной революции» и относящиеся к хотя бы формальному признанию демократического централизма. Проект пересмотренного устава, говорится в коммюнике, предъявляет к членам партии «строгие требования». Китайское руководство проявляет озабоченность «обеспечением единства взглядов и действий всей партии» на основе принципов «подчинения низших инстанций высшим», «подчинения всей партии Центральному Комитету». Все это свидетельствует о серьезной дезорганизации жизни партии, которую приходится преодолевать нынешнему руководству.

Показательно одно обстоятельство. Признана необходимость дополнить собственно Устав КПК как бы «популярным» приложением к нему в виде документа «Некоторые нормы политической жизни в партии». Этот документ наглядно показывает, насколько низок идейно-политический и организационный уровень партийных кадров и примитивны требования, предъявляемые к ним. В числе 12 норм фигурируют, например, такие: «неукоснительно придерживаться коллективного руководства, выступать против личного самоуправства», «строго соблюдать партийную дисциплину», «отстаивать партийность и искоренять групповщину», «говорить правду, быть единым в словах и делах», «гарантировать права членов партии от ущемления», «ставить себя под контроль партии и масс, не допускать привилегий».

Та часть коммюнике пленума, которая посвящена вопросам устава, содержит также требование к парторганизациям «серьезно проверять свою работу и стиль», «решительно положить конец» явлениям неорганизованности и недисциплинированности, групповщины и самостийности.

Все это лишней раз привлекает внимание к общему состоянию КПК, которая во время «культурной революции» была «реорганизована» в инструмент маоистской диктатуры. Эта партия фактически так и не обрела значения и роли руководящей, направляющей силы общества, она остается политическим орудием в руках правящей верхушки и в то же

время разъедается групповщиной, настроениями анархии, апатии и неверия. В специальной статье о партии «Жэньминь жибао» 10 марта 1979 г. писала, что «среди немалого числа товарищей внутри партии существуют трения и даже отмечается значительная отчужденность», вызываемые к жизни групповщиной. В другой статье указывалось: «Начиная с культурной революции политическая обстановка в партии была крайне ненормальной. С принятием IX съездом Устава КПК ликвидированы демократические права членов партии... Фашистская групповщина подменила компартию; культ личности, идолопоклонство заменили отношения между массой членов партии и ее вождем; рабская покорность и религиозное послушание заняли место демократических прав; ложь, пустозвонство и фанфаронство заменили реалистический, деловой подход; угодничество и хвастовство подменили критику и самокритику»⁸. Первый секретарь парткома провинции Чжэцзян Те Ин заявлял, что «групповщина, принимая новые обличья, продолжает поражать организм партии»⁹.

В дни празднования 58-й годовщины создания КПК отмечалось, что среди кадровых работников партии «чрезвычайно сильно распространено злоупотребление служебным положением, кумовство, самоуправство, субъективизм, некомпетентность, инертность и консервативность мышления». Подчеркивалось, что без изменения стиля работы партии не выполнить задачи «модернизации»¹⁰.

Подводя итоги прошедшему пленуму, журнал «Хунци» вновь заявляет, что в партии «существуют то скрытая, то явная фракционность, анархизм, крайний индивидуализм, либерализм и другие проявления непролетарской идеологии. Все эти явления разлагают организм партии, вредят ее авторитету, серьезно ослабляют боевитость партии. Мы не должны легковесно относиться к этому». Одновременно журнал отмечает, что из 38 млн. членов КПК более половины вступили в ее ряды во время «культурной революции», некоторые «пролезли в обход уставных норм», поэтому «часть членов партии не отвечает предъявляемым требованиям». Поставлена задача серьезной реорганизации партии, чтобы она была способна возглавить народ, ибо без этого все планы «останутся только на бумаге»¹¹.

В качестве средства реорганизации намечается «повторное воспитание членов партии» в духе установок нынешнего руководства. Одновременно, в соответствии с положениями докладов Е Цзяньина и Дэн Сяопина, намечается обновление в течение ряда лет состава кадровых работников, общая численность которых впервые открыто названа в дни работы пленума — 18 млн. человек. К ним предъявляется требование быть не только «красными», но и «специалистами». Решения пленума дают сигнал к новой кампании устранения неугодных или недееспособных кадров (Дэн Сяопин говорил о непригодности 4—5 млн. кадровых работников). Журнал «Хунци» заявил, что «надо очищать партийные ряды, повышать качественный уровень партии»¹². Можно ожидать, что какая-то часть членов КПК будет исключена из ее состава.

В то же время нельзя не высказать определенные сомнения относительно реальности замыслов нынешнего руководства по перевоспитанию и реорганизации партии. Все намечаемые им меры, в сущности, не новы. Они уже применялись ранее, но на той же негодной идейно-политической основе, а потому не давали и не могут дать позитивных результатов. Пока руководство будет лишь декларировать «отделение правды от неправды», поступая на деле наоборот, пока оно не перестанет эксплуатировать

⁸ «Гуаньминь жибао», 4.VII.1979.

⁹ «Хунци», 1979, № 7.

¹⁰ См. «Жэньминь жибао», 30.VI, I.VII.1979.

¹¹ «Хунци», 1980, № 5.

¹² Там же.

прошлое для накручивания новых фальсификаций, подменяя марксизм-ленинизм «очищенным» маоизмом, партия вряд ли избавится от кризисного состояния, которое усугубляется борьбой внутри самого руководства, возрастающей идейной неразберихой.

* * *

Примером половинчатости действий китайского руководства служит решение пленума о реабилитации Лю Шаоци. Ярлык «контрреволюционности» был снят с Лю Шаоци еще на 3-м пленуме ЦК КПК, «дело» его давно уже было совершенно ясным, но решение по нему затягивалось потому, что китайское руководство не хотело сказать всю правду по этому «делу», оно, наоборот, думало о том, как главную правду утаить, как выгородить Мао Цзэдуна и затушевать подлинную роль многих из тех, кто входит сейчас в состав пекинской верхушки. Более того, потребовалось предварительно (в который раз!) создать фактически новую версию истории КПК. В общих чертах эта версия была изложена в докладе Е Цзяньина по случаю 30-й годовщины КНР. Суть новой фальсификации заключается в том, что в содержание «линии Мао», которая якобы всегда была правильной, втискиваются все те позитивные явления и события в жизни КПК, которые еще недавно считались враждебными «линии Мао». Все провалы и ошибки Мао, его преступления перед партией списываются на других, а работа по ликвидации пагубных последствий маоистского курса (хотя эта работа никогда не была полной и последовательной), выполнявшаяся другими, ставится в заслугу Мао.

Прежде чем реабилитировать Лю Шаоци, пекинским лидерам пришлось «оправдать» VIII съезд КПК (сентябрь 1956 г.), который в годы «культурной революции» был назван «съездом черной линии Лю». Они проявили при этом крайнее лицемерие, ибо восстановили имя съезда без возврата к его решениям. Отброшена внешнеполитическая платформа съезда, стержнем которой были установки на нерушимую дружбу с Советским Союзом и другими социалистическими странами, а из остального отобрано только то, что можно увязать с нынешней концепцией «морнизации».

Потребовалось дать и определенную оценку «культурной революции». В докладе Е Цзяньина десятилетие 1966—1976 гг. характеризовалось как «диктатура насквозь прогнившего и самого мрачного фашизма с примесью феодализма». В материалах пленума «культурная революция» после долгих и мучительных увеливаний и недомолвок наконец-то прямо названа «тяжелой, серьезной ошибкой партии». То есть она вроде бы осуждена, иначе ни о какой реабилитации Лю Шаоци и речи вести было бы нельзя. Но при этом данная кампания по-прежнему целиком списывается на Линь Бяо и «четверку» (теперь добавлено: «и их компанию», а кто имеется в виду, пока не известно). Главный виновник «культурной революции» Мао Цзэдун, который сам объявлял, что именно он «разжег ее пожар», и о личном руководстве которого сию было прямо заявлено на партийных съездах, остается незатронутым. Более того, реабилитация Лю Шаоци изображается как «восстановление подлинного облика идей Мао Цзэдуна», что свидетельствует, конечно, о крайнем политическом цинизме и кощунстве пекинских фальсификаторов.

Журнал «Хунци» заявляет, что реабилитация Лю Шаоци «знаменует окончательное завершение периода крайне ненормальной обстановки в истории политической жизни нашей партии»¹³. Как видно, закрывая «дело» Лю Шаоци, китайское руководство хотело бы закрыть и «дело» о «культурной революции», помешать критике и осмыслению прошлого, смазать вопрос об общем банкротстве курса Мао Цзэдуна, прервать на этом процесс дальнейшего раскрытия истины, окончательного разобла-

¹³ «Хунци», 1980, № 5.

чения антинародного, антисоциалистического курса. Однако есть все основания полагать, что правда о Мао Цзэдуэ, а главное — о маоизме и его «левых» и правых последователях будет пробивать себе дорогу, и китайское руководство сейчас завязывает узлы будущих идейно-политических конфликтов.

Итак, «дело» Лю Шаоци названо фабрикацией, которая «не знает себе равных по несправедливости в истории нашей партии и требует решительной реабилитации». Аннулированы все постановления 12-го пленума ЦК КПК восьмого созыва в октябре 1968 г., согласно которым Лю Шаоци лишился всех постов в партии и вне ее, исключался из партии, обвинялся как «изменник, провокатор и штрейкбрехер». Аннулирован и сочиненный ведомством Кан Шэна «Доклад по расследованию преступлений Лю Шаоци». Лю Шаоци назван «великим марксистом», «пролетарским революционером», «великим марксистским теоретиком», ему присвоены фактически те же титулы, что и Мао Цзэдуэ, на III пленуме ЦК КПК в декабре 1978 г. Этим, кстати, создается основание для конкуренции «двух председателей», «двух идеологов».

Реабилитация Лю Шаоци, как бы ни толковали ее в Пекине, сама по себе объективно означает, конечно, полное и окончательное осуждение «культурной революции». Не случайно в своем комментарии журнал «Хунци» отмечает, что вопрос не сводится к одному Лю Шаоци, что за ним скрывается «разгром руководящих органов партийных, государственных и армейских ведомств, парторганизаций различных уровней», репрессии всего их кадрового состава. «Дело дошло до того, — пишет журнал, — что широкие массы членов партии, включая рабочих — ветеранов, заслуженных передовиков производства, были пристегнуты к этому делу как члены «ревизионистской партии Лю Шаоци». Тем самым была полностью перевернута с ног на голову история нашей партии в 17-летний период после образования КНР»¹⁴.

Однако напрасно было бы искать в материалах пленума и в комментариях главный и правильный политический вывод из этого. Нет ответа на вопрос, кто же громил партию, органы государства, армейские ведомства, общественные организации. Коммюнике пленума заявляет: «В ходе культурной революции партия совершила серьезную ошибку, не могущую не вызвать глубокого огорчения», эту ошибку якобы «использовали контрреволюционные заговорщики Линь Бяо, «четверка» и их компания». Получается, что сама партия повинна в «культурной революции», в собственном разгроме. А значит, затушевывается не только вопрос об ответственности Мао, использовавшего то Линь Бяо, то «четверку», то других членов верхушки, но и вопрос о вине многих нынешних руководителей Китая, чья беспринципная позиция в свое время помогла Мао ревизовать марксизм-ленинизм, а затем осуществить разгром партии и установить единоличную диктатуру. Перекидывать вину на всю партию — это значит наносить оскорбление всей партии, всем пострадавшим от «культурной революции», которых, по признаниям китайской печати, насчитывается 100 млн. человек!

Беспочвенны утверждения некоторых западных комментаторов о том, что 5-й пленум знаменует «окончательную демаонизацию». Знамя Мао и маоизма — знамя предательства марксизма-ленинизма, гегемонизма, милитаризации, насилия и шовинизма, от этого знамени в Пекине отказываться не хотят.

* * *

Нетрудно предвидеть, что прямым следствием 5-го пленума ЦК КПК будут новые широкие кадровые перетряски, сопровождаемые чистками. Это вытекает не только из приведенных выше планов руководства на-

¹⁴ «Хунци», 1980, № 5.

счет «перевоспитания» и «очищения» партии, но и из факта ликвидации фракции «ортодоксальных» маоистов в руководстве, из прямого требования пленума, чтобы все парторганизации учили реабилитацию Лю Шаоци и «строгие» меры в отношении «новой четверки» и, «действуя в таком же духе, активно и со всей ответственностью продолжали работу по разрешению подобных вопросов, оставшихся до сих пор нерешенными или решенными не полностью». Речь пойдет прежде всего об устранении носителей «левых» взглядов, а под этим прикрытием — и всех недовольных.

5-й пленум ЦК КПК означает не прекращение внутренней борьбы в Китае, а ее очередной этап. Это относится и к правящей верхушке, согласованная платформа которой сегодня несет на себе печать непоследовательности и противоречивости, нерешенности ряда важнейших вопросов идеологического, политического и экономического порядка. Устранение «новой четверки» является определенным успехом Дэн Сяопина и его сторонников, но не дает им решающего перевеса в сложившейся правящей коалиции, созданной на основе очередного компромисса, с новым составом участников. Группе Дэн Сяопина удалось одержать успех в основном потому, что другие силы в руководстве пришли к выводу о необходимости покончить с остатками «левого» маоизма в верхах, с теми, кто противился прагматическим корректировкам прежней линии и «идей Мао Цзэдуна». Очевидно, что такое руководство будет и впредь расходиться по вопросам выработки социально-экономических программ не только в силу наличия в нем различных взглядов, не только в связи с объективными трудностями, но и в силу отсутствия у всех группировок в руководстве позитивного научного, марксистско-ленинского подхода к проблемам развития Китая и строительства социализма в КНР.

Внутренняя борьба в Китае будет оставаться сложной, трудной и сравнительно длительной, хотя и более скрытой, чем в прошлом, в частности потому, что за долгий период засилья Мао на авансцену политической жизни была выплеснута огромная стихия мелкобуржуазного национализма и революционаризма со свойственными ему и глубоко прижившимися в Китае настроениями анархизма и уравниловки. Сохраняется огромная армия носителей таких настроений, сохраняется и объективно питающая их почва в виде отсталых общественных отношений и низкого уровня развития производительных сил.

Своеобразным этапом обострения внутривнутриполитической борьбы в Китае является начавшаяся подготовка к проведению XII съезда, в ходе которой «обновленная» правящая верхушка старается довести до конца нужные ей кадрово-организационные изменения. Однако независимо от этих изменений состояние КПК по-прежнему характеризуется и будет характеризоваться тяжелым идейно-политическим и организационным кризисом, который вызывается стремлением сохранить и закрепить великодержавно-шовинистический, антинародный, антисоциалистический курс маоизма. Прошедший пленум показал, что нынешнее руководство Китая стремится укрепить свой режим на националистической платформе ускоренного превращения страны в милитаристское государство, враждебное социализму, смыкающееся с империализмом и реакцией.

К вопросу о реабилитации героя китайской революции Пэн Дэхуая

А. С. Титов

В статье «Герой китайской революции» (к 80-летию со дня рождения Пэн Дэхуая), опубликованной в первом номере нашего журнала за 1978 г., говорилось, что во время пресловутой «культурной революции» в Китае Пэн Дэхуай по указанию Мао Цзэдуна был схвачен хунвэйбинами в провинции Сычуань и подвергнут издевательствам¹. Пэн Дэхуай, согласно официальной китайской версии, скончался 29 ноября 1974 г. «из-за жестоких преследований со стороны Линь Бяо и «четверки»².

На III пленуме ЦК КПК одиннадцатого созыва, состоявшемся в декабре 1978 г. в Пекине, он, Тао Чжу (посмертно) и другие видные деятели КПК, репрессированные во время «культурной революции», были реабилитированы.

В коммюнике пленума говорилось: «Пленум единодушно считает: только решительно пересмотрев все дела, сфабрикованные на основании надуманных, ложных и ошибочных обвинений, и реабилитировав всех невинно пострадавших, можно будет укрепить сплоченность партии и народа, защитить высокий авторитет партии и товарища Мао Цзэдуна»³.

24 декабря 1978 г. в доме Народных собраний в Пекине состоялся траурный митинг, посвященный памяти Пэн Дэхуая и Тао Чжу. Урны с их прахом были затем захоронены на кладбище героев революции «Бабаошань».

На траурном митинге присутствовала жена Пэн Дэхуая — Пу Аньсю, которая также была репрессирована во время «культурной революции». Маоисты с особым остервенением глумились над ней, обвиняли ее в том, что она всячески защищала и «выгораживала» своего мужа и была «одним из основных функционеров антипартийной группы бандита Пэн Дэхуая». После отставки Пэн Дэхуая, утверждали маоисты, Пу Аньсю в 1962 г. сделала вид, что развелась с ним, тем самым желая показать, что отмежевалась от него, а на самом деле была предана ему, отказывалась «разоблачать бандита Пэна, пытаюсь сопротивляться до конца»⁴.

Во время же траурного митинга 24 декабря 1978 г. наследники Мао Цзэдуна — «партийные и государственные руководители выражали сердечное соболезнование вдове Пэн Дэхуая Пу Аньсю».

На траурном митинге с речью, посвященной памяти Пэн Дэхуая, выступил Дэн Сяопин. Он сказал: «Сегодня Центральный Комитет

¹ См. А. С. Титов. Герой китайской революции (К 80-летию со дня рождения Пэн Дэхуая). — «Проблемы Дальнего Востока», 1978, № 1, с. 157—158.

² См. «Жэньминь жибао», 25.XII.1978.

³ Там же.

⁴ См. The Case of Peng Teh-huai; Дело Пэн Дэхуая (на англ. и кит. яз.). Hong Kong, 1968, p. 123; 447.

партии во главе с Хуа Гофэном... дал товарищам Пэн Дэхуаю и Тао Чжу всестороннюю и справедливую оценку и реабилитировал их доброе имя». Далее Дэн Сяопин совершенно правильно и справедливо охарактеризовал Пэн Дэхуая как выдающегося руководителя Коммунистической партии Китая и ее вооруженных сил. Он подчеркнул, что Пэн Дэхуай был «замечательным членом Компартии Китая, пролетарским революционером старшего поколения, военным и политическим деятелем, известным как внутри страны, так и за ее пределами, выдающимся руководителем нашей партии, государства и армии. Он занимал многие важные посты в партии, правительстве и армии. Его всегда помнят и любят члены партии и народные массы... Товарищ Пэн Дэхуай, — продолжал Дэн Сяопин, — горячо любил партию, горячо любил народ, был предан великому революционному делу пролетариата. Он был смелым в сражениях, честным и прямым, требовательным к себе, жил интересами народных масс и никогда не думал о личных интересах. Он не страшился трудностей и тяжести ответственных задач, проявлял в революционной работе исключительную добросовестность и чувство высокой ответственности»⁵.

Эта оценка Пэн Дэхуая действительно соответствует реальным фактам. Но Дэн Сяопин сказал лишь часть правды. Он ни слова не сказал о том, что исключительная добросовестность, партийность и чувство ответственности Пэн Дэхуая, его преданность марксизму-ленинизму, великому делу пролетариата заставили Пэн Дэхуая открыто, по партийному выступить летом 1959 г. на Лушаньском расширенном совещании Политбюро ЦК КПК против «высокого авторитета», точнее, против единоличного диктата Мао Цзэдуна, против навязанного им партии в 1958 г. авантюристического курса «трех красных знамен» («большой скачок», «народные коммуны», «новая генеральная линия»). Тогда не только для Пэн Дэхуая, но и для многих руководителей КПК (Лю Шаоци, Чжу Дэ, Дэн Сяопина, Чэнь Юня и др.) провал курса трех красных знамен стал уже очевидным. Но они в отличие от Пэн Дэхуая по разным причинам не решились открыто выступить против Мао Цзэдуна, хотя видели, что его политика «трех красных знамен» наносит огромный ущерб делу строительства социализма, экономическому и культурному развитию Китая, причиняет много горя и страданий китайскому народу.

В выступлении на Лушаньском совещании и в письме от 14 июля 1959 г., адресованном Мао Цзэдуну, Пэн Дэхуай совершенно справедливо критиковал политику «трех красных знамен» как левачество, в основе которого лежал мелкобуржуазный фанатизм. Он прямо заявил, что после совещания Политбюро ЦК КПК в Бэйдайхэ (17—30 августа 1958 г.), на котором Мао Цзэдун навязал партии курс на создание народных коммун, было допущено левачество. При этом Пэн Дэхуай подчеркнул: «В нашей партии «левый» уклон всегда было трудно выправить, правый же исправлялся легче. Едва появившись, левачество довлечет над всем, многие не осмеливаются рта раскрыть»⁶.

Как известно, Мао Цзэдун в борьбе против тех, кто сомневался в правильности его установок, широко практиковал наклеивание на них всевозможных ярлыков и тем самым заставлял молчать своих оппонентов. Это обстоятельство также было отмечено Пэн Дэхуаем. Он говорил: «Наклеиваются всевозможные ярлыки, вроде скептиков-калькуляторов, скептиков-созерцателей и пр., что влияет на открытое высказывание мнений, а кое-кто не говорит правды, стараясь прощупать настроение руководителей»⁷.

⁵ «Жэньминь жибао», 25.XII.1978.

⁶ The Case of Peng Teh-huai..., p. 3; 394.

⁷ Ibid., p. 4; 395.

Далее Пэн Дэхуай, имея в виду Мао Цзэдуна, указал на «нарастание чванства» и на то, что «возникновение подобного поветрия чванства имеет свои социальные корни и заслуживает того, чтобы его как следует изучить»⁸.

Остановившись на народных коммунах и экономическом развитии, Пэн Дэхуай не побоялся заявить, что народные коммуны появились преждевременно, когда еще не выявились преимущества кооперативов высшего типа, что созданная на родине Мао Цзэдуна коммуна, несмотря на помощь государства и предоставление кредитов, ни в чем не преуспевает, что так называемая мелкая металлургия, или «битва за сталь» (массовая кампания за выплавку стали, инициатором которой был Мао Цзэдун), обернулась растратой впустую сырьевых ресурсов, финансовых средств и людских сил и нанесла большой ущерб народному хозяйству.

Пэн Дэхуай утверждал, что капитальное строительство велось чрезмерно поспешно, «отсутствовал сбалансированный план и были допущены промахи из-за недостаточно реалистического подхода к делу... Острое противоречие, с которым мы сталкиваемся в нашей работе, — констатировал он, — состоит в напряженности в различных областях, вызванной диспропорциями. По своей природе развитие подобной обстановки уже повлияло на взаимоотношения между рабочими и крестьянами и между различными классовыми прослойками... Поэтому проблема носит также политический характер и затрагивает ключевой вопрос, связанный с дальнейшей мобилизацией нами широких масс на продолжение большого скачка»⁹.

Пэн Дэхуай подверг критике и установку Мао Цзэдуна «политика — командная сила». В июльском письме Мао Цзэдуну он прямо писал: «...Политика как командная сила не может заменить экономические законы и тем более не может заменить конкретные мероприятия в хозяйственной работе... У политики и экономики свои законы»¹⁰. При этом Пэн Дэхуай обратил внимание на недопонимание закономерности планомерного и пропорционального развития. «При решении проблем экономического строительства, — писал он Мао Цзэдуну, — задуманное не претворяется в жизнь немедленно, как это бывает в политических вопросах, вроде артобстрела Цзиньмынь, усмирения мятежа в Тибете и пр. Мы оторвались от практики и не получили поддержки масс. Мы, например, слишком рано отвергли закон эквивалентного обмена... опрометчиво отрицались некоторые экономические законы и научные закономерности. Все это было своего рода «левым» уклоном... В 1959 г. вместо того, чтобы несколько замедлить поступь и ввести надлежащий контроль, мы продолжали большой скачок, из-за этого не были урегулированы диспропорции и прибавились новые... трудности»¹¹.

Вышеизложенное свидетельствует о том, что главные источники ошибочного курса Мао Цзэдуна и его «трех красных знамен» Пэн Дэхуай видел в левачестве, субъективизме, мелкобуржуазном фанатизме, в слепом забегании вперед, в попытке единым махом войти в коммунизм, в стремлении к авангардизму и гегемонизму. Он не побоялся об этом прямо сказать в июльском письме Мао Цзэдуну: «Мелкобуржуазный фанатизм заставляет нас легко совершать «левые» ошибки... Некоторые леваческие тенденции получили определенное развитие, думали одним махом заскочить в коммунизм, идея борьбы за первое место в какой-то мере одержала верх, а линия масс и стиль реалистического

⁸ The Case of Peng Teh-huai..., p. 11; 399—400.

⁹ Ibid., p. 3—4, 1, 9; 395, 393, 398—399.

¹⁰ Ibid., 12; 400.

¹¹ Ibid., p. 10, 12, 8; 399, 400, 397.

подхода к делу, которые складывались в партии в течение длительного времени, были преданы забвению. В методах мышления зачастую начали смешивать стратегические замыслы с конкретными мероприятиями, долговременный курс — с текущими мерами, общее — с частным...»¹²

Выступая на Лушаньском совещании, Пэн Дэхуай обращал внимание участников на нарушение принципа коллективного руководства, на удушающую атмосферу культа личности, на ненормальность и опасность приписывания всех заслуг партии и народа одному человеку, на отсутствие сплоченности в партии. «Сплочение, — подчеркнул он, — достигается в том случае, если вопросы решаются единодушно»¹³.

Указав на то, что во многих провинциях стали строить загородные виллы для председателя Мао, Пэн Дэхуай в письме последнему писал: «Все же есть часть людей, которая не ест досыта; в прошлом (1958) году на человека в среднем пришлось только по 18 чи хлопчатобумажной ткани, из которой можно сшить костюм без подкладки и пару трусов»¹⁴.

В сущности, критикуя порочный и ошибочный курс «трех красных знамен» Мао Цзэдуна, Пэн Дэхуай призывал партию вернуться к решениям VIII съезда КПК, к генеральной линии, утвержденной этим съездом.

Позицию Пэн Дэхуая разделяли многие участники Лушаньского совещания, но открыто его поддерживали только трое: кандидат в члены Политбюро ЦК КПК, бывший генеральный секретарь ЦК КПК, заместитель министра иностранных дел Чжан Вэньтянь (Ло Фу), член ЦК КПК, начальник Генштаба НОАК Хуан Кэчэн, кандидат в члены ЦК КПК, первый секретарь Хунаньского провинциального комитета КПК Чжоу Сяочжоу.

Хотя в своих выступлениях на Лушаньском совещании и в письме Мао Цзэдуну Пэн Дэхуай не делал прямых выпадов против него, Мао Цзэдун понял, что вся критика Пэн Дэхуая направлена в его адрес. Впоследствии один из ближайших помощников Мао Цзэдуна, Чэнь Бода, говорил: «14 июля 1959 г. Пэн Дэхуай пустил в ход на Лушаньском совещании свое черное «письмо», в котором обрушился с гнусными нападками на председателя Мао и изложил антипартийную ревизионистскую программу. Он обрушился на председателя Мао за «мелкобуржуазный фанатизм», «головокружение» и чванство... Тогда председатель Мао принял решение созвать пленум ЦК, чтобы окончательно разоблачить антипартийную группировку Пэн Дэхуай...»¹⁵

Созванный в августе 1959 г. по требованию Мао Цзэдуна VIII пленум ЦК КПК в Лушани он превратил фактически в судилище над Пэн Дэхуаем и его сторонниками. Не Линь Бяо и не «четверка» (тогда они еще не были у власти), а именно Мао Цзэдун сфабриковал на этом пленуме на основании надуманных и ложных обвинений так называемое дело Пэн Дэхуая. В специальной резолюции о Пэн Дэхуае и его сторонниках говорилось: «Перед созывом Центральным Комитетом партии в июле 1959 г. расширенного заседания Политбюро в Лушани, да и в первый период Лушаньского совещания правооппортунистическая антипартийная группа во главе с Пэн Дэхуаем, в состав которой входят Хуан Кэчэн, Чжан Вэньтянь, Чжоу Сяочжоу и другие, развернула у нас в партии бешеное наступление на генеральную линию партии, большой скачок и народные коммуны... VIII пленум ЦК КПК восьмого созыва считает: решительный разгром деятельности правооппортунистической

¹² The Case of Peng Teh-huai..., p. 11; 400.

¹³ Ibid., p. 4, 11; 395, 399.

¹⁴ Ibid., p. 4, 10; 395, 399.

¹⁵ Ibid. p. 204—205; 480.

антипартийной группы во главе с Пэн Дэхуаем совершенно необходим для защиты не только генеральной линии партии, но и руководства партии, ее Центрального Комитета во главе с т. Мао Цзэдуном...»¹⁶

«Дело Пэн Дэхуая» Мао Цзэдун связал с «делом Гао Гана — Жао Шуши». «Сейчас уже установлено, — говорилось в резолюции, — что Пэн Дэхуай и Хуан Кэчэн давно сформировали блок с Гао Ганом, причем они были важными участниками этого блока»¹⁷.

Для того чтобы ошельмовать Пэн Дэхуая и дискредитировать его политически, Мао Цзэдун использовал весь арсенал лжи и клеветы. Он обвинил Пэн Дэхуая в чуждых ему дурных наклонностях — карьеризме, фарисействе, интриганстве и пр. Так, в резолюции утверждалось, что «для осуществления своих личных, карьеристских целей Пэн Дэхуай давно уже обрушивался в партии и в армии со злобными нападениями и клеветой на вождя партии товарища Мао Цзэдуна и других руководящих товарищей из Центрального Комитета и Военного Совета. В связи с положением, которое Пэн Дэхуай занимал в ЦК партии и Народно-освободительной армии, а также в силу того, что он прикидывался прямодушным, бесхитростным человеком, его деятельность могла обмануть и уже обманула некоторых людей. Она представляла огромную опасность для будущего партии и Народно-освободительной армии. Именно поэтому разоблачение подлинного облика этого фарисея, карьериста и интригана, пресечение его антипартийной раскольнической деятельности не могли не стать важной задачей партии и всех, кто предан партии, Народно-освободительной армии и делу социализма»¹⁸.

Казалось бы, после таких обвинений не оставалось ничего, как исключить Пэн Дэхуая из партии и окончательно расправиться с ним. Но, учитывая огромный авторитет и популярность его в партии и народе, Мао Цзэдун не решился на крайние меры и ограничился лишь снятием его с поста министра обороны, оставив в составе Политбюро ЦК КПК, «чтобы посмотреть», как он «проявит себя»¹⁹.

Более того, в резолюции пленума было лицемерно записано: «VIII пленум ЦК КПК 8-го созыва полагает, что партия должна по-прежнему со всей теплотой относиться к Пэн Дэхуаю, помочь ему осознать и исправить свои ошибки»²⁰. Тем не менее в коммюнике о Лушаньском пленуме ни слова не говорилось о Пэн Дэхуае и его сторонниках, не была опубликована и специальная резолюция (она была опубликована в сокращенном виде 8 лет спустя — во время «культурной революции», в 1967 г.).

Однако Пэн Дэхуай не прекратил борьбы против Мао Цзэдуна и его авантюристического курса «трех красных знамен» и после Лушани. Он продолжал отстаивать свои взгляды, высказанные в Лушани²¹. По свидетельству Чэнь Бода, Пэн Дэхуай на Лушаньском пленуме не «признал своих преступлений»²².

В 1960 г. Пэн Дэхуай, получив отставку, начал путешествовать по провинциям, побывав в Хунани, Цзянси и других местах, как частное лицо беседовал с руководителями производственных бригад. В январе 1961 г. он посетил родные места (провинцию Хунань) и провел там обследования, по которым подготовил пять докладов: «Материалы обследования одной большой бригады», «Положение ремесленных рабо-

¹⁶ «Жэньминь жибао», 16.VIII.1967.

¹⁷ Там же.

¹⁸ Там же.

¹⁹ Там же.

²⁰ Там же.

²¹ В этой связи вызывают сомнения так называемые покаянные выступления и письма Пэн Дэхуая, в частности покаянное выступление на VIII пленуме в Лушани и письмо от 5.IX.1959 г. По всей видимости, они были сфабрикованы маоистами.

²² The Case of Peng Teh-huai..., p. 205.

чих в трех больших бригадах», «О торговле на одном рынке», «О всестороннем росте производства в текущем году в одной большой бригаде» и «Доклад по итогам обследования одной бригады, сократившей производство». Эти доклады были отпечатаны и разосланы всем провинциальным партийным комитетам²³. В этих материалах он продолжал критиковать курс «трех красных знамен».

Многие члены партии, в том числе и руководящие работники КПК, не только сознавали правоту Пэн Дэхуая, но и разделяли его взгляды. Его открыто поддержал Лю Шаоци. По утверждениям маонистов, после Лушаньского пленума Лю Шаоци «вылез на сцену и клеветнически твердил, будто в выработке генеральной линии была допущена слепота, а большой скачок «раздут на ура» и расстроил народное хозяйство, будто «народная коммуна создана скороспело и ей грозит распад»... Он без устали ратовал за «пересмотр оргвыводов», сетовал на судьбу правых оппортунистов, представляемых Пэн Дэхуаем, которые якобы страдали от «несправедливости»... Он «открыто и нагло превозносил» Пэн Дэхуая как «правильного» и «мужественного» человека, называя его своим лучшим другом»²⁴.

Выступая в январе 1962 г. на расширенном совещании ЦК КПК, Лю Шаоци открыто высказался за реабилитацию Пэн Дэхуая. Он прямо указал, что в программе Пэн Дэхуая «многое соответствует фактам» и ее «нельзя считать ошибкой». Борьбу против Пэн Дэхуая и его сторонников, которую вел лично Мао Цзэдун, он назвал «ошибкой и перегибом». Он добивался того, чтобы Пэн Дэхуай вновь пришел к власти, принял руководство армией²⁵.

Видный китайский писатель и историк У Хань свою солидарность с Пэн Дэхуаем выразил в своей пьесе «Разжалование Хай Жуйя», в которой восхвалялся отважный военачальник династии Мин — Хай Жуй, не побоявшийся критиковать императора. Хай Жуй заявил императору: «Раньше ты еще делал кое-что хорошее, а что ты делаешь теперь? Исправь ошибки, дай народу жить в счастье. Ты совершил слишком много ошибок и считаешь, что во всем прав, и поэтому отвергаешь критику»²⁶.

Эта пьеса ставилась во многих театрах страны, и многие справедливо сравнивали Хай Жуйя с Пэн Дэхуаем, который не побоялся выступить против Мао Цзэдуна, за что и был разжалован. Сам Мао Цзэдун говорил: «Соль драмы «Разжалование Хай Жуйя» — это «отставка». Император Цзя Цзин разжаловал Хай Жуйя, а мы в 1959 г. сместили Пэн Дэхуая. Пэн Дэхуай — тот же Хай Жуй»²⁷.

В конце 1962 г. Мао Цзэдун, якобы «желая в последний раз спасти Пэн Дэхуая», направил его на низовую работу в деревню. Как же Мао Цзэдун «спасал» Пэн Дэхуая? Он сослал его в деревню Гуацзятун под Пекином, где его специально поместили в домике у Саньгуя, имя которого стало в Китае символом национального предательства. В этой деревне, где Пэн Дэхуая «заставляли чистить сточные канавы и убирать нечистоты», он прожил до 1965 г.²⁸

«Дело Пэн Дэхуая» было одним из первых наиболее ярких проявлений глубокого идейно-политического кризиса маонизма. Критика Пэн Дэхуаема Мао Цзэдуна и его курса «трех красных знамен» оказала большое влияние на внутривнутрипартийную борьбу в КПК и на внутриполитическую жизнь Китая в последующие годы, ибо с нее началось формирование внутривнутрипартийной оппозиции Мао Цзэдуну и его курсу «трех

²³ The Case of Peng Teh-huai..., p. 206—207.

²⁴ См. «Жэньминь жибао», 16.VIII.1967.

²⁵ Там же.

²⁶ Цит. по: Новейшая история Китая. М., 1972, с. 335.

²⁷ «Жэньминь жибао», 16.VIII.1967.

²⁸ См. там же, 15.III.1979.

красных знамен». Как справедливо отмечают советские историки, «без учета этого обстоятельства нельзя понять внутренние пружины «культурной революции». Лушань вполне можно назвать политической предтечей «культурной революции»²⁹.

Не случайно также, что во время «культурной революции» Мао Цзэдун послал хунвэйбинов на специальном самолете в Чэнду (провинция Сычуань), где находился тогда Пэн Дэхуай. Они арестовали его и доставили в Пекин. Начались «допросы» и издевательства. Каких только ярлыков не наклеивали на Пэн Дэхуая. Его называли и «бандитом», и «контрреволюционером», и «крупным милитаристом», и даже «палачом народных масс». Причем это исходило не от хунвэйбинов, а от Мао Цзэдуна и тех, кто выполнял его указания. Так, Чэнь Бода — тогдашний член Политбюро ЦК КПК, один из руководителей группы по делам «культурной революции», созданной Мао Цзэдуном и действовавшей по его личным указаниям, — возмущался тем, что Пэн Дэхуай якобы посмел заявить, что «его нельзя называть палачом народных масс».

Как известно, во время «культурной революции» в соответствии с указанием Мао Цзэдуна проводились так называемые митинги борьбы, на которых противников Мао, в том числе и Пэн Дэхуая, не только подвергали всевозможным оскорблениям, но и «усаживали в самолет» (подолгу держали человека в мучительной позе, с заломленными за спину руками), вешали им на грудь табличку как преступникам, водили по улицам и пр. Даже больного и престарелого Чжу Дэ, друга и соратника Пэн Дэхуая, выводили «на митинги борьбы». Парадоксально, но факт: противников Мао Цзэдуна — лучших представителей руководящих кадров Коммунистической партии Китая — подвергали в маоистских застенках таким же пыткам и издевательствам, как китайских коммунистов в гоминьдановских тюрьмах.

Из всего изложенного видно, что не Линь Бяо и «четверка» виноваты в травле и жестоких преследованиях Пэн Дэхуая, приведших к его трагической гибели, а лично Мао Цзэдун, который в условиях чудовищного культа личности и единоличного диктата навязывал свою волю при решении судебных не только таких выдающихся деятелей КПК, как Пэн Дэхуай, но и судеб страны. Расправа Мао Цзэдуна над Пэн Дэхуаем и многими другими видными деятелями КПК — красноречивое свидетельство того, какое огромное горе и ущерб нанес Мао Цзэдун Коммунистической партии Китая и китайскому народу. Об этих реальных фактах умолчал III пленум ЦК КПК одиннадцатого созыва (декабрь 1978 г.). Умолчал о них в своем выступлении на траурном митинге, посвященном памяти Пэн Дэхуая, и Дэи Сяопин. В то же время нельзя не отметить и то, что после разгрома «банды четырех» в китайской печати еще в 1977 г. продолжали появляться статьи, в которых отстаивалась оценка Пэн Дэхуая как врага Мао Цзэдуна, данная ему на Лушаньском пленуме ЦК и во время «культурной революции»³⁰.

Если бы III пленум ЦК КПК одиннадцатого созыва действительно исходил из реальных фактов, как говорится в его решении о реабилитации Пэн Дэхуая, то он должен был бы отменить сфабрикованную Мао Цзэдуном на основании надуманных и ложных обвинений резолюцию Лушаньского пленума ЦК 1959 г. «Об антипартийной группе во главе с Пэн Дэхуаем» и признать, что позиция Пэн Дэхуая на этом пленуме была совершенно правильной. Но он не сделал этого, так как наряду с реабилитацией Пэн Дэхуая и других жертв маоцзэдуновского террора принял решение «защитить высокий авторитет товарища

²⁹ В. П. Фетов. Пэн Дэхуай, Лушаньский пленум и «культурная революция». — «Проблемы Дальнего Востока», 1972, № 3.

³⁰ См. «Лиши яньцзю», 1977, № 5; «Ляонин дасюэ сюэбао», 1977, № 4.

Мао Цзэдуна». Поэтому решения III пленума носят половинчатый, не последовательный и противоречивый характер.

После III пленума ЦК КПК одиннадцатого созыва в периодической печати КНР появилось много статей и воспоминаний о Пэн Дэхуае, в которых положительно оценивается реабилитация и подчеркиваются заслуги этого героя китайской революции. Более того, бывший соратник Пэн Дэхуая Хуан Кэчэн в своей статье «Верность и преданность, пронесенная через всю жизнь; вечная память отважному и негибаемому герою», опубликованной в органе ЦК КПК «Хунци», прямо призывает учиться у Пэн Дэхуая «принципиальности, правдивости, смелости в критике ошибок и недостатков»³¹.

В то же время авторы статей и воспоминаний, следуя решениям III пленума ЦК КПК, не решаются сказать всей правды о Пэн Дэхуае, сохраняют общую установку не нанести ущерб «высокому авторитету» Мао Цзэдуна. Поэтому они пытаются представить Пэн Дэхуая как «верного соратника» и «единомышленника» Мао Цзэдуна. В результате вновь извращаются и фальсифицируются многие исторические факты из жизни и деятельности Пэн Дэхуая. Так, Хуан Кэчэн, который был очевидцем расправы Мао Цзэдуна над Пэн Дэхуаем и сам был репрессирован, все-таки пытается утверждать, будто Мао Цзэдун и после Лушаньского пленума весьма дружелюбно относился к Пэн Дэхуаю. В 1962 г., пишет Хуан Кэчэн, Мао Цзэдун «по-прежнему возлагал большие надежды на Пэн Дэхуая. Он передал ему наказ „хорошо изучить марксизм-ленинизм и готовиться приступить к партийной работе“».

По словам Хуан Кэчэна, в октябре 1965 г. Пэн Дэхуай был назначен на работу в третий эшелон заместителем командующего. В связи с этим Мао Цзэдун пригласил Пэн Дэхуая к себе домой, и «они душевно беседовали». Но это назначение Пэн Дэхуая, по тем же данным, было сорвано Линь Бяо и «четверкой». Их же «злой воле», а не Мао Цзэдуну приписываются и последовавшие в 1966 г. репрессии против Пэн Дэхуая.

В конце 1978 г. был опубликован ряд статей, в которых реабилитировался роман «Битва за Яньань», героем которого являлся Пэн Дэхуай. Этот роман вышел в свет в 1954 г., но во время «культурной революции» маоисты назвали его «ядовитой травой», «наглядным образцом антипартийного романа». Автор романа и его издатели были репрессированы. После реабилитации Пэн Дэхуая роман «Битва за Яньань» стали называть «одной из книг о народной войне», «одним из замечательных произведений с революционным сюжетом», «книгой, горячо воспевающей председателя Мао» и т. п.

Как явствует из статей, снято с Пэн Дэхуая и обвинение, инспирированное Мао Цзэдуном еще на VII съезде КПК (1945 г.), — о якобы «самовольном развязывании» крупнейшей операции 8-й армии в 1940 г. против японских оккупантов, известной под названием «Битва ста полков». Тогда Мао Цзэдун и его приверженцы расценили эту операцию как ошибочную, оказавшую якобы услугу Чан Кайши и помешавшую росту опорных баз КПК в японском тылу в Северном Китае. Теперь она оценивается положительно. Так, в статье «Восстановить историческую правду о «Битве ста полков» говорится, что на III пленуме ЦК КПК наряду с решением о реабилитации Пэн Дэхуая «было решено также и восстановить историческую правду о «Битве ста полков». Однако автор статьи, вопреки историческим фактам, пытается представить дело так, будто до конца 50-х годов «Битве ста полков» давалась

³¹ «Хунци», 1979, № 1. — Хуан Кэчэн также был реабилитирован на III пленуме ЦК КПК одиннадцатого созыва, введен в состав ЦК и назначен постоянным секретарем Центральной комиссии КПК по проверке дисциплины.

положительная оценка, но затем эта оценка была изменена и «Битва ста полков» подверглась фальсификации, особенно в период господства Линь Бяо и «четверки». По словам автора статьи, ЦК КПК и Мао Цзэдун знали о проведении «Битвы ста полков». Мао Цзэдун даже послал Пэн Дэхуаю телеграмму, в которой поздравил его с победой³².

В периодической печати КНР появились и другие статьи, в которых высоко оценивается деятельность Пэн Дэхуая, в частности подчеркиваются его заслуги в освобождении Северо-Западного Китая в конце 40-х годов, в корейской войне 50-х годов и пр. Но для всех них характерно то, что наряду с высокой оценкой роли и заслуг Пэн Дэхуая ему приписывается «конкретное и последовательное проведение в жизнь стратегических замыслов и оперативных планов председателя Мао»³³. Защищая «высокий авторитет» Мао Цзэдуна в соответствии с решением III пленума ЦК КПК, авторы статей и воспоминаний искажают и фальсифицируют исторические факты, пытаются показать, что Пэн Дэхуай был «верным последователем» Мао Цзэдуна, а вину за расправу над Пэн Дэхуаем свалить на Линь Бяо и «банду четырех».

Попытки обелить и защитить «высокий авторитет» Мао Цзэдуна вопреки реальным историческим фактам являются оскорблением светлой памяти героя китайской революции Пэн Дэхуая и многих других, ни в чем неповинных, жертв маоцзедуновского террора. Крайне неуклюжи и совершенно несостоятельны потуги нынешних пекинских руководителей возложить ответственность за все ошибки и преступления на Линь Бяо и «четверку». Ведь хорошо известно, что Мао Цзэдун с конца 50-х годов и до своей смерти в 1976 г. держал в своих руках всю полноту власти, а Линь Бяо и «четверка» были всего лишь его послушным орудием.

Лу Динъи, также реабилитированный III пленумом ЦК КПК, писал в статье «Вспоминаю хорошего премьера народа — товарища Чжоу Эньлая»: «Сейчас уже совершенно ясно, что письмо Пэн Дэхуая, распространенное на Лушаньском пленуме ЦК КПК, было правильным. Ошибочную позицию занимал не товарищ Пэн Дэхуай, а те люди, которые выступали против него»³⁴. Он указал, что «первоначальной целью Лушаньского пленума было, исходя из практики, выявить ошибки в работе и исправить их. Однако в действительности он стал пленумом борьбы против правильного мнения Пэн Дэхуая и пошел еще дальше «влево». Эти левоуклонистские ошибки затем превратились в линию, которая не была исправлена вплоть до разгрома «банды четырех» в октябре 1976 г. ... С 1958 по 1976 год, — подчеркнул Лу Динъи, — прошли долгие 18 лет. Порожденное ею зло («левоуклонистской» линией Мао Цзэдуна. — А. Т.)... еще и сегодня приходится неуклонно признавать и упорно преодолевать»³⁵.

Вероятно, потребуются еще годы, чтобы правда о трагической гибели Пэн Дэхуая стала достоянием китайского народа и всех тех, кто с огромной любовью и уважением относился к герою китайской революции.

В памяти советских людей Пэн Дэхуай навсегда останется другом Советского Союза, примером беззаветного служения своему народу, делу революции и коммунизма.

³² См. «Ляонин дасюэ сюэбао», 1979, № 6.

³³ См. «Хушиц плюпяо», 1979, № 17; «Жэньминь жибао», 26.X.1979.

³⁴ «Жэньминь жибао», 8.III.1979. — До «культурной революции» Лу Динъи был заместителем премьера Госсовета КНР, заведующим отделом пропаганды ЦК КПК, министром культуры. Ныне он является заместителем председателя НПКСК.

³⁵ «Жэньминь жибао», 8.III.1979.

Япония: тяжелый груз экономических и политических проблем

*К. М. Попов,
доктор экономических наук, профессор*

По-разному оценивается специалистами экономическое положение Японии на рубеже 70—80-х годов. Но почти единодушно они приходят к выводу о том, что эра высоких темпов экономического развития страны прекратилась, наступила новая эпоха — эпоха замедленных темпов, иными словами, настал переломный период в экономике. По различным оценкам, в перспективе при благоприятных условиях можно ожидать, что темпы промышленного производства в ближайшие годы не будут превышать 5—6% в год, тогда как в докризисные времена, в период с начала 60-х годов до 1974 г., среднегодовые темпы промышленного производства составляли 14% (в ведущих отраслях тяжелой промышленности), а в черной металлургии и в химической промышленности — 15%, в машиностроении — 20%.

За простой формулой «замедленные темпы развития» кроются весьма глубокие и сложные социально-политические, экономические и технические процессы.

В течение почти 20-летнего докризисного периода развитие Японии шло ускоренными темпами. За это время был создан огромный производственный потенциал, многочисленные крупнейшие предприятия, не приспособленные к деятельности в условиях низких темпов развития страны. С наступлением кризиса потребовалось коренное и срочное изменение всей структуры индустриальной базы применительно к замедленным темпам развития и не столь высокой производительности промышленного производства. В сложившейся экономической конъюнктуре много труднее стало реализовать накапливаемую продукцию. В 70-х годах никто из зарубежных японоведов, за исключением некоторых прогрессивных авторов, не предвидел возможности «перегрева» в результате ускоренного развития, тех трудностей, которые могут возникнуть, издержек экономического роста. Явно преобладали самые оптимистические высказывания.

Видный английский историк Арнольд Тойнби, побывавший в Японии в конце 60-х годов, в серии статей, опубликованных в японской и английской печати, писал «о японском чуде» и искал объяснение его в «японской самобытности».

Предсказывал «лучезарное будущее» Японии французский журналист Робер Гийом. Свою книгу «Япония — третья великая держава», вышедшую в Париже в 1969 г., он начал главой «Бег к 2000 году». Автор писал о «необычайном динамизме», присущем будто бы японцам, о «необычайном размахе» индустриального и инфраструктурного развития. Он предсказывал, что к 1985 г. Токио превратится в сверхгород с населением 38 млн. человек. «Весь японский народ, — считал он, — устремляется в будущее. В конечном счете все граждане Японии, если лично и не станут богатыми, все же получают выгоду от обогащения страны и прогресса японского общества».

Действительность 70-х годов развеяла миф о том, будто Япония идет по пути создания «государства всеобщего благоденствия». Кризис 1974—1975 гг., который оказался особенно тяжелым, показал, как легко поддались самообману люди, побывавшие в Японии, но так и не понявшие реальной ситуации, тех сложных условий, в которых находится страна, не предвидевшие последствий гипертрофированного индустриального развития, осуществляющегося прежде всего в интересах господствующих классов.

Итоги экономического развития Японии к началу 80-х годов

На Японии последний тяжелый кризис отразился в гораздо большей степени, чем на других промышленно развитых капиталистических странах. Начало кризиса в Японии относится к концу 1973 г. Продолжительность пика кризисного периода — около 15 месяцев (в странах Западной Европы — от 10 до 12 месяцев, в США — от 6 до 7 месяцев). Кризис в Японии был не только самым продолжительным, но и самым глубоким, о чем свидетельствует высокий показатель степени падения уровня производства — 20 %. (В странах Западной Европы падение колебалось в пределах от 9 до 13 %, в США — 15 %).

Более продолжительным оказался в Японии и период последовавшей за этим глубокой депрессии — около 25 месяцев. Докризисный уровень был достигнут в США и ФРГ в июне — июле 1976 г., в странах Западной Европы — к осени этого же года, а в Японии — только в марте-апреле 1977 г.

Важной особенностью кризиса в Японии и последующей депрессии следует считать более широкий охват ими различных сфер жизни страны, не только экономической, но также социально-политической и культурной. Поэтому одни лишь экономические показатели не могут полно отразить действительную глубину кризиса. Исследуя его причины, степень воздействия и последствия, следует рассматривать их всесторонне, оценивая их в комплексе, во всей их сложной взаимосвязи.

В то же время определенный рост японской экономики в последующий период, повышение индексов производства не говорит о том, что кризис преодолен, нельзя рассматривать это как подлинное оживление, охватывающее различные стороны жизни страны. Правильнее было бы сказать, что оживление в целом (за исключением отдельных отраслей производства) происходит не только весьма медленными темпами, но и неравномерно и неустойчиво.

Оценивая в канун 1979 г. ближайшие перспективы страны, японская печать высказывала надежду на то, что этот год окажется наилучшим за все время после кризиса. Действительно, первое его полугодие показало, что темпы промышленного производства были несколько выше, чем в предшествующем году, однако во втором полугодии за отдельными исключениями темпы роста замедлились. В официальных прогнозах предсказывалось, что рост ВВП может достигнуть в целом 6 и даже 7 %. Однако его реальный рост не превысил 5,7 %.

В 1979 г. отмечено резкое замедление темпов роста экспорта. Его стоимость составила 103 млрд. долл. против 97 млрд. долл. в 1978 г. Прирост, таким образом, составил 5,6 % (в 1978 г. — 21 %). В то же время резко возросла сумма импорта — она составила 110 млрд. долл. против 79 млрд. долл. в 1977 г. Рост — на 40 %, при этом физический объем импорта не увеличился. Только на закупки нефти было затрачено 33,4 млрд. долл., что составляет около 1/3 от всей суммы импорта. По сравнению с 1978 г. расходы на оплату ввозимой нефти возросли почти

на 10 млрд. долл. Цены на все импортные товары в среднем возросли почти на 30 %.

Не менее важным явлением 1979 г. явилось то, что впервые за последнее время торговый баланс принес пассивное сальдо в размере 8 млрд. долл., а платежный баланс оказался еще более неблагоприятным — дефицит достиг 16,6 млрд. долл. против активного сальдо в 5,9 млрд. долл. в предыдущем году.

В связи с валютными трудностями и колебаниями курса иены только в 1979 г. валютные резервы сократились с 33 млрд. до 20 млрд. долл., то есть уменьшились на 18 млрд., или на 38 %.

Такого рода явления в экономической жизни страны раньше не отмечались. Несомненно, эти неблагоприятные процессы не могут не отразиться на развитии экономики страны в 1980 и в последующие годы.

Хотя правительственные органы проводят различные мероприятия, чтобы ослабить рост инфляции, тем не менее он продолжается: оптовые цены возросли на 7,3 %, а розничные — почти на 4 %. Однако инфляционный процесс протекал менее интенсивно, чем в других капиталистических странах.

По ряду показателей промышленное производство в 1979 г. показало определенный рост, в частности в тяжелой индустрии и химической промышленности, что видно из нижеследующей таблицы.

Промышленное производство Японии

	1975 г.	1978 г.	1979 г.
Электроэнергия (млрд. кВт·ч)	383	453	481
Уголь (млн. т)	19	19	19
Чугун (млн. т)	77	78	84
Сталь (млн. т)	100	102	112
Алюминий (млн. т)	1,0	1,0	1,0

Увеличение производства ряда металлов, которое наблюдалось в 1979 г., было обусловлено, с одной стороны, увеличением спроса на внутреннем рынке, а с другой — расширением экспорта. В этом отразилось повышение спроса на мировом рынке черных металлов.

В застое продолжает оставаться цветная металлургия. В мировом производстве меди и алюминия Япония занимает видное место. Однако конъюнктура для этих товаров складывается неблагоприятно, их производство в 1979 г. почти не возросло.

Немалые трудности, связанные главным образом с экспортными проблемами, испытывает машиностроение. Впервые за много лет одна из ведущих отраслей — автомобильное производство, — которая ранее развивалась высокими темпами, показала в 1979 г. весьма небольшой рост выпуска автомашин. В 1978 г. было выпущено 9,3 млн. автомашин, а в 1979 г. — 9,6 млн., то есть больше всего лишь на 4 %.

В тяжелом положении продолжает оставаться сердцевина японского машиностроения — судостроение, хотя за последнее время несколько увеличились заказы на торговые суда.

В легкой индустрии процесс оживления протекал в 1979 г. теми же замедленными темпами, что и раньше. Это было обусловлено как сокращением спроса на внутреннем рынке, так и нарастающими затруднениями на внешних рынках.

Заметно упал также спрос на изделия электротехнической промышленности — радиоприемники, телевизоры, магнитофоны и т. д. при одновременном некотором росте спроса на микроэлектронику, электронные часы, специальные точные приборы и др.

Сельское хозяйство Японии также испытывало воздействие кризиса и депрессии. Господствующее положение в нем занимают мелкотоварные хозяйства — доля хозяйств, имеющих участок земли до 1 га, составляет около 70 %. На их положении сильно сказывается инфляция. Значительно возросла стоимость минеральных удобрений, сельскохозяйственного инвентаря, затруднились условия сбыта и транспортировки продукции. Труднее стало получать помощь от сельскохозяйственных коопераций.

В сфере сельского хозяйства отмечается сложное положение. Если раньше в стране отмечался хронический недостаток риса — одного из основных продуктов питания японцев, то теперь, напротив, имеет место его избыток. Возник своего рода «рисовый бум», запасы риса растут, а спрос почти не увеличивается, поскольку в городах начали потреблять хлебобулочные изделия. Это особенно стало чувствоваться в 1978 и 1979 гг. Правительство вынуждено было принять срочные меры — с одной стороны, найти новые способы использования риса для промышленных целей, с другой — стать на путь ограничения посевов риса, платить не за то, чтобы расширялись пахотные поля, а напротив, давать субсидии тем, кто сокращает рисовые посевы.

Рис в Японии продается в основном в специальных правительственных лавках, куда свозится с закупочных пунктов собранный урожай. Вопрос о «рисовых дотациях» — важная тема, не раз обсуждавшаяся в парламенте. Противники правительственной помощи рисоводам требуют снизить дотации, на что правящая Либерально-демократическая партия не идет, так как в значительной мере опирается на поддержку жителей сельских местностей.

Подавляющая часть малоземельных крестьян не может обеспечить своих потребностей урожаем, собираемым с карликового участка, поэтому особенно сильно стало развиваться отходничество, уход на временные работы за заработком. Более зажиточная часть деревни предпочитает переселяться в пригороды и заниматься там пригородным хозяйством, используя прогрессивные методы земледелия, разводить круглогодично овощи, фрукты, цветы. В связи с развитием животноводства усиливается стремление создавать комбикормовые предприятия для продажи кормов хозяйствам, разводящим скот.

В последнее время появилась тенденция к созданию в пригородах своеобразных агро-промышленных комплексов — не таких крупных, как в США или в странах Западной Европы, а несколько помельче и более примитивно оборудованных. Эта тенденция активно поддерживается правительственными, а также муниципальными и кооперативными организациями. Она больше всего отвечает интересам зажиточной части деревни.

Общие размеры государственного бюджета на 1980/81 г. определены в сумме 42 588 млрд. иен, то есть на 10,3 % больше суммы бюджета на 1979/80 г. (финансовый год начинается с 1 апреля).

Основу доходной части бюджета составляют налоги и займы. Тенденция к повышению налогов, как общегосударственных, так и местных, встречает очень сильное противодействие общественности. Что касается займов, то их доля столь заметно увеличилась в бюджетах последних лет, что правительство не решилось в нынешнем финансовом году продолжать эту линию, сохранив сумму займов на уровне предшествующих бюджетов, тем более что размещение ранее выпущенных займов не принесло ожидаемых результатов.

Удельный вес заемных средств в бюджете на 1980/81 г. составляет 33 % против 39 % в бюджете на 1979/80 г.

В расходной части бюджета повышены расходы на военные статьи — почти в четыре раза против 1973 г. Вновь увеличены ассигнования на так называемую «помощь» развивающимся странам. В 1979—1980 гг. про-

мышленно развитые страны Запада в большинстве случаев стремятся сократить такую «помощь», а Япония, напротив, широко рекламирует свое стремление увеличить эту «помощь» и облегчить ее условия (понижение процента, предоставление некоторых льгот и продление сроков возврата). Увеличиваются размеры так называемых «даров».

Так же, как и в предшествующие годы, государственные бюджеты являются весьма напряженными и свидетельствуют о сложном финансовом положении страны, что не дает оснований для оптимистических прогнозов на ближайшие годы.

Тяжелое наследие ускоренного развития

Последствия «ускоренного развития» охватывают не только экономические, но также социальные и политические сферы жизни Японии.

Прямыми результатами курса на «ускоренное развитие» для Японии явились: хроническая недогрузка производственных мощностей и их частичное разрушение; усиление неравномерности в размещении производительных сил страны; нарастание зависимости от импорта топлива и сырья; уменьшение занятости рабочей силы и рост безработицы.

Общий структурно-экономический кризис в Японии был во многом кризисом перепроизводства товаров как тяжелой, так и легкой индустрии. Это явилось следствием гипертрофированного и непланового развития производственного аппарата, индустриальной базы страны. В кризисные времена и в условиях депрессии далеко не все созданные производственные мощности в полной мере загружены. В то же время в ряде предприятий часть оборудования устарела, и его использование казалось неэффективным. Это особенно ярко проявилось в ведущих отраслях тяжелой индустрии — в машиностроении и черной металлургии.

Среди промышленных предприятий Японии количественно преобладают средние и мелкие (часть из них самостоятельные, находящиеся в провинциальных городах страны, но немало так называемых субпоставщиков, тесно связанных с крупными предприятиями). Однако по стоимости производимой продукции господствующее место занимают крупные заводы и комбинаты, как правило оснащенные передовой техникой. В кризисных условиях деятельность многих мелких и средних предприятий оказалась неэффективной. Именно такого рода предприятия во время «волны банкротств» вынуждены были прекратить свою деятельность, а многие из них стали продавать оборудование на слом.

Хотя черная металлургия менее других пострадала в «пиковые» годы кризиса, но и там потрясений было немало. В стране насчитывалось около 70 доменных печей. Больше число их устарело, их производительность низка. В ходе кризиса их судьба была предрешена.

Несколько лет назад в японской печати появилось сообщение о событиях в городе Камаиси, расположенном к северо-востоку от Токио. Это небольшой старинный город, где впервые в Японии еще в 1849 г. была построена доменная печь европейского образца. Это положило начало сооружению металлургического комбината, который одно время считался даже «первенцем японской металлургии». В послевоенные годы, когда шло интенсивное строительство новых металлургических заводов, предприятия Камаиси стали терять свое значение, хотя судьбы многих жителей провинциального города были тесно связаны с их деятельностью. Когда начался кризис, руководители компании решили закрыть заводы, как устаревшие и малоэффективные. Это отвечало интересам металлургической компании, но обрекало множество жителей Камаиси на тяжелую участь.

Вместо старых заводов вблизи Токио, на отвоеванном у залива мел-

ководном участке, на насыпном острове, был воздвигнут новейшего типа металлургический комбинат, почти полностью автоматизированный, с небольшим числом рабочих и служащих.

Тяжелая участь постигла также и судостроение. Прекратили деятельность не только мелкие предприятия, которые можно встретить в Японии во многих портовых городах, но и крупные верфи, особенно сооружающие сверхмощные танкеры, спрос на которые резко сократился.

Хотя и в меньшей степени, разрушение производственного аппарата коснулось также химической индустрии и ряда отраслей легкой промышленности. Старинная отрасль текстильной индустрии — хлопчатобумажная промышленность пострадала в значительной степени, многие мелкие и средние предприятия прекратили свою деятельность, особенно в провинциальных районах.

Приведенные примеры показывают, какой тяжелый ущерб принесло «ускоренное развитие» как самому производству, так и занятому в нем экономически активному населению страны. Бесспорно, расплата за «ускоренное развитие» в эгоистических интересах монополий оказалась для японского народа весьма тяжелой.

Резкое расширение зависимости от импорта

Ни одна из стран капиталистического мира не находится в такой зависимости от импорта сырья и нефти, как Япония. Доля зависимости США от импорта определялась в среднем 25 %, Франции — 53 %, ФРГ — 70 %, Великобритании — 75 %, Италии — 83 %. Степень зависимости Японии предельно высока — в некоторых случаях 98—99 %, а по ряду важных видов сырья, в том числе нефтетоплива, — 100 %.

На многих мировых рынках сырья Япония стоит в первых рядах покупателей — это относится к железной руде, марганцу, многим редким и драгоценным металлам, урану, коксующемуся углю, бокситам, а также к таким товарам, как хлопок, шерсть, кормовое зерно и даже древесина (Япония относится к числу весьма лесистых стран, но только наполовину удовлетворяет потребности собственными заготовками). Чем больше развивалось крупномасштабное производство, тем сильнее возрастал импорт необходимого для него сырья.

На рубеже 70—80-х годов, в условиях все осложняющейся международной обстановки, выявились новые важные тенденции, непосредственно связанные с закупками сырья. Ранее стоимость импорта сырьевых товаров определялась главным образом коммерческими условиями. Однако в новой обстановке далеко не всегда это стало иметь решающее значение. Товар стал приобретать «политическую окраску», и возможность его получения в значительной степени начала зависеть от международной обстановки, от многих политических тенденций. Особенно явно это дало о себе знать во время мирового энергетического кризиса. Это во многом объяснялось осуществляемой США политикой диктата, их требованиями поддержки своих агрессивных замыслов ближайшими союзниками. Они при этом не считались с тем, что это создает для Японии катастрофическую обстановку.

Важное значение имеет и другая новая тенденция — стремление развивающихся стран, основных поставщиков сырья на мировой капиталистический рынок, создавать объединения стран — экспортеров сырья. Так, например, уже созданы Ассоциация производителей натурального каучука, Ассоциация поставщиков тропических лесных материалов и ряд других. В задачи таких ассоциаций входит использование опыта ОПЕК в деле согласования политики цен и их повышения в зависимости от складывающейся мировой конъюнктуры. Большую активность в этом направлении проявляют азиатские страны, входящие в ЮНКТАД. При

этом особое внимание уделяется вопросам так называемой «стабилизации» цен. Стремление к повышению цен на сырье в перспективе еще больше будет затруднять возможности импорта и его условия.

В весьма сильной зависимости от импорта нефти находится японская энергетика. В более ранний период экономического развития Японии нефть почти не ввозилась, основой энергетического баланса являлись ресурсы, которыми располагала сама страна, — водная энергия и уголь. Перелом произошел в 60-х годах, когда основой энергетики стала привозная нефть. В зоне крупных городов и индустриальных центрах были сооружены ТЭС, их мощность достигла весьма внушительных размеров — 50 млн. кВт. Производственная способность заводов по переработке импортной нефти превышала 300 млн. т в год. Эти заводы даже в кризисные времена работали с почти полной загрузкой.

Япония ввозит немногим меньше нефти, чем США: в докризисные времена она импортировала от 220 до 250 млн. т в год. В 1979 г. было ввезено 230 млн. т (ФРГ ввезла около 90 млн. т, немногим более — Италия и Франция).

В полной зависимости от импорта урана находится 19 действующих атомных электростанций. Уран ввозится из разных стран — из Канады, США, Нигера и ЮАР.

Газ в сжиженном виде импортируется из Аляски, Канады, Брунея, из некоторых стран Персидского залива, главным образом из Кувейта, а также из ЮАР и Австралии.

В сильной зависимости от импорта находится ведущая отрасль промышленности — черная металлургия. Япония является самым крупным импортером железной руды: в 1979 г. было ввезено около 100 млн. т — в 1,5 раза больше того, что ввозят США или ФРГ. Весьма велик ввоз также антрацита и коксующегося угля. Ввоз последнего достигает 60 млн. т. Несмотря на то, насколько значительна эта цифра, можно судить по тому, что примерно столько же угля ввозит вся Западная Европа.

Столь высокая зависимость японской промышленности от зарубежных источников «питания» разбухшего производственного аппарата создает зыбкость импортного фундамента, зависимость от многих разнообразных и противоречивых экономических и политических условий.

Проблема занятости и безработицы

В течение почти 20 лет «ускоренного развития» в Японии почти не было безработицы, часто не хватало рабочих рук, молодежь устремлялась из деревень в города. Почти каждый находил себе ту или иную работу. Коренным образом положение изменилось в 1974—1975 гг. Появились биржи труда, регистрационные центры. В 1975 г. число безработных достигло 1 млн. человек. Трудовой люд в городах страны оказался перед угрозой лишиться работы. В 1979 г. насчитывалось 1 млн. 176 тыс. полностью безработных — больше, чем в ФРГ, и лишь немногим меньше, чем во Франции или Великобритании. Хотя в Японии считают, что экономика страны сейчас вступила в фазу оживления, однако это не привело к значительному снижению безработицы. Число занятых в промышленности не только не увеличилось, но показывает тенденцию к сокращению.

В японской буржуазной прессе часто утверждается, что по отношению к общему числу занятых число безработных не так уж велико. Но дело не только в количестве, но и в составе контингента безработных. В более благоприятном положении находятся опытные, высококвалифицированные рабочие. На многих крупных предприятиях, где ожидается в перспективе рост производства, принимаются меры к сохранению нужного контингента рабочих. Совсем в ином положении находится моло-

дежь. Ей найти работу становится все труднее. Это особенно относится к тем, кто получил высшее образование, а они каждый год пополняют рынок труда. В последнее время появилась тенденция к отливу рабочей силы из города в деревню.

Официальная статистика регистрирует лишь тех, кто являются членами профсоюзов, а в их число входит всего $\frac{1}{3}$ занятых. В тяжелом положении находятся рабочие, занятые на мелких и средних предприятиях, и именно они испытывают особенно сильно тяготы кризисов и депрессий. Эта категория рабочих статистикой также не учитывается. В материалах профсоюзных организаций обычно обращается внимание на то, что фактическая численность безработных гораздо выше той, которая публикуется в официальной печати.

В зарубежной буржуазной печати можно встретить высказывания, что народные массы Японии вполне удовлетворены своим положением, поскольку якобы потребности японских трудящихся намного ниже, чем у американских или западноевропейских рабочих, что японцы привыкли к своим примитивным жилищам, весьма скромному домашнему укладу и питанию. Советский ученый В. Н. Хлынов, автор книги «Рабочий класс Японии в условиях научно-технической революции», отмечает, что прогрессивные японские ученые в своих трудах по-новому стали подходить к вопросу о традиционном понятии уровня жизни, о так называемой нищете. Они считают, что настала пора определять и оценивать уровень жизни трудовой части японского народа, исходя из совершенно иных критериев, что при рассмотрении проблемы новой нищеты в современном мире необходимо увязывать в единое целое материальные, социальные и духовные аспекты, что ошибочно все сводить к вопросам заработной платы, а необходимо принимать во внимание широкий круг вопросов, определяющих уровень жизни человека современной эпохи, потребности которого далеко ушли от того, что было раньше¹.

Одним из тяжелых последствий «ускоренного развития» промышленного производства стало нерациональное размещение производительных сил в стране. Основой ее экономического потенциала стал Главный индустриальный пояс на узкой прибрежной полосе, омываемой водами Тихого океана, а на юге — водами Внутреннего моря Японии, где сосредоточены фабрики, заводы, комбинаты, сооруженные за годы «ускоренного развития». На узкой территориальной базе старых индустриальных центров Токио — Иокогама, Нагойя, Осака-Кобэ и Явата (на севере Кюсю) осуществлялось крупномасштабное строительство. Еще сравнительно недавно, лет 10—15 тому назад, можно было видеть между этими центрами «зеленые просветы» — пахотные поля, сады, цветочные плантации. Все это ныне исчезло. В результате непомерно активной урбанизации возникло множество новых городов-спутников, образовался сплошной индустриальный пояс. Его протяжение от Токио до Нагасаки составляет более тысячи километров, а ширина весьма невелика — от 30 до 60 км, в редких случаях несколько больше. Последствием этого явилось сильное загрязнение природной среды, возникли целые районы задымления (как, например, металлургический комплекс Китакою или город Эккаити, терпящий бедствие от отходов нефтехимических комбинатов, находящихся в центре города).

Если раньше вопросы загрязнения рассматривались как местные, то в последнее время проблема загрязнения стала общенациональной, политической проблемой. Ни один из кандидатов на муниципальных выборах не может рассчитывать на успех, если он не будет уделять внимания в своей предвыборной борьбе вопросам загрязнения.

¹ См. В. Н. Хлынов. Рабочий класс Японии в условиях научно-технической революции. М., 1978, с. 202.

Япония — младший партнер «империалистической тройки»

Среди разнообразных процессов, характеризующих современный этап общего кризиса капитализма, выявляется тенденция к дальнейшему, еще более активному сближению экономических структур Японии с США и главными промышленно развитыми странами Западной Европы, в первую очередь с ФРГ. Процесс сближения, а вместе с этим и нарастания противоречий весьма активно протекал и во времена ускоренного экономического развития Японии.

Господствующее положение в экономике Японии заняли новые отрасли тяжелой индустрии и химии. Сближение структур создавало выгоды для государственно-монополистической системы Японии. Однако наряду с этим возникали противоречия, порождавшие значительные трудности. Далеко не все ранее сложившиеся диспропорции были ослаблены в результате вмешательства правящих сил страны, а наряду с ними стали возникать новые, не менее сложные противоречия.

В многочисленных публикациях о Японии немало писалось о том, что по ряду показателей она выходит в первые ряды в капиталистическом мире, но мало уделялось внимания тому, что еще сохраняется разрыв в масштабах производства и торговли.

За время с 1960 по 1975 г. доля США в капиталистическом производстве снизилась с 47 до 39 %, доля Японии возросла с 5 до 9 %, примерно на этом уровне находилась и ФРГ; доля Великобритании составляла 6 %, Франции — 5 % и Италии — почти 3,5 %. Сравнительно низка доля Японии в мировой торговле: в 1960 г. она едва достигала 4 %, а к 1975 г. выросла до 7 %, что немногим больше доли Франции или Великобритании, но значительно ниже, чем доля ФРГ (14%) и особенно США (74 %). Заметно уступает Япония своим партнерам по сумме экспорта капиталов: все заграничные активы (денежные и материальные) оценивались в 1978 г. в 36,2 млрд. долл., активы ФРГ — в 48 млрд. долл., США — в 70 млрд. долл.

В результате сближения экономических структур номенклатура вывозимых Японией товаров (а также и направление экспорта капиталов) была весьма сходна с номенклатурой товаров, вывозимых ее главными партнерами. Таким образом, младший партнер «империалистической тройки» занимал двойственное положение: с одной стороны, Япония являлась союзником, а с другой — конкурентом, соперником.

Втягивая Японию в участие в транснациональных монополиях, США в то же время ограничивали деятельность японских монополий, исходя из своих интересов.

В новом варианте стратегии американского империализма особое внимание уделяется так называемому «обновлению» международной системы на основе объединения политических и экономических интересов и связей США с Западной Европой, особенно с ее главной индустриальной страной — ФРГ, а также с Японией.

По инициативе Вашингтона еще в 1973 г. после длительной подготовки американскими экспертами была создана трехсторонняя комиссия, в задачу которой входило разработать основы сотрудничества в связи с изменившейся международной обстановкой, особенно вследствие усиления борьбы развивающихся стран за новый экономический порядок в мире. Именно тогда произошло образование «трех центров» в империалистическом лагере. Это не только не ослабило в нем противоречия, но и еще больше усилило его неустойчивость и соперничество партнеров. Американская политика диктата, которая особенно сильно проявилась в осложнившейся международной обстановке на рубеже 70—80-х годов, наносила ощутимый ущерб экономическому положению Японии и вела к дальнейшему втягиванию ее в глобальную стратегию США.

Соединенные Штаты настаивают на резком увеличении военных расходов Японии, на повышении темпов ремилитаризации и таком качественном улучшении японских «сил самообороны», которое позволит переложить на них значительную часть функций американских вооруженных сил в Азии. Во время визита министра иностранных дел С. Окита в Вашингтон 20—21 марта 1980 г. американские представители, по сообщениям печати, «выступили с резким требованием» о наращивании военного потенциала Японии². Они настаивали, чтобы военные ассигнования Японии были уже в 1981 г. доведены до 1 % валового национального продукта, что означало бы их увеличение более чем на 200 млрд. иен по сравнению с и так весьма высоким уровнем военных расходов в текущем году.

Взяв курс на дальнейшее укрепление военных связей с США, правящие круги Японии в то же время активно ищут пути сближения с Китаем, связывая особые надежды с проникновением на китайский рынок. Во время визита в Пекин премьер-министра Японии М. Охира в начале декабря 1979 г. была достигнута договоренность о предоставлении Китаю в течение ближайших 6—7 лет крупного кредита примерно в сумме 1,5 млрд. долл. на самых льготных условиях — из 3 % годовых сроком на 30 лет для разработки каменноугольного бассейна, строительства и реконструкции трех железных дорог и двух морских портов. Экономическая помощь со стороны Японии способствует осуществлению некоторых проектов, намеченных программой «четырёх модернизаций», и в конечном счете содействует наращиванию военного потенциала Китая и дальнейшему ужесточению гегемонистской политики пекинского руководства. В долговременном плане это не может не вести к нарастанию противоречий между Японией и Китаем за господство в Восточной и Юго-Восточной Азии, которую обе страны считают естественной зоной своего влияния.

Япония вступила в 80-е годы с тяжким грузом многочисленных экономических и политических проблем, решение которых возможно лишь при условии коренного пересмотра внутренней и внешней политики, отказа от курса на милитаризацию и поддержку агрессивных устремлений США и Пекина, установления истинно дружественных добрососедских связей со всеми странами.

² См. «Сянкэй симбун», 22.III.1980.

Афганская революция и предательский курс Пекина

Ю. В. Агранов

Происходящие в мире революционные процессы ведут к размежеванию сил, стоящих на стороне национально-освободительной борьбы и выступающих за ее подавление. Среди тех, кто выступил против прогрессивных демократических преобразований в Афганистане, оказалось и китайское руководство. Ныне к примерам его предательства борьбы народов за свое освобождение, как это было во Вьетнаме, Кампучии, Чили, Анголе, Эфиопии и других странах, добавился новый — пример широкомасштабной подрывной деятельности Пекина против Демократической Республики Афганистан.

Если еще недавно пекинское руководство, пытаясь распространить на него китайскую гегемонию, заигрывало с национально-освободительным движением, восхваляло его как «самую важную силу, непосредственно наносящую удар по империализму»¹, чтобы тем заставить США считаться с КНР как с ведущей силой в Азии, то теперь Китай в тесном взаимодействии с американским империализмом сам наносит удары по революционным и прогрессивным движениям народов.

Масштабы и характер подрывной деятельности, проводимой Пекином против афганской революции, степень ее взаимодействия с силами империализма и реакции свидетельствуют о новом сдвиге китайских руководителей вправо. В их отношении к Апрельской революции в Афганистане и к процессу ее последующего развития наиболее рельефно отразилась контрреволюционная сущность политики Китая на нынешнем этапе.

* * *

Развернув подрывную деятельность против Афганистана в связи с событиями в этой стране, китайское руководство преследует далеко идущие цели: затормозить развитие позитивных процессов в международных отношениях; развернуть с помощью США фронтальное наступление на политику разрядки; подхлестнуть гонку вооружений; дестабилизировать обстановку на Среднем Востоке и в Южной Азии, создав тем самым благоприятную, с точки зрения Пекина, почву для реализации своих экспансионистских планов и гегемонистских устремлений в этом районе мира; использовать афганские события как повод для наступления на позиции социализма и национально-освободительного движения.

¹ «Жэньминь жибао», 22.X.1963.

Главную ставку для достижения своих целей Пекин делает на взаимодействие с империалистическими силами, прежде всего США. Афганская тема была ведущей на переговорах в январе с.г. китайских лидеров с министром обороны США Г. Брауном, в ходе которых подчеркивалась «общность стратегических целей». Выступая в Пекине, Г. Браун заявил: «Мы сможем ответить дополняющими друг друга акциями не только в дипломатической сфере, но и в области обороны»². В марте с.г. для продолжения «развернутых обсуждений вопроса об Афганистане» в Вашингтон выехал заместитель министра иностранных дел КНР Чжан Вэньцин. По словам американских официальных лиц, это был «первый визит на рабочем уровне, который когда-либо наносился в США в связи с такого рода вопросом».

Таким образом, «афганский фон» как бы еще более оттеняет опасные тенденции развивающегося процесса блокирования американского империализма и китайского гегемонизма, дальнейшего углубления сговора между ними против миролюбивых народов. Пытаясь выступать в ролях регионального и мирового жандармов, Пекин и Вашингтон не останавливаются перед тем, чтобы подавлять национально-освободительные силы, вмешиваться во внутренние дела суверенных государств, навязывать им свою волю.

Китайским руководством поддерживаются и оправдываются такие враждебные национально-освободительным движениям, делу мира и безопасности народов акции, как наращивание американских военно-морских сил в Индийском океане, в районе Ближнего Востока и Персидского залива, создание новой системы военных баз на чужих территориях, развертывание «корпусов быстрого реагирования», активизация деятельности военных блоков, размещение в ряде западноевропейских стран новых ракетно-ядерных средств средней дальности и др.

Китайское руководство увидело в афганских событиях «удобный» случай для провоцирования конфронтации США с Советским Союзом в условиях обострения международной обстановки. Расширяя сферы взаимопонимания с американской администрацией, пекинские лидеры с учетом особенностей ее нынешнего курса всячески стремятся способствовать росту напряженности в отношениях между Советским Союзом и странами социалистического содружества, с одной стороны, и Западом — с другой, не оставляя своих давнишних надежд столкнуть США с СССР в военном конфликте.

Китайское руководство затрачивает немало усилий на то, чтобы представить события в Афганистане как «угрозу» миру в Азии и во всем мире, чуть ли не главным источником напряженности в международных отношениях, результатом политики Советского Союза. Выступая по случаю пребывания в январе с.г. в Пекине вице-президента Египта Х. Мубарака, заместитель премьера Госсовета КНР Дэн Сяопин договорился до утверждений, заимствованных из западных источников: будто СССР намеревается «пробиться к югу, к Индийскому океану, с тем чтобы взять под контроль морские пути, прибрать к рукам нефтяные месторождения». Распространяя подобные небылицы, пекинские деятели явно пытаются провоцировать империалистические державы, прежде всего США, на обострение отношений с Советским Союзом, на более открытое вмешательство в дела Афганистана и нагнетание напряженности в этом районе мира.

Причины напряженности следует искать не в политике СССР, а в том, что Пекин и его империалистические партнеры прибегают к агрессивным гегемонистским действиям в различных районах, в частности осу-

² «New York Times», 8.I.1980.

шествовать провокационное и все более широкое вмешательство во внутренние дела Афганистана и других стран региона.

В ответах Генерального секретаря ЦК КПСС товарища Л. И. Брежнева на вопросы корреспондента газеты «Правда» указывается: «Абсолютно лживыми являются также утверждения, будто Советский Союз имеет какие-то экспансионистские планы в отношении Пакистана, Ирана или других стран этого района. Нам чужда политика и психология колонизаторов. На чужие земли мы не заримся, к чужим богатствам мы не рвемся. Это колонизаторов тянет на запах нефти»³.

Очевидно, что шумиха вокруг Афганистана понадобилась Пекину и для того, чтобы постараться скрыть позорный сговор с империализмом и реакцией против национально-освободительного движения, дела мира и безопасности народов, отвлечь внимание от действительных причин, вызвавших осложнение как международной обстановки, так и обстановки в Афганистане.

Стремление Пекина разжечь страсти вокруг несуществующего афганского вопроса путем привлечения к его обсуждению максимального количества государств, в том числе по линии международных организаций, с целью представить происходящие в этой стране события в извращенном и гипертрофированном виде, разумеется, не может скрыть истинную направленность китайской политики в этом регионе и ее дестабилизирующую роль.

* * *

С самого начала Апрельская революция в Афганистане была воспринята Пекином с явным неудовольствием и раздражением. Это объяснялось тем, что события в ДРА развивались отнюдь не в том направлении, как того хотелось бы китайскому руководству. Оказалась битой карта, на которую делали ставку империалисты и пекинские гегемонисты. Планы китайского руководства создать на южном фланге Советского Союза цепи враждебных ему режимов, или «дуги враждебности», провалились. Поэтому Пекин сразу же подключился к проискам, направленным против афганского правительства, к подрывной деятельности на территории Афганистана, которая осуществлялась в тесной координации с империалистическими спецслужбами.

Основные усилия пекинской агентуры и маоистских элементов направлялись на то, чтобы дестабилизировать обстановку внутри страны, вызвать различного рода беспорядки и при известных обстоятельствах повести дело к уничтожению завоеваний Апрельской революции. Для проведения подрывной работы по расшатыванию основ демократического строя в Афганистане Пекин использовал нелегальные антиправительственные и маоистские группировки «шоаллееджавид», «сетапе мелли», реакционную организацию «братья мусульмане».

Китайская агентура участвовала в организации контрреволюционных беспорядков в марте 1979 г. в Герате и в феврале с.г. в Кабуле. «То, что произошло в афганской столице 22 февраля, — писала газета «Кабул нью таймс», — является вопиющим примером наглого вмешательства во внутренние дела миролюбивого государства — Афганистана со стороны американского империализма, его китайских союзников и реакционеров Пакистана»⁴. В составе банд, осуществлявших грабежи

³ «Правда», 13.1.1980.

⁴ «Kabul New Times», 2.III.1980.

и убийства мирных жителей и ликвидированных народными властями Афганистана, были обнаружены и те, кто прошел специальную подготовку под руководством китайских советников. На выявленных афганскими властями тайных складах мятежников в Кабуле, Герате, других городах было найдено много оружия китайского производства.

В качестве основных баз подготовки мятежников и террористов для проведения подрывной работы на афганской территории Пекин избрал приграничные с ДРА районы Пакистана. В этих районах насчитывается 20 специальных лагерей и 50 опорных пунктов, где бандиты проходят специальную подготовку под руководством китайских и американских советников⁵. Пекин и Вашингтон полностью взяли на свое содержание контрреволюционное отребье из организации «братья мусульмане». Китайская сторона предоставила недавно финансовую помощь «афганским беженцам» на территории Пакистана в размере 300 тыс. долларов⁶. На территорию Афганистана перебрасывались целые формирования, тысячи мятежников и бандитов, вооруженных современным оружием и обученных террористическим актам. Только в 1979 г. прошли специальную подготовку не менее 15 тыс. наемников⁷.

Широким потоком из Китая в Пакистан идут поставки современного оружия для банд наемников и контрреволюционеров — ракеты класса «земля — воздух», минометы, безоткатные орудия, большое количество стрелкового оружия, в том числе автоматы типа «АК-47». В июне 1979 г. на пакистанском судне «Рустам» в порт Карачи было доставлено свыше 8 тыс. т военных материалов из Китая, которые были перевезены в район Пешавара и поступили в распоряжение банд, забрасываемых в ДРА⁸.

Вскоре после Апрельской революции Пекин предпринял экстренные меры, чтобы завершить сооружение Каракорумской шоссейной дороги, решение о строительстве которой было принято еще в 1965 г. Связывая Кашгар (КНР) и Хавелиан (к северу от Исламабада), дорога имеет важное военно-стратегическое значение. На церемонии ее открытия в июне 1978 г. присутствовал президент Зия-уль-Хак и выезжавший специально в Пакистан заместитель премьера Госсовета КНР Гэн Бяо. Сразу же после открытия дороги она была использована для интенсивных перевозок военных грузов из Китая в Пакистан.

С новой силой подрывная деятельность Пекина против Афганистана развернулась с конца 1979 г. Пекин начал необъявленную войну против ДРА, используя различные методы борьбы — политические, дипломатические, экономические и военные. «После провала политики в отношении Вьетнама, — писала бейрутская газета «Аль-Каида», — когда пекинское руководство не смогло сломить волю мужественного вьетнамского народа, Китай направил свои усилия против прогрессивных режимов в других странах, и в частности против Афганистана»⁹.

Китайское руководство развернуло бурную антиафганскую и антисоветскую деятельность на базе сколачиваемого «единого фронта» Китай — США — Египет — Саудовская Аравия. Заметно активизировалась подрывная работа Пекина внутри мусульманского движения. Всячески заигрывая с входящими в него странами, Китай предпринял попытки проникнуть в это движение, а если удастся, то и поставить его под свой контроль, подчинить интересам своей гегемонистской политики.

⁵ См. «Правда», 22.I.1980.

⁶ См. «Жэньминь жибао», 20.II.1980.

⁷ См. «Правда», 26.I.1980.

⁸ См. там же, 19.I.1980.

⁹ «Аль-Каида», 29.XII.1979.

С целью расширения масштабов так называемой «антигегемонистской борьбы», то есть борьбы против сил социализма и национально-освободительного движения, китайское руководство попыталось связать в один узел события в Афганистане и Кампучии, изображая свою подрывную деятельность против этих стран «важной составной частью борьбы против гегемонизма».

Пекинское руководство приняло даже ряд мер, рассчитанных на демонстрацию силы. По сообщению английской печати, в Синьцзян из центральных районов Китая было переброшено 10—12 дивизий и 4 эскадрильи самолетов типа МИГ-21¹⁰. Китай стал усиленно наращивать численность своих войск на границе с Афганистаном. Часть китайских войск даже совершила переход через границу на афганскую территорию¹¹.

Особую ярость в Пекине вызвал ввод по просьбе афганского правительства на территорию ДРА ограниченного контингента советских войск в соответствии с положениями Договора о дружбе, добрососедстве и сотрудничестве между СССР и ДРА от 5 декабря 1978 г. и ст. 51 Устава ООН для защиты от внешней агрессии. Интернациональная помощь Афганистану со стороны СССР стала мощной преградой на пути гегемонистской, интервенционистской политики Пекина. 30 декабря 1979 г. китайское правительство выступило с заявлением, содержащим яростные нападки и угрозы (!) в адрес Советского Союза. Помощь, предоставленная СССР Афганистану, характеризовалась в Китае как «безнаказанное своеволие»¹². Пекин призывает использовать «все эффективные средства», чтобы «сдерживать и наказывать Советский Союз»¹³. С целью еще больше раздуть антисоветский психоз и оправдать расширение масштабов подрывной деятельности заместитель министра иностранных дел КНР Чжан Хайфэн 31 декабря 1979 г. заявил, что мощь Советского Союза Афганистану якобы «поставила под угрозу безопасность Китая»¹⁴.

Враждебная Советскому Союзу деятельность Пекина преследует вполне определенную цель: опорочить пролетарский интернационализм, мощь СССР освободительным движениям и прогрессивным силам, чтобы попытаться отвлечь внимание мировой общественности от китайского гегемонизма в Азии.

Помощь Советского Союза Афганистану сорвала планы американских империалистов и пекинских гегемонистов, направленные против независимости и свободы ДРА. На пресс-конференции для афганских и иностранных журналистов, состоявшейся в конце января с.г. в Кабуле, генеральный секретарь ЦК Народно-демократической партии Афганистана, председатель Революционного совета ДРА Бабрак Кармаль заявил: «Срыв заговора, который вынашивали против независимого Афганистана империалисты США сообща с Пекином, режимами Садата и Бегина,— один из важнейших результатов нынешнего нового этапа Апрельской революции»¹⁵. Если бы планы Пекина и Вашингтона удалось реализовать, Афганистан ожидала бы страшная трагедия, подобная той, что произошла в Кампучии при пропекинском ставленнике — палаче Пол Поте или в Чили, когда власть там при содействии ЦРУ захватила фашистская хунта.

* * *

¹⁰ «Daily Telegraph», 3.I.1980.

¹¹ См. «Правда», 20.I.1980.

¹² «Жэньминь жибао», 31.XII.1979.

¹³ Там же, 16.I.1980.

¹⁴ Там же, 1.I.1980.

¹⁵ Цит. по: «Правда», 24.I.1980.

Подрывная деятельность Пекина вокруг Афганистана имеет еще один аспект. Втягивая Пакистан все дальше в свои опасные планы, направленные против ДРА, Пекин по-прежнему ориентирует Исламабад на проведение враждебной политики по отношению к Индии. С одной стороны, Пакистан рассматривается китайским руководством как плацдарм и база для проведения подрывной деятельности против Афганистана, а с другой стороны, ему отводится роль своеобразного противовеса Индии, призванного оказывать сдерживающее влияние на политику этой страны. Китай не только не заинтересован в урегулировании индо-пакистанских отношений, но делает все возможное для того, чтобы напряженность между этими странами сохранялась и усиливалась.

Положение, при котором государства Южной Азии противостоят друг другу, отвечает гегемонистским устремлениям Пекина в этом районе. Поэтому Пекин, на словах выступая за нормализацию и развитие отношений с южноазиатскими государствами, на деле настойчиво пытается разобщить страны субконтинента, перессорить их друг с другом, используя в качестве своего подрывного инструмента Пакистан, стремится окружить Индию «враждебным кольцом». Не удивительно, что миролюбивая политика Индии, признанная важным позитивным фактором международной жизни, рассматривается пекинским руководством как крупное препятствие на пути реализации китайских гегемонистских планов.

Выбор Китая, как, впрочем, и США, пал на Пакистан прежде всего из-за выгодного стратегического положения этой страны, что дает возможность использовать ее территорию для широкой подрывной деятельности. Судя по направленности последних китайско-американских переговоров, Пекин и Вашингтон разработали совместный план, в котором Пакистану отводится главная роль в игре, развернутой вокруг событий в Афганистане, в проведении подрывной работы, дестабилизации обстановки в регионе. И эта «совместная стратегия» Пекина и Вашингтона представляет серьезную угрозу безопасности всех государств Среднего Востока и Южной Азии.

Стараясь вовлечь Пакистан в опасную игру, чреватую серьезными последствиями для дела мира, китайские руководители вновь подталкивают эту страну к тому положению, в котором она уже находилась в 1971 г. Однако движение пакистанского руководства в этом направлении отнюдь не отвечает ни интересам самого Пакистана, ни интересам других стран Южной Азии.

Исламабад в последнее время становится местом, где координируется политика Пекина и Вашингтона в этом районе. Пакистан попеременно посещают то американские высокопоставленные представители, как, например, помощник президента США по национальной безопасности З. Бжезинский, то китайские официальные лица. 18—22 января с.г. в Пакистане находился с визитом министр иностранных дел КНР Хуан Хуа, который не только встречался с пакистанским руководством, но и посетил базы афганских мятежников в районе Пешавара, где выступил с подстрекательскими заявлениями, открыто призывая к проведению подрывной деятельности против правительства соседней страны.

Под предлогом афганских событий Пекин принимает меры к форсированному укреплению военной мощи Пакистана. Китай превратился в главного поставщика вооружения для пакистанской армии. Как признал президент Зия-уль-Хак, Китай с 1966 г. предоставил Пакистану помощь на сумму 2 млрд. долларов¹⁶. Пекин направляет Исламабаду

¹⁶ In: «Newsweek», 14.I.1980.

танки, самолеты, орудия, другое оружие и боеприпасы в количествах, значительно превышающих нужды пакистанской армии. В составе пакистанских ВМС имеются корабли, поставленные из Китая. В Пакистане при китайском содействии построен ряд предприятий по выпуску военной продукции, в том числе завод по производству танковых моторов и запасных частей.

О том, какой характер Пекин хочет придать своим отношениям с Пакистаном, свидетельствует, например, календарь поездок в Исламабад различных китайских делегаций. В 1979 г. в Пакистан выезжали военные делегации во главе с командующим ВВС НОАК Чжан Тинфа (март — апрель) и заместителем начальника генштаба НОАК Чжан Цайцянем (октябрь), а в середине марта там побывала очередная военная делегация КНР во главе с начальником военно-политической академии НОАК Сяо Кэ. Целью подобных поездок являются координация усилий в области поставок оружия афганским контрреволюционерам, а также дальнейшее расширение Китаем военной помощи Пакистану.

Наращивание Китаем военно-экономического потенциала Пакистана под ширмой афганских событий является откровенно враждебным вызовом по отношению к Индии. Выступая в феврале с. г. в штате Уттар-Прадеш, премьер-министр Индии И. Ганди заявила, что «к границам Индии приближается опасность», связанная с вооружением «до зубов» Пакистана Соединенными Штатами, Китаем и Саудовской Аравией. Подобные действия угрожают стабильности и безопасности Южной Азии¹⁷.

Превращая Пакистан в «пороховой погреб», Пекин исходит из того, что в нужный момент сможет взорвать его в своих интересах с помощью запала, который находится в его руках. А это в условиях блокирования с США, по их мнению, даст Пекину возможность оказывать давление на Индию. «Что же произойдет, если Китай будет осуществлять тревожные мероприятия на наших границах? — задает вопрос премьер-министр Индии И. Ганди в своем интервью французскому журналу «Пари-матч». — Китайцы уже выдвигали территориальные притязания к нашей стране, и притом не только на территорию, которую они уже оккупировали в прошлом, но и на другие провинции. Мы уже не говорим о странах Юго-Восточной Азии»¹⁸.

В последнее время вновь активизировалась деятельность Китая по наращиванию военных приготовлений в Центральном Тибете. 4 марта с. г. газета «Таймс оф Индия» опубликовала карту с изображением на ней китайской ракетной базы в Нагчу, находящейся в 300 км севернее Лхасы и оснащенной 90 ракетами. Учитывая местоположение этих ракет, нетрудно догадаться, против кого направлено китайское ракетно-ядерное оружие. Как указывает газета «Индиан экспресс», «ракеты дальнего радиуса действия будут в состоянии нанести удар по Дели и 20 другим индийским городам»¹⁹.

Экспансионистские замыслы Пекина рассматриваются в Дели как серьезная и непосредственная угроза безопасности Индии. В передаче радиостанции «Франс-Энтер» 10 января с. г. премьер-министр Индии И. Ганди заявила, что Китай «создает опасность» для ее страны, ибо он «питает экспансионистские намерения, от которых Индия уже пострадала». Китай не однажды в прошлом демонстрировал свое крайне враждебное отношение к Индии и «до сих пор претендует на индийскую территорию». Как известно, Китай не отказывается от территориальных

¹⁷ См. «Правда», 22.II.1980.

¹⁸ «Paris-Match», 31.I.1980.

¹⁹ «Indian Express», 27.II.1980.

претензий на часть индийской земли, равной 130 тыс. км², продолжает удерживать более 30 тыс. км² индийской территории, оккупированной им в 1962 г., провоцирует антиправительственные выступления племен нага и мизо и т. д.

Серьезная озабоченность Индии действиями китайского руководства, которая неоднократно выражалась в последнее время индийским правительством, вполне естественна и понятна. Индия — крупнейшая держава этого района — последовательно проводит политику мира, и ей небезразлична та провокационная возня, которую Пекин затеял в непосредственной близости у ее границ под предлогом афганских событий. События последнего времени подтверждают, что политика Пекина не отвечает подлинным интересам развивающихся стран.

Сдержать опасные и провокационные маневры империализма и китайского гегемонизма могут лишь твердый отпор их проискам и решимость народов сорвать опасные планы.

XXXIV сессия Генеральной Ассамблеи ООН и Пекин

В. К. Гусаченко

XXXIV сессия Генеральной Ассамблеи ООН, проходившая на рубеже 70-х и 80-х годов, протекала в обстановке противоречивого развития международных отношений. Многие представители стран — членов ООН, закономерно стремившиеся подвести итоги уходящего десятилетия, в своих выступлениях с глубоким удовлетворением отмечали, что 70-е годы, своеобразным стержнем которых стала разрядка международной напряженности, дали хороший пример плодотворных поисков практических путей и методов развития взаимовыгодного сотрудничества между государствами. Разрядка напряженности способствовала и созданию условий, к которым были вынуждены приспособляться государства, чьи правительства отнюдь не стремились к закреплению позитивных сдвигов на мировой арене и зачастую исподволь, а то и открыто противодействовали им. В высказываниях делегатов различных стран красной нитью проходила мысль о желательности и настоятельной необходимости продолжения политики разрядки, решения спорных вопросов мирными, взаимоприемлемыми средствами.

Вместе с тем работа сессии, особенно вторая ее половина, совпала периодом контрнаступления агрессивных кругов империализма и международной реакции на позиции сил прогресса и демократии: наметился курс администрации Картера на общее осложнение и ухудшение американо-советских отношений; Вашингтон принял крупнейший за всю историю США военный бюджет и спешно начал формировать инструмент политики военного вмешательства — «корпус быстрого реагирования»; сессия Совета НАТО одобрила решение о размещении на территории Западной Европы американских ракет среднего радиуса действия; еще более обострился кризис в отношениях между США и Ираном; не прекращаются угрозы китайского руководства в адрес СРВ и действия Китая, США, некоторых других стран против стабилизации обстановки в Индокитае на здоровой основе; Вашингтон, Пекин и их пособники внутри и вне Афганистана грубо вмешиваются во внутренние дела страны вплоть до использования Организации Объединенных Наций и нагнетания антисоветской истерии в связи с интернациональной помощью СССР Афганистану, пытаются повернуть международное развитие вспять. Все это, естественно, не могло не наложить отпечатка на деятельность сессии и принятые ею решения по ряду вопросов.

* * *

С чем же пришла китайская делегация на форум?

Еще в ходе общей дискуссии, на которой от имени КНР выступил заместитель министра иностранных дел Хань Нянлун, выявилось, что позиция Пекина, несмотря на очевидный учет им настроений значительного большинства членов мирового сообщества и проистекавшее

отсюда стремление создать впечатление «заинтересованности» в решении обсуждавшихся вопросов, не претерпела каких-либо изменений, осталась деструктивной и провокационной и по-прежнему в корне отличалась от подхода большинства государств — членов ООН к решению сложных международных проблем. Это в полной мере подтвердил и весь дальнейший ход сессии. Для маскировки же своего негативизма делегация КНР как никогда широко прибегала к использованию уже известной тактики — к попыткам при обсуждении любого сколько-нибудь важного вопроса «обосновать» его зарождение или сложность разрешения тезисом о соперничестве «двух сверхдержав». При этом главным виновником всех трудностей объявлялся Советский Союз.

Не счастье усилий, приложенных на этот раз делегацией КНР к тому, чтобы создать респектабельный образ Китая в глазах представителей других стран, выдать его за миротворца и чуть ли не главный оплот борьбы за международную безопасность. В своей речи Хань Нянлун утверждал, будто «в международных делах Китай со всей решительностью проводит политику мира, являющуюся основной политикой Китая в его отношениях с другими странами», и что КНР и впредь будет «вносить свой вклад в дело поддержания мира во всем мире».

Каким же мыслится Пекину этот «вклад», становится предельно ясно, как только китайский делегат переходит от общих деклараций и рассуждений к изложению действительного, а не мнимого подхода КНР к злободневным международным проблемам.

Вразрез с мнением огромного большинства представителей государств — членов ООН Пекин предпринял попытку подвергнуть сомнению разрядку напряженности и навязать китайскую оценку «прошедшего десятилетия» как периода «непрерывных бурь в международном положении»¹. Правда, если еще год назад разрядка отвергалась китайским руководством с предельной откровенностью и прямо квалифицировалась как «обман», то в канун XXXIV сессии Генеральной Ассамблеи ООН и в ходе ее Пекин не обошел вниманием веяния времени и стал заверять, что противится не разрядке, а «агрессивной и экспансионистской политике гегемонизма». Одновременно председатель ЦК КПК, премьер Госсовета КНР Хуа Гофэн, выступая на пресс-конференции в Пекине 7 октября 1979 г., «предупредил», чтобы «люди не склонялись к политике умиротворения», ибо «хотя ты и стремишься к разрядке, но она оказывается недостижимой»².

Подкоп под разрядку, следовательно, предпринимался в очередном варианте как бы изнутри: упор делался на дискредитацию не столько самой идеи разрядки, сколько тех сил, которые играли и продолжают играть ведущую роль в деле ее реализации и защиты. Одновременно китайской делегации на сессии было вменено в обязанность всячески проталкивать вновь изобретенный тезис о тождестве борьбы против гегемонизма с борьбой за мир³. А чтобы не оставалось сомнений насчет выбора цели Пекином, Хань Нянлун в своей речи сосредоточил удар исключительно на той «сверхдержаве», которая, размахивая лозунгами «разоружения» и «разрядки», превратилась, дескать, ныне в «главный источник угрозы международному миру и безопасности и наиболее опасный источник новой мировой войны»⁴.

Именно здесь как нельзя более зримо переплелись (если не были скоординированы) усилия империалистических кругов и Пекина вовлечь ООН в дискуссию относительно «советской военной угрозы», их

¹ Док. ООН, А (34) PV. 11.

² «Жэньминь жибао», 9.X.1979.

³ См. Док. ООН, А (34) PV. 11.

⁴ Цит. там же.

стремление торпедировать разрядку. Причем едва ли не наиболее активным подстрекателем выступал Пекин, который устами своих представителей в ООН неоднократно выражал деланное «беспокойство» по поводу «окружения Европы» Советским Союзом, «ускорения» его «экспансии и стратегического развертывания»⁵ и т. д.

Ложь о «советской угрозе», усиленно насаждаемая в ООН и за ее пределами, явно имеет целью содействовать обработке населения в милитаристском духе, проповеди неизбежности войны, оправданию взлета военных расходов и курса на милитаризацию западных держав и Китая. Давая отповедь клеветникам, министр иностранных дел СССР А. А. Громыко заявил на сессии: «Советский Союз, другие страны социалистического содружества никому не угрожали и теперь не угрожают. Обществу, которое верит в свои созидательные силы и возможности, война не нужна. Ему нужен мир. Эти слова начертаны на знамени нашей внешней политики с ленинских дней»⁶. Такова истина. Но раз она не вписывается в политическое кредо Пекина, то он маневрирует, стремясь, с одной стороны, всячески замаскировать собственный поджигательский курс, а с другой — в меру сил помочь в стенах ООН своим политическим единомышленникам на Западе в срыве разрядки и мирного сотрудничества государств.

Тем же стремлением подладиться под настроения подавляющего большинства стран — членов ООН, вывести Китай из-под критики отличалась позиция делегации КНР и по другой проблеме первостепенного значения — ограничения гонки вооружений и разоружения. Хань Ньянлуи в своем выступлении пытался рекламировать участие Пекина в 1978 г. (как известно, после длительных и грубых отказов, во избежание полной изоляции) в специальной сессии Генеральной Ассамблеи ООН по разоружению, в работе первой сессии Комиссии по разоружению в 1979 г. и ряда других встреч. Глава китайской делегации, а также представитель КНР Лай Яли в Первом комитете утверждали, что «китайское правительство и китайский народ прилагали и прилагают позитивные усилия к подлинному разоружению»⁷. Однако под «подлинным разоружением», как вытекало из их рассуждений, китайские представители разумели все ту же «обязанность сверхдержав», особенно Советского Союза, «первыми сократить» военные бюджеты, оставляя за другими странами, а значит и за Китаем, право на вооружение.

В вопросе о ядерном оружии «сверхдержавам» было в очередной раз предъявлено ультимативное требование «начать с существенного сокращения» их ядерных потенциалов. В разительном противоречии с мнением представителей других государств мира в сугубо отрицательных тонах говорилось о подписанном между СССР и США договоре ОСВ-2⁸. Что же касается обычных вооружений, то китайская делегация, сославшись опять-таки на отсутствие у «сверхдержав» «искреннего желания разоружаться», ограничилась общим, ни к чему не обязывающим призывом придать разоружению в этой области и ядерному разоружению «равное значение», с тем чтобы «оба эти вида разоружения были осуществлены одновременно»⁹.

Что на деле означает такая позиция китайской стороны? Ответ прост: пусть разоружаются другие, а Китай будет пока вооружаться, чтобы выравнять уровень своих вооружений. Как подчеркивает М. С. Капица в своей новой работе «КНР: три десятилетия — три политики», «Пекин, заявляя, что разоружение-де «должно начаться с ра-

⁵ См. Док. ООН, А (34), PV. 11 и А (С. 1) (34) PV. 16.

⁶ «Правда», 26.IX.1979.

⁷ «Жэньминь жибао», 28.X.1979.

⁸ См. Док. ООН, А (34) PV. 11.

⁹ Цит. там же.

зоружения двух сверхдержав», опять-таки преследует цель вывести себя «за рамки» обязательств по разоружению»¹⁰.

И действительно, Китай остается единственным крупным государством, не подписавшим ни одного международного соглашения по ограничению гонки вооружений, включая и те, под которыми стоят подписи СССР и США. Представители КНР по сей день выступают против договоров о запрещении ядерных испытаний в трех сферах, о нераспространении ядерного оружия, о принципах деятельности государств в космическом пространстве, о неразмещении ядерного оружия на дне морей и океанов и в его недрах, конвенции о запрещении бактериологического оружия и др. За всем этим просматривается замысел Пекина сохранить за собой «право» продолжения ничем не ограниченных ядерных испытаний и «развития ядерного оружия в целях самообороны», создания других видов оружия массового уничтожения.

Не связанный обязательствами договора о нераспространении ядерного оружия, Пекин может, к примеру, передать такое оружие террористическим организациям, последствия чего нетрудно представить. Китайские представители явно хотели бы сохранить в своих руках инструмент, который позволил бы в подходящий, с их точки зрения, момент взорвать итоги многолетней кропотливой работы международного сообщества, цель которой — сдвинуть с места проблему ограничения гонки вооружений.

Отрицательное отношение китайской стороны к договорам о принципах деятельности государств в космическом пространстве и о неразмещении ядерного оружия на дне морей и океанов и в его недрах подводит к выводу, что Пекин в перспективе рассчитывает разместить ядерное оружие в космосе и на дне морей и океанов. А как понимать нежелание Пекина присоединиться к конвенции о запрещении бактериологического оружия, под которой подписались как СССР, так и США? Очевидно, как стремление производить и накапливать бактериологическое токсинное оружие, в то время как другими странами приняты меры по его уничтожению. Таким образом, отказ присоединиться даже к тем, пусть и ограниченным мерам по сдерживанию гонки вооружений, которые были осуществлены СССР и США в 70-х годах, показывает, что тезис «пусть разоружаются сначала две сверхдержавы» изобретен исключительно для прикрытия обструкционизма КНР в вопросах разоружения.

Об истинном отношении Пекина к проблеме, затрагивающей настоящие интересы человечества, нагляднее всего свидетельствовало то, что Хань Нянлун лишь вскользь упомянул в своей речи на сессии известное китайское предложение «об элементах всеобъемлющей программы разоружения», а агентство Синьхуа в корреспонденции из Нью-Йорка от 1 ноября 1979 г. утверждало, будто разоружение (это слово было взято в кавычки) является «мишенью критики на Генеральной Ассамблее ООН»¹¹. Китайская делегация голосовала против целого ряда резолюций по общим проблемам разоружения, одобренных Генеральной Ассамблеей 11 декабря 1979 г. Несмотря, таким образом, на проявление наигранного внимания к проблеме разоружения, на усиленную маскировку под «конструктивизм» и настойчивое повторение внешне «позитивных», а на деле нереалистических предложений, Пекин, как и ранее, упорно противодействовал — лишь несколько более изощренно — всему тому, что могло привести хотя бы к незначительному продвижению в этой сфере.

Показательным примером пренебрежительного отношения Пекина к судьбам всеобщего мира остается его позиция по вопросу о непри-

¹⁰ М. С. Капица. КНР: три десятилетия — три политики. М., 1979, с. 347.

¹¹ «Жэньминь жибао», 4.XI.1979.

менении силы в международных отношениях. Представители КНР на XXXIV сессии Генеральной Ассамблеи проводили вместе с США и их ближайшими союзниками линию на то, чтобы любыми путями воспрепятствовать утверждению и закреплению этого универсального принципа. При обсуждении в Шестом комитете доклада Специального комитета об усилении эффективности принципа неприменения силы в международных отношениях китайский делегат высокомерно квалифицировал советский проект всемирного договора как «обман мирового общественного мнения» с помощью «клочка бумаги» и в оправдание своего обструкционизма выдвинул надуманный тезис о том, будто этот проект «отделяет принцип неприменения силы от других важных принципов, таких, как уважение государственного суверенитета и независимости и невмешательство во внутренние дела других стран»¹².

Действия противников идеи заключения договора были подвергнуты острой критике представителями как социалистических, так и многих несоциалистических государств. Делегат Сирии А. Арноус, например, при этом заявил, что подобного рода документ усилил бы эффективность неприменения силы, которая отвечает прежде всего интересам малых стран. Представитель Конго М. Гаяма подчеркнул, что некоторые государства не отказываются от такого подхода в международных отношениях, который не исключает использования силы для решения конфликтов; а за их доводами против договора скрывается приверженность этим политическим концепциям¹³.

Государства — члены ООН не пошли на поводу у Пекина и Вашингтона, и 15 ноября 1978 г. Генеральной Ассамблеей была принята резолюция, в которой подтверждалась «необходимость всеобщего и действительного применения принципа неприменения силы в международных отношениях и содействия Организации Объединенных Наций в этом деле», а также постановлялось, что «Специальный комитет должен продолжить свою работу с целью разработки в ближайшее время Всемирного договора о неприменении силы в международных отношениях»¹⁴. Китайская делегация не рискнула выступить открыто против мнения большинства членов международного сообщества и сочла за лучшее воздержаться при голосовании проекта резолюции.

Все это убедительно свидетельствовало о том, что, несмотря на более тщательную, нежели прежде, маскировку в ООН своих намерений, попытки облечь их во внешне «благопристойные» одежды, подход Пекина ко всему комплексу проблем войны и мира не претерпел каких-либо качественных изменений.

* * *

XXXIV сессия Генеральной Ассамблеи ООН, как известно, явилась свидетелем новой крупной акции СССР по укреплению международной безопасности — внесения на обсуждение в качестве важного и срочного вопроса «О недопустимости политики гегемонизма в международных отношениях».

В проекте резолюции, приложенном к письму министра иностранных дел СССР на имя генерального секретаря ООН, содержалась четкая политическая характеристика гегемонизма как стремления одних государств к доминированию над другими государствами и народами и подчеркивалось, что проявления политики гегемонизма вызывают осложнения в отношениях между государствами и дестабилизируют международную обстановку.

¹² «Жэньминь жибао», 25.X.1979.

¹³ См. «Правда», 19.X.1979.

¹⁴ Док. ООН, А (Res. 34) 13.

16—18 октября в Первом комитете, на рассмотрение которого по рекомендации Генерального комитета Генеральной Ассамблеи ООН было передано советское предложение, имел место предварительный этап его обсуждения. В дискуссии, показавшей большой интерес членов ООН к советской инициативе, участвовали, помимо СССР, представители 18 социалистических и развивающихся стран. Все они высказались в поддержку шага СССР как способствующего оздоровлению международной обстановки. Постоянный представитель Монголии при ООН Б. Дашцэрэн указал на опасность альянса сил империализма, великодержавного шовинизма и экспансионизма, навязывающих миру эскалацию гонки вооружений. Представитель Индии Серап Сингх заявил, что обсуждаемый в Первом комитете вопрос имеет отношение к фундаментальным принципам Устава ООН, равно как и к принципам и целям движения неприсоединения. Делегат Эфиопии Х. Ибрахим отметил, что отказ от осуждения гегемонизма равносителен отказу от надежды построить справедливый мировой порядок на основе равенства всех народов. «Мы все были бы чрезвычайно удивлены, если бы кто-либо возражал против подобного проекта», — подчеркнул представитель Иордании.

Но такие силы нашлись. С нескрываемым раздражением было воспринято предложение СССР наиболее агрессивными кругами империализма, а также представителями Пекина, не первый раз прибегающего к всевозможным уловкам и хитросплетениям для оправдания своих экспансионистских действий. «Один из таких приемов, — отметил А. А. Громыко, — манипулирование термином «гегемонизм», который все чаще встречается за последние годы в международном политическом обиходе. Термин «гегемонизм», хотя и возник недавно, обозначает явление отнюдь не новое, напротив, известное, можно сказать, испокон веков. Это — стремление к мировому господству, к господству над другими странами и народами».

В резко отрицательном отношении Пекина к инициативе СССР можно было явственно проследить три последовательные фазы. Вначале китайские представители хотели попросту отмахнуться от советского предложения. Глава делегации КНР не нашел ничего лучше, как выступить 27 сентября в ходе общеполитической дискуссии с голословным утверждением, будто оно «ставит целью следовать гегемонизму еще более бесцеремонно под прикрытием выступления против гегемонизма»¹⁵.

Убедившись, однако, после обсуждения вопроса в Первом комитете, что советский проект резолюции находит широкий положительный отклик, китайские представители, дабы не оказаться в изоляции, решили сменить тактику и прибегли к сложному маневрированию. С одной стороны, были приняты меры для всяческого противодействия советскому проекту за кулисами, хотя китайская делегация так и не рискнула выступить против него на заседании Первого комитета. С другой стороны, Пекин по-прежнему старался обеспечить своему сугубо негативистскому подходу максимальную пропагандистскую поддержку, заявляя фактам вопреки, будто инициатива СССР «встречается с полным равнодушием в ООН». 15 октября 1979 г. в «Жэньминь жибао» была опубликована пространная авторская статья, где утверждалось, что СССР, дескать, «стремится добиться гегемонии под лозунгом гегемонизма» и будто сам Китай является не более не менее как «жертвой гегемонизма Советского Союза». Агентство Синьхуа в своем сообщении из Нью-Йорка 30 октября жаловалось одновременно на то, что Советский Союз пытается-де «звестить общественность в за-

¹⁵ Док. ООН, А (34) PV. 11.

блуждение и подрывать борьбу средних и малых стран против гегемонизма».

Наконец, 2 ноября китайская делегация, чтобы хоть как-то принизить значение советского предложения, увести участников сессии в сторону от принятия четкого политического решения по проблеме гегемонии и повернуть ее обсуждение против СССР, внесла на рассмотрение Первого комитета собственный проект резолюции «О недопустимости политики гегемонизма в международных отношениях».

В противоположность советскому проекту китайский документ избегал всеобъемлющей характеристики гегемонизма. Ничего не говорилось в нем и об опасности гегемонизма для судеб всеобщего мира. Вместо этого содержался призыв «осудить гегемонизм, и прежде всего глобальный гегемонизм сверхдержав»; протаскивался истрепанный тезис о необходимости покончить с политикой «ограниченного суверенитета»; выдвигалось требование, «чтобы государства, которые проводят политику глобального гегемонизма, прекратили и обязались не прибегать к проникновению, вмешательству, подрывной деятельности и агрессии против других государств...»¹⁶.

Иными словами, в китайском проекте делалась неуклюжая попытка поставить вопрос с ног на голову и, согласно известной маоистской схеме, в который уже раз изобразить дело таким образом, будто если кто и виновен в проведении политики гегемонизма, то лишь «сверхдержавы»; сквозило очевидное стремление отвлечь внимание делегаций стран — членов ООН от существа проблемы — настоятельной необходимости пресечения линии к доминированию над другими, столь характерной для политики нынешнего Китая, а также еще одной крупной державы — США; приписать другим собственные гегемонистские планы и действия.

А о том, что положение вещей обстоит именно так, свидетельствовали многочисленные заявления представителей Вьетнама, Монголии, Индии, Индонезии и ряда других соседних с Китаем государств, сделанные в промежутке между выдвижением Пекином своего проекта и утверждением на сессии резолюции по вопросу о гегемонизме. «Необходимо подчеркнуть, — заявил премьер-министр СРВ Фам Ван Донг 21 ноября на открытии XIX сессии Исполкома МОЖ, — что гегемонистская политика пекинских правителей в течение длительного времени представляет угрозу для мира во всем мире. Они стремятся к войне, к мировой войне и даже к ядерной войне между великими державами в попытке стать сильнейшей мировой державой». Министр обороны Индии Ч. Субраманиам, указывая на проведение именно Пекином гегемонистского курса в международных делах, подчеркнул 18 ноября 1979 г.: «Китайские руководители уже заявили о своих намерениях «преподать второй урок Вьетнаму», они занимают жесткую позицию по отношению к Бирме, продолжают оказывать поддержку повстанцам в северных районах этой страны. Не исключено, что таким путем Китай ищет подходы к Индийскому океану через территории Бирмы и Таиланда».

Руководитель парламентской фракции Демократической партии Индонезии С. Сирайт отметил 25 ноября 1979 г.: «Перед лицом дипломатического нажима Пекина Индонезии следует всемерно укреплять национальную стойкость... Пекинские лидеры должны знать, что индонезийские власти больше не позволят Китаю вмешиваться во внутренние дела, как это было в 60-х годах».

Многие азиатские государства после второй мировой войны на себе испытали экспансионистскую политику Пекина. Закономерно поэтому, что все маневры Пекина вокруг вопроса о гегемонии, упорные

¹⁶ «Жэньминь жибао», 4.XI.1979.

попытки выставить свою политику в выгодном свете и изобразить себя чуть ли не единственным «защитником» народов малых и средних стран от «гегемонизма сверхдержав» не ввели, да и не могли ввести в заблуждение представителей мирового сообщества относительно реальных направлений китайского внешнеполитического курса. Воистину, как ни трудись, черного кобеля не отмоешь добела.

1 декабря Первый комитет, а 14 декабря 1979 г. пленарное заседание Генеральной Ассамблеи ООН подавляющим большинством голосов одобрили инициативу СССР. В текст резолюции «О недопустимости политики гегемонизма в международных отношениях», внесенной Бангладеш, Индией, Кубой, Пакистаном, Шри Ланкой и Югославией, вошли все основные положения советского проекта. В то же время были опущены навязывавшиеся Пекином формулировки о «сверхдержавах», «ограниченном суверенитете» и др. В принятом документе осуждается гегемонизм во всех его проявлениях и заявляется, что «никакое государство или группы государств не должны ни при каких обстоятельствах и ни по каким причинам осуществлять гегемонию в международных отношениях или стремиться занять доминирующее положение в мире в целом либо в том или ином районе мира»; решительно осуждаются «империализм, колониализм, неоколониализм, апартеид, расизм, включая сионизм, а также все формы иностранной агрессии, оккупации, доминирования и вмешательства, равно как и создание сфер влияния и разделение мира на антагонистические политические и военные блоки»¹⁷.

Выступая по мотивам голосования, постоянный представитель СССР при ООН О. А. Трояновский подчеркнул, что Советский Союз испытывает большое удовлетворение в связи с одобрением его инициативы на авторитетном форуме. Китайский же делегат в раздражении вновь прибег к стандартным нападкам на СССР как на главного якобы проводника политики гегемонизма. Знаменательно, что текст принятой ООН резолюции по гегемонизму так и не был обнародован средствами массовой информации Пекина. И то, что представитель КНР в конечном итоге был вынужден проголосовать за резолюцию, обмануть никого не могло: это был шаг поневоле, очередное, как справедливо отмечалось в кругах ООН, красноречивое подтверждение двуличия Пекина, и не помышляющего на практике порывать с гегемонистскими устремлениями в своей политике.

* * *

Весьма далекой от «позитивизма» была позиция китайской делегации и при обсуждении других сложных международных вопросов. Откровенно поджигательскую линию проводил Пекин по так называемой кампучийской проблеме. В известном смысле она стала главным направлением активности Пекина на XXXIV сессии Генеральной Ассамблеи ООН. После неудачной попытки протащить в сентябре 1979 г. в Гаване ставленников бывшего полпотовского режима в движение неприсоединения Пекин решил сосредоточить все усилия на том, чтобы воспрепятствовать изгнанию из Организации Объединенных Наций свергнутой группировки и тем самым сохранить за ней видимость «законного» представительства. О значении, которое китайская сторона придавала этому вопросу, говорит хотя бы тот факт, что из приблизительно 70 материалов, опубликованных в «Жэньминь жибао» по различным аспектам деятельности сессии, около 40 сообщений было посвящено «кампучийской проблеме».

¹⁷ «Правда», 15.XII.1979.

Хань Нянлун в своей речи всячески пытался пугать представителей государств — членов ООН тем, будто «катастрофа, которая обрушилась сегодня на народ Кампучии, может распространиться и на другие страны»¹⁸. Нагнетая обстановку, Дэн Сяопин накануне обсуждения в ООН «кампучийского вопроса» сделал 28 октября провокационное заявление: «Китай будет стоять на стороне стран АСЕАН, если Вьетнам совершит нападение на них; Китай будет стоять на стороне Таиланда, если Вьетнам совершит нападение на него». А представитель КНР при ООН Чэнь Чу посмел обвинить Вьетнам не более и не менее как в намерении «создать» в Кампучии «голод для проведения политики геноцида»¹⁹. Трудно сказать, чего больше было в этом и других высказываниях: лжи или ханжества, стремления обелить грязные, человеконенавистнические дела ставленников Пекина в Кампучии, уничтоживших 3 миллиона кампучийцев, или затушевать свои же преступные действия.

Пекин заодно с Вашингтоном всеми способами, в том числе разговорами о «трагедии индокитайских беженцев», старался отвлечь внимание представителей стран — членов ООН от собственных агрессивной политики и устремлений в Юго-Восточной Азии как первопричины сложившихся трудностей, злонамеренно убеждал их, в первую очередь делегатов государств, входящих в АСЕАН, в том, будто победа народной революции в Кампучии и присутствие вьетнамских войск на ее территории несут угрозу безопасности Индокитая. С целью протаскать решение, в корне противоречащее задачам оздоровления обстановки в этом районе, жизненным интересам кампучийцев, были пущены в ход испытанные средства «кулуарной дипломатии»: беззастенчивое увещевание и обхаживание, настойчивые «призывы» и самый грубый нажим. Другим направлением враждебных НРК маневров Пекина и Вашингтона явились их попытки использовать, в частности, конференцию ООН по вопросу об оказании «гуманитарной помощи» Кампучии, состоявшуюся 5 ноября 1979 г.

В такой обстановке 14 ноября, несмотря на энергичные возражения социалистических и большой группы развивающихся стран, была принята резолюция «О положении в Кампучии», представляющая собой неприкрытое вмешательство во внутренние дела страны. В Заявлении МИД НРК по этому поводу указывалось, что резолюция в корне искажает ситуацию в Кампучии, что никакого вооруженного конфликта здесь нет, а поэтому нет необходимости в его «прекращении» или в каком-то «политическом урегулировании». В распространенном в штаб-квартире ООН письме государственного секретаря, помощника премьер-министра СРВ по иностранным делам Нгуен Ко Тхата председателю XXXIV сессии Генеральной Ассамблеи и генеральному секретарю ООН обращалось внимание на то, что серьезное положение, сложившееся вокруг Кампучии и в Юго-Восточной Азии в целом, является результатом актов агрессии и военных приготовлений правящих кругов Китая, давно уже вынашивающих планы аннексии Вьетнама, Лаоса и Кампучии и использования их в качестве стартовой площадки для экспансии в Юго-Восточной Азии. «Этот вопрос, — заявил А. А. Громыко, разоблачая происки сил, не заинтересованных в стабилизации обстановки в районе, и их вольных или невольных пособников, — нельзя утопить в искусственно раздутой пропагандистской кампании вокруг индокитайских беженцев, направленной своим острием против Вьетнама. Нет, острие следует повернуть совсем в другой адрес, и он известен. Нет тайны и в том, кто насадил и вскормил кровавый палаческий режим Пол Пота. Теперь в Кампучии с этим режи-

¹⁸ Цит. по: Док. ООН, А (34) PV. 11.

¹⁹ «Жэньминь жибао», 15.XI.1979.

мом покончено, и возврата к прежнему не будет. Законным представителям кампучийского народа должна быть предоставлена возможность занять в ООН место, принадлежащее Кампучии».

И намек на «деловой подход» не содержалось в линии Пекина по еще одной сложной проблеме — ближневосточному урегулированию. 6 декабря Генеральной Ассамблеей ООН по проекту Вьетнама, Гвинеи-Бисау, Индии, Кубы и Судана, Шри Ланки и Югославии была одобрена резолюция «Положение на Ближнем Востоке». Резолюция осуждала «все частичные соглашения и сепаратные договоры, которые нарушают признанные права палестинского народа и противоречат принципам справедливых и всеобъемлющих решений ближневосточной проблемы», и вновь призывала «к скорейшему созыву мирной конференции по Ближнему Востоку под эгидой ООН и под сопредседательством СССР и США с участием на равной основе всех заинтересованных сторон, включая Организацию освобождения Палестины»²⁰. Китайский же делегат при обсуждении ближневосточной проблемы преднамеренно старался — вразрез с желанием большинства государств — членов ООН способствовать быстрейшему ее решению — исказить и запутать положение дел в этом и без того непростом вопросе, смазать водораздел между искренними поборниками всеобъемлющего урегулирования и его противниками. «Суть ближневосточной проблемы, — утверждал Хань Нянлун, — все еще заключается в борьбе сверхдержав за источники нефти и за стратегические районы»²¹. Более того, в вопиющем противоречии с действительностью, с заявлениями представителей целого ряда арабских государств, выражавших благодарность СССР за последовательную помощь и поддержку законных интересов народов Ближнего Востока, Советскому Союзу кощунственно приписывались планы «раскола арабского единства» и «подрыва стабильности и мира» в этом районе. В то же время у представителя КНР не нашлось и слова критики в адрес участников кампудэвидских соглашений, подвергшихся недвусмысленному осуждению в принятых на сессии документах. Не встретила поддержки у Пекина и идея созыва в как можно более короткий срок международной конференции по Ближнему Востоку. Делегат КНР лишь со скрытым удовлетворением констатировал, что «предстоит пройти еще большой путь», пока будет найдено решение ближневосточной проблемы, что вполне вписывается в генеральную линию Пекина на создание и поддержание максимального большого числа «горячих точек» на планете. Примечателен в этой связи и сам факт умолчания китайской пропагандой принятой на сессии резолюции о положении на Ближнем Востоке.

Внешне уклончивую, а на деле благожелательную для Вашингтона позицию заняла китайская сторона при обсуждении в Совете Безопасности ООН кризиса в отношениях между США и Ираном. В то время как Советский Союз вместе со многими государствами недвусмысленно высказывался за необходимость урегулирования американо-иранского спора мирными средствами и ясно заявлял, что не потерпит никакого вмешательства извне во внутренние дела Ирана, делегат Пекина не шел дальше выражения «озабоченности» разыгравшимися в ирано-американских отношениях событиями. В том же духе было составлено и краткое заявление представителя МИД КНР от 26 ноября 1979 г.²², тон которого дал повод американским средствам массовой информации, в частности агентству Ассошиэйтед пресс, сделать вывод о том, что «Китай встал сегодня на сторону США в иранском кризисе».

²⁰ Док. ООН, А (34) L. 53.

²¹ Цит. по: Док. ООН, А (34) PV. 11.

²² «Жэньминь жибао», 26.XI.1979.

В одной упряжке с Вашингтоном выступил Пекин при обсуждении в Совете Безопасности так называемого вопроса о положении в Афганистане. В заявлении правительства КНР от 30 декабря 1979 г., в высказываниях Дэн Сяопина на приеме в китайской столице 6 января 1980 г. и представителя КНР в Совете Безопасности советская помощь Афганистану клеветнически именовалась в унисон с империалистической политикой и пропагандой как «широкомасштабная вооруженная агрессия», «вмешательство во внутренние дела Афганистана»²³. Речи делегатов Пекина и стран Запада неопровержимо свидетельствовали о том, что этот «вопрос» решено было использовать в качестве еще одного предлога для оправдания линии на срыв разрядки, дальнейшего нагнетания напряженности на Среднем Востоке и за его пределами. Разоблачая эти планы, министр иностранных дел Афганистана Шах Мухаммед Дост заявлял в Совете Безопасности 5 и 7 января 1980 г., что сам созыв такого заседания представляет «открытое вмешательство во внутренние дела Афганистана» вследствие «кампании давления и действий мирового империализма и международной реакции», отметив, что «представленная на рассмотрение Совета Безопасности резолюция служит лишь пропагандистским целям и направлена на возрождение «холодной войны». Твердая поддержка позиции ДРА была оказана представителями СССР, ГДР, Венгрии, Лаоса и других стран, выступивших с резким осуждением враждебных Афганистану действий США, Китая, Пакистана. Инспирированный проект резолюции не прошел, поскольку против него голосовал один из постоянных членов Совета Безопасности — Советский Союз.

Линия на блокирование с империализмом рельефнее, чем прежде, просматривалась в подходе китайской стороны и к проблемам нового мирового экономического порядка. Правда, в выступлении Хань Нянлуна, а также в сообщении корреспондента Синьхуа из Нью-Йорка от 11 октября 1979 г. делались экивоки в сторону развивающихся стран и в дежурном порядке упоминалось о том, что многие их представители «осудили некоторые индустриальные страны, особенно сверхдержавы, за перекалывание последствий своего кризиса на третий мир», но не это составляло суть китайской позиции²⁴. Критика политики капиталистических держав в сравнении с предыдущими сессиями была еще больше приглушена, а усилия китайской дипломатии сфокусированы на выдвигании обвинений прежде всего против СССР, на призывах ограничить его доступ на рынки развивающихся стран, что вело бы к их изоляции от мира социализма и нанесло бы непоправимый ущерб социально-экономическому становлению молодых государств.

Лейтмотивом выступлений представителей КНР на сессии по проблемам перестройки международных экономических отношений и направлений экономического развития стран «третьего мира» была мысль о необходимости создания «благоприятных внешних условий», в то время как рекомендаций, относящихся к мероприятиям внутреннего порядка, они всячески избегали. Делегат КНР Ань Чжиюань лишь индифферентно отмечал во Втором комитете, что экономическая политика развивающихся стран должна строиться на основе «уважения суверенитета», в соответствии с «приоритетами и порядками», а также «самостоятельно разработанными программами поэтапного развития»²⁵. Такие действия можно объяснить тем, что китайская сторона, взяв курс на интенсивное развитие и углубление своих связей с Западом, в принципе заинтересована в улучшении условий торговли,

²³ «Жэньминь жибао», 31.XII.1979; 7.I.1980.

²⁴ См. Док. ООН А (34) PV. 11.

²⁵ «Жэньминь жибао», 15.X.1979.

предоставления кредитов, помощи и пр. ведущих капиталистических держав государствам «третьего мира», к которому Пекин относит и себя. К тому же активно высказываясь за поддержание «диалога» между империалистическими государствами и развивающимися странами, Пекин одновременно сам идет на принятие законов, способствующих притоку иностранного капитала в китайскую экономику. Отсюда ясно, что узкоэгоистические цели, преследуемые Пекином в области внешнеэкономических связей, не могут в возрастающей степени не сказываться на эволюции его позиции в сторону капиталистического мира по всей совокупности проблем международных экономических отношений.

* * *

Анализ деятельности Пекина на XXXIV сессии Генеральной Ассамблеи и в связи с ней показывает, что внесение китайской стороной косметической правки в подход к некоторым из проблем, волнующих мировое сообщество, никоим образом не повлияло на генеральный курс Китая в международных делах, пагубный для жизненных интересов человечества. Не удалось ему до конца замаскировать и неизлечимую склонность поучать в менторском тоне другие страны и народы, самозванно брать на себя роль их «покровителя» и «защитника».

Но Пекин явно переоценивает свою способность влиять на другие государства, на обстановку в мире в целом. Еще в Древнем Китае говорили: «Если бить в барабан, чтобы вылечиться от ревматизма, можно истрепать барабан, но никак нельзя исцелиться». И сколько бы в Пекине ни прилагали усилий в смычке с империализмом перекроить политическую карту современного мира по удобному им образу и подобию, добиться этого никогда не удастся. Как отмечал В. И. Ленин, «политика имеет свою объективную логику, независимую от предначертаний тех или иных лиц или партий»²⁶. Силы, выступающие ныне на стороне прогресса и демократии, за укрепление международной безопасности и равноправное сотрудничество государств, могущественнее сил агрессии и гегемонизма. Надежной гарантией мира служит растущая мощь СССР и других стран социализма, ленинский внешнеполитический курс нашей страны. «Этот курс,—подчеркнул Л. И. Брежнев в своих ответах на вопросы корреспондента газеты «Правда»,—сочетает последовательное миролюбие с твердым отпором агрессии. Он оправдал себя в прошедшие десятилетия, ему мы будем следовать и впредь. С этого курса нас не собьет никто»²⁷.

²⁶ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 14, с. 190.

²⁷ «Правда», 13.1.1980.

Идейно-политический крах маоистских группировок в странах Запада

*Р. М. Асланов,
кандидат исторических наук
Б. А. Болотин,
кандидат исторических наук*

Для политики Пекина двух минувших десятилетий характерны две крайности: сначала выступление с ультралевых позиций, внешне антиимпериалистических позиций, а затем резкое шарахание вправо, к капитулянтству и прислужничеству перед империализмом.

Вскрывая природу подобных явлений, В. И. Ленин указывал, что в отсталых странах с сильными мелкобуржуазными пережитками (а Китай можно отнести именно к такой категории стран) «особенно часто появляются люди, группы, течения, отличающиеся тем противоречивым, нетвердым, колеблющимся отношением к социализму (то «пылкая любовь», то подлая измена), которое свойственно всякой мелкой буржуазии»¹. «Неустойчивость такой революционности,— отмечал В. И. Ленин,— бесплодность ее, свойство быстро превращаться в покорность, апатию, фантастику, даже в «бешеное» увлечение тем или иным буржуазным «модным» течением,— все это общеизвестно»².

В. И. Ленин обращал внимание на тесную взаимосвязь оппортунизма и социал-шовинизма, на опасность союза социал-шовинистов с мировым капиталом: «Социал-шовинизм есть законченный оппортунизм. Это неоспоримо. Союз с буржуазией был идейный, тайный. Он стал открытым, грубым. Силу социал-шовинизму дал именно союз с буржуазией и генеральными штабами»³.

За словесной трескотней маоистского руководства уже в начале 60-х годов можно было увидеть его склонность перебежать в стан, враждебный революционным силам. Предостережение на этот счет прозвучало в докладе члена Политбюро, секретаря ЦК КПСС М. А. Суслова на Пленуме ЦК КПСС 14 февраля 1964 г.: «Надо сказать, что правящие круги империалистических держав «раскусили» секрет китайской политики. Они поняли, что «революционные фразы» китайских руководителей направлены вовсе не против империализма. Эти фразы на деле призваны прикрыть ожесточенную борьбу против КПСС и мирового коммунистического движения и ничем не угрожают империалистам. Отсюда — поворот, который наметился сейчас в политике ведущих капиталистических государств в отношении Китая.

Не скроем: наблюдая за всеми этими маневрами китайского руководства, мы, как и все марксисты-ленинцы мира, испытываем чувство законной тревоги за то, на какой опасный путь тащат китайские руководители свою великую страну. Как бы не получилось, что, идя по своему неверному, антиленинскому пути, китайские руководители не при-

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 20, с. 306.

² Там же, т. 41, с. 14—15.

³ Там же, т. 27, с. 104.

шли к фактическому смыканию с реакционными, воинственными элементами империализма»⁴.

После того как коммунистические и рабочие партии дали решительный отпор антикоммунистическим протескам группы Мао Цзэдуна и их несостоятельным, чуждым марксизму-ленинизму концепциям, наносившим ущерб революционным силам и антиимпериалистической борьбе, маоисты изменили свою тактику.

Порвав связи с подавляющим большинством коммунистических и рабочих партий, которые за отказ от поддержки маоистского авантюристического курса были объявлены Пекином «ревизионистскими», руководители КПК предприняли попытки организационно оформить «свое» маоистское идейно-политическое течение в международном масштабе, противопоставив его коммунистическому движению.

В начале 60-х годов «партии-поганки» (как метко назвал маоистские группировки итальянский журналист-коммунист К. Росселла) одна за другой появлялись в Бельгии, Италии, Франции, Великобритании, Швеции, Дании, Австрии, Нидерландах, Швейцарии, ФРГ, Испании, Португалии и других странах, причем в ряде стран возникло сразу несколько таких организаций⁵. Для их создания пускались в ход интриги, закулисные махинации, прямой подкуп.

Пропекинские «партии» и группки стали прибежищем ренегатов, исключенных из компартий, всякого рода авантюристов и проходимцев, беспринципных деклассированных элементов, а также провокаторов и платных агентов охранных. Иногда там оказывались и заблуждавшиеся честные люди, представители студенческой и рабочей молодежи, интеллигенции, по своей политической неопытности сбитые с толку маоистской «революционной» демагогией.

Несмотря на весьма ограниченный состав этих «партий» (зачастую они не выходили за рамки численности руководства или редакции газеты), каждый из их руководителей норовил выдвинуться в «национальные лидеры», хотел, чтобы именно его группа стала центром объединения остальных маоистов в стране. Новоиспеченные «председатели» и «генеральные секретари» наперебой доказывали свою верность Мао Цзэдуну и его «идеям». Секрет их рвения был прост: они служили Мао не бескорыстно. Пекин щедро оплачивал их усердие.

Только создание первой маоистской группы в Италии обошлось, по некоторым данным, в 750 млн. лир, прокитайский журнал «Революсьон» получил по меньшей мере 70 тыс. долларов, а денежные средства, израсходованные за 14 месяцев на издание в Швейцарии маоистской газеты «Октобр», оценивались в 260 тыс. франков⁶.

Одна из швейцарских маоистских группировок, так называемая «швейцарская компартия», вскоре после своего создания порвавшая с Пекином, выступила с осуждением огромных затрат на западноевропейских маоистов. «Сколько миллионов наших франков, — писал печатный орган этой группировки, — китайцы выбросили на ветер, чтобы оказывать помощь своим глупым и бездарным сторонникам в Бельгии, Австрии, Швейцарии и мало ли где еще?» Работники посольства КНР в Швейцарии, указывалось далее, «забыли о своих соотечественниках в коммунистическом Китае, у которых нет даже горсти риса, чтобы по-

⁴ М. А. Сусл ов. На путях строительства коммунизма. Речи и статьи, т. 1, М., 1977, с. 472.

⁵ Подробно история возникновения маоистских группировок в странах Западной Европы описана в книге западногерманских журналистов Ф.-В. Шломана и П. Фридли н г ш т а й н «Маоисты. Филиалы Пекина в Западной Европе» (F.-W. Schlotmann, P. Friedlingstein. Die Maoisten. Pekings Filialen in Westeuropa. Frankfurt a. M., 1970).

⁶ In: «Newsweek», 9.III.1964; «Schweizer Illustrierte», Zürich, 1967, № 7, S. 27; «Neue Züricher Nachrichten», 5.III.1970.

есть хотя бы раз в день, нет пары штанов в шкафу, да, вероятно, и самого шкафа. Думают ли эти люди о том, что сотни миллионов их менее счастливых соотечественников голодают?» Китайские руководители, по мнению их бывших друзей, вместо того чтобы заботиться о своем народе, «финансируют обман, ложь и свинство»⁷.

Зарубежные маоисты за китайские деньги должны были выполнять роль рупоров пекинской пропаганды и своего рода «пятой колонны» Пекина в соответствующих странах. Одним из главных направлений их деятельности стали нападки на коммунистические партии, которые объявлялись «разложившимися», «переродившимися», «обуржуазившимися». Чтобы подчеркнуть отличие маоистских группировок от компартий, которые будто бы утратили свою революционность, маоисты добавляли к названиям своих «партий» слова «марксистско-ленинская», «рабочая», «революционная».

Перехватывая отдельные лозунги у коммунистов, маоистские «партии» шли «дальше», совершенно отрываясь от реальной действительности, игнорируя существующие этапы социально-политического развития, выходя за рамки здравого смысла. Внутри своих стран они призывали к «немедленной революции», а в международном плане требовали нанести «решающие удары по империализму». В «манифесте» и других документах «компартии Франции (м-л)» указывалось, например, что «борьба рабочих против монополий не может вестись отдельно от борьбы против американского империализма», и выдвигалось требование разорвать дипломатические отношения с США⁸.

В пропагандистских материалах маоистских организаций в то время выражалось отрицательное отношение к НАТО и ЕЭС, бельгийские маоисты требовали выхода Бельгии из НАТО, шведские маоисты выступали против вступления Швеции в «Общий рынок». Маоисты Дании отвергали не только НАТО и «Общий рынок», но и... Организацию Объединенных Наций.

Маоисты подталкивали трудящихся на неоправданные, рискованные и авантюристические действия, заявляя, что «вооруженная борьба — единственный путь борьбы рабочего класса». Рекомендуя оставить все надежды на мирный переход к социализму, они провозглашали, что «только насильственный акт со стороны прогрессивных сил может привести к качественному изменению данной исторической ситуации»⁹.

Как отмечалось на XXIV съезде КПСС, вслед за развертыванием деятельности созданных китайским руководством раскольнических группировок оживился как «левый», так и правый оппортунизм, с этими группировками нередко блокировались троцкисты.

Маоистские «идеи» были взяты на вооружение анархистскими организациями — японской «Рэнго сэкигун-ха» и западногерманской «Роте армее фракцион», которые печально известны своими жестокими и бессмысленными террористическими актами. Их использовали террористы из «красных бригад» в Италии и так называемые «городские партизаны» в США.

Уже в то время стало совершенно ясно, что руководство КПК и сколоченные им в ряде капиталистических стран маоистские группировки своей подрывной деятельностью против международного коммунистического движения играют на руку классовым врагам пролетариата, империализму и реакции.

Генеральный секретарь ЦК КПСС Л. И. Брежнев во второй половине 60-х годов неоднократно обращал внимание на то, что политика Пе-

⁷ «Etincelle», 1964, № 10—11, p. 8.

⁸ «Humanité nouvelle», 1968, № 92, p. 4.

⁹ «Etincelle», 1964, № 9, p. 19.

Пекина стала приобретать, по существу, проимпериалистический характер.

Антимарксистские, антиленинские позиции китайских руководителей и их враждебные коммунистическому движению действия были разоблачены и осуждены на состоявшемся в Москве в июне 1969 г. Совещании коммунистических и рабочих партий. Товарищ Л. И. Брежнев, выступая на Совещании, отметил, что в борьбе Пекина против коммунистических партий пускаются в ход любые средства — от клеветнических обвинений в «сговоре с империализмом» до организации раскольнических подрывных групп, причем пекинское руководство стремится придать последним характер организованного движения¹⁰.

Однако плану организации маоистского движения в международном масштабе не суждено было осуществиться. Весьма сложным, а зачастую и невозможным оказалось объединение маоистских организаций даже в пределах одной страны. Объединению мешало беспринципное соперничество между различными группировками, отсутствие у них устойчивых идейных позиций, личные амбиции и капризы местных маоистских «лидеров». Вскоре к этому добавилось разочарование в политике Пекина многих членов и функционеров «осколочных партий».

«Культурная революция» в Китае (1966—1969) вызвала противоречивую реакцию у зарубежных маоистов. Часть из них не могла одобрить отход группы Мао Цзэдуна от программы строительства социализма в Китае, разгром партийных организаций и органов народной власти, политику массовых репрессий. Какая-то часть их оказалась в замешательстве и колебалась. И наконец, оставшаяся часть приняла установки «культурной революции» и даже пыталась копировать ее в своих странах.

«Культурная революция» послужила толчком к усилению разброда в маоистских группировках. Начиная таять их ряды. В некоторых группировках происходит раскол, а кое-где они вообще прекращают свое существование. Пекин пытается преодолеть возникший кризис, прибегает к уговорам и посулам, старается любой ценой сохранить эти группировки, на смену распавшимся создает новые «партии» маоистской ориентации.

С начала 70-х годов пекинское руководство открыто совершает поворот в сторону сближения с империализмом на антисоветской, антикоммунистической основе. Товарищ Л. И. Брежнев на XXV съезде КПСС подчеркнул: «Теперь уже мало сказать, что маоистская идеология и политика несовместимы с марксистско-ленинским учением. Они прямо враждебны ему»¹¹.

Маоизм все больше превращался в разновидность антикоммунизма¹². В этих условиях у правящих кругов Запада возникает соблазн активно использовать резкий антисоциалистический, контрреволюционный зигзаг в политике Пекина, зреет намерение разыграть «китайскую карту» против Советского Союза, социалистического содружества и всех революционных сил.

Процесс смыкания Пекина с империализмом не мог не отразиться на деятельности маоистских организаций. «Ультрареволюционные» призывы приглушаются и постепенно исчезают, борьба между мировым социализмом и мировым капитализмом затушевывается с помощью лозунга борьбы против «сверхдержав». В социально-политическом плане лозунг «широкого единого фронта» против «двух сверхдержав» был равнозначен призыву к всемирному объединению мелкой и средней

¹⁰ См. Л. И. Брежнев. Ленинским курсом. Речи и статьи, т. 2. М., 1973, с. 392—393.

¹¹ Материалы XXV съезда КПСС. М., 1976, с. 11.

¹² См. «Проблемы мира и социализма», 1973, № 11, с. 64.

буржуазии с монополистическим капиталом против международного рабочего класса и его оплота — мировой системы социализма¹³.

Перестраивая свою деятельность в связи с очередными установками Пекина, маоистские группировки все больше поворачивали вправо. Инструкции китайского руководства зарубежным маоистам в начале 70-х годов предусматривали развертывание борьбы против «ультрареволюционеров», выступающих с «неоправданными демагогическими лозунгами».

Пекин стремился превратить маоистские «партии» и группировки в орудие постоянного подтачивания коммунистического движения, хотел сделать их своими зарубежными идейно-политическими форпостами, поручая им миссию распространения клеветы о внешней политике СССР и стран социалистического содружества, роль новых разносчиков «холодной войны».

После смерти Мао Цзэдуна в 1976 г. новые руководители КПК и КНР заявили о намерении следовать прежней маоистской линии. Как писала монгольская газета «Унэн», «надев на себя хомут мелкобуржуазного национализма и великоханьского шовинизма, новое пекинское руководство изо всех сил старается тащить телегу маоизма по грязной дороге антикоммунизма и антисоветизма»¹⁴.

Уход со сцены Мао Цзэдуна, отстранение от власти его приближенных, дальнейший крен Пекина вправо вызвали новую волну шатаний среди маоистских «партий» и групп. Руководство многих из маоистских организаций впало в растерянность, будучи не в состоянии дать удовлетворительное с точки зрения прежних позиций этих групп объяснение рядовым членам сути и причин происходивших в Китае событий и изменений в китайской внешней политике. В маоистских организациях, которые никогда не отличались последовательностью программных установок, внутренней сплоченностью, стабильностью состава и никогда не имели массовой базы, резко обострились внутренние противоречия, произошли новые расколы. Ряд организаций заявил о самороспуске.

По-разному восприняли зарубежные маоисты выдвинутую Пекином «теорию трех миров». Пропаганда китайским руководством этой «теории», оправдывающей блокирование с империализмом в борьбе против мирового социализма, предназначалась, в частности, и для перестройки деятельности зарубежных маоистов на праворевизионистской основе в противовес прежней «лево»-радикальной платформе, для вывода маоистского движения из кризиса, в котором оно оказалось после смерти Мао.

Принимая «председателя КП Швеции» Р. Петтерссона, Хуа Гофэн поставил перед шведскими и западноевропейскими маоистами задачу организационного укрепления их «партий», и в первую очередь их «руководящих звеньев», расширения пропаганды в духе политической линии Пекина. Китайский лидер призвал маоистов «усилить сопротивление советскому социал-империализму», широко используя для этого печать, телевидение, радио, собрания, митинги и демонстрации. При этом, сказал он, не стоит стесняться в средствах, ибо все затраты берет на себя Пекин.

Руководство КПК, пытаясь преодолеть отход или развал этих группировок, судорожно цепляется за жалкие остатки своих приспешников, чтобы удержать их в сфере своего влияния, предпринимает попытки консолидировать разрозненные группы маоистов в отдельных странах. В прошлом и нынешнем годах были проведены маоистские сборища, именовавшиеся «съездами», в Испании, Бельгии, Канаде, Японии. Их особенностью было то, что там объявлялось о создании «партий» на

¹³ См. Основные аспекты китайской проблемы. 1965—1975. М., 1976, с. 204.

¹⁴ «Унэн», 19.VI.1977.

базе маоистских организаций или осуществлялось объединение двух «партий» в одну¹⁵. В Испании и Бельгии маоистами были созданы пропекинские «партии труда». Они уже не содержат в своих названиях намеков на «революционность» и призваны стать уважаемыми «конституционными партиями» с претензией на получение депутатских мандатов в парламенте, а бельгийские маоисты рассчитывают в перспективе даже на вхождение в «европейский парламент».

Однако в деятельности Пекина по сплочению маоистов встречаются многочисленные трудности. Давно уже вынашиваются планы объединения полутора десятков мельчайших маоистских организаций США в маоистскую «партию». В октябре 1978 г. был наконец проведен первый «съезд» американских маоистов, но на нем возникли разногласия по вопросам о составе руководства, о программе и уставе «партии», и объединенная «партия» так и не была создана. На сентябрь 1979 г. намечался второй «съезд», но он так и не состоялся.

В прошлом и нынешнем году руководитель «компартии США (м-л)» М. Клонски приезжал в Пекин для консультаций по вопросам создания новой «партии». Его последнее посещение китайской столицы совпало с визитом туда министра обороны США Г. Брауна (январь 1980 г.)¹⁶. Одновременное присутствие в Китае представителя американской администрации, возглавляющего военное ведомство, и вожака американских маоистов оказалось весьма символическим. Г. Браун договоривался с пекинскими лидерами о координации действий между Вашингтоном и Пекином в «общих стратегических интересах», включая военное сотрудничество, а М. Клонски предоставил заботу о поддержке американскими маоистами военно-политического альянса империализма США и китайских гегемонистов.

Китайское руководство пытается координировать действия маоистов в международном масштабе. После провала затеи с проведением международной маоистской «конференции» с целью организационно оформить нечто вроде «маоистского интернационала» Пекин стремится согласовывать позиции маоистов хотя бы в рамках отдельных регионов. Он всячески поощряет двусторонние и региональные встречи своих сторонников, используя их, чтобы навязывать удобную ему линию.

Маоистским «партиям» в различных странах теперь советуют не употреблять термин «американский империализм», исключить «отзывы критического порядка о Соединенных Штатах». «Революционный компромисс» с капиталистическими странами объясняется и оправдывается тем, что он якобы поможет Китаю «встать на ноги, набраться сил и одержать экономическую победу и над капитализмом, и над социальным империализмом»¹⁷.

В соответствии с инструкциями из Пекина маоистские группировки в странах Западной Европы отказались от проведения антимонополистической борьбы под предлогом установления «национального единства» и «социального равновесия» перед лицом якобы готовящейся агрессии с Востока. Вслед за Пекином они проповедуют тезис об «оборонительном» характере НАТО, призывают к превращению «Общего рынка» в военно-политический союз, ратуют за создание «единой и мощной Европы», противостоящей государствам — участникам Варшавского Договора.

Те же самые маоисты из «компартии Франции (м-л)», которые прежде метали громы и молнии по адресу американского империализма, с некоторых пор стали заявлять, что борьба против американского

¹⁵ См. «Жэньминь жибао», 5.VII.1979; 11.XI.1979; «Beijing Review», 1979, № 4, p. 28; «Forge», 13.IX.1979.

¹⁶ См. «Жэньминь жибао», 6.I.1980.

¹⁷ «Правда», 31.I.1979.

империализма — задача второстепенная, что нужно сосредоточить все усилия на борьбе против СССР.

Листок английских маоистов «Уоркер» — орган «компартии Великобритании (м-л)» — писал, что перед лицом «советской угрозы» основной задачей «партии» должна быть «борьба против СССР и союз со всеми внутренними антисоветскими силами, в том числе и с британским империализмом»¹⁸.

За «сплочение консервативных сил с истинными марксистами-ленинцами» (маоистами) агитируют пропекинские группки в ФРГ. Лже-КПГ* объявила в своей «программе» о безоговорочной поддержке НАТО и планов развертывания бундесвера. «Мы готовим массы в Германии к предстоящей мировой войне,— гласила эта «программа»,— своим долгом мы считаем стать во главе войны... В рядах армии и вне ее мы должны поддерживать все, что служит физической закалке и военной подготовке на случай войны...»¹⁹ Западногерманские маоисты договорились даже до того, что нейтронная бомба должна быть как можно скорее использована не только как политическое оружие, но и как «оружие на поле боя»²⁰.

По указке из Пекина маоисты в ряде стран высказались в поддержку идеи создания военно-политического альянса Китая, США, западноевропейских стран НАТО и Японии. Главарь одной из португальских маоистских группировок Э. Вилар заявил на пресс-конференции в Лиссабоне в 1979 г., что «становится необходимым взаимопонимание в рамках блока Европа — Китай — Америка».

Маоисты в капиталистических странах все чаще действуют заодно с правыми. В Португалии группы маоистских провокаторов по указке американского посла-шпиона Ф. Карлуччи, который по возвращении в США стал заместителем директора ЦРУ, еще в ноябре 1975 г. пытались нанести удар в спину «революции гвоздик». «Авантюризмом безответственных псевдореволюционеров» назвал эти действия генеральный секретарь Португальской коммунистической партии Алваро Куньял. Члены маоистских группировок вместе с отпетыми контрреволюционерами, среди которых были и недавние фашисты, бывшие агенты салазаровской охраны, совершали бандитские налеты на помещения компартии и других демократических организаций в ряде городов на севере Португалии. В Лиссабоне маоисты учинили погром профсоюзного центра «Интерсиндикал». При этом раздавались вопли: «Долой коммунистов!»

Поддерживающая официальные контакты с Пекином так называемая «компартия Португалии (м-л)», которая выступала на выборах 1976 г. под вывеской «рабоче-крестьянского союза» (АОК), открыто блокировалась с правыми политическими партиями — народно-демократической (НДП) и социально-демократическим центром (СДЦ). Не случайно в ходе избирательной кампании представители Революционного совета относили АОК к правым группировкам. Писатель и публицист Мариу Каштран дал следующую характеристику маоистским группам: «МРПП, АОК и другие — это фашисты, которые маоистскими лозунгами стараются прикрыть свою сущность, ударных отрядов правой реакции». После совместных антикоммунистических погромов и охоты за коммунистами в ходе предвыборной кампании маоисты, «народные демократы» и «центристы» в составе единой делегации совершили турне по Китаю.

¹⁸ «The Worker», 1977, № 2, p. 1.

* Не смешивать с «КПГ (м-л)».

¹⁹ Цит. по: «Правда», 15.I.1978.

²⁰ «Neue Welt», 1977, № 6—7, S. 3.

Следуя наставлениям Пекина, «съезд» португальских маоистов призвал создать «союз с партиями, представляющими интересы национальной буржуазии», для борьбы против СССР и Португальской коммунистической партии, которые будто бы являются врагами португальской революции.

Маоисты, оставшиеся в «компартии Швеции», на парламентских и коммунальных выборах 1979 г. отдавали предпочтение победе буржуазных партий. Хотя они, естественно, не могли рассчитывать на получение парламентских мандатов, тем не менее старались привлечь на свою сторону определенную часть избирателей. Маоисты использовали доступ к органам массовой информации в период предвыборной кампании для нападок на Левую партию — коммунистов и Рабочую партию — коммунистов. Вместе с правоконсервативными силами они требовали «укрепления обороны Швеции», пересмотра политики помощи Вьетнаму и Кампучии, поддержки так называемых «диссидентов» в социалистических странах.

В ФРГ «председатель» лже-КПГ, сын миллионера Землер, заявил, что создание «антигегемонистского единого фронта» предполагает отказ от классово-борьбы²¹. На земельных выборах отдельные маоистские группировки голосуют за кандидатов ХДС/ХСС. Все теснее становятся связи маоистов с неонацистами из национал-демократической партии. Вслед за совместными митингами они стали проводить совместные телевизионные программы. НДП и ее молодежная организация собираются рекрутировать новых единомышленников из рядов маоистов²².

С некоторых пор публикация изречений Мао Цзэдуна стала привычной на страницах неонацистских печатных изданий. Мао превратился в одного из кумиров неонацистских молодчиков. Констатируя, что «новые правые» в качестве идеальных руководителей называют Фридриха Великого, Бисмарка и Мао Цзэдуна, западногерманский историк Г. Барч в книге «Революция справа!» замечает, что различия между неонацистами и «левыми радикалами» становятся все менее уловимыми²³. В Западном Берлине неонацисты и маоисты, действуя рука об руку, по геббельсовским рецептам чернят социалистические страны — ГДР и СССР, устраивают провокации против Социалистической единой партии Западного Берлина.

Одна из австрийских маоистских группировок, именующая себя «коммунистическим союзом Вены», отказалась от участия в акциях демократической общественности против фашистской национально-демократической партии (НДП), заявив при этом, что «борьба против фашизма отвлекает от выполнения более важных задач». Маоисты охотно идут на контакты с НДП, их «наблюдатели» нередко присутствуют на фашистских сборищах.

В Италии как маоисты, так и неофашисты на выборах неизменно пытаются помешать успеху левых сил, и прежде всего Итальянской коммунистической партии. И те и другие стремятся накалить обстановку, скомпрометировать левые партии, не допустить вхождения коммунистов в правительство. «Мы намерены, — заявил один из прокитайских активистов, — образовать единый фронт со всеми силами, которые противятся ИКП, причем неважно, идет ли речь о буржуазных или иных силах: главное — чтобы это были антикоммунистические и антисоветские силы»²⁴.

²¹ «Rote Fahne», 1977, № 37, S. 7.

²² См. «Новое время», 1979, № 14, с. 16—17.

²³ См. А. С. Б л а н к. Неонацизм — орудие реакции. М., 1979, с. 31.

²⁴ Цит. по: «За рубежом», 1977, № 24, с. 11.

Маоисты вместе с правыми экстремистами имеют прямое отношение к вспышке терроризма в Италии, Испании, Турции и других странах. Акты террора, совершаемые маоистами в тесном взаимодействии с фашистскими элементами, сурово осуждаются коммунистическими партиями, широкой общественностью.

На своих шабашах в Бразилии и Испании неофашисты недвусмысленно заявили о необходимости сотрудничества с левацкими группировками маоистского толка. «Замечено,— сказал в интервью еженедельнику «Эуропео» главарь одной из испанских неофашистских группировок Х. Бласко,— что идеи Мао не так уж далеки от идей Гитлера. Сближение между правыми и левыми сегодня может показаться основной массе людей немыслимым и невероятным, их было бы трудно убедить, что правые и левые прекрасно понимают друг друга. Год назад я был в Китае. Не исключено, что мне довелось быть первым, кто салютовал праху Мао рукой, вскинутой в фашистском приветствии.. Помыслы у нас одни и те же»²⁵.

Маоисты пробуют проводить вместе с правыми деятелями международные мероприятия, инспирируемые и оплачиваемые Пекином. В мае 1978 г. представители крайне правых сил Португалии, ФРГ, Италии и Франции вместе с представителями 11 пропекинских группировок из Португалии, Испании, Великобритании, Франции, Греции, ФРГ и Турции собрались в Лиссабоне на антисоветскую встречу. В сентябре 1979 г. на острове Мадейра была проведена именованная антисоветскую направленность «конференция по стратегическим островам», а в ноябре в Стокгольме — «конференция» в поддержку свергнутого кампучийским народом кровавого марионеточного пропекинского режима Пол Пота. Не приходится говорить, насколько гнусными и омерзительными были эти встречи псевдореволюционеров с маховыми реакционерами на почве общей борьбы против мира и прогресса.

Инструкции Пекина маоистам за пределами Китая предусматривают продолжение противодействия разрядке, нагнетание международной напряженности, провоцирование конфронтации между США и СССР, между империалистическими державами и странами социалистического содружества. В последнее время были поставлены и новые конкретные задачи: организация поддержки банд, ведущих борьбу против народно-демократического строя в Афганистане, и проведение «бойкота» Олимпийских игр в Москве.

«Маоизм,— писал генеральный секретарь Коммунистической партии США Гэс Холл,— это один из ярких образцов оппортунизма в неприглядной стадии распада, когда оппортунизм и социал-шовиннизм достигают своего полного расцвета и вступают в союз с империализмом». Руководитель американских коммунистов напомнил о метаморфозах маоистского оппортунизма за последние годы: «Еще несколько лет назад маоизм прикрывался самыми леворадикальными и «революционными» словами и фразами. Он обвинял всех в мягкотелости и приукрашивании американского империализма. Торговля с США была «предательством», соглашение о прекращении ядерных испытаний в атмосфере — «обманым маневром американского империализма», призыв к коалиции против монополий — «реформизмом» и т. д. И вот теперь, не переводя дыхания, маоизм сделал крутой поворот и превратился в рьяного приукрашивателя американского империализма»²⁶.

В Пекине сразу подхватывают и распространяют, в том числе с помощью зарубежных маоистов, приготовленные на пропагандистских кухнях Запада нелепые домыслы о политике СССР, Вьетнама, Кубы и других социалистических стран. И поднимают шум одобрения, опять

²⁵ «Еурогео», 1979, № 3, р. 17.

²⁶ «Правда», 29.V.1979.

же подключая к этому зарубежных маоистов, по поводу тех или иных шагов империализма: будь то решение совета НАТО о размещении в странах Западной Европы нового американского ракетно-ядерного оружия среднего радиуса действия, нацеленного на страны Варшавского Договора, или «санкции» президента США Дж. Картера против Советского Союза.

Разумеется, маоистские группировки не в состоянии оказать Пекину сколько-нибудь заметной помощи в осуществлении его замыслов. Они остаются узкими сектами, лишенными влияния среди рабочего класса и широких масс. Эти «карманные партии» не располагают ни стабильной социальной опорой, ни ясной программой. Для них характерны беспринципность, слепое повиновение Пекину. Вчера западных маоистов звали «влево» — и они вели себя как леваки, сегодня кое-кого из них повернули вправо — и они послушно пошли вправо. «Идеология и практика пропекинских групп в капиталистических странах, — констатировал издающийся в ГДР еженедельник «Хорионт», — не имеют ничего общего с революцией или левой политикой. Они стали псевдо-левыми последователями классового врага и явно превратились в правое контрреволюционное движение»²⁷.

Процесс перерождения групп сторонников маоизма за пределами Китая естествен и закономерен. Он является логическим следствием идейно-политической эволюции маоистов, отражает ее противоречивый мелкобуржуазный характер. Во главу угла изменившейся тактики маоистских «партий» и групп ставится достижение любыми средствами, в том числе и путем объединения с империализмом и реакцией, неизменных стратегических целей китайского гегемонизма. Цели же эти противоречат интересам трудящихся, интересам всех свободных и независимых народов.

Хотя Пекину в некоторых случаях удается объединить разрозненные маоистские группировки в организации, отдаленно напоминающие партии, эта тенденция не стала определяющей. Более сильной и неумолимой является тенденция прямо противоположная — сокращение численности и уменьшение влияния группировок, их развал и распад.

Большое впечатление на промаоистские группы произвело осуждение «теории трех миров» и политики сближения Пекина с империализмом Албанской партией труда, которая до 1976 г. шла в фарватере китайской политики. В совместном заявлении маоистских «партий» ФРГ, Италии, Испании, Греции и Португалии подчеркивалось, что «теория трех миров» представляет собой «ревизионизм», служит «теоретическим оправданием союза с самой дикой контрреволюцией»²⁸. Это обстоятельство еще больше усилило раскол среди зарубежных маоистов. После разрыва АПТ с КПК албанская печать сообщила, что между двумя партиями давно существовали «серьезные разногласия» по вопросу о деятельности маоистских группировок в различных странах мира. Как заявляют в Албании, Пекин требовал, чтобы эти группы «приняли теорию «трех миров», отказались от критики американского империализма, отказались от классовой борьбы и революции в своих странах», «чтобы они стали послушными агентами и восхваляли Мао и маоистский Китай»²⁹. Позиция АПТ, выступившей против этих требований, была поддержана несколькими десятками группировок, которые с тех пор, видимо, уже нельзя считать в полной мере маоистскими, во всяком случае подчиненными Пекину.

Характерным симптомом кризиса этих бывших маоистских группировок стало публичное осуждение ими внутренней и внешней политики нынешнего китайского руководства, их отказ последовать за зигза-

²⁷ «Horizont», 1979, № 9, S. 9.

²⁸ «Roter Morgen», 21.X.1977.

²⁹ «Зерн и популлит», 16.XI.1979.

гом Пекина в сторону открытого соглашательства с империализмом. Многие из них отказались поддержать варварскую агрессию Китая против социалистического Вьетнама. Широкое возмущение среди тех, кто в свое время поверил в «революционные», «антиимпериалистические» лозунги китайского руководства, вызвало форсированное сближение Пекина с США, западноевропейскими странами НАТО, а также с реакционными режимами в Азии, Африке и Латинской Америке. С недоумением относятся бывшие сторонники Пекина и к внутренним переменам в Китае, к проникновению туда иностранного капитала, к тому, что Китай вновь может попасть в экономическую и политическую зависимость от империализма.

Разочаровавшись в Мао Цзэдуэ и его наследниках, руководство «компартии Германии (м-л)» заявило, что «Мао вообще никогда не был классиком марксизма». Оно осудило визиты Дэн Сяопина в США и Японию и Хуа Гофэна в страны Западной Европы, критически отнеслось к получению Китаем кредитов на Западе. Особое возмущение членов «КПК (м-л)» и некоторых других группировок вызвало «братание» Хуа Гофэна со Штраусом во время пребывания китайского лидера в ФРГ (ноябрь 1979 г.).

А. Йоха, руководитель группировки «объединение революционных рабочих Австрии» (ОРРА) дал следующую, своеобразную и знаменательную, оценку переменам в Пекине: «После контрреволюционного переворота, совершенного кликой Дэн Сяопина, Китай встал на путь реставрации капиталистического строя». Он подчеркнул также сходство политики наследников Мао с политикой, проводившейся чанкайшистским гоминьданом, который также открыл страну для империализма.

Руководство «компартии Италии (м-л)» в связи с 30-летием КНР направило в партийные организации документ, озаглавленный: «Что осталось от китайской революции?». За 30 лет, говорится в нем, произошла «полная деградация компартии Китая», «то, что не смогли сделать пушки, сделала кока-кола», «американские империалисты вновь пришли в Китай, но уже не со своими войсками, а со своими капиталами», «та же самая НОАК, которая в 1949 г. изгнала из Китая иностранных интервентов, ныне сама вторгается на территорию соседнего Вьетнама».

Во время пребывания Дэн Сяопина в США в начале 1979 г. представители некоторых маоистских группировок устроили демонстрации под лозунгом: «Долой предателя, продавшегося империализму!» Около 50 американских маоистов были арестованы полицией. Некоторым из них было даже предъявлено обвинение в попытке покушения на Дэна. Не менее бурные выступления устроили фракции маоистов в Италии и других западноевропейских странах, протестуя против визита Хуа Гофэна осенью прошлого года. В Риме его встретили плакатами: «Хуа — агент империализма США». Толпа вчерашних поклонников Мао скандировала: «Хуа, убирайся домой!»

О том, как падает число зарубежных сторонников Пекина, наглядно свидетельствует количество телеграмм, поступавших от них в Китай в разное время. В сентябре 1976 г. по случаю кончины Мао Цзэдуэна были получены телеграммы почти от ста маоистских организаций, в августе 1977 г., в связи с XI съездом КПК, — менее чем от 50, а в октябре 1979 г., в дни, когда отмечалось 30-летие КНР, — только от 24. Сократилось число делегаций маоистских «партий», посещающих Китай. Если с осени 1976 до конца 1978 г. в Пекине побывало более 50 делегаций из 30 с лишним стран, то в течение 1979 г. — 16 делегаций из 11 стран.

Резко снизилась активность маоистов в ФРГ. Закончились провалом состоявшиеся в 1977 г. в Кельне переговоры представителей не-

нескольких маоистских организаций об объединительном «съезде». Численность маоистских групп катастрофически падает. К концу 1979 г. из пропекинского «коммунистического союза Западной Германии» («КСЗГ») вышла треть его членов, включая функционеров, а численность западноберлинского филиала этой организации снизилась в пять раз; тираж газеты «союза» сократился наполовину; мероприятия «КСЗГ» собирают 20—30 человек. Вдвое упал и тираж листовок «КПГ (м-л)». В последних решениях «ЦК» пропекинской «КПГ» признается политическое банкротство этой организации и объявляется ее самопроектное³⁰.

Журнал английских маоистов «Революшн» сетовал, что в Великобритании, стране с населением свыше 50 млн. человек, насчитывается лишь несколько сот последователей Мао, но и они «распадаются на дюжину разных партий, организаций, групп и кружков», состоящих преимущественно из мелкой или средней буржуазии³¹.

Из венской организации «коммунистического союза Австрии» вышла группа лиц в знак протеста против того, что «союз» «слепо поддерживает политику КНР в Юго-Восточной Азии и превратился в рупор Пекина в Австрии».

Под давлением рядовых членов «норвежской компартии рабочих (марксистов-ленинцев)», возмущенных смыканием Пекина с империализмом, руководство этой организации приняло решение о проведении «независимой от КНР» политики.

Из года в год переносят сроки своего «съезда» финские маоисты, будучи не в состоянии провести его. Маоистская газета «Локакуу» стала выходить нерегулярно, от случая к случаю, закрылись два из трех книжных магазинов, распространявших в Финляндии маоистскую литературу.

Несколько расколов произошло в маоистской «компартии Швеции», из которой вышли ее первый «председатель» Булин, «член правления» Ринг, «теоретики» Густавссон, Лундгрэн, многие активисты и рядовые члены. В результате численность партии сократилась на тысячу человек, то есть на треть ее состава. Представители оппозиции высказали несогласие с тем, что в «КПШ» мнение большинства систематически подменяется решениями, продиктованными китайцами. Даже по их мнению, «КПШ» превратилась в сектантскую группировку и может переродиться в организацию профашистского толка, если, следуя за Пекином, будет поддерживать такие режимы, как хунта Пиночета в Чили.

Указанный процесс тесно связан с кризисом маоизма. Маоистские эксперименты прежде всего потерпели провал в самом Китае. Совершенно чужеродными и непригодными оказались установки Мао на европейской почве. «Тот, кто не изучает объективную действительность, неизбежно скатится в болото домыслов и авантюризма,— писал теоретический журнал Итальянской компартии «Ринашита». — Именно это и случилось с итальянскими и другими западноевропейскими апологетами Мао, которые превратили его «учение» в символ своей политики и средство раскола рабочего движения»³². «Принципиальная причина критического отношения к маоизму,— считает болгарский журнал «Ново време»,— заключается в неспособности маоизма предложить разумную альтернативу решению проблем в капиталистическом мире»³³.

Великоханьская, гегемонистская политика китайского руководства срывает маску с маоизма, развенчивает миф о его революционности.

³⁰ «Правда», 14.III.1980.

³¹ «Revolution», 1977, № 5, p. 3.

³² «Rinascita», 1976, № 37, p. 12.

³³ «Ново време», 1978, № 4, с. 105—106.

Углублению кризиса маоистских группировок, ограничению сферы их действий во все большей мере способствует рост влияния реального социализма на развитие международной обстановки, успешная деятельность коммунистических и рабочих партий, повышение сознательности трудящихся капиталистических стран.

Маоистские группировки не могут иметь исторической перспективы. Их действия противоречат объективным потребностям развития общества, глубоко чужды интересам и чаяниям трудящихся. Не случайно поэтому группировки маоистов остаются узкими сектами, лишенными влияния среди рабочего класса и широких масс, постепенно разваливаются и идут к неизбежному краху.

Руководству КПК «не удалось создать своего особого политического течения всемирного масштаба, которое было бы организационно оформлено, объединено единством идеологии, политических целей, стратегии и тактики»³⁴. Маоистское «движение», не успев набрать силу, фактически развалилось. Разными путями пошли его участники.

Те, кто осознал собственные заблуждения и пагубность пути, на который толкал их Пекин, порывают с маоизмом, вступают в решительную борьбу против него, вливаются в ряды коммунистического движения — самой мощной и влиятельной политической силы современности. Такие примеры имеются в Австрии, Франции, ФРГ и других странах.

Есть и такие, кто, не приемля маоизма, пытается для выражения социального протеста найти отдушину в «левом» экстремизме и анархизме. Некоторые бывшие маоисты становятся троцкистами или отходят от политической деятельности.

Отдельные маоистские группировки продолжают оставаться на позициях «ортодоксального» маоизма, они не понимают новых зигзагов в политике послемаоцзедуновского руководства Китая и осуждают сближение Пекина с империализмом и мировой реакцией. И только небольшая часть группировок продолжает слепо следовать за Пекином, безропотно выполняя его предписания.

Пропекинские маоистские организации представляют собой всего лишь карикатурное подобие партий, они не имеют сколько-нибудь заметного политического веса, их реальные возможности крайне ограничены.

Это, однако, отнюдь не дает повода для недооценки опасности, которую несет мировому коммунистическому движению подрывная деятельность Пекина. Борьба с маоизмом и его приспешниками на Западе остается неременным условием укрепления братскими партиями своих рядов и усиления сплоченности всего коммунистического движения в борьбе с империализмом, за мир и социальный прогресс.

³⁴ Б. Пышков, Б. Старостин. От «ультрареволюционности» к союзу с империализмом и реакцией. — «Коммунист», 1978, № 16, с. 106.

Антимарксистские концепции японских буржуазных обществоведов о сущности классов и классовой борьбы

*Б. В. Поспелов,
доктор исторических наук*

Основой классового анализа буржуазного общества является марксистско-ленинская революционная теория и ее составная часть — учение о классах. Это учение определяет общие социально-экономические закономерности, раскрывает сущность классов и классовых отношений в буржуазном обществе, исследует тенденции классовообразовательных процессов и эволюции классовых структур. Учение о классах составляет краеугольный камень марксизма-ленинизма, позволяющий ему четко формулировать направления общественно-исторического развития, пути и методы революционного преобразования капиталистических общественных отношений.

Не случайно поэтому буржуазные и ревизионистские теоретики во всех странах пытаются «опровергнуть» либо извратить марксистско-ленинскую теорию классов. Подменяя ее антимарксистскими концепциями, содержащими фальсифицированную трактовку проблемы классов и классовых отношений, они стараются подорвать сами основы марксистско-ленинского учения.

Выявление идеологического содержания антимарксистских концепций классов, критический анализ теоретических установок буржуазных и ревизионистских обществоведов, таким образом, является составной частью борьбы за чистоту марксизма-ленинизма, в защиту подлинно научной революционной теории.

О методологических принципах определения понятия «класс»

В Японии выступления буржуазных и ревизионистских теоретиков против марксистско-ленинского учения о классах активизировались по мере обострения классовой борьбы в стране, расширения международного революционного движения, роста авторитета марксизма-ленинизма.

Общественно-политические течения, идеологи которых в качестве объекта фальсификации избрали марксистско-ленинскую теорию классов, весьма неоднородны. Но при всем этом существует много общего в тех концепциях социально-классовой структуры, которые они пытаются противопоставить марксистско-ленинской теории общественных отношений.

Это общее заключено в стремлении подменить марксистско-ленинское учение о сущности классов, отличающееся, как известно, комплексной характеристикой всех сторон класса и указывающее на основное его качество, определяемое отношением людей к средствам про-

изводства, такой формулировкой сущности класса, которая лишает эту категорию целостности составляющих ее доминант. В их концепциях в качестве классовообразующего признака на первый план выдвигаются второстепенные характеристики, отстает принцип плюрализма, который придает классовообразующее значение второстепенным признакам класса. Методологической основой всех антимарксистских концепций классов является отказ от материалистического понимания сущности этой социально-экономической и общественно-политической категории, стремление толковать ее с идеалистических позиций. Это приводит буржуазных и ревизионистских теоретиков в Японии к извращению и фальсификации сущности всего общественно-исторического процесса.

В начале 1960-х годов в связи с оживлением идеологической деятельности правореформистских сил, поставивших перед собой цель ослабить наступление рабочего класса на позиции капитала, среди японских обществоведов буржуазного и социал-реформистского толка получила распространение социально-психологическая теория классов, объединенная с теорией социальной стратификации. Ее сущность состоит в том, что в качестве решающего классовообразующего признака признается индивидуальное сознание, внутреннее чувство, либо субъективное мнение отдельно взятого человека. Одним из представителей этой теории является известный социолог Одака Кунио.

Учение марксизма-ленинизма о роли индивидуального сознания в общественной жизни раскрывает научную несостоятельность социально-психологической концепции класса. Маркс подчеркивал, что «об отдельном человеке нельзя судить на основании того, что сам он о себе думает»¹. Принадлежность к классу может быть установлена только в результате всестороннего анализа отношений собственности и возникающих на их основе общественных производственных отношений. Блестящий пример подлинно научного анализа классовой структуры дал В. И. Ленин в работе «Развитие капитализма в России». Свои выводы о классовом составе русского общества, о путях формирования российского рабочего класса он построил в ней на изучении громадного фактического материала, характеризующего систему купли-продажи рабочей силы, отношения к средствам производства, динамику изменения рода занятий и пр.

Одной из разновидностей социально-психологической концепции класса в Японии является экзистенциалистская трактовка этого понятия. Она заключается в том, что в качестве главного элемента межличностных связей в ней рассматривают особые «экзистенциальные коммуникации», означающие субъективную убежденность в близости к членам своего коллектива на основе сугубо личных интересов, притвораемых интересам общественным. Ярким представителем этой концепции является буржуазный теоретик Муро Мицуру, попытавшийся подвести под теорию демократического социализма основные понятия экзистенциалистской философии. Концепция Муро направлена прежде всего против марксистско-ленинского учения о социально-политическом содержании понятия «рабочий класс» и призвана подменить революционную рабочую солидарность буржуазно-индивидуалистским восприятием действительности.

Социал-психологическая концепция класса заимствована японскими обществоведами у западных буржуазных и ревизионистских теоретиков, она является копией тех псевдотеоретических моделей класса, которые выработаны буржуазными и правосоциалистическими идеологами в противовес марксистско-ленинской трактовке этой категории. Интересы классовой борьбы требуют от идеологических противников

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 13, с. 7.

марксизма-ленинизма в Японии новых методов фальсификации марксистско-ленинского учения, заставляют их прибегать ко все более изощренным способам «опровержения» марксизма. Такую роль все более играют националистические концепции социально-классовой структуры, распространяемые буржуазными теоретиками.

В социологических трактатах таких националистически настроенных буржуазных обществоведов, как Масуда Енэдзо, Ито Есимаса, Куроки Ятио и другие, проводится мысль о неприменимости марксистско-ленинского учения о классах к японскому обществу в силу «особой национальной специфики» ее рабочего класса. Они пытаются доказать, будто в Японии отсутствует классовое деление, порождающее классовый антагонизм². Игнорируя реально существующие производственные отношения, а следовательно, и материальную основу общественных связей, они в качестве основных признаков и специфических свойств, якобы формирующих в Японии классы, приводят некоторые черты национальной психологии, истолкованной сквозь призму националистического мироощущения.

Само собой разумеется, что все домыслы националистически настроенных теоретиков относительно особенностей национальной психологии японских трудящихся и возвышение этих особенностей до уровня классовобразующих признаков лишены всякого научного основания.

Особого рода социально-психологическую теорию классов и классовой структуры проповедают в нынешней Японии идеологи религиозно-политического движения «Сока гаккай». Они отрицают решающее значение классового деления общества в развитии исторического процесса и рассматривают общественную жизнь с позиций, означающих подмену понятия «класс» понятием «все человечество», которое состоит у них из индивидов, лишенных определенных классовых характеристик³.

Основной чертой теоретических концепций идеологов «Сока гаккай» в вопросе о классах и социальной структуре общества являются антропологизм, толкуемый с религиозно-идеалистических позиций. Вопреки действительности имеющему место разделению буржуазного общества на антагонистические классы идеологи секты проповедают идею бесклассовой «человеческой общности», базирующейся на осознании примата абстрактных морально-этических категорий и ценностных ориентаций, носящих надклассовый характер. Такое осознание они пытаются толковать как основу межличностных связей, подменяя им подлинное классовое сознание.

Говоря о методе социальной психологии, при помощи которой японские буржуазные и социал-реформистские идеологи фальсифицируют марксистско-ленинское учение о классах, необходимо отметить, что ее антимарксистская направленность слишком бросается в глаза, слишком далека от реальной действительности та картина классового деления буржуазного общества, которую рисуют сторонники этого метода в своих исследованиях. Это делает социально-психологическую концепцию класса особенно уязвимой для критики, препятствует ее распространению среди трудящихся. Сознывая это, некоторые из соци-

² Вслед за японскими исследователями подобную точку зрения пытаются защищать и некоторые западные буржуазные ученые. Английский социолог Родней Кларк, в частности, в недавно вышедшей книге «Японская компания» стремится доказать неприменимость марксистского учения о классах к Японии спецификой системы найма рабочей силы и особенностями японского рынка труда (см. Rodney Clark. The Japanese Company. London, 1979, p. 239). При всей специфике трудовых отношений в Японии общие принципы марксистской теории классов являются надежной основой анализа социальных отношений в этой стране.

³ См. напр. Ikeda Daisaku. The Human Revolution, vol. I—IV. Tokyo, 1965, p. 122.

ал-реформистских теоретиков допускают возможность признания основного марксистского классовообразующего признака — отношения к средствам производства и категории частной собственности как условия существования классового общества. Но подобное признание оказывается чисто формальным, ибо оно сопровождается такими оценками характера отношений собственности в капиталистическом обществе, которые лишают марксистское положение его основного содержания. Известный японский социолог Рояма Масамити, например, пытается доказать, будто в условиях роста удельного веса общественной собственности в буржуазном обществе данное марксистское положение о сущности классов устарело. Аналогичную точку зрения старается провести Накамура Кикуо. Признавая, что отношение к средствам производства влияет на классовое разделение, он не считает, однако, этот признак решающим и в качестве классовообразующей категории выдвигает уровень дохода и потребления.

В связи с подобными теоретическими установками японских буржуазных и социал-реформистских идеологов, восходящими к пресловутой «распределительной теории» классов, нельзя не отметить, что они оказываются весьма созвучными «лево»-ревизионистским концепциям класса, делающим основной акцент на уровне доходов в процессе классовообразования. Это так называемый социологический принцип деления общества на классы, при котором полностью игнорируется экономическое содержание категории «класс». На нем строят свои рассуждения об особенностях классового деления японского общества некоторые левачки теоретики.

Концепции «распределительного» толка особенно оживились в Японии в связи с распространением в этой стране маоистской идеологии. Маоизм, как известно, полностью фальсифицировал марксистско-ленинское учение о классах. Выдвинутая Мао Цзэдуном социологическая концепция класса, сочетающаяся с признанием в качестве классовообразующих признаков чисто политических характеристик, используется маоистами в интересах оправдания своего антинародного внутреннего и внешнеполитического курса и не имеет ничего общего с подлинно научным толкованием этой категории. Данную черту маоистских взглядов признают сторонники маоизма в Японии, такие, как Ниндзима Ацудэси, Номура Коити и другие. Тем не менее они разделяют маоистскую концепцию класса и пытаются теоретически обосновать ее.

Некоторые аспекты анализа классовой структуры буржуазного общества

Антинаучный характер теоретических концепций буржуазных и ревизионистских теоретиков по вопросу о сущности классов, апологетический характер предпринимаемой ими фальсификации марксизма-ленинизма и подлинные классовые цели их инсинуаций относительно истоков классового деления общества особенно ясно обнаруживаются в ходе их анализа классовой структуры и проблем классовой борьбы в современной Японии. В нашем распоряжении имеются данные опроса японского населения, проведенного в свое время Японским социологическим обществом с целью, как говорится в документе общества, «изучения общественных слоев и их мобильности». Было опрошено 4500 человек. Им был задан вопрос: к какому классу вы себя причисляете? Как видно, понятия «класс» и «слой» при этом не разделялись, категория «класс» рассматривалась как аналогичная категории «слой». Другими словами, Японское социологическое общество подошло к проблеме социально-классовой структуры с позиций пресловутой теории соци-

альной стратификации, разделяющей общество не на классы, а на «страты», определяемые в основном уровнем дохода.

Другой чертой опроса является то, что он был проведен, так сказать, в классическом стиле социально-психологического метода, возводящего индивидуальное сознание в основу процесса классовообразования. Результаты такой методологии опроса немедленно сказались на его выводах — они дали извращенную картину классового состава анкетированных. Согласно его данным, к рабочему классу причислили себя 74 % всех опрошенных в крупных городах и 72 % — в сельских местностях, причем к рабочим отнесли себя многие крестьяне, представители городской мелкой буржуазии и других групп населения⁴.

О том, что социально-психологический метод фальсифицирует классовый состав общества, свидетельствуют результаты других опросов, приводимые в японской социологической литературе. Этот метод не отражает подлинной сущности действительно имеющего место в Японии процесса пролетаризации. Он игнорирует важность, с точки зрения определения перспектив общественного развития, выделения рабочего класса в составе самостоятельного населения страны и дифференциации самого рабочего класса на группы путем применения объективных признаков класса. Тем более что в условиях современной Японии такая дифференциация неизмеримо ускоряется научно-техническим прогрессом, постоянно вносящим изменения в структуру наемного труда.

Большое место в теоретических концепциях японских буржуазных и ревизионистских теоретиков о сущности классового деления занимает тезис об особой роли так называемого среднего класса. Иноки Масамити заявляет о неизбежности поглощения всех слоев общества «средним классом», в который он включает самые различные группы населения, выделенные в основном по уровню дохода и характеру профессии. Японский теоретик в данном случае подменяет понятием «средний класс» категорию «среднего слоя», существование которого, действительно, не отрицается марксистско-ленинской наукой. Но внутри этого слоя происходит непрерывное движение: он отличается непостоянством своего состава, его представители тяготеют к двум основным классам, способствуя его размыванию. В. И. Ленин писал по этому поводу, что «целый ряд «средних слоев» неминуемо вновь создается капитализмом (придавок фабрики, работа на дому, мелкие мастерские, разбросанные по всей стране ввиду требований крупной, например велосипедной и автомобильной, индустрии, и т. д.). Эти новые мелкие производители также неминуемо опять выбрасываются в ряды пролетариата»⁵.

Тезис об особой роли «среднего класса» в Японии, как и в других капиталистических странах, составляет основу таких социально-экономических теорий буржуазного и социал-реформистского толка, которые нацелены на доказательство изменения классового содержания капиталистической системы в Японии. Этому служат, например, теория «диффузии собственности», «народного капитализма» и другие. Одним из ее представителей является Накамура Кикио. Накамура пытается толковать понятия «рабочий», «капиталист» так, что между ними стираются всякие грани, исчезает всякое различие. В его толковании «капиталистом может стать каждый, кто имеет акции какого-нибудь предприятия»⁶. Накамура стремится скрыть ту непреложную истину, что отдельные факты участия японских трудящихся в прибылях компаний

⁴ См. Нихон-ши окэру, минсюсякайсюги-но кадай (Задачи демократического социализма в Японии). Токио, 1962, с. 52.

⁵ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 17, с. 25.

⁶ Накамура Кикио. Гэндай сэйдзи-но дзйттай (Положение в области современной политики). Токио, 1963, с. 95.

на правах акционеров не изменяют их положения как эксплуатируемых наемных рабочих⁷.

Итак, по вопросу о теоретических основах социально-классового деления буржуазного общества и действительной социальной структуре современной Японии буржуазные и ревизионистские идеологи выступают с концепциями, призванными опровергнуть марксистско-ленинское учение о классах. Их усилия направлены на извращение понятия «рабочий класс». В одном случае отстает тезис о превращении «рабочий класс» населения в «рабочий класс», в другом — проводится мысль об исчезновении «рабочего класса», превращении его в класс «капиталистов» либо в «средний класс».

Таковы последствия антинаучной методологии социального анализа, к которой сознательно прибегают японские буржуазные и ревизионистские теоретики. Одна из ее целей — доказать сглаживание классовых противоречий в стране и теоретически обосновать буржуазную, социал-реформистскую концепцию изменения эксплуататорской сущности японского капитализма, провести мысль об «устарелости» марксистско-ленинского учения как якобы отражающего уже пройденный этап капиталистического развития.

К вопросу о классовом содержании и путях осуществления социальной революции

Методологические ошибки при определении понятия «класс» и анализе классовой структуры буржуазного общества являются причиной того, что буржуазные и ревизионистские теоретики в Японии оказываются не в состоянии объективно оценить реально существующую обстановку в капиталистических странах с точки зрения развивающихся в них социально-политических процессов. Они не могут и не хотят в силу своих идейно-классовых убеждений выявить те социальные силы, которые обладают наибольшими революционными потенциями и готовы выступить в качестве руководящего ядра социальных движений, направленных на осуществление классовой революции. Правореформистские идеологи в Японии, по существу, вообще отрицают закономерность возникновения в капиталистических странах классовой борьбы, направленной на революционное переустройство капиталистического строя, либо сводят ее к обычному гражданскому движению за достижение повседневных экономических требований, не затрагивающих самих основ капиталистического общества.

Отрицая марксистское понимание исторического значения классовой борьбы, японские буржуазные и ревизионистские теоретики вкладывают в это понятие такое содержание, которое лишает его революционизирующего значения, и используют его для обоснования идеи вечности капиталистических производственных отношений. Сторонники социальной психологии пытаются отрицать наличие классовой борьбы в Японии и толкуют ее как «некий образ мышления», как «специфическую систему ценностей» морально-этического плана. Одака Кунито, например, утверждает, что классовая борьба в Японии — это всего лишь выражение морально-этического конфликта между представителями отдельных объединений (например, профсоюза и компании). Сходную точку зрения высказывает Ясуда Сабуро, пытающийся доказать, будто японцы не склонны мыслить такими категориями, как «классы», «классовая борьба» и др., или делить общество на антагонистические группы⁸. Само собой разумеется, что национальная психология вносит определенную специфику в классовые отношения и социальные движения, развивающиеся в Японии, но это не может послужить основанием для выводов, которые стараются отстоять социологи наподобие Одака.

С Одака солидаризируется Накамура Кикио, пытающийся провести мысль о том, что социальные конфликты в Японии вызваны не реально существующими производственными отношениями, а особыми чертами национальной психологии японцев, отличающихся особой эмоциональностью и сентиментальностью. Накамура — сторонник теории «массового общества». Рассматривая японское общество как «массовое», в жизни которого преобладают так называемые «группы интереса», он утверждает, будто люди вступают в эти группы не в соответствии с показаниями своего разума, а под воздействием «эмоциональных лозунгов», выдвигаемых руководителями этих групп, которые используют черты психологии японцев в своих интересах. Под влиянием «эмоциональных лозунгов» в Японии будто бы и развивается классовая борьба. Иными словами, социально-психологическая концепция Накамуры используется для обоснования тезиса о том, что марксистско-ленинское учение есть не научная теория, отражающая объективные законы общества и раскрывающая роль в нем рабочего класса, а всего лишь особое «психологическое состояние», навязываемое трудящимся под воздействием «эмоциональных лозунгов» и не имеющее корней в объективной реальности.

С правореформистской концепцией Накамуры об особой роли руководителей «групп интереса», увлекающих за собой безликую массу их членов путем «эмоциональных лозунгов», смыкается «лево»-ревизионистская трактовка сущности классовой борьбы, взаимоотношений руководителей и рядовых членов социальных движений. Отрицая основные положения марксистско-ленинской революционной теории, Ота Рю выделяет в социально-классовой структуре буржуазных государств слои, определяемые уровнем дохода. Все свои надежды он связывает со слоями, для которых характерен наиболее низкий жизненный уровень. Это так называемые окраинные районы, периферия, отличающиеся, по утверждению этого левацкого теоретика, «особой революционностью»⁹.

Исходя из антинаучного толкования сущности классов и классовой борьбы, Ота Рю, стоящий на позициях субъективной социологии, формулирует свою концепцию социальной революции. Игнорируя марксистско-ленинскую методологию социального анализа, Ота пытается доказать наличие «революционной ситуации во всем мире», необходимость немедленного вооруженного восстания с целью осуществления «мировой революции», которую он призывает распространить и на социалистические страны. Основным методом захвата власти «революционным авангардом» этот теоретик считает вооруженную партизанскую войну. Ота пытается механически перенести опыт партизанских действий, полученный в ходе национально-освободительных войн в развивающихся странах, на капиталистические государства. «Партизанская война — это не только общая форма классовой борьбы в колониях и полуколониях. Она становится главной формой классовой борьбы в развитых капиталистических странах», — утверждает он, требуя для ведения ее «организации авангарда»¹⁰. По мысли Ота, в

⁸ См. Ясуда Сабуро. Нихон-по кайкю психики (Классовое сознание в Японии). Токио, 1973.

⁹ Ота Рю. Хэйкэ сайсинбу ни мукатэ тайкяку сэй! (Отступим в глубины окраинных районов). Токио, 1973, с. 27.

¹⁰ Ота Рю. Нихон какумэй-но компон мондай (Основные проблемы революции в Японии). Нагоя, 1969, с. 38.

⁷ См. Накамура Кикио. Указ. соч., с. 105.

на правах акционеров не изменяют их положения как эксплуатируемых наемных рабочих⁷.

Итак, по вопросу о теоретических основах социально-классового деления буржуазного общества и действительной социальной структуре современной Японии буржуазные и ревизионистские идеологи выступают с концепциями, призванными опровергнуть марксистско-ленинское учение о классах. Их усилия направлены на извращение понятия «рабочий класс». В одном случае отстает тезис о превращении «рабочий класс» населения в «рабочий класс», в другом — проводится мысль об исчезновении «рабочего класса», превращении его в класс «капиталистов» либо в «средний класс».

Таковы последствия антинаучной методологии социального анализа, к которой сознательно прибегают японские буржуазные и ревизионистские теоретики. Одна из ее целей — доказать сглаживание классовых противоречий в стране и теоретически обосновать буржуазную, социал-реформистскую концепцию изменения эксплуататорской сущности японского капитализма, провести мысль об «устарелости» марксистско-ленинского учения как якобы отражающего уже пройденный этап капиталистического развития.

К вопросу о классовом содержании и путях осуществления социальной революции

Методологические ошибки при определении понятия «класс» и анализе классовой структуры буржуазного общества являются причиной того, что буржуазные и ревизионистские теоретики в Японии оказываются не в состоянии объективно оценить реально существующую обстановку в капиталистических странах с точки зрения развивающихся в них социально-политических процессов. Они не могут и не хотят в силу своих идейно-классовых убеждений выявить те социальные силы, которые обладают наибольшими революционными потенциями и готовы выступить в качестве руководящего ядра социальных движений, направленных на осуществление классовой революции. Правореформистские идеологи в Японии, по существу, вообще отрицают закономерность возникновения в капиталистических странах классовой борьбы, направленной на революционное переустройство капиталистического строя, либо сводят ее к обычному гражданскому движению за достижение повседневных экономических требований, не затрагивающих самих основ капиталистического общества.

Отрицая марксистское понимание исторического значения классовой борьбы, японские буржуазные и ревизионистские теоретики вкладывают в это понятие такое содержание, которое лишает его революционизирующего значения, и используют его для обоснования идеи вечности капиталистических производственных отношений. Сторонники социальной психологии пытаются отрицать наличие классовой борьбы в Японии и толкуют ее как «некий образ мышления», как «специфическую систему ценностей» морально-этического плана. Одака Кунно, например, утверждает, что классовая борьба в Японии — это всего лишь выражение морально-этического конфликта между представителями отдельных объединений (например, профсоюза и компании). Сходную точку зрения высказывает Ясуда Сабуро, пытающийся доказать, будто японцы не склонны мыслить такими категориями, как «классы», «классовая борьба» и др., или делить общество на антагонистические группы⁸. Само собой разумеется, что национальная психология вносит определенную специфику в классовые отношения и социальные движения, развивающиеся в Японии, но это не может послужить основанием для выводов, которые стараются отстоять социологи наподобие Одака.

С Одака солидаризируется Накамура Кикио, пытающийся провести мысль о том, что социальные конфликты в Японии вызваны не реально существующими производственными отношениями, а особыми чертами национальной психологии японцев, отличающихся особой эмоциональностью и сентиментальностью. Накамура — сторонник теории «массового общества». Рассматривая японское общество как «массовое», в жизни которого преобладают так называемые «группы интереса», он утверждает, будто люди вступают в эти группы не в соответствии с показаниями своего разума, а под воздействием «эмоциональных лозунгов», выдвигаемых руководителями этих групп, которые используют черты психологии японцев в своих интересах. Под влиянием «эмоциональных лозунгов» в Японии будто бы и развивается классовая борьба. Иными словами, социально-психологическая концепция Накамуры используется для обоснования тезиса о том, что марксистско-ленинское учение есть не научная теория, отражающая объективные законы общества и раскрывающая роль в нем рабочего класса, а всего лишь особое «психологическое состояние», навязываемое трудящимся под воздействием «эмоциональных лозунгов» и не имеющее корней в объективной реальности.

С правореформистской концепцией Накамуры об особой роли руководителей «групп интереса», увлекающих за собой безликую массу их членов путем «эмоциональных лозунгов», смыкается «лево»-ревизионистская трактовка сущности классовой борьбы, взаимоотношений руководителей и рядовых членов социальных движений. Отрицая основные положения марксистско-ленинской революционной теории, Ота Рю выделяет в социально-классовой структуре буржуазных государств слои, определяемые уровнем дохода. Все свои надежды он связывает со слоями, для которых характерен наиболее низкий жизненный уровень. Это так называемые окраинные районы, периферия, отличающиеся, по утверждению этого левацкого теоретика, «особой революционностью»⁹.

Исходя из антинаучного толкования сущности классов и классовой борьбы, Ота Рю, стоящий на позициях субъективной социологии, формулирует свою концепцию социальной революции. Игнорируя марксистско-ленинскую методологию социального анализа, Ота пытается доказать наличие «революционной ситуации во всем мире», необходимость немедленного вооруженного восстания с целью осуществления «мировой революции», которую он призывает распространить и на социалистические страны. Основным методом захвата власти «революционным авангардом» этот теоретик считает вооруженную партизанскую войну. Ота пытается механически перенести опыт партизанских действий, полученный в ходе национально-освободительных войн в развивающихся странах, на капиталистические государства. «Партизанская война — это не только общая форма классовой борьбы в колониях и полуколониях. Она становится главной формой классовой борьбы в развитых капиталистических странах», — утверждает он, требуя для ведения ее «организации авангарда»¹⁰. По мысли Ота, в

⁸ См. Ясуда Сабуро. Нихон-по кайкю психики (Классовое сознание в Японии). Токио, 1973.

⁹ Ота Рю. Хэйкэ сайсинбу ни мукатэ тайкяку сэй! (Отступим в глубины окраинных районов). Токио, 1973, с. 27.

¹⁰ Ота Рю. Нихон какумэй-но компон мондай (Основные проблемы революции в Японии). Нагоя, 1969, с. 38.

⁷ См. Накамура Кикио. Указ. соч., с. 105.

отличие от колониальных и полуколониальных стран в развитых капиталистических странах «базой партизанской войны должны стать города»¹¹.

Ошибочная исходная позиция Оты в вопросах методологии помешала ему правильно оценить характер японского рабочего и демократического движения на тех его этапах, к которым оказалось приковано наибольшее внимание этого теоретика, а тем более сформулировать цели этого движения в соответствии с задачами, поставленными перед ним японской действительностью. Те элементы объективной оценки положения дел в рабочем движении и классовой структуры японского общества в целом, которые встречаются в работах Оты, сводятся на нет его волюнтаристскими выводами и положениями, призванными подменить подлинно научный анализ действительности произвольно сконструированной схемой расстановки общественных сил и тенденций исторического развития.

На позиции, близкой к позиции Оты, стоит Фудзимото Синдзи, автор ряда книг по вопросам социальных движений. Так же как и Ота, он пытается ревизовать марксистско-ленинскую трактовку сущности классов, понятия «пролетариат», вопроса об отношении партии к рабочему классу и другим отрядам трудящихся. В частности, Фудзимото отстаивает левацкую концепцию участия масс в революции, проповедует стихийность, хвостизм, стараясь обосновать свою точку зрения ссылками на «спонтанность» революционных действий, которую якобы должны поддерживать подлинные «революционеры». Разглагольствуя о «приоритете масс», о «непосредственных действиях пролетариата»¹², этот теоретик выступает против организованного рабочего движения, пытается лишить его партийного руководства.

Итак, вместо акцентирования ведущей роли рабочего класса — выделение не связанных с общественным производством слоев и курс на возвышение до основной революционной силы современности люмпен-пролетариев, различных промежуточных групп населения, существующих на нижней границе рабочего класса; вместо признания неизбежности классовой борьбы и ее материальной основы, кроющейся в производительных силах и производственных отношениях, — попытка толковать ее как особое «психологическое состояние», как неосознанный стихийный протест, дающий выход индивидуалистическому умонастроению; вместо целенаправленной, осуществляемой под руководством партии работы по подготовке масс к революционному перевороту в соответствии с развитием революционной ситуации — призыв к отказу от партийного руководства и отстаивание линии на стихийное выступление, лишенное четкой политической направленности. Таковы некоторые черты «лево»-ревизионистской концепции классов и классовой борьбы, распространяемой в Японии левацкими функционерами.

На первый взгляд может показаться, что эта концепция, обильно сдобренная ультрареволюционной демагогией и бравирующая своей «радикальностью», не имеет ничего общего с правореизионистскими социальными теориями, проповедующими классовый мир и гармонию. Но это только на первый взгляд. Ибо исходные идейно-теоретические установки тех и других, не говоря об их объективном социально-классовом содержании, очень близки, а в методологическом отношении почти едины. Об этом сходстве свидетельствует совпадение социально-психологических концепций классов и классовой борьбы, проповедуемой многими социал-реформистскими теоретиками, с субъективной социологией левацких идеологов.

¹¹ Там же, с. 34.

¹² См. Фудзимото Синдзи. Какумэй тосо-но ронри (Логика революционной борьбы). Токио, 1969, с. 69.

Марксистское учение о диктатуре пролетариата и взгляды некоторых японских обществоведов

Специального рассмотрения заслуживают взгляды некоторых японских университетских ученых по вопросу о диктатуре пролетариата, в установлении которой основоположники марксизма-ленинизма видели основную цель освободительной борьбы рабочего класса. Марксистско-ленинская теория диктатуры пролетариата родилась в результате всестороннего анализа развития производительных сил и производственных отношений. Она формулирует историческую роль рабочего класса как класса, связанного с наиболее передовой формой производства, ее ключевые положения выражают объективную закономерность общественного развития.

Между тем некоторые японские обществоведы и историки пытаются дать иную трактовку сущности марксистско-ленинского учения о диктатуре пролетариата. Некоторые из них стараются лишить это учение того значения, которое оно имело и имеет как руководящая теория революционного движения, ищут различные пути, чтобы принизить его всемирно-историческую роль в развитии науки об обществе. Для этого ими предпринимаются такие исследования истории становления и развития марксистской теории диктатуры пролетариата, которые призваны провести мысль о локальном либо исторически ограниченном значении этой теории или нацелены на доказательство того, что она родилась и развивалась как некая логическая система доказательств в полемическом споре с идейно-теоретическими противниками Маркса.

История становления марксистского учения и тех политических процессов, в условиях которых вызревали взгляды Маркса, стала за последнее время темой исследования ряда японских историков¹³. Так, некоторые японские авторы ставят вопрос об истоках марксистского учения о диктатуре пролетариата в связи с политической борьбой во Франции в середине XIX в., и прежде всего в связи с проблемой бонапартизма.

В этом отношении характерны рассуждения профессора Кётоского университета Кавано Кэндзи¹⁴. Окончательное оформление идеи диктатуры пролетариата у Маркса Кавано связывает с политической борьбой, развернувшейся во Франции в конце 1840-х — начале 1850-х годов, закончившейся установлением в стране бонапартистской диктатуры после подавления Февральской революции 1848 г. Период политических бурь, резкого обострения классовой борьбы, в ходе которой французский пролетариат впервые в мировой истории выступил как самостоятельная политическая сила, дал Марксу обширный фактический материал для научного подтверждения вывода о неизбежности и необходимости установления власти рабочего класса. Но специфика трактовки проблемы у Кавано заключается в том, что он рассматривает понятие «диктатура пролетариата» в полном отрыве от всего учения Маркса о социалистической революции. Кавано утверждает, будто Маркс в работах «Классовая борьба во Франции» и «Восемнадцатое брюмера Луи Бонапарта» стремился доказать не столько неизбеж-

¹³ См., напр., Фудзиро Ватару. Марукусу ни окэру симинсякай-но гайнэн (Понятие гражданского общества у Маркса). — «Сисо», 1976, № 4; Кога Хидэо. Чатэйсто, то Марукусу — Энгерусу (Чартизм и Маркс — Энгельс). — «Сисо», 1976, № 2; Еситомо Цutomу. 1848 нэн ни тоттэ прорэтариата-то ва нани ка (Что такое пролетариат в 1848 году). — «Сисо», 1978, № 3; Такигава. Прудонизму то синдикаризм-зуму (Прудонизм и синдикализм). — «Сисо», 1978, № 5.

¹⁴ См. Кавано Кэндзи. Докусай гайнэн-но какутоку (Освоение понятия «диктатура пролетариата»). — «Сисо», 1976, № 9.

ность диктатуры пролетариата, сколько неизбежность бонапартизма как формы буржуазной диктатуры. Идея диктатуры пролетариата у Маркса, согласно точке зрения японского историка, возникла как реакция на появление бонапартистской диктатуры.

Ясно, насколько узко японский теоретик понимает содержание диктатуры пролетариата, насколько ограничено его историческое видение, сводящее исторический процесс к внешнему его проявлению в виде политической борьбы партий, групп и организаций. Кавано рассматривает понятие «диктатура» всего лишь как особый метод осуществления власти, как набор приемов политической борьбы. Между тем понятие «диктатура пролетариата», как известно, включает в себя целый комплекс вопросов, связанных с руководством революционным движением и имеющих всемирно-историческое значение. В частности, это понятие означает, что «только определенный класс, именно городские и вообще фабрично-заводские, промышленные рабочие»¹⁵, в состоянии осуществлять руководящую роль в борьбе всех трудящихся за свержение ига капитала, что пролетариат использует свое политическое господство для того, чтобы сосредоточить в руках своего классового государства средства производства и «возможно более быстро увеличить сумму производительных сил»¹⁶. Это понятие раскрывает сущность и пути осуществления классового союза рабочего класса с другими слоями населения, определяет характер организации государственной власти, способы создания системы этой власти, обеспечения руководящей роли коммунистической партии, всю совокупность явлений и процессов в самых различных сферах общественной жизни, и толкование его лишь как совокупности методов осуществления власти, как это делает Кавано, глубоко ошибочно.

Другой особенностью трактовки японским обществоведом марксистского учения о диктатуре пролетариата является то, что он пытается отрицать его универсальный характер, ограничивает его применимость узкими, национальными рамками Франции, определенным историческим этапом общественного развития этой страны. В толковании японского профессора сформулированное Марксом положение о неизбежности диктатуры пролетариата являлось всего лишь одним из выражений общей тенденции борющихся тогда на французской политической арене политических групп к установлению своей диктатуры. Иными словами, Кавано пытается провести мысль о том, что Маркс, выдвигая идею диктатуры пролетариата, лишь плыл по волнам политической борьбы и не имел какой-либо научно обоснованной концепции, подтверждающей историческую закономерность прихода к власти пролетариата. «Можно утверждать, что понятие «диктатура пролетариата» выражало саму логику обстановки, сложившейся в то романтическое смутное время», — пишет Кавано¹⁷.

Касаясь исторических судеб учения Маркса о диктатуре пролетариата, японский профессор извращает роль, которую сыграли Ф. Энгельс и В. И. Ленин в развитии этого учения, не понимает движения марксистской теоретической мысли, обогатившей его новыми выводами и положениями в соответствии с изменившейся исторической обстановкой. Идеино-политический смысл экскурса японского профессора в историю учения о диктатуре пролетариата особенно явно проявляется в тех положениях его концепции, где он касается вопроса о современном этапе революционного движения. Кавано не останавливается перед утверждением о том, что идея диктатуры пролетариата осуществима лишь в «таких отсталых странах, как Россия и Китай», закрывая

¹⁵ См. В. И. Ленин. Поли. собр. соч., т. 39, с. 14.

¹⁶ См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 4, с. 446.

¹⁷ Кавано Кэндзи. Указ. соч. — «Сисо», 1976, № 4, с. 36.

глаза на то, что власть рабочего класса в ее различных формах была установлена в ряде стран, совершивших народно-демократические революции. В рассуждениях Кавано мы имеем дело с попыткой вместе с термином «диктатура пролетариата» пересмотреть идею необходимости завоевания власти рабочим классом вообще.

Подобно Кавано, в связи с проблемой бонапартизма полемизирует с Марксом Нисикава Нагао, профессор университета Рицумэйкан. Отстаивая сходную точку зрения, Нисикава рассматривает бонапартизм как «специфически французское явление»¹⁸. Цель такого подхода к изучению бонапартизма ясна — этот теоретик старается умалить идейно-теоретическое значение предпринятого Марксом анализа развития французской революции и вытекающих из этого анализа выводов, которые содержатся в работе «Восемнадцатое брюмера Луи Бонапарта». Больше того, Нисикава пытается опровергнуть многие оценки, данные Марксом, старается доказать «ошибочность» его точки зрения на сущность бонапартизма. Этот теоретик утверждает, будто бонапартизм представляет собой одну из форм демократии, ибо, по его мнению, он «опирается на систему народного голосования и систему народных выборов»¹⁹.

Нисикава оказался не в состоянии раскрыть диктаторский характер бонапартизма, его связь с крупной буржуазией. Выводы и положения, которые он излагает, пытаясь опровергнуть Маркса, свидетельствуют о том, что этот историк за фасадом тех массовых мероприятий, которые проводили сторонники бонапартизма, вербуя себе последователей, не увидел подлинного содержания бонапартистского режима; за итогами выборов, после которых Бонапарт пришел к власти, не смог обнаружить конечных результатов введения «системы народного голосования и системы народных выборов», позволивших крупной буржуазии использовать в своих интересах голоса отсталого патриархального крестьянства.

Говоря о своеобразной моде среди японских университетских ученых обращаться к истокам марксистской теории о диктатуре пролетариата с целью принизить ее значение, нельзя не обратиться также к работе Мотидзуки Сэйдзи, ассистент-профессора университета Сэнсю. В качестве объекта исследования Мотидзуки избрал работу Маркса «Критика Готской программы», 100-летие со дня написания которой в 1975 г. отмечала научная общественность многих стран мира²⁰.

Однако подход к работе Маркса у Мотидзуки Сэйдзи не способствует полному выявлению ее всемирно-исторического значения и, по существу, привел японского исследователя к выводам, созвучным тем, которые были выдвинуты на первый план в исследованиях некоторых других ученых в Японии.

Мотидзуки рассматривает «Критику Готской программы» сквозь призму взглядов Маркса, Лассалья, Бакунина и Прудона. Он пытается установить связь между выступлениями Бакунина и других анархистов против Маркса и положениями, сформулированными в этом произведении, дает сравнительную характеристику взглядов Маркса и Лассалья. Автор в основном отвергает анархизм Бакунина, отмечая, что, хотя Бакунин постоянно призывал к народному восстанию, однако конкретных путей осуществления революционной тактики не указывал и что его «революционной» теории был «вынесен приговор самой историей»²¹.

¹⁸ См. Нисикава Нагао. Напорзон то демокраси. Дай ни тайсэй кэнкю-но сихен (Наполеон и демократия. Пересмотр истории Второй империи). — «Сисо», 1975, № 11.

¹⁹ Там же, с. 2.

²⁰ Мотидзуки Сэйдзи. «Гота корё хихан»-но сисотэки дзэхё (Идеологические аспекты «Критики Готской программы»). — «Сисо», 1976, № 3.

²¹ См. Мотидзуки Сэйдзи. Указ. соч., с. 10.

Взгляды Лассалья на роль немецкого буржуазного государства в проведением социальной политики в интересах рабочего класса японский историк характеризует как утопию, акцентируя внимание на том, что вся теория Лассалья «преследовала цель осуществления экономической революции существующей системы либо структурных реформ парламентского типа»²². Но эти внешне объективные оценки воззрений двух мелкобуржуазных идеологов при анализе теоретических положений Маркса и его отношения к мелкобуржуазным течениям оборачиваются объективизмом, переходящим в ошибочное толкование взглядов основоположника научного коммунизма, попытками либо обнаружить в его учении «присутствующие в скрытой форме» черты сходства с лассальянством, либо признать «обоснованными» выпады Бакунина против Маркса по ряду проблем теории государства и диктатуры пролетариата.

В. И. Ленин писал: «Вся теория Маркса есть применение теории развития — в ее наиболее последовательной, полной, продуманной и богатой содержанием форме — к современному капитализму. Естественно, что для Маркса встал вопрос о применении этой теории и к *предстоящему* краху капитализма и к *будущему* развитию *будущего* коммунизма»²³. Такое понимание всемирно-исторического значения работы Маркса не нашло отражения в исследовании Мотидзуки. Подобно Кавано, он пытается оценить ее с точки зрения конкретных условий Германии 1870-х годов и впадает в ту же ошибку, что и исследователь периода бонапартистской диктатуры во Франции²⁴.

В свете вышесказанного становится ясной неприемлемость точки зрения Мотидзуки на значение работы Маркса «Критика Готской программы».

Марксистское учение обогащается на основе анализа конкретной действительности и основных тенденций ее развития. Конгломерат взглядов Маркса и Бакунина, на котором настаивает японский социолог, призывающий марксизм «учиться» у теоретика анархизма, может означать не что иное, как отступление от марксизма.

Так дезавуируется подлинное значение учения Маркса о диктатуре пролетариата, принижается роль работы «Критика Готской программы» в обосновании марксистской теории классовой борьбы.

Научный анализ социально-классовой структуры буржуазного общества, количественная и качественная характеристики его классов и социальных групп имеют первостепенное значение для выявления основных тенденций в развитии общественно-политической ситуации и классовых движений в капиталистических странах. Этот анализ необходим для оценки перспектив революционной борьбы и определения тактической линии авангардной партии рабочего класса в руководстве революционным движением. Рассмотрение выступлений некоторых японских социологов по проблемам классов, классовой структуры и классовой борьбы в буржуазном обществе, направленных на пересмотр либо «опровержение» марксистско-ленинского учения, еще и еще раз свидетельствует об актуальности теоретической полемики с различными немарксистскими социально-политическими концепциями. В этом — залог успешного изучения сложных социально-политических процессов, протекающих в странах капитала, условие дальнейшего развития марксистского социологического учения.

²² См. там же, с. 9.

²³ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 33, с. 84.

²⁴ См. Мотидзуки Сэйдзи. Указ. соч., с. 11.

Страницы пролетарской солидарности

(К 55-ЛЕТИЮ НАЧАЛА КИТАЙСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ 1925—1927 гг.)

*Р. А. Мировицкая,
кандидат исторических наук*

История пролетарской солидарности Советского Союза с китайской революцией на всех этапах ее развития, роль СССР в судьбах революции в Китае представляют значительный политический и научный интерес.

При всем своеобразии революций 70—80-х годов, при всей несхожести общей международной ситуации внутренняя контрреволюция в ранее зависимых странах и сегодня неизменно полностью поддерживается и вдохновляется наиболее реакционными силами империализма и его пособниками, среди которых сейчас находится и руководство КНР. С другой стороны, как и полвека назад, революции в странах Азии, Африки и Латинской Америки встречали и встречают полную и всестороннюю поддержку со стороны СССР, братских стран социализма, последовательно выполняющих свой интернациональный долг.

Китайская национально-демократическая революция 1925—1927 гг. явилась одним из ярких событий в послеоктябрьской истории мирового революционного движения. Миллионы людей, сплоченных программой единого антиимпериалистического национально-демократического фронта, приняли в ней активное участие. Революция характеризовалась сложным переплетением антиимпериалистической борьбы за независимость, в которой участвовали широкие слои трудящихся масс, а также национальная буржуазия и даже часть помещиков, с классовыми выступлениями пролетариата, движением городских низов, антифеодальными выступлениями крестьян¹.

Начало революции положили массовые антиимпериалистические выступления китайского народа летом 1925 г., известные под названием «движение 30 мая». Самыми крупными событиями были антиимпериалистическая стачка в Шанхае и 16-месячная гонконг-кантонская забастовка. Поводом выступлений в Шанхае послужило убийство 15 мая 1925 г. молодого рабочего-коммуниста Гу Чжэнхуна.

Империалистические державы ответили на справедливый гнев китайского народа жестокими репрессиями — расстрелом демонстраций, арестом руководителей забастовок, концентрацией интервенционистских сил в портах Китая, прежде всего в Шанхае. Но репрессии только усиливали возмущение масс. Западные державы, напуганные размахом выступлений и возможностью утраты своих позиций в Китае, не отказываясь от методов «устрашения», прибегли к тактике, рассчитанной на то, чтобы оторвать от единого фронта национальную буржуазию, националистические слои интеллигенции и др. Была даже создана комиссия для расследования обстоятельств шанхайских расстрелов (из представителей шести заинтересованных держав, включая Китай). В западных странах и органах массовой информации Китая, контролировавшихся империа-

¹ См. Новейшая история Китая. М., 1972, с. 78—87.

листоческими державами, была организована шумная антисоветская кампания с целью запугать общественность «интригами» Москвы, будто бы инспирировавшей «беспорядки» в Китае. В июне 1925 г. английская газета «Норс Чайна дейли ньюс» распространила версию о том, что виновниками кровопролитий в Шанхае будто бы являются русские агенты².

Против подобного рода фальшивок выступали не только руководящие деятели КПК, но и профессорско-преподавательский состав Национального университета, делегация которого посетила 9 июня временного президента Китая Дуань Цижуя и заявила протест против обвинения большевиков в подстрекательстве английской и японской пропагандой³.

Полпред СССР в Китае Л. М. Карахан в своих многочисленных публичных выступлениях в Пекине со всей ответственностью заявлял, что «политика Советского правительства является и будет являться немаловажным фактором в истории Китая», но, подчеркивал он, «наше влияние не в той пропаганде, о которой часто и неосновательно говорят, но в простом, хотя и более сильнодействующем факте... в нашей политике равенства и справедливости в отношении Китая как на словах, так и на деле...»⁴.

Лидеры империалистических держав призывали к организации крестового похода против Страны Советов, грозили СССР разрывом дипломатических отношений и экономических связей. Советский Союз не дал себя запугать. Он был верен своему интернациональному долгу и оказывал китайскому народу необходимую поддержку. Поддержка китайской революции стала одним из важнейших элементов советской дальневосточной политики.

Революционные события в Китае заняли важное место в политической жизни Советской страны. Много внимания этим событиям уделяли деятели науки, искусства, литературы. В советской прессе 1925 г. на первых страницах систематически публиковались материалы о китайской революции. 10 и 12 июня в Москве состоялись демонстрации советских трудящихся против расстрелов в Шанхае; на заводах, фабриках, в учреждениях, воинских подразделениях, институтах и университетах прошли митинги солидарности с китайской революцией. Митинги и демонстрации проходили и в других городах Советской страны.

6 июня «Правда» опубликовала обращение ВЦСПС к китайским рабочим, в котором подчеркивалось: «Рабочие Советского Союза с напряженным вниманием следят за развитием вашей героической освободительной борьбы, страдая вместе с вами при неудачах и радуясь вашим успехам»⁵. Телеграф непрерывно передавал в Китай резолюции митингов и собраний. Дальневосточное бюро ВЦСПС, например, сообщало: «Пролетариат Советского Дальнего Востока с величайшим вниманием следит за героической борьбой шанхайского пролетариата, восхищается его классовой солидарностью. Одновременно выражает чувство глубокой печали о потерях, которые понес шанхайский пролетариат от рук палачей англо-американского империализма»⁶. 30 июня в помещении Государственного экспериментального театра состоялся митинг московского общества «Руки прочь от Китая». Секцию научных работников представлял известный советский китаевед В. С. Колоколов. Обращаясь к китайской интеллигенции, он призвал ее «силой своей энергии сплотиться... в целях освобождения своей Родины»⁷. В газетах публиковались стихи о Китае В. Маяковского, Демьяна Бедного, А. Жарова, Н. Асее-

² См. АВП СССР, ф. 100 а/с, оп. 9, д. 13, п. 116, л. 97.

³ См. АВП СССР, ф. 41, с. д. 51498, п. 157, л. 72.

⁴ Советско-китайские отношения. 1917—1957 (Сб. документов). М., 1959, с. 108.

⁵ «Правда», 6.VI.1925.

⁶ ЦГА РСФСР ДВ, ф. р. — 4455, оп. 1, д. 294, л. 177.

⁷ «Известия», 12.VI.1925.

ва, С. Третьякова, О. Эрдберта, Н. Костарева. Был поставлен первый советский балет на китайскую тему «Красный цветок» (Р. Глиэра), создана одна из первых советских мультипликаций «Китай в огне».

Но советский народ не ограничивался выражением симпатий и сочувствия. В СССР был организован сбор средств в помощь рабочим, семьям убитых и раненых в Шанхае и Циндао. В Москве, Киеве, Владивостоке и других городах рабочие и служащие отчисляли свой однодневный заработок в пользу китайского пролетариата, удлиняли рабочий день и полученные таким образом средства также отдавали в фонд помощи Китаю.

Серьезную поддержку китайским рабочим оказывали советские профсоюзы. 11 июня было принято решение ВЦСПС направить в Китай 50 тыс. рублей. Президиум ВЦСПС призвал все центральные комитеты отраслевых профсоюзов сделать все возможное для оказания поддержки китайской революции.

12 июня Совет профсоюзов Шанхая обратился через Профинтерн и Амстердамский Интернационал к международному пролетариату с воззванием. «Китайский народ, — подчеркивалось в нем, — восстал против небольшой кучки иностранных эксплуататоров, практикующих в Китае политику экономического порабощения и кровопролития. Мы уверены, что международный пролетариат поддержит китайский народ»⁸. В ответе Исполкома Профинтерна сообщалось, что «призыв Красного Интернационала о помощи китайскому пролетариату встречает сочувствие рабочих всего мира»⁹. 12 июня ВЦСПС дополнительно направил в Китай 50 тыс. рублей. К 27 июля только профсоюзные организации СССР направили китайским рабочим более 800 тыс. золотых марок.

Сообщения о митингах и собраниях, проходивших в Советском Союзе, о сборе средств в помощь шанхайскому пролетариату перепечатывались некоторыми китайскими газетами, прежде всего пекинской «Чэньбао». 28 июня, например, «Чэньбао» сообщала, что 3 тыс. рабочих одного советского завода удлиннили свой рабочий день в субботу и все полученные деньги отдали в китайский фонд. 24 июля «Чэньбао» опубликовала телеграмму Исполкома Всекитайской федерации профсоюзов, направленную 20 июля в ВЦСПС. «Приносим горячую благодарность за моральную и материальную помощь в нашей трудной борьбе с жестоким и сильным врагом, — говорилось в телеграмме, — от имени организованных китайских рабочих просим прислать делегацию русских профсоюзов в Китай. Это еще более укрепит братскую связь между русскими и китайскими рабочими». 21 и 28 июня, 10 июля «Чэньбао» сообщала, что движение солидарности советских рабочих с Китаем охватило все слои населения.

По примеру СССР трудящиеся многих крупных стран мира также развернули движение солидарности с китайской революцией, кампанию за сбор средств в фонд помощи Китаю, против политического курса своих правительств в Китае¹⁰. 7 июля Рабочая партия США призвала трудящихся Америки к борьбе за прекращение интервенции в Китае. В обращении, подписанном У. Фостером, американских рабочих призывали к объединению с «рабочими Советской России и всех стран мира для борьбы с империализмом». На митинге, состоявшемся в предместье Лондона (20 июля), выступил Гарри Поллит. 13 июля прошла демонстрация солидарности с бастовавшими рабочими Китая в Саксонии. 31 июля в Праге был организован митинг против притязаний империа-

⁸ Там же, 13.VI.1925.

⁹ Там же.

¹⁰ После того как движение солидарности с борющимся Китаем достигло широкого развития, Межрабком стал центром оказания материальной помощи китайскому народу. При ВЦСПС во второй половине июня была создана Комиссия Межрабкома. (См. «Народы Азии и Африки», 1969, № 5, с. 148—155.)

листоческих держав. В резолюции пражских рабочих подчеркивалось: «Все участники обещают поддерживать освободительную борьбу китайского пролетариата всеми имеющимися в их распоряжении средствами и обращаются с призывом ко всем рабочим без различия политических убеждений, чтобы они поддерживали борьбу своих китайских братьев и сестер». К 27 июля 1925 г. фонд помощи китайским рабочим превысил 1 млн. золотых марок¹¹. По данным ЦК Межрабкома, 80 % этой суммы предоставил Советский Союз.

В литературе обычно приводятся сведения о помощи СССР пролетариату Шанхая. В кантонской газете «Гунжэнь чжилу» приводятся данные о помощи СССР гонконг-кантонской забастовке. Только в июне 1925 г. стачечники получили из СССР 47 тыс. рублей¹².

Как видим, в Китай были направлены немалые суммы, если учесть, что то было трудное для СССР время. Находясь в кольце враждебных государств, Советская страна сама остро нуждалась в средствах для развития народного хозяйства, строительства социалистической экономики, тем не менее она стремилась оказать поддержку китайскому народу, борющемуся против засилья империалистов.

Китайские профсоюзы, другие общественные организации Китая в своих телеграммах в Москву выражали искреннюю признательность за помощь и поддержку.

В ходе революции между советскими и китайскими профсоюзами был установлен непосредственный контакт. 8 июля по просьбе Всекитайской федерации профсоюзов Президиум ВЦСПС принял решение направить в Китай делегацию, чтобы она выразила китайским рабочим чувства солидарности трудящихся СССР, а также изучила положение рабочего класса, особенности его революционной борьбы. По специальному решению Исполнительного бюро Профинтерна делегация ВЦСПС являлась и делегацией Профинтерна. Она прибыла в Пекин 26 июля и уехала из Кантона 17 сентября, то есть провела в Китае почти два месяца. Это была первая советская рабочая делегация, установившая связь международного рабочего движения с китайскими профсоюзными организациями.

Делегация посетила Пекин, Шанхай, Кантон. В Пекине посланцам Москвы удалось встретиться лишь с отдельными представителями профсоюзов, работавшими в очень сложных условиях.

В Шанхае делегация ознакомилась с работой ряда профсоюзов и присутствовала на заседании бюро по выдаче стачечных пособий. Ко времени приезда делегации в Шанхай начался спад всеобщей забастовки. Над рабочим классом Шанхая нависла угроза изоляции. Шанхайский Совет профсоюзов 10 августа на специальном заседании профсоюзов выработал условия возвращения рабочих на фабрики. По данным советских историков, на выработку решений повлияла и рекомендация делегации, считавшей, что главное в создавшейся ситуации состояло в сохранении сил для грядущих боев.

В Шанхае, как и в Пекине, милитаристские власти создавали трудности для контактов советской делегации с китайскими рабочими и профсоюзными активистами. После посещения шанхайского Совета профсоюзов, например, руководителям последнего было заявлено, что в случае повторных встреч Совет профсоюзов будет закрыт, а его руководители арестованы. Советской делегации пришлось отказаться от участия в массовых собраниях и от выступлений перед китайскими рабочими, тем не менее о приезде советской и профинтерновской делегации стало широко известно в рабочем Шанхае, и он был истолкован как па-

¹¹ См. Международная солидарность трудящихся в борьбе с наступлением реакции и военной опасностью (1925—1927). М., 1959, с. 108.

¹² «Гунжэнь чжилу», 1925, № 312.

глядное проявление классовой солидарности. Заведующий общим отделом шанхайского Совета профсоюзов Лю Шаоци, выражая настроения масс трудящихся, отметил: «Поддержка, оказываемая нам рабочим движением Советской страны, вливает в нас новые силы и придает нам стойкость в тяжелой борьбе»¹³.

В Кантоне делегация посетила более 40 крупных собраний и конференций, общежития и столовые стачечников, строительство дороги из Кантона в проектируемый порт Вампу. Особый интерес делегация проявила к знакомству с работой стачечного комитета. Приезд делегации в разгар антиимпериалистической борьбы был справедливо воспринят как свидетельство подлинной международной солидарности.

За день до приезда делегации был предательски убит один из руководителей Национального правительства, соратник Сунь Ятсена Ляо Чжункай — последовательный сторонник единого антиимпериалистического фронта в Китае и дружки с СССР, но это не напугало широкие слои трудящихся Кантона, и они тепло встретили советскую делегацию.

По возвращении на родину делегация изложила свои впечатления от поездки в Китай в отчете «Рабочий класс Китая в борьбе против империализма», который был одобрен Исполкомом Профинтерна и ВЦСПС¹⁴. Ознакомление делегации с состоянием рабочего движения в крупнейших центрах страны, обсуждение конкретных проблем китайской революции с видными работниками КПК и ВФП в Китае оказались полезными для уточнения тактических вопросов борьбы китайского пролетариата. Всекитайская делегация профсоюзов выразила признательность за помощь и поддержку в борьбе¹⁵.

Китайская революция нуждалась в революционных кадрах, и СССР принял решение создать специальное высшее учебное заведение для трудящихся Китая. На базе КУТВ (Коммунистического университета трудящихся Востока), в котором обучалась сравнительно небольшая группа молодых китайских революционеров и политэмигрантов, во второй половине 1925 г. был создан Университет трудящихся Китая им. Сунь Ятсена (официальное открытие его состоялось в ноябре 1925 г.). Слушатели комплектовались ЦИК гоминьдана и ЦК КПК. Университет призван был дать социально-политическое образование общественным работникам Китая¹⁶.

Международную реакцию крайне беспокоило развитие китайской революции и помощи Советского Союза. Если в мае — июне события в Китае рассматривались как эпизод, поддающийся «регулированию», то уже после начала забастовки в Гонконге державы Запада поняли, что под удар поставлена вся система империалистических привилегий в Китае. Усилилась борьба империалистических держав против Советского Союза. Пытаясь принизить значение советской помощи революционным силам Китая, империалисты распространяли слухи о «коммунистическом заговоре» Москвы в Китае, задерживали советские суда в китайских портах и т. д.

2 июля 1925 г. Г. В. Чичерин сделал заявление представителям печати, в котором подчеркнул: «Наше правительство и наша общественность сочувствуют созданию в Китае демократического строя, который обеспечит китайскому народу возможность мирного развития, ничем не нарушаемого извне», считают «торжество китайской демократии... наиболее полезным и целесообразным... и с точки зрения отношения Китая к

¹³ Рабочий Китай в борьбе против империализма. Отчет первой профсоюзной делегации СССР в Китае. М., 1927, с. 30.

¹⁴ См. «Международное рабочее движение», 5.XI.1925, № 33; 12.XI.1925, № 34.

¹⁵ См. Международная солидарность трудящихся в борьбе с наступлением реакции и военной опасностью (1925—1927), с. 125—127.

¹⁶ См. Г. В. Ефимов. Из истории Коммунистического университета трудящихся Китая. — «Проблемы Дальнего Востока», 1977, № 2, с. 169—175.

другим государствам»¹⁷. Советский полпред в Пекине Л. М. Карахан, как дуайен дипломатического корпуса в Пекине, направлял представителей держав, аккредитованным в Пекине, протесты китайских общественных организаций против бесчинств международной полиции в Китае¹⁸. Невзирая на открытую враждебную кампанию против него, возглавленную посланником Великобритании Маклеем, он не переставал подчеркивать, что «шанхайские события лишней раз доказывают, насколько назрела необходимость изменения политики держав в отношении Китая»¹⁹.

Советский Союз боролся против попыток империалистов создать единый антикитайский империалистический фронт²⁰.

Одним из важнейших центров национально-освободительного движения в Китае на протяжении всей революции была гуандунская революционная база. Создание и укрепление этой базы в Южном Китае было связано с именем великого китайского патриота Сунь Ятсена. Именно по просьбе последнего Советское правительство стало в широких масштабах оказывать военно-техническую поддержку освободительному движению китайского народа. С помощью советских специалистов была создана школа офицерских кадров и сформированы первые дивизии Народно-революционной армии.

По просьбе китайской стороны Советский Союз безвозмездно оказывал Китаю значительную военно-техническую помощь, продолжал посылать в качестве советников военных специалистов.

К лету 1925 г. относится очередная попытка империалистических держав покончить с базой национально-освободительного движения в Южном Китае, на этот раз при помощи экономической блокады. Воспользовавшись введением в Гуандуне военного налога на керосин, поставившие в Кантон керосин и нефтепродукты компании «Стандарт ойл» и «Азиатик петролеум» отказали Гуандуну в нефтепродуктах.

Правительство Кантона обратилось к Советскому Союзу с просьбой начать торговлю нефтью, бензином, керосином. Несмотря на определенные объективные трудности, мешавшие развитию торговли с Южным Китаем, в частности на нехватку грузового транспорта на Дальнем Востоке, в Москве было принято решение немедленно организовать поставку керосина и нефтепродуктов в Кантон. С мая 1925 по март 1926 г. снабжение Кантона нефтепродуктами осуществлялось Советским Союзом. Благодаря появлению на рынке советских нефтепродуктов население получило керосин, были снижены существовавшие рыночные цены, подорвана спекуляция, что в конечном счете способствовало укреплению позиций правительства Сунь Ятсена в Гуандуне. По решению Советского правительства вся прибыль от торговли нефтепродуктами передавалась местному правительству. Деловые круги Южного Китая, несмотря на помехи правых гоминьдановцев, в том числе президента Центрального банка Сунь Цзывэня и др., возобновили переговоры о расширении статей советского экспорта в Кантон.

Следует отметить, что советская помощь национальному правительству осуществлялась в соответствии с международным правом, предусматривающим возможность признания «повстанцев воюющей страной, если им удалось захватить в свои руки часть страны, установить собственное правительство и если они ведут военные операции в соответствии с нормами права войны». Кантонское правительство, как известно, обладало властью на значительной части территории страны. Пекинское правительство и западные державы вынуждены были считаться с фак-

¹⁷ Документы внешней политики СССР, т. VIII. М., 1963, с. 403, 405.

¹⁸ См. там же, с. 356, 400.

¹⁹ Там же, с. 385, 386.

²⁰ См. История Коммунистической партии Советского Союза, т. 4, кн. 1. М., 1970, с. 436.

том его существования. Именно поэтому в конце 1924 г. Сунь Ятсен и был приглашен пекинским правительством в Пекин для переговоров о мирном объединении страны. Англия в феврале 1927 г. подписала с национальным правительством в Ухани соглашение о новом режиме на концессиях в Ханькоу и Цзюцзяне. В 1926 г. при уханьском правительстве было аккредитовано дипломатическое агентство СССР, дипломатическим агентом был назначен В. И. Соловьев. Пекинское правительство официального протеста в связи с этими действиями не заявляло.

В эти же годы Советский Союз по просьбе КПК начал оказывать военно-техническую помощь национальным армиям, созданным в Северном Китае в конце 1924 г. Создание своеобразного очага национального движения на Севере Китая отвлекало силы китайской и международной реакции от гуандунской базы революции и объективно оказывало помощь революционному движению китайского народа.

Советская помощь освободительной борьбе китайского народа оказывалась частично через территорию МНР. МНРП, правительство Народной Монголии немало сделали для своевременной доставки военных грузов через территорию Монголии, предоставляя транспорт, организуя места отдыха для сопровождавших грузы лиц и т. д.

Присутствие советских советников в Южном Китае и ориентация национального правительства на союз и дружбу с СССР привели к тому, что впервые в истории рабочего движения в Китае правительство стало оказывать поддержку бастовавшим рабочим и их семьям — они были частично размещены в Кантоне и в его окрестностях, были начаты общественные работы, и таким образом оказались занятыми до 3 тыс. стачечников. Правительство выделило средства для общественных столовых и т. д.

В 20-е годы происходило заметное расширение культурных связей между Китаем и Советской страной. Объяснение огромного интереса к России, русской культуре в среде китайской общественности мы находим у Цюй Цюбо. Еще в 1920 г. он писал: «Главная причина заключается в том, что... революция в России... всколыхнула весь мир и оказала влияние на развитие идей во всех странах. Всем захотелось понять сущность этой революции, ближе познакомиться с культурой России — и вот внимание человечества оказалось прикованным к России и русской культуре... У нас все заинтересовались Россией, а русская литература стала ориентиром для китайских писателей».

В Китае происходит быстрая и радикальная смена ориентации, переоценка ценностей; творческая интеллигенция впервые соприкасается с идеями научного социализма, в Китае распространяется марксистская эстетическая мысль. Резко увеличивается число переводимых произведений русской классики — от Пушкина до Горького, а в конце 20-х годов и Маяковского, Серафимовича, Фадеева. Представители всех отраслей китайской науки испытали воздействие идей Октября и опыта советской научной мысли. Уже в середине 20-х годов вслед за Цюй Цюбо и его коллегами из газет «Чэньбао», «Шиши Синьбао» в Советскую Россию стали приезжать писатели, ученые, артисты.

Национальное правительство в Кантоне решило направить для учебы в СССР группу преподавателей и студентов, тогда же было создано Общество содействия Университету трудящихся Китая им. Сунь Ятсена. Еще раньше установились контакты между китайскими университетами и советским полпредством в Пекине.

СССР со своей стороны внес большой вклад в развитие контактов в области культуры. В Пекинском университете преподавали такие известные специалисты, как А. А. Ивин, С. М. Третьяков. В Китай была направлена группа творческих работников киноискусства во главе с С. Эйзенштейном, чтобы заснять документальный и художественный

фильмы о китайской революции. Большими тиражами издавались книги и брошюры о Китае и переводы с китайского языка. Велась подготовка к открытию в Москве и Ленинграде первой выставки произведений китайского искусства, разрабатывались планы обмена преподавателями и студентами. Стремительное развитие событий в Китае, однако, не позволило в полном объеме реализовать эти планы развития сотрудничества в области культуры между СССР и революционным Китаем.

Внутри единого фронта обострилась классовая борьба. Быстрыми темпами шел процесс активизации буржуазно-помещичьих сил внутри единого фронта. Буржуазия, напуганная размахом массового движения, ростом сил КПК (к 1 октября 1925 г. численность компартии возросла до 3800 человек, накануне революции она составляла 1400 человек), повела в гоминьдане и вне его широкую политическую и идеологическую кампанию против коммунистов под флагом борьбы с «красной опасностью». Крайне правое крыло гоминьдана пошло фактически на раскол партии. Импералистические державы усиливали вмешательство в китайские дела. Но революция продолжалась, и советская поддержка вдохновляла революционные силы на продолжение борьбы.

Следует отметить, что в ряде работ, опубликованных в КНР в конце 50-х годов, содержится верная оценка советской политики в Китае в 20-е годы. «Помощь, которую оказывал китайскому народу советский народ, — писал Пын Мин, завершая главу о первой китайской революции, — по-прежнему вдохновляла народ Китая на революционную борьбу; свет Октября продолжал указывать китайскому народу путь к победе»²¹.

²¹ Пын Мин. История китайско-советской дружбы. М., 1959, с. 163.

Правда о территориальном размежевании между Россией и Китаем

В. С. Яснев,
А. Г. Кручинин

Исторический процесс формирования нынешней советско-китайской границы происходил на протяжении почти трехсотлетнего периода взаимоотношений России сначала с собственно китайским государством, а затем с маньчжурской Дайцинской (Цинской) империей. Первые дипломатические связи между Россией и Китаем были установлены в самом начале XVII в., когда между ними пролегали обширные пространства многочисленных феодальных владений и земель, заселенных различными кочевыми и полукочевыми племенами. В это время русские начали активно осваивать Восточную Сибирь. Границы китайского государства, Минской империи (1368—1644), проходили на севере в основном по Великой китайской стене, проезд через которую, как свидетельствуют отчеты первых русских посольств в Китае, означал вступление в пределы Китая. Китайские чиновники объясняли, что стена является рубежом между китайским государством и «Мунгальской землей»¹.

Как известно, с 1618 по 1644 г. почти непрерывно шла война минского Китая с маньчжурами, обитавшими в южной части современного Северо-Восточного Китая. В 1644 г. в Пекине воцарилась маньчжурская династия Цин, китайский народ оказался под гнетом чужеземного ига, собственно китайское государство было уничтожено.

Цинская империя представляла собой военно-феодалную восточную деспотию, которая проводила в XVII—XIX вв. захватническую политику, направленную против Корей, русского Приамурья, Монголии, Джунгарии, Тибета, Кашгарии, Вьетнама, Бирмы². Правопреемниками именно этой деспотии и выступают современные китайские социалшовинисты. Для обоснования «прав» на территории сопредельных стран они ищут аргументацию и в более ранней истории Китая.

* * *

Нынешние пекинские правители утверждают, будто район Амура еще в минскую эпоху входил в состав Китая, а Уссури была «внутренней рекой» Китая. По этой версии освоение русскими землепроходцами Приамурья и Приморья трактуется как «вторжение на китайскую территорию»³.

Между тем еще в конце 50-х годов в Китае издавались исторические работы, в которых картина сближения территорий, подвластных

¹ Русско-китайские отношения в XVII в. Материалы и документы, т. 1. 1608—1683. М., 1969, с. 81, док. № 26.

² См. Маньчжурское владычество в Китае. М., 1966; Китай и соседи в древности и средневековье. М., 1970; Новая история Китая. М., 1972.

³ Юй Шэнъю и др. История агрессии царской России в Китае, т. 1 (на кит. яз.). Пекин, 1978.

России и Китаю на Дальнем Востоке, рисовалась иначе. Так, в книге Пын Мина «История китайско-советской дружбы» можно прочитать следующее: «К 80-м годам XVII в. Россия распространила свои владения до Сибири, а затем и до Амура. Китайский император цинской династии Канси также расширил свои владения вплоть до Амура»⁴. И хотя автор не совсем четко излагает ход сближения территорий двух империй, из контекста ясно, что Цинская империя лишь к 80-м годам вышла на берег Амура, где уже находились русские.

Действительно, в 40-х годах XVII в., когда маньчжурская империя вела захватнические войны против собственно китайского государства, русские землепроходцы и следовавшие за ними «пашенные» крестьяне стали появляться на берегах Амура. Вскоре возникли русские поселения и остроги (укрепленные пункты) в Приамурье и на побережье Тихого океана. Ряд крупных поселений был основан не только на левом, но и на правом берегу Амура: Албазинский острог в 1651 г., Кумарский (на правобережье Амура) — в 1654 г., Косогорский — в 1655 г. В 1648—1649 гг. были основаны город Охотск и Анадырский острог.

Вслед за стихийным крестьянским и казачьим освоением края началась правительственная колонизация его. Русское государство стало брать под свое покровительство местные племена, не имевшие государственной организации. К началу 80-х годов освоенные русскими территории Приамурья были включены в состав Русского государства в качестве Албазинского воеводства⁵.

Когда русские проникли в Приамурье, там проживали независимые племена дауров, дючеров, эвенков, нанайцев и нивхов, находившиеся на стадии разложения родового строя⁶. Общая их численность была невелика и в середине XVII в. составляла, по имеющимся подсчетам, всего 40,7 тыс. человек (в Приамурье 32,3 тыс., в Приморье 4 тыс. и на острове Сахалин 4,4 тыс. человек). Таким образом, к России отошли огромные почти не заселенные и не освоенные пространства. Местные племена до прихода русских не были подвластны ни Цинской империи, ни каким-либо другим государствам. В тех областях Приамурья и Приморья, куда пришли русские поселенцы и власти, не было маньчжурских или китайских властей, не было ни китайского, ни даже маньчжурского населения.

Для того чтобы затушевать бесспорные исторические факты, доказать, будто русские пришли на Амур, когда он уже давно был китайским, маоистская историография и иностранное ведомство КНР ведут отсчет «китайского присутствия» в Приамурье и Приморье с первого десятилетия XV в. «В начале XV в., — отмечается в Документе МИД КНР, — в обширных районах от реки Онон на западе до острова Куедао (Сахалин) на востоке и от реки Уда на севере до Японского моря на юге Китай при минской династии учредил сотни административных органов различных степеней — «дучжихуэйши-сы», «вэй», «со» и др. Известный Нурганьский «дучжихуэйши-сы» был учрежден в 1409 г. в местности Тыринь близ устья реки Хэйлуңцзян. Среди чиновников и офицеров этих административных органов были ханьцы, ньючжэни (то есть маньчжуры) и люди других национальностей Китая»⁷.

На деле минский Китай, граница которого в основном проходила по Великой стене, пытался взять под контроль наследие монгольской

⁴ Пын Мин. История китайско-советской дружбы. Пекин, 1957, с. 9.

⁵ Подробнее см. В. А. Александров. Россия на Дальневосточных рубежах (2-я половина XVII в.). М., 1969.

⁶ См. Б. О. Долгих. Родовой и племенной состав народов Сибири в XVII в. М., 1960.

⁷ Документ МИД КНР от 8.X.1969.

державы на северо-востоке скорее номинально, на бумаге, чем каких-либо истинно. Упоминанием реки Уда, например, в Пекине пытаются придать видимость «историчности границы», намеченной Нерчинским договором. В действительности же в этом районе, равно как в Забайкалье и на Салахине, никаких административных органов типа «сы», «вэй», «со» не существовало⁸. Намерение создать эти «вэй», «со» означало лишь попытку основать в Центральных районах Маньчжурии, населенных предками маньчжуров чжурчжэнями, зону «цзими» — территорию «сковывания сил» варварских племен для защиты границ минского Ляодуна от их набегов. Земли «цзими» не включались в состав империи⁹. И наконец, это была система мероприятий, ограниченных во времени. Чжурчжэни не только освободились от опеки минского Китая, но и, как известно, создали свое государство, подчинившее Китай.

Как свидетельствуют маньчжуро-китайские и русские исторические источники XVII в., граница маньчжурских владений проходила в этот период в центральных районах Маньчжурии по линии укреплений, носивших название «Ивовый палисад». Эта линия пролегла приблизительно в 600—800 км к югу от Амура и значительно западнее Уссури. Территория за пределами «Ивового палисада» не являлась государственной территорией маньчжуров¹⁰.

И совершенно ничего общего с действительностью не имеет утверждение МИД КНР о том, будто «с первой половины XVII в., когда маньчжуры стали правящей национальностью Китая, эти районы при цинской династии по-прежнему находились под юрисдикцией Китая, который назначал чиновников и офицеров для охраны этих районов, вербовал солдат и взимал налоги»¹¹.

По свидетельству китайских источников, даже регулярный торговый обмен с племенами Южного Приамурья маньчжуры начали лишь в 60-х годах XVII в. Согласно традиционным взглядам, эта торговля рассматривалась в Пекине как привоз «дани» представителями «варварских» племен, хотя, разумеется, на деле не была таковой¹². При этом маньчжурские власти не разрешали осуществлять торговые операции с «варварами» на территории империи. Для этого использовался форпост Нингута, находившийся севернее «Ивового палисада». Гарнизон Нингуты комплектовался из ссыльных чиновников и уголовных преступников. Никакого права выполнять административные или судебные функции в отношении приамурских племен он не имел¹³.

Стараясь окружить свою вотчину Южную Маньчжурию (как и весь Китай) малонаселенными территориями, цинская монархия в 80-х годах XVII в. попыталась силой вытеснить русских из Приамурья. Именно эту имперскую экспансионистскую политику Циннов маоисты интерпретируют как... национально-освободительную борьбу китайского народа. Без тени смущения они заявляют: «Во второй половине XVII в. Китай несколько раз воевал с колонизаторами царской России, но это были войны сопротивления Китая вторгшимся агрессорам...»¹⁴.

⁸ См., например, А. Неггманн. An Historical Atlas of China. Chicago, 1966, p. 47.

⁹ Подробнее см. С. Л. Тихвинский. Вопросы формирования северо-восточной границы Цинской империи. — В кн.: Международные отношения и внешняя политика СССР. История и современность. М., 1977, с. 317—318.

¹⁰ См. С. Л. Тихвинский. Указ. соч., с. 319.

¹¹ Документ МИД КНР от 8.X.1969.

¹² См. Высочайше утвержденные исторические примеры из Свода законов великой династии Цин (на кит. яз.). (Б. м.) 1819, т. 523, с. 4а—4б.

¹³ См. У. Чжэньчэнь. Краткое описание Нингуты (на кит. яз.). (Б. м.) 1894, с. 2б, 4, 7а—7б.

¹⁴ См. Документ МИД КНР от 8.X.1969.

В 1685 и 1687 гг. цинское правительство предприняло две попытки вооруженного захвата Приамурья, административно включенного в состав Русского государства в качестве Албазинского воеводства. Русский город Албазин дважды подвергался осаде. Русское государство к началу военных действий имело в Приамурье лишь небольшие казачьи отряды, а гарнизон Албазина насчитывал несколько сот человек. Тем не менее албазинцы отражали нападения маньчжур в течение 10 месяцев¹⁵.

Военная неудача под Албазином, подготовка Цинской империи к войне с Джунгарским ханством для захвата Монголии и особенно внутренние затруднения побудили цинское правительство пойти наконец на мирные переговоры с Россией. Император Канси обратился к русскому правительству с грамотой, в которой предложил выслать на Амур посольство для заключения мира. Местом встречи посольств был определен русский город Нерчинск.

Из Москвы для переговоров прибыло посольство во главе с боярином Ф. А. Головиным, которого сопровождал отряд всего лишь в 1,5 тыс. человек. Цинские же послы явились к Нерчинску с 12-тысячным войском, готовясь оказать военное давление на русских в случае их несогласия с маньчжурскими требованиями¹⁶.

Переговоры начались 12 августа 1689 г. и проходили в напряженной обстановке. Маньчжурские послы наотрез отказались принять предложение Ф. А. Головина об установлении границы между Россией и Цинской империей по течению Амура. Они требовали уступки всего Албазинского воеводства и даже значительной части Забайкалья.

Поскольку русские отвергли эти притязания цинских послов, последние перешли к угрозам: с 14 по 27 августа 1689 г. их войска буквально подвергали Нерчинск осаде. Понимая, что в сложившейся обстановке, даже если удастся отстоять Нерчинск, все равно не хватит сил очистить от маньчжурских войск Приамурье и вести длительные военные действия, Ф. А. Головин вынужден был согласиться на уступку части земель Албазинского воеводства. Стремясь оградить от цинских притязаний русские владения по нижнему течению Амура и на побережье Охотского моря, Ф. А. Головин объявил себя не уполномоченным на переговоры о разграничении владений далее пределов Албазинского воеводства. Требование цинских послов уступить «ясачных бурят, эвенков и монголов» и признать монголов подданными Китая русское посольство также отвергло.

Договор, получивший название Нерчинского, был заключен в августе 1689 г. Тексты его были составлены на русском, маньчжурском и латинском языках. Договор содержал семь статей. Первая, вторая и третья статьи намечали рубеж между Цинской империей и Русским государством. Согласно статье первой, граница должна была следовать от верховьев реки Горбицы к морю по «Каменным горам». Какие именно горы и какое море подразумевалось, в договоре сказано неясно. Огромный район нижнего Приамурья, то есть территорий южнее реки Уда, и другие прилежащие земли были оставлены неразграниченными «до иного благополучного времени»¹⁷.

Вторая статья Нерчинского договора устанавливала границу по течению реки Аргунь. Третья статья определяла судьбу русского города Албазина: «Город Албазин, который построен был со стороны царского величества, разорить до основания, и тамо пребывающие люди со всеми при них будущими воинскими и иными припасы да изведены

¹⁵ См. Русско-китайские отношения в XVII в., т. 2. 1686—1691, М., 1972, с. 9.

¹⁶ См. там же, с. 27.

¹⁷ Там же, с. 645, 657.

будут в сторону царского величества, и ни малого убытку или каких малых вещей от них тамо оставлено будет»¹⁸.

Маньчжурские послы скрепили клятвой обязательство Цинской империи не заселять Албазинские земли¹⁹. Тем самым цинское правительство ограничило свой суверенитет на захваченных у России землях.

Так как в русской делегации никто не знал маньчжурского языка, а в цинской — русского, переговоры велись через переводчиков-иезуитов. Выключившая у русских взятки, иезуиты одновременно вредили русской делегации²⁰. Это явилось одной из причин того, что географические ориентиры в русском, маньчжурском и латинском текстах Нерчинского договора оказались неидентичными.

К договору не были приложены карты, поскольку стороны не имели достаточных географических знаний о районе разграничения. Нельзя не согласиться с мнением известного французского историка Г. Каэна по поводу Нерчинского договора: «Русско-китайская граница, — писал он, — была, таким образом, установлена в одном пункте, и это явилось первым шагом в данной области. Но в какой-либо части района к северо-востоку от Нерчинска не было четкого разграничения по той простой причине, что этот район являлся совершенно неизвестным. «Каменные горы», «Святой нос» и сама Уда в действительности были в то время для любой из сторон не более чем неопределенными географическими понятиями; этот район еще не был ни изучен в надлежащей степени, ни нанесен своими ориентирами на какую-либо карту... На деле Нерчинский договор установил границу лишь на очень маленькой части огромной страны»²¹.

Маньчжурские чиновники сочинили версию о том, будто при переговорах в Нерчинске русские «добровольно преподнесли» цинскому императору обширные земли. В докладе Государственного совета Цинской империи на имя императора Канси прозвучало многозначительное признание: в результате заключения Нерчинского договора «земли, лежащие на северо-востоке на пространстве нескольких тысяч ли и никогда раньше не принадлежавшие Китаю, вошли в состав наших владений»²².

Из-за неидентичности текстов Нерчинский договор как правовой документ крайне несовершенен. Делимитация границы в нем была абсолютно неудовлетворительна ввиду смысловых различий в тексте и неясности упоминаемых им географических ориентиров. Линии границы практически не существовало.

Вопреки очевидным фактам маоистские авторы утверждают, будто Нерчинский договор 1689 г. был заключен на равноправной основе, «хотя китайская сторона ради установления мира и достижения соглашения пошла на большие уступки», а Русское государство включило по этому договору земли «к востоку от Байкала, ранее принадлежавшие Китаю, и китайскую территорию бассейна реки Уда», будто «албазинская война» была «справедливой войной Китая против агрессии царской России»²³. Еще цинское правительство при публикации Нерчинского договора обычно фальсифицировало его, произвольно опуская не только преамбулу, но и конец первой статьи о неразграниченных землях, и без всяких оснований доводило на картах пограничную линию до моря, включая в пределы Цинской империи даже остров

¹⁸ Русско-китайские отношения в XVII в., с. 646 (658).

¹⁹ См. там же, с. 596—597.

²⁰ См. там же, с. 570—571, 596.

²¹ G. Cahen. Some early Russo-Chinese Relations. Shanghai, 1939, p. 16.

²² Цит. по: Русско-китайские отношения в XVII в., т. 2, с. 686.

²³ «Линии яньцзю», 1975, № 2, с. 99, № 4, с. 105—116.

Сахалин²⁴. Эти приемы публикации Нерчинского договора использовались и гоминьдановской историографией. Ныне китайская сторона не только искажает смысл и значение договора, произвольно толкует его статьи, но и публикует «исторические» карты, на которых передается эта фальсифицированная версия границы по Нерчинскому договору²⁵.

* * *

В 1691 г., продолжая вести агрессивные войны, империя Цин захватила Северную Монголию, маньчжурский двор начал добиваться разграничения владений России и Цинской империи в этом районе, стремясь международно-правовым оформлением закрепить захваченные земли за империей.

В результате новых переговоров о разграничении между Россией и Цинской империей, проходивших в 1726—1727 гг., в августе 1727 г. был подписан прелиминарный Буринский договор, который определил прохождение граничной линии от сопки Абагайту (где эта линия смыкалась с участком границы по Аргуни, установленным Нерчинским договором 1689 г.) до перевала Шабин-Дабага на большом Саянском хребте. Буринский договор был включен в качестве отдельной статьи в общий трактат, определивший политические и торговые взаимоотношения между Россией и Цинской империей. Этот трактат, ратифицированный путем обмена экземпляров 14 июня 1728 г. близ города Кяхты, получил название Кяхтинского²⁶. В отличие от границы, установленной Нерчинским договором 1689 г., которая осталась недемаркированной, граница в районе Халха-Монголии была демаркирована специальными смешанными русско-маньчжурскими комиссиями, составившими ее описание и пограничные карты²⁷. На границе были установлены пограничные караулы и маяки.

Седьмая статья Кяхтинского договора подтвердила условия Нерчинского договора о землях (в районе реки Уда), которые оставались неразграниченными²⁸. Этим русская дипломатия сохранила за собой право поставить вопрос об окончательном разграничении земель в Приамурье в более благоприятный момент.

Русское правительство в течение всего XVIII и в начале XIX в. пыталось добиться установления реальной границы в районе Амура, но цинское правительство уклонялось от обсуждения и решения этого вопроса.

Постепенное заселение Сибири русскими переселенцами, развитие ее экономики и торговли требовали неотложного урегулирования вопроса о дальневосточной границе с Цинской империей. Экономически Приамурье и Приморье тяготели к России, давая Восточной Сибири выход в Тихий океан. Колониальные войны Англии и Франции против Цинской империи, а также их действия на Тихом океане против России в период Крымской войны создавали угрозу захвата низовья Амура и Приморья западными державами. Это вынудило русские власти в Восточной Сибири принять меры предосторожности. В 1849 г. географическая экспедиция под начальством Г. И. Невельского доказала вызывавшую тогда сомнение возможность прохода в Амур морских судов и обследовала пролив между Сахалином и материком. Бывшая территория Албазинского воеводства, так же как неразмежеванная земля нижнего Приамурья, оставалась незаселенной и неосвоенной.

²⁴ Подробнее см. Русско-китайские отношения в XVII в., т. 2, с. 43.

²⁵ См. Юй Шэнью и др. Указ. соч., т. 1, с. 6—7.

²⁶ См. Русско-китайские отношения в 1689—1916 гг. Официальные документы. М., 1958, с. 17—22.

²⁷ См. там же, с. 12—17.

²⁸ См. там же, с. 20—21.

Лишь в низовье реки Зеи маньчжуры в нарушение собственной клятвы, данной при подписании Нерчинского договора, создали несколько поселений.

В 1856—1860 гг. во время второй «опиумной» войны, которую Англия и Франция совместно вели против Китая, цинское правительство, находившееся в тяжелом положении, проявило заинтересованность в укреплении отношений с Россией. Цинский двор видел в ней возможного союзника в борьбе против вторжения западных колониальных держав. Царское правительство было единственным, которое запретило своим подданным торговлю в Китае опиумом²⁹. Если Нанкинский договор, навязанный Цинам Англией силой оружия, содержал неправомерные условия, то Кульджинский трактат, который Россия заключила с Цинской империей в 1851 г., регламентировал на основе равенства торговлю русских купцов в Кульдже и Чугучаке. Третья статья этого договора подчеркивала: «Торговля сия открывается ради взаимной дружбы двух держав, а потому с обеих сторон пошлины не брать никакой»³⁰. Вместе с тем факт сближения русских и цинских владений в районе Средней Азии и Казахстана выдвигал необходимость размежевания территорий и на этом участке.

Крымская война обнаружила полный крах экономической и политической системы крепостнической России. Поражение в этом столкновении с Англией и Францией показывало, что царская Россия для решения своих проблем на дальневосточном и центральноазиатском театрах внешней политики может использовать в основном мирные, дипломатические методы. И эти методы оказались эффективными в силу определенных причин, связанных также и с интересами Цинской империи³¹.

В результате длительных усилий царской дипломатии генерал-губернатор Восточной Сибири Н. П. Муравьев и цинский уполномоченный И Шань 28 (16 мая) 1858 г. подписали Айгуньский договор. Статья первая этого договора гласила: «Левый берег реки Амура, начиная от реки Аргуни до морского устья р. Амура, да будет владением Российского государства, а правый берег, считая вниз по течению до реки Уссури, — владением Дайцинского государства; от реки Уссури далее до моря находящиеся места и земли, впредь до определения по сим местам границы между двумя государствами, как ныне да будут в общем владении Дайцинского и Российского государств»³².

При подписании договора русский представитель согласился с тем, что подданные Цинской империи, самовольно поселившиеся близ устья Зеи, останутся на прежних местах и под юрисдикцией цинского правительства. Это не означало признания каких-либо прав маньчжурского двора на данную территорию, а лишь предоставляло его подданным право экстерриториальности в указанном районе русских владений. Общая численность маньчжурских подданных, проживавших в районе устья Зеи, достигла к середине XIX в. всего 3 тыс. человек.

Айгуньский договор был заключен в интересах обеих сторон, ибо он был направлен против посягательств западноевропейских держав на район Амура. Это нашло свое отражение в преамбуле и в формулировке первой статьи — о судоходстве по Амуру, Сунгари и Уссури, разрешившей плавание по этим рекам лишь судам России и Цинской империи.

²⁹ См. Б. П. Гуревич. Политика России в опиумном вопросе в период англо-китайской войны 1839—1842 гг. — «Краткие сообщения Института народов Азии», вып. 56. М., 1963.

³⁰ Русско-китайские отношения в 1689—1916 гг., с. 26.

³¹ См. М. И. Сладковский. История торгово-экономических отношений народов России с Китаем (до 1917 г.). М., 1974, с. 219—233.

³² Русско-китайские отношения в 1689—1916 гг., с. 29.

Айгуньский договор не содержит неравноправных статей. Тем не менее он причисляется ныне Пекином к «неравноправным» для Китая договорам³³. В мае 1858 г., пишет Гу Юнь, вторгшиеся в Китай объединенные войска Англии и Франции захватили Тяньцзинь и угрожали Пекину. Россия хотела вместе с Англией вести войну против Китая и даже направила к месту переговоров о заключении будущего договора «агрессивную армию в несколько сот хорошо вооруженных лиц», в результате чего И Шань был вынужден подписать с Н. Н. Муравьевым китайско-русский Айгуньский договор³⁴. Как ни старался Гу Юнь причислить Айгуньский договор к «неравноправным», он не смог это доказать. Следуя цинским образцам, он отбросил преамбулу договора при его публикации, а что касается его статей, то, объявив их только с виду простыми, но на деле якобы «отражавшими жадность России», какого-либо конкретного анализа положений Айгуньского договора он дать не смог.

Во время заключения Айгуньского договора в Тяньцзине находился русский уполномоченный Е. Путятин, посланный туда для переговоров об условиях торговых и политических сношений с цинским Китаем и о границах. Через две недели после подписания Айгуньского договора Е. Путятин, еще не знавший об успешном завершении переговоров в Айгуни, подписал Тяньцзиньский трактат об общих принципах взаимоотношений между двумя странами.

Территориальным проблемам была посвящена девятая статья трактата. Цинские уполномоченные этой статьей признали необходимость установить точную границу между обоими государствами в ряде местностей. «Неопределенные части границ между Китаем и Россиею, — говорилось в ней, — будут без отлагательства исследованы на местах доверенными лицами... и заключенное ими условие о граничной черте составит дополнительную статью к настоящему трактату. По назначении границ сделаны будут подробное описание и карты смежных пространств, которые и послужат обоим правительствам на будущее время бесспорными документами о границах»³⁵.

В свете этой статьи видна вся несостоятельность утверждений маоистов о том, будто «до вторжения в Китай западных империалистических держав в середине XIX в. границы Китая были четко и ясно определены»³⁶. Никаких других условий о разграничении Тяньцзиньский договор не содержал. Тем не менее и это положение Тяньцзиньского договора относится маоистами к числу «неравноправных» для Китая. Тем самым внушается мысль о том, что советско-китайская граница определена «неравноправными» договорами³⁷.

Цинское правительство в связи с временным успехом в войне против Англии и Франции попыталось поставить под вопрос возвращение России левого берега Амура, объявить Айгуньский договор недействительным и пойти, таким образом, на серьезное обострение отношений с Россией.

Положение изменилось лишь в 1860 г., когда англо-французские войска двинулись на Пекин. Затруднения, связанные с этим, а также с продолжавшимся восстанием тайпинов, снова заставили цинское правительство считаться с необходимостью упрочить свои отношения с Россией и урегулировать вопрос о границах.

³³ Подробнее см. Е. А. Григорьева, Е. Д. Костиков. Спекуляции маоистов понятием «неравноправный договор». — «Проблемы Дальнего Востока», 1975, № 1.

³⁴ См. Гу Юнь. Неравноправные договоры в новой истории Китая (на кит. яз.). Шанхай, 1973, с. 24—25.

³⁵ Русско-китайские отношения в 1689—1916 гг., с. 33.

³⁶ Документ МИД КНР от 8.X.1969.

³⁷ См. Гу Юнь. Указ. соч., с. 26.

Ныне маоисты стараются в первую очередь всячески дискредитировать действия России в этот период, исказить смысл и подвергнуть сомнению законность договорных актов, заключенных в то время двумя государствами. Они утверждают: «Воспользовавшись тем, что англо-французские объединенные силы вторглись в Китай и захватили Пекин, царская Россия, придумав предлог о каких-то своих заслугах в посредничестве и угрожая тем, что, мол, «война легко может возобновиться», вынудила цинское правительство подписать 14 ноября 1860 г. «Китайско-русский Пекинский договор», согласно которому китайская территория площадью примерно 400 тыс. кв. км, расположенная к востоку от реки Усулицзян, была насильственно отведена России»³⁸.

Какова же подлинная история подписания Пекинского договора? В действительности для разрешения дипломатическим путем вопросов между Россией и Цинской империей в Пекин был направлен русский посланник Н. П. Игнатьев. Подчинение Китая влиянию Англии и Франции было невыгодно для России, а потому Н. П. Игнатьев старался ослабить их давление на цинское правительство, которое справедливо видело в России противовес западноевропейским государствам.

2 (14) ноября 1860 г. Н. П. Игнатьев и цинский уполномоченный Пун подписали Пекинский договор, который подтверждал все условия Айгуньского трактата и, кроме того, признавал находившийся в совместном владении Уссурийский край (Приморье) территорией России.

Статья первая Пекинского договора устанавливала, что в подтверждение и пояснение первой статьи Айгуньского договора и во исполнение девятой статьи Тяньцзиньского договора «восточная граница между двумя государствами, начиная от слияния рек Шилки и Аргунь, пойдет вниз по течению реки Амура до места слияния сей последней реки с рекой Уссури. Земли, лежащие по левому берегу (на север) реки Амура, принадлежат Российскому государству, а земли, лежащие на правом берегу (на юг), до устья реки Уссури, принадлежат Китайскому государству. Далее, от устья реки Уссури до озера Хинкай, граничная линия идет по рекам Уссури и Сунгача. Земли, лежащие по восточному (правому) берегу сих рек, принадлежат Российскому государству, а по западному (левому) — Китайскому государству. Затем граничная между двумя государствами линия от истока реки Сунгача пересекает озеро Хинкай и идет к реке Бэлэн-хэ (Тур), от устья же сей последней — по горному хребту, к устью реки Хубиту (Хубту), а отсюда по горам, лежащим между рекой Хуньчунь и морем, до реки Тумыньцзян. Здесь также земли, лежащие на восток, принадлежат Российскому государству, а на запад — Китайскому. Граничная линия упирается в реку Тумыньцзян на двадцать китайских верст (ли) выше владения в море... После постановления пограничных знаков граничная линия навеки не должна быть изменяема»³⁹. Первой статьей утверждалась также карта, на которой граничная линия была обозначена красной чертой и направление ее было показано буквами русского алфавита от А до У⁴⁰.

16 июня 1861 г. после демаркации границы на местности стороны подписали дополнительную статью к Пекинскому договору. В соответствии с ней был проведен обмен упомянутыми в первой статье договора картами, скрепленными государственными печатями и подписями представителей сторон⁴¹.

³⁸ Заявление Правительства КНР от 24 мая 1969 г. — «Жэньминь жибао», 25.V.1969; см. также Гу Ю юнь. Указ. соч., с. 38—43.

³⁹ Русско-китайские отношения в 1689—1916, с. 34—35.

⁴⁰ См. там же.

⁴¹ См. там же, с. 42.

В первой статье Пекинского договора было также постановлено, что «если бы в вышеизложенных местах оказались поселения китайских подданных, то русское правительство обязуется оставить их на тех же местах и дозволить по-прежнему заниматься рыбными и звериными промыслами»⁴². Из этого следует, что цинское правительство даже не знало, были ли у него в Приморье подданные. Оседлого китайского населения и цинских властей в Приморье тогда совершенно не было.

Современная китайская пропаганда и «научные» издания характеризуют действия царской России при подписании Айгуньского и Пекинского договоров как «агрессию против Китая», а для доказательства «принадлежности» Китаю территорий Приамурья и Приморья пытаются даже давать советским городам этого района китайские названия, которых те никогда не имели (Боли — Хабаровск, Хайшэнвэй — Владивосток, Хайланьпо — Благовещенск). Китайские топонимы появились в этих местах после того, как во второй половине XIX в. сюда пришли китайцы-охотники, которые независимо от русских названий населенных пунктов давали им свои, «жаргонные» названия. Теперь же китайская сторона стремится использовать этот факт для своих фальсификаций. Однако подобные попытки не имеют под собой почвы. Как писал выдающийся русский исследователь Дальнего Востока В. К. Арсеньев, «Уссурийский и Амурский край получили свое китайское население уже из вторых рук — с побережий Сунгари и его притоков... Эти беглые не могли возвратиться назад на родину, не могли вернуться и на Сунгари, потому что там их ждала кровавая расплата за побег... О том, что пекинское правительство не знало о самовольных китайских засельщиках в Уссурийском крае, видно из статьи 1-й Пекинского договора»⁴³.

Айгуньский и Пекинский договоры окончательно завершили длительный, более чем полуторавековой, процесс территориального размежевания между царской Россией и Цинской империей на Дальнем Востоке. Статьи этих международных актов вернули России часть территории Приамурья, которую она оставила, уступив силе, в период переговоров в Нерчинске в 1689 г. Вместе с тем Пекинский договор производил разграничение в тех районах Дальнего Востока, которые оставались неразграниченными, или, согласно формулировке Айгуньского договора, находились «в общем владении вплоть до разграничения».

Следует отметить, что одной из форм искажения китайской стороной характера разграничения по этим договорам было то, что в некоторых китайских изданиях по внешней политике Айгуньский договор вообще не публиковался. Пекинский же договор помещался под заголовком «Договор о восточной границе между Китаем и Россией по реке Уссури», причем датировался 16 июня 1861 г., то есть временем подписания дополнительной статьи об обмене картами и описаниями границы в Уссурийском крае⁴⁴. Сама же статья помещалась здесь же под заголовком «Памятная записка об установлении китайско-русской границы по Амуру» от 28 июля 1861 г.⁴⁵

Русско-китайское разграничение на Дальнем Востоке в середине XIX в. необходимо рассматривать в связи с этапами и характером сближения русских и маньчжурских владений в бассейне Амура во второй половине XVII столетия и условиями заключения Нерчинского договора. Такое рассмотрение событий дает верную картину истории

⁴² Русско-китайские отношения в 1689—1916 гг., с. 35.

⁴³ В. К. Арсеньев. Китайцы в Уссурийском крае. Очерк историко-этнографический. Хабаровск, 1914, с. 49—50.

⁴⁴ См. Хуан Юэбо и др. Сборник договоров Китая с зарубежными государствами (на кит. яз.). Шанхай, 1936, с. 323.

⁴⁵ См. там же, с. 324—325.

установления границы в этом районе и опровергает версию китайской и западной исторической литературы о «захвате» Россией территории Цинской империи. Истина такова, что, прикрываясь договором 1689 г., Цинская империя пыталась захватить значительную территорию русского Приамурья, а по договорам 1858 и 1860 гг. вынуждена была отказаться от захваченного и от притязаний на такой район Дальнего Востока, как Приморье, которым она никогда до этого не владела, и пойти на разграничение с Россией, на установление точно привязанной к реальным ориентирам граничной линии.

Факты истории установления дальневосточного участка русско-китайской границы, содержание договорных статей и картографических материалов показывают всю несостоятельность китайской версии этих событий.

В 1882 г. цинское правительство (видимо, не без подстрекательства со стороны Англии) предъявило претензии на часть побережья залива Посыет с целью овладения всем левым берегом реки Тумынь. В 1886 г. была проведена редемаркация этого участка границы. Проведенная тогда же проверка подтвердила правильность демаркации и на других участках, в частности правильность установления знака «Е» при устье Уссури у селения Казакевичево. 4 июля (22 июня) 1886 г. в урочище Новокиевском, вблизи Хуньчуня, был подписан общий протокол о проверке границы в районе Приморья⁴⁶.

Положения по территориальным вопросам, зафиксированные в договорах, а также в протоколах, картах и описаниях, полностью сохраняют и поныне свою силу. Как подчеркивается в Заявлении Правительства СССР от 29 марта 1969 г., «Советское правительство стоит на позиции строгого и неуклонного выполнения сторонами этих положений. Если правительство КНР придерживается аналогичной позиции в этом вопросе, то почвы для трений и конфликтов на советско-китайской границе не имеется»⁴⁷.

* * *

Пекинский договор наметил линию будущей границы между Россией и Цинской империей в Центральной Азии.

Походы маньчжуро-китайских завоевателей в Центральную Азию, и прежде всего в район Джунгарии, начались еще в конце XVII в. Агрессия против Джунгарского ханства исподволь готовилась в течение длительного времени. «Наша династия в течение нескольких десятков лет разведывала обстановку у джунгар... готовилась к войне, желая уничтожить джунгар», — отмечал цинский историк Хэ Цютао⁴⁸.

Как видим, этот «подход» к джунгарской проблеме» полностью опровергает нынешнюю пекинскую версию о том, что «Джунгария, расположенная в районах к востоку и к югу от озера Балхаш, состояла из кочевых племен Китая — ойрат-монголов. Усмирение цинской династией Джунгарии относится к внутренним вопросам Китая и не имеет никакого отношения к вопросу китайско-русской границы»⁴⁹.

Разгромив Джунгарское ханство и захватив Восточный Туркестан, Цинская империя вышла к 60-м годам XVIII в. на рубежи Казахстана и Средней Азии⁵⁰. Однако ее дальнейшая экспансия развивалась в юго-западном направлении в сторону Тибета.

⁴⁶ См. А. Нарочницкий. Колониальная политика капиталистических держав на Дальнем Востоке. 1860—1895. М., 1956, с. 390—393.

⁴⁷ «Правда», 30.III.1969.

⁴⁸ Хэ Цютао. Шофан бэйчэн, (на кит. яз.), т. 2. Пекин, 1881, гл. 4, л. 4 об.

⁴⁹ Документ МИД КНР от 8.X.1969.

⁵⁰ Подробнее см. Б. П. Гуревич, В. А. Монсеев. Взаимоотношения цинского Китая и России с Джунгарским ханством в XVII—XVIII вв. и китайская историография. — «Вопросы истории», 1979, № 3, с. 43—55.

Цинская администрация в захваченном Восточном Туркестане и Джунгарии (в дальнейшем на их территории была образована провинция Синьцзян) устанавливает контакты с соседними и среднеазиатскими владениями. В Пекине на основе китаеццентристского догмата внешней политики интерпретируют наладившиеся посольские и торговые связи с казахскими и киргизскими феодалами как некие «вассальные» отношения.

Сближение двух империй в Центральной Азии к середине XIX в. привело к необходимости установления и в этом районе границы России с цинским Китаем.

Маонисты грубейшим образом искажают исторические предпосылки разграничения двух держав в районе Центральной Азии. Они пытаются утверждать, будто бы при цинской династии западная граница Китая вначале «делилась на два участка: северный, а именно к северу от реки Иртыш и озера Зайсан, в районе Алтай, Саянский хребет; южный, включавший северный и южный Тяньшань и территории к востоку и югу от озера Балхаш до района Памира»⁵¹. Выдавая земли, на которые односторонне претендовала Цинская империя за ее территорию, нынешние пекинские фальсификаторы процесс совместного установления границы преподносят читателю как серию «захватов» Россией «китайской территории»⁵². При этом Пекинский и последующие русско-китайские договоры, определявшие и уточнявшие прохождение границы, квалифицируются как акты «агрессии».

На самом деле статья вторая Пекинского договора 1860 г. с учетом реального положения России и цинского Китая в Центральной Азии определяла, что от перевала Шабин-Дабага, последнего западного ориентира, установленного Кяхтинским трактатом, линия границы двух государств, «следуя направлению гор, больших рек и линии существующих китайских пикетов», пройдет на юго-запад до озера Зайсан, далее до хребта Тэнгри-Шань и по этим горам до владений Кокандского ханства⁵³.

Поскольку Пекинский договор наметил направление границы лишь в общих чертах, в конце 1861 г. начались переговоры о ее конкретизации. Они закончились 25 сентября 1864 г. подписанием в Чугучаке (Тачэн) протокола об установлении государственной границы от Алтая до Памира. Цинская делегация пыталась воспользоваться тем обстоятельством, что в китайском тексте договора была допущена опечатка (пропущен один иероглиф «юг» в сочетании «юго-запад»), и потребовала вопреки очевидным географическим ориентирам, делимитировавшим границу, изменить ее направление и вести ее не на юго-запад, а на запад⁵⁴. На этом «основании» и строились притязания цинских дипломатов на огромные территории Казахстана и их требования снести постронные здесь города Лепсинск, Аягуз и др. Кроме того, китайской стороной была сделана попытка настаивать на проведении границы с учетом пикетов, которые временами выдвигались за линию постоянных пикетов⁵⁵.

Русской дипломатии удалось отвести эти необоснованные запросы. Граница была установлена с учетом естественных рубежей в зависимости от реального местоположения сторон. Чугучакский протокол 1864 г. определял, что после постановки пограничных столбов временные ки-

⁵¹ История агрессии царской России на северо-западных рубежах Китая (на кит. яз.). Пекин, 1979, с. 59.

⁵² Там же, с. 164—168, 270—283.

⁵³ См. Русско-китайские отношения в 1689—1916 гг., с. 35.

⁵⁴ См. И. Ф. Бабков. Воспоминания о моей службе в Западной Сибири. 1859—1875. СПб, 1912, с. 204.

⁵⁵ См. там же, с. 217—222.

тайские пикеты в Улясутайском, Кобдинском, Тарбагатайском и Илийском округах должны быть перенесены в пределы Цинской империи⁵⁶.

Реализации Чугучакского протокола помешало вспыхнувшее в том же году в Синьцзяне дунгано-уйгурское восстание (1864—1878). Оно явилось мощным отзвуком великой крестьянской войны тайпинов и свидетельствовало о кризисе национально-колониальной политики Цинской империи в Джунгарии и Восточном Туркестане, населенных в основном тюркоязычными народами мусульманского вероисповедания. Цинское господство в этих районах рухнуло, и здесь образовалось несколько независимых феодальных владений.

Цинские власти обратились к русским с просьбой помочь в ликвидации восстания, но русское правительство сначала воздержалось от отправки войск. Лишь в связи с попытками правителя государства Джеты-Шаар в Восточном Туркестане Якуб-бека, являвшегося проводником английского влияния, подчинить другое независимое феодальное образование — Таранчинское ханство в Илийском крае — русские войска в 1871 г., не встречая никакого сопротивления со стороны местного населения, вступили в Илийский край. Фактический контроль над этим стратегически важным районом обеспечивал царскому правительству возможность контролировать ситуацию близ русских владений в Средней Азии и Казахстане, не допустить усиления здесь позиций Англии.

По условиям заключенного 12 февраля 1881 г. Петербургского договора о возвращении Илийского края русское правительство потребовало от цинских властей «принять соответствующие меры к ограждению жителей Илийского края, к какому бы племени и вероисповеданию они ни принадлежали, от личной или имущественной ответственности... во время смут, господствовавших в этом крае, или после оных». Жителям этого края, согласно статье третьей договора, предоставлялось право «остаться на нынешних местах жительства» или «выселиться в пределы России и принять российское подданство»⁵⁷. По договору небольшая западная часть края отошла к России «для поселения в оной тех жителей этого края, которые примут российское подданство и вследствие этого должны будут покинуть земли, которыми владели там»⁵⁸. Остальная, большая, часть Илийского края возвращалась Китаю.

Такого рода уступка территории одного государства другому для обеспечения интересов проживающего на ней населения не противоречит международному праву. Свыше 70 тыс. уйгур, дунган и казахов, ушедших от расправы маньчжурско-китайских карателей, было расселено как во внутренних районах Семиречья, так и во вновь присоединенном районе.

Петербургским договором русско-китайская граница устанавливалась, начиная от гор Беджитау, следуя по реке Хоргос до ее слияния с рекой Или и далее к горам Узунтау, где она соединилась с границей, определенной по Чугучакскому протоколу⁵⁹.

Согласно 8-й статье Петербургского договора было проведено изменение в пользу России пограничной линии в районе озера Зайсан и реки Черный Иртыш (Зайсан становился внутренним озером для русской стороны), что было сделано по предложению самого же китайского уполномоченного на переговорах⁶⁰.

В связи с тем что в 1876 г. в состав России вошло Кокандское ханство, часть которого стала Ферганской областью Туркестанского гене-

⁵⁶ См. Русско-китайские отношения в 1689—1916 гг., с. 46—47.

⁵⁷ Там же, с. 55—56.

⁵⁸ Там же, с. 56.

⁵⁹ Там же.

⁶⁰ См. там же.

рал-губернаторства, возникла необходимость в разграничении последней с Восточным Туркестаном, которое и было предусмотрено статьей девятой договора.

Эти постановления Петербургского договора 1881 г. определили действия двух государств при разграничении в районе Памира. Согласно протоколу, подписанному русским представителем В. Медниским и цинским уполномоченным Ша в местечке Новый Маргелан (ныне город Фергана) в 1884 г., граничная линия между Россией и Цинской империей была доведена до перевала Уз-Бель на Сарыкольском хребте.

Маонисты ныне заявляют, будто «...в районе Памира царская Россия, нарушив «Описание государственной границы между Китаем и Россией в Кашгарском районе» 1884 г., то есть Новомаргеланский протокол 1884 г., оккупировала свыше 20 тыс. кв. км китайской территории»⁶¹. В связи с этой фальсификацией в Заявлении Правительства СССР от 13 июня 1969 г. отмечено: «Между тем Протокол от 22 мая 1884 года отношения к району Памира, о котором китайская сторона ведет речь, вообще не имеет, в чем может убедиться каждый, кто потрудится взять в руки указанный протокол. Российский и китайский комиссары занимались проведением границы в районе Тянь-Шаня между бывшей российской Ферганской областью и китайской Кашгарской областью на участке от перевала Бедель до перевала Уз-Бель и по окончании своей работы подписали упомянутый протокол от 22 мая 1884 г. Разграничение на Памире было осуществлено путем обмена нотами в 1894 г., когда стороны договорились «не переходить за пределы позиций, которые они занимают» на Памире по Сарыкольскому хребту. Эта линия, и никакая другая, существует по сегодняшний день»⁶².

Реальное распространение власти двух государств на Памире ограничивалось Сарыкольским хребтом. В ходе дипломатических переговоров царское правительство, поступившись правами на «полное» наследие Кокандского ханства (то есть территории до первых населенных пунктов Кашгарии), согласилось на признание этого хребта рубежом двух государств, что соответствовало постановлениям Пекинского договора и Чугучакского протокола о следовании границы по крупным естественным рубежам.

Территориальное разграничение между Россией и Цинской империей в Центральной Азии происходило в более сложной и своеобразной политической, географической и этнической обстановке, чем на Дальнем Востоке, где размежевание затронуло территории, на которых не было сложившихся государственных образований. В Центральной Азии к России отошли исконные земли независимых от Цинской империи казахов, киргизов, таджиков, узбеков.

Таким образом, в XIX в. территориальное размежевание между царской Россией и Цинской империей было завершено. Несмотря на перипетии дипломатической борьбы, оно протекало мирно и не было единовременным актом, а являлось длительным и сложным историческим процессом, растянувшимся почти на два столетия.

В 1911—1912 гг. Синьхайская революция в Китае завершила борьбу китайского народа против маньчжурского господства, Цинская империя прекратила свое существование. Правительство Китайской Республики в 1913 г. объявило о строгом соблюдении всех договоров и

⁶¹ Заявление Правительства КНР от 24 мая 1969 г. Эта «идея» заимствована маонистами у гоминьдановских авторов. См., например, Се Би и Ы. Национальная оборона и дипломатия (на кит. яз.). Шанхай, 1932, с. 77. Ныне пекинские авторы продолжают утверждать, что Памир якобы являлся «китайским», см. «История агрессии царской России на северо-западных рубежах Китая», с. 316—346.

⁶² «Правда», 14.VI.1969.

соглашений, заключенных бывшим цинским правительством с иностранными державами, в том числе и договоров и соглашений о границах, без каких-либо оговорок⁶³.

* * *

Государственная граница России с Китаем, установленная по договорным документам, остается после Октябрьской революции неизменной.

Советское правительство никогда не ставило вопроса о пересмотре или замене договорных положений, касающихся границы с Китаем. Оно исходило из данного В. И. Лениным на II Всероссийском съезде Советов указания о договорах, заключенных царским правительством: «Есть разные пункты, товарищи, — ведь грабительские правительства не только соглашались о грабежах, но среди таких соглашений они помещали и экономические соглашения и разные другие пункты о добрососедских отношениях... Мы отвергаем все пункты о грабежах и насилиях, но все пункты, где заключены условия добрососедские и соглашения экономические, мы радушно примем, мы их не можем отвергать»⁶⁴.

На основе этих установок В. И. Ленина «Обращение Совета Народных Комиссаров РСФСР к китайскому народу и правительствам Южного и Северного Китая» от 25 июля 1919 г. точно указало те договоры, которые Советское государство объявило уничтоженными, и те, об аннулировании которых оно предлагало китайскому правительству вступить с ним в переговоры.

Уничтоженными Советское правительство объявило все тайные договоры, заключенные царским (и Временным) правительством «с Японией, Китаем и бывшими союзниками» России. Предлагалось провести переговоры об аннулировании Русско-китайского договора 1896 г., Пекинского протокола 1901 г., всех соглашений России с Японией с 1907 по 1916 г. В обращении объявлялось, что «Советское правительство отказалось от всех завоеваний, которые сделало царское правительство, отобрав от Китая Маньчжурию и другие области. Пусть народы, обитающие в этих областях, сами решают, в границах какого государства они желают быть у себя дома»⁶⁵.

Как явствует из всего сказанного, Советское правительство и его глава В. И. Ленин не считали положения о границе, зафиксированные в русско-китайских договорах, включая Айгуньский, Пекинский, Петербургский, а также Чугучакский протокол и другие, отмененными или подлежащими аннулированию.

Попытки пекинских фальсификаторов поставить под сомнение исторически сложившееся территориальное разграничение между СССР и Китаем противоречат всей системе международных отношений в современном мире, коренным интересам двух великих соседних народов и поэтому обречены на провал. Однако это не значит, что их крах наступит автоматически, сам собой. Высшие интересы добрососедских отношений между двумя великими народами, интересы мира и разрядки в Азии требуют дальнейшего систематического разоблачения маоистских фальсификаций истории русско-китайского территориального размежевания и размежевания Китая с другими сопредельными странами, фальсификаций, которые являются одним из существенных средств, используемых пекинским руководством для создания в КНР опасной атмосферы шовинистического угара.

⁶³ См. Русско-китайские отношения в 1689—1916 гг., с. 99—100.

⁶⁴ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 35, с. 20.

⁶⁵ Советско-китайские отношения 1917—1957. М., 1959, с. 44.

КОММЕНТАРИИ

О планах создания новой региональной организации стран бассейна Тихого океана

С. Н. Никонов

В последнее время в странах бассейна Тихого океана привлекает к себе внимание активное обсуждение идеи создания новой региональной организации. Инициатором продвижения этой идеи, которая получила название концепции «Тихоокеанского сообщества», считают премьер-министра Японии М. Охира. Поводом для этого послужило его первое после того, как он занял пост главы правительства Японии, программное выступление в парламенте в январе 1979 г. М. Охира тогда заявил: «Я считаю своим долгом содействовать дальнейшему развитию отношений дружбы и сотрудничества с США, Канадой, Австралией, Новой Зеландией и другими странами тихоокеанского региона, а также со странами Латинской Америки»¹.

Идея привлекла к себе внимание, поскольку речь идет о создании региональной организации в таком громадном районе, каким является бассейн Тихого океана, и предполагает в качестве ее возможных участников значительное число стран с разным уровнем экономического развития. Разумеется, возникает много вопросов в связи с планируемой организацией. В частности, о роли развитых капиталистических государств, и прежде всего США и Японии, в этой организации, ее основных целях, а также месте, которое выделяется для развивающихся стран, и др.

Попытки создания региональных организаций в бассейне Тихого океана имели место и в прошлом, но они сводились к созданию узких, замкнутых группировок, большая часть которых преследовала прежде всего политические цели и отражала интересы американского империализма.

В 1951 г. по инициативе США был создан военный блок США, Австралии и Новой Зеландии (АНЗЮС). Созданию его предшествовали попытки США в той или иной степени объединить страны Юго-Восточной Азии и бассейна Тихого океана в более широкую военно-политическую группировку по образцу НАТО. Однако резкое негативное отношение к этим планам народов Азии и нежелание Австралии и Новой Зеландии вступать в союзные отношения с Японией, которая была их недавним врагом во второй мировой войне, вынудили США на том этапе ограничиться созданием «трехстороннего пакта безопасности» — АНЗЮС.

В 1954 г., опять-таки под нажимом американского империализма, создается Организация договора Юго-Восточной Азии (СЕАТО), представлявшая собой военный союз более широкого масштаба. В него, помимо стран — участниц АНЗЮС, вошли также Англия, Франция, Таиланд, Пакистан и Филиппины. Вместе с заключенными США договорами по обеспечению безопасности с Японией, Южной Кореей и Тайванем создается, таким образом, целая система, главной целью которой, по замыслу ее американских авторов, является «сдерживание коммунистической угрозы», а другими словами, борьба с народно-освободительным движением в Юго-Восточной Азии и сохранение в странах этого региона послушных империализму режимов.

В 1966 г. на конференции в Сеуле создается еще одна группировка, Совет стран Азии и бассейна Тихого океана (АЗПАК) — региональная организация с участием Австралии, Малайзии, Новой Зеландии, Таиланда, Тайваня, Филиппин, Южного Вьетнама, Южной Кореи и Японии. Официально провозглашенной целью этой организации было расширение экономического, научно-технического и культурного сотрудничества между странами-участницами. Фактически же общая направленность определялась тем, что все участники входили либо в СЕАТО, либо в АНЗЮС и АНЗАМ². Кроме того, многие из них были связаны двусторонними соглашениями военного характера с США и соучастием в агрессии американского империализма против вьетнамского народа.

США формально не были участниками этой группировки, однако с помощью своих союзников и партнеров по другим организациям они пытались создать на базе

¹ «Japan Times», 26.I.1979.

² АНЗАМ — военно-политическая группировка, созданная в 1949 г. Англией. В нее входили Англия, Новая Зеландия, Австралия и Малайзия.

АЗПАК широкий военно-политический блок и под видом экономического и культурного сотрудничества привлечь в него Индонезию, Камбоджу, Сингапур и Бирму.

Поражение американского империализма во Вьетнаме и выход таких стран, как Франция и Пакистан, из СЕАТО привели в конечном счете к самораспаду как СЕАТО, так и АЗПАК.

В начале 60-х годов активизировались тенденции к образованию региональных экономических группировок в Азии и бассейне Тихого океана. Так, в мае 1963 г. Японский институт экономических исследований, являющийся организацией деловых кругов, подготовил доклад «О тенденциях к экономическому сотрудничеству в районе Дальнего Востока», в котором содержалось предложение проводить по крайней мере один раз в год совещание на правительственном уровне с участием пяти тихоокеанских государств (Япония, США, Канада, Австралия и Новая Зеландия). По замыслу авторов доклада, в ходе этих совещаний предметом обсуждения могли быть такие вопросы, как развитие связей в области экономики и культуры, перспективы расширения сотрудничества тихоокеанских стран³.

В ноябре 1965 г. другая японская частная организация — Японский центр экономических исследований, — возглавлявшаяся нынешним министром иностранных дел Японии С. Окита, подготовила доклад «Тихоокеанский общий рынок и Юго-Восточная Азия», в котором предлагалось по аналогии с «Общим рынком» в Европе создать «Тихоокеанскую зону свободной торговли». Эта зона должна была объединить на первом этапе пять наиболее сильных экономических стран тихоокеанского региона, а затем расширить свой состав за счет развивающихся стран⁴.

Для продвижения идеи создания «Тихоокеанской зоны свободной торговли» представители Японского центра экономических исследований неоднократно выезжали в США и другие страны бассейна Тихого океана, где во время встреч с учеными-экономистами обсуждались вопросы, связанные с созданием такой зоны. На этом этапе Австралия и Новая Зеландия сдержанно отнеслись к данной идее. Свою позицию они мотивировали тем, что отмена таможенных ограничений в рамках «Тихоокеанской зоны свободной торговли» была бы выгодна только Японии и США, которые поддерживали широкие связи со всеми странами региона, между тем как торговля в треугольнике Канада — Австралия — Новая Зеландия носила весьма ограниченный характер⁵. В 1968 г. Японский центр экономических исследований предложил создать межправительственный орган — Организацию по торговле, помощи и развитию стран Тихого океана (ОПТАД), которая имела бы консультативный характер и занималась бы вопросами проведения единой политики дальневосточных стран в области торговли, капиталовложений и помощи развивающимся странам. Это предложение нашло поддержку в США и Австралии.

В начале 1979 г. председатель подкомитета по делам Восточной Азии и бассейна Тихого океана конгресса США сенатор Дж. Гленн представил конгрессу доклад, в котором содержались рекомендации по созданию организации торговли и развития стран Тихого океана (ОПТАД). В качестве ее участников назывались страны «рыночной экономики»: США, Япония, Австралия, Канада, Новая Зеландия, пять стран АСЕАН (Индонезия, Филиппины, Таиланд, Малайзия и Сингапур), Южная Корея, Тайвань и Гонконг, Папуа — Новая Гвинея, а также малые страны юго-западного района Тихого океана. В докладе указывалось, что эта организация будет «полезным форумом для развития скоординированного подхода к связям с коммунистическими странами». При этом, по оценке журнала «Фар истерн икономик ревью», США должны были играть «ведущую роль в формировании региональных порядков»⁶.

Из этого ясно, какие цели преследовали США созданием такой региональной организации. Упомянутый журнал в связи с докладом писал: «Многие японцы опасаются, что США хотят установить свою экономическую гегемонию». Можно, очевидно, продолжить мысль, высказанную журналом: не только экономическую, но и — главное — политическую гегемонию.

Журнал привел весьма характерное высказывание ответственного, как он указывает, японского представителя: «Мы обеспокоены тем, что американцы действуют под влиянием чувства отчаяния, вызванного, возможно, их политическими провалами на Ближнем Востоке, что они стремятся к созданию пантихоокеанской организации, руководствуясь ошибочными мотивами, стремясь искупить свою вину за то, что сейчас происходит в Индокитае и представляет собой результат их прошлых военных авантюр...»⁷

Американский конгресс представленного доклада не принял. Тем не менее в США разработка идеи создания региональной организации продолжается.

С идеей учреждения «Тихоокеанского сообщества» тесно связана и деятельность Тихоокеанского экономического совета, созданного еще в 1968 г. Эта организация проводит ежегодные совещания, в которых принимают участие ведущие деятели делового мира США, Японии, Канады, Австралии и Новой Зеландии.

³ См. «Кэйдай то гайко», 1979, № 11.

⁴ См. там же.

⁵ См. там же.

⁶ «Far Eastern Economic Review», 21.XII.1979.

⁷ Ibid.

Представляют интерес доводы, которые приводятся учеными-экономистами США и Японии в пользу создания новой региональной организации в тихоокеанском регионе. В суммарном виде они представлены в статье заместителя начальника департамента Европы и Океании МИД Японии М. Доновака, опубликованной в конце прошлого года в журнале «Кэйдзай то гайко». Он, в частности, указывает, что страны бассейна Тихого океана, располагая богатейшими природными ресурсами, быстрыми темпами развивают свою экономику. В то же время экономика европейских стран, особенно после нефтяного кризиса 1973 г., находится в состоянии застоя, а индустриализация и модернизация стран Африки и Южной Азии является делом будущего. В качестве подтверждения динамичности развития стран тихоокеанского региона приводится рост объема торговли между ними. Как заявил 18 июля 1979 г. профессор Йейлского университета Х. Патрик на заседании подкомиссии по дальневосточным проблемам комиссии по иностранным делам палаты представителей конгресса США, объем торговли между США, Канадой, Японией, Южной Кореей, Тайванем, странами АСЕАН, Австралией, Новой Зеландией и Папуа — Новой Гвинеей увеличился с 15,1 млрд. долл. в 1965 г. до 104,8 млрд. долл. в 1976 г., без учета объема двусторонней торговли между США и Канадой⁸.

Однако совершенно ясно одно: не интересы экономического развития стран региона, а политические цели являются главной движущей силой устремлений к созданию новой региональной организации. И если раньше концепция «Тихоокеанского сообщества» обсуждалась на неправительственном уровне, на конференциях и симпозиумах ученых и представителей делового мира, то в последнее время она становится предметом обмена мнениями между политическими деятелями.

На настоящей стадии пока нет полной ясности в отношении характера и состава планируемой организации. Тем не менее активная разработка этих вопросов идет.

В ноябре 1979 г. созданная по личному указанию премьер-министра М. Охира представительная «группа по изучению сотрудничества в бассейне Тихого океана» подготовила и представила главе японского правительства предварительный доклад о перспективах создания «Тихоокеанского сообщества». В нем отмечается, что предыдущие и существующие ныне региональные организации ставили перед собой ограниченные задачи, объединяли небольшое число стран, имели, как правило, частный, неправительственный характер. Будущее же сообщество ставит своей целью достижение «подлинного сотрудничества тихоокеанских государств в большинстве областей деятельности в интересах всестороннего развития стран региона».

В докладе выделяются особенности будущего «Тихоокеанского сообщества», которые не были присущи существовавшим ранее региональным организациям. Прежде всего сообщество будет объединять значительно более широкое число стран, имеющих при этом мало общего в исторической, культурной, экономической и других областях. Кроме того, государства, которые войдут в «сообщество», будут проводить «открытую и либеральную» политику. Членство в «сообществе» не будет означать ущемления суверенитета государств-членов и их независимости, и, наконец, будущее «сообщество» не подразумевает ликвидации или ограничения деятельности существующих региональных организаций, включая Ассоциацию стран Юго-Восточной Азии (АСЕАН).

Публикации печати по вопросу о планируемом «Тихоокеанском сообществе», а также материалы доклада «группы по изучению сотрудничества в бассейне Тихого океана» указывают на задачи, которые предполагается решать в рамках этой организации.

Во-первых, углубление взаимопонимания между государствами путем расширения обмена в области науки, образования, информации и культуры, упрощение процедур, касающихся въезда и выезда в страны сообщества, эмиграции и натурализации.

Во-вторых, расширение и углубление сотрудничества в совместной разработке источников энергии и сырья, а также в решении продовольственной проблемы.

В-третьих, содействие развитию всех стран региона путем оказания помощи развивающимся странам, которые войдут в сообщество, в первую очередь со стороны США и Японии.

В-четвертых, расширение экономического сотрудничества и организация совместных капиталовложений в экономику других государств, совершенствование валютно-финансовых систем и улучшение условий доступа на внутренние рынки каждой из стран сообщества.

В ноябре 1979 г. МИД Японии распространил пресс-релиз о содержании доклада «группы по изучению сотрудничества в бассейне Тихого океана». В нем отмечается, что этот доклад не отражает официальной точки зрения правительства. «Вместе с тем, — указывается в пресс-релизе, — учитывая заинтересованность Японии в развитии сотрудничества со странами тихоокеанского региона, правительство при разработке внешнеполитического курса будет принимать во внимание изложенные в докладе рекомендации, а также изучать реакцию официальных и общественных кругов заинтересованных государств».

⁸ См. «Кэйдзай то гайко», 1979, № 11.

Очевидно, что предварительный доклад группы носит декларативный характер и делает упор на пропаганду привлекательности будущего сообщества для развивающихся стран региона. В нем обходится вопрос о руководящих органах сообщества и механизме, который должен будет приводить в движение систему такого многостороннего сотрудничества. В интервью газете «Санкэй симбун» министр иностранных дел Японии С. Окита уклонился от прямого ответа на вопрос о планах японского правительства, связанных с проектами создания сообщества, заявив, что этот вопрос будет обсуждаться в ходе запланированного на март 1980 г. международного совещания по проблемам тихоокеанской солидарности⁹.

Первым практическим шагом на пути реализации идеи создания «Тихоокеанского сообщества» явилась предпринятая в январе с. г. поездка премьер-министра Японии М. Охира в Австралию и Новую Зеландию. Во время переговоров с главами правительств этих стран М. Охира усиленно выдвигал этот вопрос. Выступая на устроенном в его честь завтраке в национальной картинной галерее Виктории, М. Охира говорил: «В настоящее время мы находимся в важных с географической точки зрения районах на северном и южном крае бассейна Тихого океана. Наши страны отличаются своеобразием, и я поэтому считаю, что мы должны сыграть важную роль в создании новой тихоокеанской культуры и что укрепление дружбы между нами через тихоокеанское сотрудничество будет, безусловно, содействовать устойчивости, миру и развитию»¹⁰.

Инициатива М. Охира нашла поддержку в Австралии и Новой Зеландии, что было зафиксировано в совместных коммюнике об итогах визита главы японского правительства. В частности, в японо-австралийском коммюнике говорится: «Премьер-министры обсудили возможность тесного сотрудничества между странами тихоокеанского региона. Они подчеркнули важность для Австралии и Японии продолжения согласованной деятельности с целью дальнейшего развития отношений широкого сотрудничества среди стран тихоокеанского региона».

В этой связи они согласились, что концепция «Тихоокеанского сообщества» является важной долгосрочной целью, и выразили свое намерение развивать ее и в дальнейшем на базе широкого регионального консенсуса»¹¹.

Руководители правительств трех стран достигли договоренности о проведении осенью этого года в Канберре симпозиума с участием представителей всех заинтересованных стран с целью продвижения реализации идеи создания «Тихоокеанского сообщества»¹².

Какие же страны предполагается приобщить к участию в этом новом региональном формировании? По сообщению агентства Рейтер из Канберры, на переговорах глав правительств Японии и Австралии шла речь и о составе участников планируемого сообщества. В частности, в сообщении агентства говорилось, что оба премьер-министра согласились с тем, что это объединение должно быть открыто для Японии, Австралии, Новой Зеландии, США, Канады, стран Юго-Восточной Азии и малых стран южной части Тихого океана. Вместе с тем газета «Ёмиури» со ссылкой на заявление одного из руководящих работников МИД Японии сообщала, что японское правительство предусматривает возможность участия в этой организации Китая и Южной Кореи, а также государств Индокитайского полуострова, включая Социалистическую Республику Вьетнам¹³.

Премьер-министр М. Охира также заявил, что он не выступает против участия в сообществе Советского Союза и Китая. Это заявление было сделано им на заседании бюджетной комиссии палаты представителей парламента Японии 5 февраля с. г.¹⁴.

Идея создания «Тихоокеанского сообщества» привлекла к себе довольно широкое внимание не только в странах бассейна Тихого океана, но и во всем мире. Оценки этой идеи и подход к ней далеко не однозначны, как, видимо, не однозначны и цели, которые ставят перед собой ее предполагаемые главные участники — Япония и США.

Со стороны США пока не было официальных заявлений в поддержку этой идеи. Посол США в Японии М. Мэнсфилд в интервью гонконгскому журналу «Фар истерн Икономик ревью» говорил: «Концепция «Тихоокеанского сообщества» представляет собой идею, время реализации которой придет, но потребуются ее серьезно изучить, поскольку она является весьма ценной и широкой по своим потенциальным возможностям»¹⁵.

Как сообщала газета «Санкэй симбун», председатель подкомиссии по дальневосточным проблемам палаты представителей конгресса США Л. Вульф, выступая на пресс-конференции в Токио, заявил, что реализация этой идеи позволит в макси-

⁹ См. «Санкэй симбун», 10.XI.1979.

¹⁰ «Japan Times», 19.I.1980.

¹¹ Ibid., 17.I.1980.

¹² Судя по всему, именно этот симпозиум имел в виду С. Окита, когда говорил о международном совещании в марте 1980 г.

¹³ См. «Ёмиури», 22.I.1980.

¹⁴ См. «Нихон кэйдзай», 6.II.1980.

¹⁵ «Far Eastern Economic Review», 21.XII.1979.

мальной степени использовать потенциальные возможности дальневосточных стран, и призвал к скорейшему созданию сообщества¹⁶.

Оценивая позицию США в этом вопросе, французская газета «Монд» писала: «Американцы тоже не отстают и, видимо, все больше и больше мечтают об осуществлении планов создания «Тихоокеанского сообщества», что позволило бы им укрепить свои позиции в этом регионе»¹⁷.

В поддержку идеи создания «Тихоокеанского сообщества» выступили в Китае. Во время визита главы японского правительства в Пекин в декабре 1979 г. М. Охира и Хуа Гофэн, как об этом говорится в совместном коммюнике, «уделили особое внимание» обстановке в Азии и районе Тихого океана. При этом китайская сторона проявила большой интерес к выдвинутой Японией идее «Тихоокеанского сообщества». Как сообщала японская газета «Ёмиури», заместитель премьера Госсовета Китая Дэн Сяопин принял в Пекине делегацию палаты советников парламента Японии и во время состоявшейся беседы призвал к сотрудничеству Китая и Японии в азиатско-тихоокеанском регионе¹⁸.

Позиция Пекина вполне объяснима. Ведь именно Пекин выступает сейчас за рост американского военного присутствия в Азии, поощряет перевооружение Японии и расширение ее роли в системе военного сотрудничества с США, призывает, как это недавно сделал посол Китая в Маниле, к созданию единого «антисоветского фронта»¹⁹.

В Пекине явно хотели бы создания такого нового тихоокеанского сообщества, которое способствовало бы еще большему сближению Китая с США и Японией, вплоть до организационного оформления военного альянса Пекин — Токио — Вашингтон.

Известные опасения в связи с идеей «Тихоокеанского сообщества» высказывают страны Юго-Восточной Азии, прежде всего входящие в АСЕАН. Эти опасения вызваны тем, что создание такой региональной организации может явиться своего рода новым вариантом японской «сферы великого сопроцветания» периода второй мировой войны, средством установления контроля США и Японии над их экономикой, а также привести к ослаблению АСЕАН как региональной организации.

В этих странах по вполне понятным причинам задают вопрос, совместимо ли вступление в эту организацию, которая может ввиду главной роли в ней таких стран, как США и Япония, иметь прозападную ориентацию, с принципами политики неприсоединения. Сомнения такого рода вполне обоснованны, так же как и мнение о том, что членство в этой организации затруднит реализацию главной политической задачи, провозглашенной странами АСЕАН, — создания в Юго-Восточной Азии зоны мира, свободы и нейтралитета.

Правда, в этих странах есть и сторонники идеи «Тихоокеанского сообщества», которые полагают, что ее реализация будет выгодной, если «она сможет содействовать дальнейшему экономическому развитию и более свободной торговле»²⁰.

Тем не менее в Японии проявляют озабоченность в связи с существующими в странах ЮВА опасениями. Обращают на себя внимание неоднократные заявления японских государственных деятелей о том, что предполагаемая организация не будет носить политического, а тем более военного характера. Отсюда и разница в предполагаемых составах участников организации, называемых в Японии и США. В этом отношении примечательно выступление премьер-министра Японии М. Охира в национальном клубе печати после окончания его визита в Австралию и Новую Зеландию. Он, в частности, сказал, что идея создания «Тихоокеанского сообщества» состоит в образовании региональной организации на основе экономических и культурных, а не политических и военных отношений. «Это, — заявил М. Охира, — не должна быть замкнутая и изолированная организация. Она должна быть открытой и либеральной»²¹.

Тем не менее рассеять беспокойство стран Юго-Восточной Азии пока не удается. И это не удивительно. В этих странах отдают отчет в том, что источниками политики гегемонизма в Азии, угрожающего народам этих стран, являются США и Китай. Их «партнерство» и «параллельность стратегических интересов», о чем во всеуслышание говорил министр обороны США Г. Браун во время январского визита в Пекин, глубоко враждебны жизненным интересам народов азиатских стран, создают реальную угрозу их независимому и самостоятельному развитию. Если к этому прибавить то обстоятельство, что Япония — наиболее развитое в экономическом отношении государство в Азии — связана, с одной стороны, военным договором с США, а с другой — договором о дружбе с Китаем, то оснований для беспокойства будет более чем достаточно.

Не прошло незамеченным и согласие Японии на участие кораблей японских ВМС в многосторонних маневрах, проводимых в центральной части Тихого океана

¹⁶ См. «Санкэй симбун», 10.I.1980.

¹⁷ «Le Monde», 21.I.1980.

¹⁸ См. «Ёмиури», 10.I.1980.

¹⁹ In: «Daily Express», 12.II.1980.

²⁰ «Straits Times», 24.X.1979.

²¹ «Japan Times», 23.I.1980.

США, Австралией и Новой Зеландией, то есть странами, входящими в АНЗЮС. Факт участия Японии в этих маневрах был расценен как активизация намерения США втянуть Японию в общую систему военных блоков и использовать японские вооруженные силы в своей агрессивной глобальной стратегии.

Примечателен фон, на котором все это происходит: во-первых, продолжающееся давление США, а также Китая на АСЕАН с целью превращения ее в военную группировку; во-вторых, попытки гальванизировать так называемый «манильский договор» 1954 г., бывший основой распавшегося военного союза СЕАТО.

Как уже отмечалось, между инициаторами и сторонниками идеи «Тихоокеанского сообщества» нет полного единства в отношении его характера, структуры и условий участия. Вся их концепция выглядит весьма расплывчато, нечетко. От того, каким будет подход к решению этих вопросов, к определению целей и задач сообщества, во многом зависит отношение к нему других стран бассейна Тихого океана. Во всяком случае, ясно одно; если эта организация будет создаваться как замкнутая группировка, направленная против интересов социалистических стран, которая позволила бы интегрировать страны Юго-Восточной Азии и Океании в капиталистическую систему «Тихоокеанского сообщества», оторвать их от других развивающихся стран, то ее будущее весьма проблематично.

Прочный мир в Азии и прогресс стран этого региона могут быть достигнуты не на основе создания новых замкнутых группировок и блоков, а на путях расширения двусторонних и многосторонних связей между всеми без исключения странами и народами, на основе углубления доверия и расширения взаимовыгодного сотрудничества между ними во всех областях.

Основные этапы развития послевоенной японской литературы

*Н. И. Чегодарь,
кандидат филологических наук*

Начавшийся после второй мировой войны новый этап в развитии литературы Японии не имеет четко установленного единого названия в японском литературоведении. В большинстве работ он входит в качестве составной части в раздел новейшей, или, следуя японской терминологии, современной, литературы (гэндай бунгаку). Наряду с этой классификацией, в целом совпадающей с общепринятой европейской, существует и традиционная японская, согласно которой новая и новейшая литература Японии делится на периоды Мэйдзи, Тайсё и Сёва в соответствии с традиционной исторической периодизацией по годам правления императоров. Хотя это деление не исходит из самого существа литературного процесса, оно является довольно распространенным. В соответствии с этой последней периодизацией новейшая, или современная, литература отождествляется с литературой периода Сёва (с 1926 г. по настоящее время), а послевоенная литература рассматривается как литература второй половины периода Сёва¹.

Однако граница, отделившая предвоенный и военный периоды, когда литература была целиком подчинена задаче «мобилизации народного духа» для ведения войны, от послевоенного этапа развития литературы, была настолько отчетлива, что послевоенная литература вскоре стала восприниматься как самостоятельный, новый этап в развитии японской литературы.

Писатель Синъитиро Накамура в книге «Воспоминания о послевоенной литературе» (Сэнго бунгаку-но кайсо) пишет, что термин «послевоенная литература»

появился в связи с задуманной издательством «Синдзэнбися» серией произведений, написанных вскоре после окончания войны. Писатель и критик Киётэру Ханада, один из составителей серии, попросил Накамура выбрать для суперобложки нечто вроде девиза, желательного на европейском языке. Накамура предложил назвать серию «après guerre créatrice» (послевоенные произведения)².

Слова «après гэр» должны были напомнить читателю духовную атмосферу тех лет, когда в Европе под влиянием трагического опыта только что пережитой первой мировой войны широко распространились настроения разочарования в буржуазной цивилизации. Конечно, обстановка в Японии после второй мировой войны сильно отличалась от обстановки во Франции после первой мировой войны, но, по-видимому, стремление отказаться от старых, дискредитированных догм и начать новый — послевоенный — этап было общим. Термин «après гэр», особенно в своей японской языковой форме — «сэнго», быстро получил всеобщее распространение и стал прилагаться в первую очередь к произведениям молодых писателей, группировавшихся вокруг журнала «Киндай бунгаку» («Литература новой эпохи»).

Таким образом, в узком смысле слова «послевоенная литература» (сэнго бунгаку) — это литература «Послевоенной группы» писателей и критиков (сэнго-га бунгаку), в которую входили Хироси Номэ, Риндзо Синна, Харуо Умэдзаки, Синъитиро Накамура, Сэхэй Оока, Тайдзюн Такэда, Ютака Ханья, Есиэ Хотта, Масато Ара, Кэн Хирано, Сюго Хонда, Киётэру Ханада, Кобо Абэ, Юкио Мисима и др. Употребление термина «послевоенная литература» в таком значении встречается во многих работах японских литературоведов. Например, содержание книги Кинти Сасаки «Послевоенные писатели и их произведения» составляет анализ творчества упоминавшихся выше писателей³. Точно так же в составленном Макото Кубота сборнике «Послевоенная литература. Перспективы и задачи» рассматривается круг вопросов, в основном связанных с деятельностью журнала «Киндай бунгаку», и проблемы творчества

² См. Синъитиро Накамура Сэнго бунгаку-но кайсо. Токно, 1963, с. 93

³ Кинти Сасаки. Сэнго сакка то сакухи. Токно, 1967.

¹ См., напр., Сигэки Сэnuma. Сэнго бунгаку-но доко. Токно, 1966, с. 26.

составлявших в нем представителей «Послевоенной группы» писателей⁴.

Большинство японских исследователей, придерживающихся этого последнего понимания послевоенной литературы, считают, что она делится на три основных потока: традиционную (включая «эгобеллетристику» — сисёсэцу и роман нравов — фудзоку-сёсэцу), демократическую, восходящую в своих истоках к пролетарской литературе 20-х — начала 30-х годов, и литературу собственно «Послевоенной группы» писателей. Однако часть критиков исключает из понятия «послевоенная литература» произведения продолжавших творить в это время писателей эпохи Тайсё и первой половины Сёва. Например, Мимпэй Сугинара предлагает различать в послевоенной литературе только два потока — литературу сопротивления, под которой он подразумевает литературу «Послевоенной группы», и «демократическую» или революционную литературу⁵. Подобное понимание послевоенной литературы нашло отражение и в книге Сюго Хонда «История послевоенной литературы»⁶.

Понимая, что термин «послевоенная литература» употребляется в японском литературоведении недостаточно точно, часть японских исследователей предложила разграничить понятия «литература Послевоенной группы» (сэнго-ха бунгаку) и «литература послевоенного периода» (сэнго-но бунгаку)⁷. Однако, к сожалению, это предложение практически не вызвало никакого влияния на употребляемую терминологию, употребляемой в критической литературе.

Некоторые исследователи считают, что окончание послевоенного периода в японской литературе совпадает с началом войны в Корее, то есть ограничивается пятилетием⁸. Другие полагают, что послевоенный период продолжался примерно десятилетие после окончания войны⁹. Третьи вообще предпочитают не высказываться относительно определения. Подытоживая мнения, существующие в японском литературоведении по этому вопросу, Сюго Хонда пишет в заключительном разделе «Истории послевоенной литературы», что полного единства нет даже среди тех, кто связывает окончание послевоенного периода с началом войны в Корее, так как одни считают поворотным пунктом 1949 г., другие — 1950 г., а третьи — 1951 г. Сам Хонда на основании тщательного изучения этого периода приходит к выводу, что

не только в 1951 г., но даже и в 1954 г. японская литература все еще продолжала сохранять те черты, которые характеризовали ее прежде всего как послевоенную литературу. Эти черты, по его мнению, исчезли только к 1956 г., и потому правильное всего считать, что послевоенный период в японской литературе продолжался до 1956 г., причем время с 1952 по 1956 г. явилось как бы переходным, когда японская литература постепенно утрачивала черты, которые были присущи ей в первые послевоенные годы¹⁰. Примерно этими же рамками ограничивает послевоенный период и Сэйити Ёсида в «Истории литературы периода Сёва», включающей раздел «Послевоенная литература. 1945—1957 гг.»¹¹.

Итак, в развитии японской послевоенной литературы японская критика намечает два этапа: первый — с конца 1945 до начала 50-х годов — и второй — с начала до середины 50-х годов. Это понимание послевоенной литературы как сравнительно недолгого периода, следовавшего непосредственно за окончанием войны, расходится с установившимся в советском японоведении употребленным термина «послевоенная литература» применительно ко всему начавшемуся после второй мировой войны современному периоду новейшей истории и культуры Японии. В соответствии с этим под послевоенной литературой в данной статье будет иметься в виду весь период послевоенного развития японской литературы вплоть до наших дней.

Прежде чем перейти непосредственно к вопросу об основных этапах истории послевоенной литературы Японии, необходимо сказать, что и японские и советские исследователи совершенно справедливо считают окончание второй мировой войны началом нового периода в истории современной японской литературы. Война и предшествовавший ей период фашизации страны прервали естественный ход развития японской литературы. Даже такие крупные, не причастные к политике художники, как Наоя Сига, Хакутё Масамунэ, Кафу Нагаи и Дзюньитиро Танидаки, были лишены возможности писать, не говоря уж о представителях демократического крыла японской литературы, большая часть которых подвергалась репрессиям. То состояние стагнации, в котором находилась японская литература в предвоенный и военный периоды, прекрасно определила Юрико Миямото, произведения которой вошли в золотой фонд японской демократической литературы. «Во время войны, — писала она в статье «Первые шаги Общества новой японской литературы» (Син нихон бунгаку-но тансё), — во многих странах Западной Европы культура оказалась в состоянии хаоса и упадка. Однако, мне кажется, там не было той полной утраты самого духа ли-

⁴ Сэнго бунгаку. Тэмбо то кадай. Макино Кубота хэн. Токио, 1968.

⁵ См. Сэйити Ёсида. Гэндай нихон бунгаку. Токио, 1962, с. 9.

⁶ См. Сюго Хонда. Моногатари. Сэнго бунгаку си. Токио, 1972.

⁷ См. Сэйити Ёсида. Указ. соч., с. 9.

⁸ Сюго Хонда. Указ., соч., с. 755.

⁹ См. Сигэки Сэпума. Гэндай нихон бунгаку. Токио, 1962, с. 8.

¹⁰ См. Сюго Хонда. Указ. соч., с. 755.

¹¹ См. Сэйити Ёсида. Указ. соч.

тературы, которая имела место в Японии»¹².

Поэтому период, наступивший в культурной жизни Японии вслед за объявлением о безоговорочной капитуляции страны, был воспринят всеми как начало совершенно новой эры — эры возрождения и обновления. «Несомненно, что наша послевоенная литература, — пишет Сюго Хонда, — это не только литература периода, последовавшего за окончанием второй мировой войны, это начало нового пути, нового этапа в японской литературе нового времени»¹³.

Наиболее ярким свидетельством наступления новых времен был бурный рост японского демократического литературного движения, организаторами которого явились ветераны подавленного в начале 30-х годов движения за пролетарскую литературу. Уже в сентябре 1945 г. началась подготовка к созданию организации, которая должна была объединить силы представителей демократического крыла японской послевоенной литературы. В декабре 1945 г. такая организация — Общество новой японской литературы (Син нихон бунгаку кай) — была создана и с января 1946 г. приступила к изданию журнала «Син нихон бунгаку» («Новая японская литература»). Журнал предоставил свои страницы участникам движения за пролетарскую литературу, подвергавшимся в течение десяти с лишним лет непрерывным гонениям. Для многих ветеранов пролетарской литературы, таких, как Юрико Миямото, Сунао Токунага, Сигэхару Накано, Инэко Сата и др., это время оказалось периодом нового расцвета их творчества. Одновременно в ряды демократического направления японской литературы начали вливаться свежие силы. Широкий размах приобрела работа по организации литературных кружков в среде рабочей и студенческой молодежи. О наступлении новых времен свидетельствовало также и возобновление творческой деятельности таких старых мастеров, как Наоя Сига, Хакутэ Масамунэ, Дзюньятиро Танидзакэ, воздерживавшихся во время войны от сотрудничества с милитаристским режимом.

Таким образом, тот факт, что с окончанием второй мировой войны в истории современной японской литературы начался новый этап, не вызывает сомнений. Трудно охарактеризовать в двух словах этот первоначальный период развития послевоенной литературы — слишком много различных сил пробудилось одновременно к действию. Однако очевидно, что одной из самых существенных его черт было то, что он протекал на фоне широких демократических преобразований в стране, благодаря которым японская литература — может быть, впервые за всю историю своего существования — получила

столь реальную возможность идти по пути прогресса и демократии. Лейтмотивом литературы этого периода стало осуждение войны и тоталитаризма, легшее в основу процесса консолидации прогрессивных сил японской литературы и обусловившее быстрое сближение позиций членов Общества новой японской литературы и писателей «Послевоенной группы». Именно в эти годы возникло понятие «демократическая литература» применительно к послевоенной литературе Японии. Показательно также, что демократической литературе этих лет японские прогрессивные литераторы стремились придать характер демократического литературного движения, первостепенной задачей которого считалась борьба с силами реакции в области культуры¹⁴.

Были, конечно, и другие особенности, позволяющие считать послевоенный период новым этапом в развитии японской литературы. Например, в это время, по мнению Снэки Сэнума, была окончательно преодолена известная национальная обособленность японской литературы, которая только после 1945 г. окончательно волилась в единый поток мирового литературного процесса¹⁵. На то же явление под несколько иным углом зрения обратил внимание и Сюго Хонда, отмечая отказ японских писателей от привычных форм «эгобеллетристического» жанра, небывало широкое распространение на японской почве западноевропейских литературных и идеологических течений и общее «расширение поля зрения» японской литературы¹⁶. Последнее выразилось прежде всего во введении в литературу в небывало широких масштабах социальной проблематики, находившейся под строгим запретом в течение полутора десятков лет. В произведениях не только ветеранов пролетарской литературы, но и большинства писателей «Послевоенной группы» поднимались актуальные социально-политические проблемы. Было снято табу с таких тем, как критика армии и императорской системы, что дало возможность Харуо Умэдзакэ, Хироси Нома, Сэхэй Оока и др. создать произведения, являющиеся обвинительным актом против японского милитаризма. В произведениях Сигэхару Накано, Тацукити Нисино, Анго Сакагутэ и др. прозвучала резкая критика японской монархии.

Однако расширение границ дозволенного в японской литературе было далеко не беспредельным. Оккупационными властями было создано Управление информации и просвещения, которое подвергало предварительной цензуре все печатные издания, преследуя особенно строго любые намеки на критику американской армии, американской оккупационной поли-

¹⁴ См. «Син нихон бунгаку», 1947, № 6, с. 4—6.

¹⁵ См. Сигэки Сэнума. Сэngo бунгаку-но доко, с. 27.

¹⁶ См. Сюго Хонда. Указ. соч., с. 780.

¹² Цит по: Сюго Хонда. Указ. соч., с. 25.

¹³ Там же, с. 760.

Такки и американского образа жизни. По той причине одно из первых антивоенных произведений Сёхэй Оока — «Записки военнопленного» («Фурёки», 1948) — могло увидеть свет только после соответствующей переработки. Категорически было запрещено касаться в печати трагедии Хиросимы и Нагасаки. Вообще антимилитаристская тема могла трактоваться с известной степенью свободы только применительно к разбитой японской империи.

В конце 40-х годов в связи с переходом японских и американских властей к политике так называемого «обратного курса», связанного со стремлением правящих кругов сократить размах и темпы демократизации японского общества, контроль над культурной жизнью страны значительно усилился. Начались незаконные исследования прогрессивных деятелей культуры, известные под названием «чистки красных». Война в Корее и подготовка к заключению Сан-Францисского договора между США и Японией (сентябрь 1951) вызвали дальнейшее обострение политической борьбы внутри страны. Среди деятелей культуры начался процесс размежевания сил. Усилились разногласия между «Послевоенной группой» и Обществом новой японской литературы. Особую остроту приобрела начавшаяся несколько ранее дискуссия о соотношении политики и литературы. Критики, принадлежавшие к «Послевоенной группе», обвинили членов Общества новой литературы Японии в стремлении подчинить литературу политике. В журнале «Киндай бунгаку» появились ряд статей в защиту прав «современной личности», в которых авторы восставали против любого ограничения «свободы современной личности» во имя каких-либо то ни было, пусть даже самых благих, политических целей. В категорической форме безотносительно к содержанию критики был провозглашен тезис независимости искусства от политики. В статье «Об одной антитезе» (Хитоцу-но тансётай) Кэн Хирано писал о необходимости установления «зрелых литературных взглядов, которые помогли бы увидеть, что Такидзи Кобаяси и Асихэй Хино — две разные и оборотная стороны одного и того же целого»¹⁷. Так в пылу полемики на одну доску были поставлены замученный в полицейском застенке классик протестарской литературы Такидзи Кобаяси и активно сотрудничавший с японской властью во время войны Асихэй Хино.

Серьезные разногласия возникли также внутри самого Общества новой японской литературы, из которого выделилась группа «Народной литературы» (Дзиммин бунгаку), начавшая с ноября 1950 г. издавать одноименный журнал.

О происходящей перегруппировке сил и значительных изменениях в литературной жизни страны свидетельствовал также

тот факт, что на рубеже 50-х годов прекратил свое существование ряд популярных на первых порах прогрессивных журналов, возникших сразу же после войны, — «Нингэн» («Человек»), «Тэмбо» («Панорама»), «Сого бунка» («Общие вопросы культуры») и др. Непосредственной причиной их закрытия в подавляющем большинстве случаев были денежные затруднения, однако, как указывают японские авторы, они являлись косвенным показателем сдвигов в настроениях читательской массы¹⁸.

Конечно, невозможно с точностью до года, месяца и числа определить ту грань, где кончается первый этап развития японской послевоенной литературы и начинается второй. Однако нам кажется, что те исследователи, которые считают этим временем примерно 1950—1951 гг., имеют на это все основания. Как видим, именно на рубеже 50-х годов в литературной жизни Японии происходят весьма значительные изменения: сходят на нет старые и появляются новые тенденции, а главное — начинается процесс размежевания писателей в соответствии с их политическими убеждениями и перестает существовать единый широкий демократический фронт литературы, образование которого сразу же после войны явилось самой важной отличительной чертой первоначального этапа развития японской послевоенной литературы.

Итак, в начале 50-х годов наступает новый период, конец которого японские исследователи — как те, которые признают промежуточную веху 1950—1951 гг., так и те, которые не выделяют особо первоначальный этап, — относят к 1956—1957 гг.¹⁹ Выбор этой даты определяется тем, что именно тогда на литературной арене появляется так называемое «третье поколение новых людей» (дайсан-но синдзин). Японская критика делит послевоенных писателей на три поколения, учитывая как фактическую разницу в возрасте писателей, так и время их появления в литературе. Практически послевоенные писатели первого и второго поколений были людьми примерно одного лет, прошедшими через войну и навсегда сохранившими на себе ее отметины. Как пишет Сигэки Сэнума, послевоенная литература создавалась собственно «военным» поколением. Это было поколение 30—40-летних писателей, в той или иной мере проявивших себя в военное, а частично и в предвоенное время. Между ними и писателями следующего, третьего поколения проходил как бы возрастной «сброс». Писатели третьего поколения — Синтаро Исихара, Кэндзабуро Оэ, Такэси Кайко, Сётаро Ясуока, Дзюнноскэ Ёсуюки и др. — не были связаны с писателями первого и второго поколений общностью исторических судеб. Они выросли в послевоенные годы и по-

¹⁷ См. Бунгаку ундо-ини окэру содзо токи. Токио, 1966, с. 18.

¹⁸ См. Сюго Хонда. Указ. соч., с. 102.

¹⁹ См. там же, с. 1, 3.

лучили, по определению Сэнума, «демократическое воспитание»²⁰.

Общественно, 1956 год был назван в качестве нового рубежа потому, что в этот год состоялось присуждение премии Акутагава молодому писателю Синтаро Исихара (род. в 1932 г.) за его повесть «Солнечный сезон» (Тайё-но кисэцу). Этот факт рассматривался японской критикой как победное вступление в литературу третьего послевоенного поколения, символизирующее наступление нового этапа.

Конечно, не все японские исследователи так категоричны в своих высказываниях по поводу точного срока окончания первого послевоенного периода. Сюго Хонда, например, считает, что пока еще трудно назвать подлинные причины «эрозии» послевоенной литературы. Однако и он в качестве объяснения приводит тот факт, что на первом этапе послевоенная литература была литературой довоенного поколения, создаваемой людьми, для которых материалом творчества служил их жизненный опыт военного времени и вызванные им антивоенные настроения. С появлением нового поколения писателей и читателей эти темы перестали быть актуальными и отошли на второй план для японцев, которые «все быстро понимают и все быстро забывают». Хонда полагает, что потеря интереса к первоначальным темам послевоенной литературы обозначилась примерно в середине 50-х годов. Поэтому он не видит причин, по которым следовало бы возражать тем, кто называет 1956 год годом вступления в новый, уже не послевоенный, период²¹. Однако мнение Хонда, в качестве решающего довода указывающего на потерю интереса к антивоенной тематике, не подтверждается фактическим ходом развития японской литературы, в которой вплоть до наших дней продолжает играть важнейшую роль антивоенная тема.

В советском японоведении вопрос о периодизации японской послевоенной литературы не разрабатывался специально. В. В. Логунова в книге «Японская литература. Краткий очерк», не останавливаясь специально на мотивах принятого ею деления, определяет «второй послевоенный период» как время с начала 50-х до начала 60-х годов, не выделяя в качестве особой вехи 1956 год²². Эта точка зрения представляется более соответствующей действительному ходу развития японской послевоенной литературы. Смена поколений, на которую упорно указывают японские исследователи, сама по себе не является достаточным основанием для выделения нового этапа. Вопрос заключается в том, имел ли этот факт действительно та-

кое решающее значение для истории послевоенной литературы, чтобы его можно было положить в основу периодизации. Конкретный анализ литературы данного периода показывает, что, по-видимому, это не так.

Прежде всего нужно сказать, что литература третьего поколения послевоенных писателей явилась только одной из составляющих общего потока литературы этого времени. Важную роль в литературной жизни страны по-прежнему продолжали играть старые, признанные мастера слова. Хакутё Масамунэ пишет в эти годы «Нынешнюю осень» («Котоси-но аки», 1959), Ясунари Кавабата — «Быть женщиной» («Ониа дэ ару кото», 1956), «Озеро» («Мидзууми», 1959), «Спящих красавиц» («Нэмурэру бидзё», 1960), Дзюньитиро Такидаки — «Ключ» («Кэги», 1956), «Дневник безумного старика» («Футзэ родзин никки», 1962) и др. По-прежнему процветает жанр «литературы плоти» (никкутай бунгаку) и пользуются популярностью многочисленные повести и романы Сэйити Фунабаси. Представитель бытописательской литературы Фумио Нива выступает с романами «Дерево просветления» («Бодайдзю», 1955—1956 г.) и «Лицо» («Као», 1959—1960). Не снижают свою творческую активность и представители первого и второго поколений писателей («Послевоенной группы»). Хироси Нома работает над эпосей «Круг молодежи» («Сэйэн-но ва»), выпускает в свет «Небо игральных костей» («Сайкоро-но сора», 1958—1959) и «Мой обелиск стоит здесь» («Вага то-ва соко-ни тацу», 1960—1961 г.). Кобо Абэ пишет научно-фантастический роман «Свинцовое яйцо» («Намарино тамого», 1957), и ему еще только предстоит создать свои лучшие произведения. Харуо Умэдзакэ получает в 1955 г. одну из самых почетных литературных премий — премию Наоки — за повесть «Весна и осень в ветхом доме» (Боро из-но сюндзю). Сёхэй Оока публикует повесть «Тень цветов» («Хана кагэ», 1958), Тайдзюн Такэда — «Светящийся мох» («Хикари гокэ», 1954). Список этих произведений, оставивших в японской литературе не менее заметный след, чем повесть Исихара, можно было бы продолжать.

В эти же годы по-прежнему отстаивают в своих произведениях идеалы мира и демократии писатели прогрессивного лагеря. Огромный резонанс получает в стране серия очерков писателя Кадзуо Хироцу «Дело Мацукава» («Мацукава сайбан», 1958). Старейший пролетарский писатель Сунао Токунага пишет повесть «Живь, трава!» («Куса икирэ!»), 1956), Инэко Сата — роман «Шестерни» («Хагурума», 1958), Сэйдзи Симода — «Остров Окинава» («Окинава-сима», 1959). Появляются в печати произведения Мимпэй Сугура, Сэй Кубота, Ким Даль Су. По пути сближения с демократическим направлением в литературе идут в это время некоторые представители «романа нравов» (фудзюку сёсэцу). Дзюмпэй Гомикэва создает роман

²⁰ См. Сигэки Сэнума. Сэнго бунгаку-но доко, с. 7.

²¹ См. Сюго Хонда. Указ. соч., с. 754.

²² См. Т. Григорьева, В. Логунова. Японская литература. Краткий очерк. М., 1964.

Условия человеческого существования» («Нингэн-но дзэкэн», 1958), Тацудзо Исидзука — роман «Стена человеческая» («Нингэн-но кабэ», 1959).

Ився эта многообразная литературная продукция не только сосуществует с литературой третьего поколения послевоенных писателей, она в не меньшей степени, чем последняя, определяет лицо японской послевоенной литературы этого периода.

Существенное значение имеет также обстоятельство, что литература «третьего поколения новых людей» не представляла собой определенного литературного направления. Сётаро Ясуока, Сюсаку Кэндзабуро, Синтаро Исихара, Кэндзабуро Оэ, Осаму Симао и др. объединяло только время их появления в литературе — факт, отрицаемый и японской критикой²³. Таким образом, те японские исследователи, которые считают, что появление «третьего поколения новых людей» означало собой конец всего послевоенного периода, кладут в основу своей периодизации далеко не самую значительную прелесть литературного процесса того времени. Мы полагаем, что гораздо более весомое основания имеются для выделения 60-х — начала 60-х годов как единого периода, поскольку именно в это время в японской послевоенной литературе возникает и получает развитие ряд новых тенденций. С начала 50-х годов наблюдается стремительный рост числа периодических изданий и их тиража. Журнал «Сюкан Асахи» («Еженедельник Асахи») всего за период с 1950 по 1951 г., почти вдвое увеличил свой тираж. В 1952 г. начали выходить еженедельники «Сюкан Санкэй» («Еженедельник Санкэй») и «Сюкан Эмпури» («Еженедельник Эмпури»). Несмотря на то что это привело к удвоению числа крупных еженедельников, тираж «Сюкан Асахи» к 1954 г. вырос более чем в четыре раза²⁴. К началу 60-х годов уже 39 специализированных издательств занимались выпуском еженедельников²⁵.

Резкое увеличение числа периодических изданий и создание разветвленной сети радиовещания и телевидения означало наступление эры средств массовой информации. Нельзя не согласиться с Кэн Хирано, что этот фактор вскоре отразился на литературной жизни страны, вызвав повышенный спрос на развлекательную литературу, известную в Японии под названием «промежуточной» (тюкан сёсэцу). Одним из самых популярных писателей этого периода стал упоминавшийся выше Сэйити Фуунабаси, романы которого, сдобренные яркой долей эротики, получили широкое распространение на книжном рынке. Невиданное прежде значение приобре-

тает в литературе этого периода тема секса и насилия. Слегка закамуфлированная под фрейдистский психоанализ или ультралевоый «бунт инстинктов», она перекочевывает из порнографических изданий в большую литературу. Резко меняется отношение общественности к этой теме. Если в 1950 г. выход в свет переведенного Хитоси Ито романа Д. Лоуренса «Любовник леди Чэттерли» вызвал общественный скандал и привлечение к суду переводчика и издателя, то изданное тем же Ито в 1952 г. эссе «Жизнь и взгляды г-на Хитоси Ито» (Ито Хитоси-но сэйкацу то икэн), в котором писатель отстаивал «сексуальную доктрину» как единственно возможный путь преодоления социального одиночества человека, а также его последующие произведения, отражающие эти взгляды, были приняты уже как нечто вполне закономерное. Описание сексуальной жизни героев с извращенными наклонностями стало обычным явлением в литературе.

Одновременно среди другой части японского общества воскресли надежды на возможную реабилитацию прежних националистических идеалов. С этим последним явлением связано возникновение еще одной важной тенденции, характеризующей японскую послевоенную литературу этого периода. В первой половине 50-х годов на книжный рынок хлынул поток «военномемуарной» литературы. Это были воспоминания непосредственных участников Тихоокеанской войны, в которых после некоторых реверансов в сторону бывших противников с большим знанием дела и вкусом излагались действия императорской армии и флота. Таковы были книги Сэйми Фурукава «Конец Окинавы», Тадахиро Тобита «Новая Гвинея», Масао Китагава «Гибель Квантунской армии», Мицуру Йосида «Линкор Ямато» и др. Убедившись, что подобная литературная деятельность не грозит неприятностями, к хору воспоминателей присоединились крупные военные и даже некоторые бывшие военные преступники. Ряд генералов и офицеров Военно-морской академии создали «Общество по возрождению культуры», под маркой которого выпустили несколько коллективных работ: «Особый ударный отряд камикадзе», «Остров Мидуэй», «Подвижные войска» и др. В этих книгах уже не было ни слова о войне как о преступлении против человечества — она рассматривалась как закономерное и даже неизбежное явление²⁶. Выход в свет подобной литературы ясно свидетельствовал о значительных переменах в культурной жизни страны.

Поскольку к середине 60-х годов тенденции, наметившиеся в предыдущее десятилетие, получили дальнейшее развитие, в ряде случаев позволяющее говорить

²³ См. Гэндай нихон бунгаку дайдзитэн. Токио, 1965, с. 626.

²⁴ См. Сюго Хонда. Указ. соч., с. 530.

²⁵ См. Япония 1972. Ежегодник. М., 1973, с. 197.

²⁶ См. И. Львова. Прогрессивная японская литература в борьбе за мир. — «Известия АН СССР», 1953, т. XII, вып. 5 (сентябрь — октябрь).

о качественно новых явлениях, представляется возможным выделить период второй половины 60-х — 70-х годов как новый самостоятельный этап в послевоенной литературе Японии.

Одной из его отличительных черт явилось заметное усиление националистических настроений в сфере культуры, нашедшее отражение и в художественной литературе этого периода. Стремление подчеркнуть исключительность национальной специфики японской культуры проявилось в творчестве некоторой части писателей, в том числе даже таких крупных художников, как Ясунари Кавабата и Дзюньитиро Танидзаки. Характерно, что именно эти стороны их творчества были подхвачены и раздуты реакционной критикой. Элементы возрождения националистической идеологии проявились и в попытках переосмыслить вопросы ответственности за войну, правомерности наказания военных преступников — например, в пьесах Дзюндзи Киносита «Между богом и людьми» («Ками то хито-но айда», 1970) и Цунэари Фукуда «Фюрер еще не умер» («Сото имада сисэдзю», 1970).

Наиболее законченное выражение идеи национализма получили в произведениях Юкио Мисима. Антидемократические тенденции его творчества, которые были очевидны еще на предыдущем этапе, в 60-е годы приобрели характер безудержной пропаганды самых реакционных сторон идеологии японизма. Идея жертвенного служения великой Японии и ее божественному императору была развита Мисима в эссе «Солнце и железо» («Тайё то тэцу», 1965). В 1966 г. им была закончена трилогия — «Патриотизм» («Айкоку»), «Увядающая хризантема» («Тока-но кики»), «Голоса погибших героев» («Эйрэй-но коэ»), — посвященная неудачному фашистскому путчу молодых офицеров в 1936 г. Это событие было изображено Мисима как роковое для исторических судеб Японии, приведшее страну к поражению в войне и позорному настоящему. Взгляды Мисима получили логическое завершение в его «Антиреволюционном манифесте» («Ханкаку-мэй сэнгэн», 1968), в котором он, не ограничиваясь призывами к верности императору, открыто провозгласил необходимость борьбы с «красной опасностью». Не довольствуясь пропагандой своих взглядов в художественной литературе и публицистике, Мисима создал в 1968 г. ультраправую организацию «Общество щита», а в 1970 г., после неудачной попытки организовать военный путч, совершил традиционное самурайское харакири. Однако его произведения переиздаются, экранизируются, и они продолжают служить реакции.

Другой характерной приметой второй половины 60-х — 70-х годов в области литературы является очевидное стремление бизнеса средств массовой информации превратить литературную продукцию в товар и воспитать в массах потребительское отношение к ней. К середине 60-х годов в Японии утверждается система бестселлеров, при которой художественное про-

изведение расценивается в зависимости от его коммерческого успеха на книжном рынке. Спрос на развлекательную литературу настолько возрастает, что создаются специальные массовые «журналы для чтения» (тайсю ёмимоно дзасси). Их число быстро растет и во второй половине 70-х годов приближается к 30. К произведениям для этих журналов предъявляются особые требования: они не должны поднимать серьезных вопросов и касаться печальных тем. Никакой прозы жизни, никакого напоминания о злобе дня. Впрочем, было бы неправильно думать, что вся эта литература вовсе безыдейна, напротив, она всеми средствами пропагандирует идеологию конформизма, выполняя таким образом, далеко не безобидную роль в общей системе воздействия на умы читателей.

Тенденция к превращению литературы в одну из отраслей капиталистического бизнеса, обозначившаяся со всей очевидностью в литературной жизни Японии 60-х годов, вызвала ответную реакцию в среде творческой интеллигенции, выразившуюся в создании так называемой «инсургентской литературы» (итан бунгаку). Отдельные группы писателей, а часто просто один-два человека, начали создавать для выражения своих личных, нестандартных взглядов небольшие журналы: «Нингэн то-ситэ» («Я — человек» — Кадзуми Такахаси, Нобухико Мацуги и др.), «Бунгаку тэки татиба» («Литературная позиция» — Хидэо Одагири и др.), «Тоси» («Город» — Рюити Тамура), «Хэнкё» («Пограничная зона» — Мицухару Иноуэ) и др.

Характерный для современного потребительского общества процесс стандартизации всех сфер духовной жизни и подавления личности вызывает у многих естественное чувство протеста. Однако, к сожалению, этот протест против превращения человека в робота, легко поддающегося манипуляции, зачастую принимает характер анархического бунта против любых форм организованности, против всех существующих культурных традиций. В области литературы это приводит к полному отрицанию идеологической основы искусства, рассматриваемой как «буржуазное» понятие, и к авангардистскому трюкачеству. В японской литературе 60—70-х годов заметно усилилось увлечение различными формалистическими приемами, снова всплыл один из «вечных» вопросов японской послевоенной литературы — о ее соотношении с политикой. Одним из первых поднял его на страницах печати модный критик Такэо Окуно, провозгласивший, что «произведение литературы не имеет другой ценности, кроме литературной»²⁷. Ультралевые настроения и попытки «обновления» реализма, которые сводились в первую очередь к «обогащению» его разного рода новомодными формалистическими приемами, затронули часть мо-

²⁷ Бунгаку ундо ни-окаэру содзо то хикё, с. 5.

ных писателей и среди них так называемых писателей-производственников (сёубоэ-сакка) — Дайхати Идзуми и Рюдзо Эки.

Истинно гуманистический взгляд на человека и общество, стремление обличить реакционные силы, мешающие всестороннему развитию человеческой личности и движению общества по пути мира и демократии, характерны для прогрессивного течения японской послевоенной литературы. Представителей этого направления привлекают темы ответственности человека перед обществом, ответственности за войну, последствия которой и по сей день ощущаются во всем мире. Этому вопросу посвящены такие произведения, как роман Эритика Арима «Передавший письма мертвого друга» («Исё хайтацуни», 1960), Есиэ Хотта «Суд» («Симпан», 1963), Сидзую Го «Реквием» (1972) и др. Обсуждение войны по-прежнему остается одним из важнейших направлений в творчестве Сёхэй Оока, создавшего в этот период два антивоенных произведения: «Военные записки с острова Ленте» («Рэнэ сэнки», 1969) и «Снова остров Миндоро» («Миндоро-то футатаби», 1969). Особое место в японской литературе занимает тема Хиросимы и Нагасаки — тема жертв атомной бомбардировки. На нее откликнулись такие крупные художники, как Мацудзи Ибусэ, написавший роман «Черный олень» («Курой амэ», 1966), в котором и описывает трагедию Хиросимы, и Инэо Сата, рисующая в романе «В тени деревьев» («Дзюэй», 1972) на фоне послевоенного Нагасаки людей, все еще гибнущих от последствий атомной бомбардировки.

Антивоенная тема приобрела особенно острое звучание в японской литературе второй половины 60-х годов в связи с

войной во Вьетнаме, вызвавшей возмущение широких кругов японской общественности. Японские писатели и публицисты открыто осудили агрессию США. Хорошо известен своими публицистическими произведениями и организаторской деятельностью в защиту прав вьетнамского народа писатель Макото Ода. Такэси Кайко, основываясь на своих личных впечатлениях, написал «Записки о вьетнамской войне» («Бэтонамэ сэнки», 1965) и повесть «Сияющая тьма» («Кагаякэруями», 1968). Критика и читатели заслуженно отметили также книгу очерков Сэй Кубота «Сражающийся Северный Вьетнам» («Татакау Кята Бэтонамэ», 1965).

Одно из основных мест в прогрессивной литературе второй половины 60-х — 70-х годов занимает тема рабочего класса, его положения в обществе в эпоху научно-технической революции, его борьбы за свои права. Писатели-реалисты показывают, как в современном капиталистическом обществе механизированный по последнему слову техники труд становится бессмысленным, полностью обезчеловечивается и превращает рабочего в придаток машины [Дзюндзи Киносита — «Бесконечные рельсы» («Мугэн кидо», 1965)]. В произведениях таких писателей, как Кисё Накадзато, не только звучит протест против отчуждения человека в процессе капиталистического производства, но и затрагивается широкий круг общественно-политических проблем, поднимается вопрос о выходе из создавшегося тупика. Прогрессивная литература, правдиво отражая буржуазную действительность, свидетельствует о том, что ни научно-техническая революция, ни «экономическое чудо» не могут разрешить противоречия, присущие самой природе капиталистического общества.

ВОСПОМИНАНИЯ

Воспоминания Лю Цзэжуна о В. И. Ленине

К. В. Шевелев,
кандидат исторических наук

Как известно, Владимир Ильич Ленин уделял пристальное внимание героической борьбе китайского народа за свое национальное и социальное освобождение и внес большой вклад в разработку и проведение в жизнь внешнеполитических мероприятий Советского государства, направленных на установление добрососедских отношений с Китаем, укрепление дружбы между народами обеих стран¹. Об этом еще раз свидетельствуют публикуемые ниже воспоминания о В. И. Ленине бывшего председателя Центрального исполнительного комитета Союза китайских рабочих в России Лю Цзэжуна².

Лю Цзэжун родился в 1892 г. в провинции Гуандун. С пятилетнего возраста жил и учился в России. В 1914 г. окончил Петербургский университет. В 1917 г. возглавил Союз китайских граждан в России, преобразованный в конце 1918 г. в Союз китайских рабочих в России. В качестве представителя китайских трудящихся Лю Цзэжун участвовал в заседаниях I и II конгрессов Коминтерна. Вспоминая в 1956 г. этот период, Лю Цзэжун особо отмечал «чрезвычайно доброжелательное отношение к союзу членов Советского правительства, возглавлявшегося незабываемым В. И. Лениным, который не один раз принимал председателя союза и с исключительным вниманием относился к ходатайствам союза»³.

Возвращаясь на родину в ноябре 1920 г., Лю Цзэжун направил В. И. Ленину письмо, в котором говорилось: «...уезжая в Китай, я шлю Вам душевный привет и большую благодарность за Ваше всегдашнее хорошее отношение ко мне и в особенности за внимательное и отзывчивое отношение к возглавляемому мною Союзу... Позвольте пожелать Вам всего наилучшего, здоровья и полного успеха во всех Ваших великих начинаниях»⁴.

После возвращения в Китай Лю Цзэжун работал на КВЖД, затем занимал должности профессора русского языка в университетах Бэйпина и Куньмина. В 1940—1944 гг. был советником посольства Китайской Республики в СССР, а с 1944 г. — особоуполномоченным МИД Китая в Синьцзяне. В 1949 г. Лю Цзэжун перешел на сторону народной власти и после образования КНР занимал должности члена комиссии по договорам и советника Министерства иностранных дел.

Помимо основной работы в МИД КНР Лю Цзэжун принимал активное участие в подготовке двухтомного «Нового русско-китайского словаря» и «Большого русско-китайского словаря», изданных под его редакцией в 50-х — начале 60-х годов. Оба словаря, выдержанные в духе китайско-советской дружбы, получили высокую оценку научной общественности.

По сообщению агентства Синьхуа, Лю Цзэжун скончался после болезни 18 июля 1970 г. Спустя 9 лет на пекинском кладбище Бабаошань состоялась гражданская панихида, посвященная памяти Лю Цзэжуна⁵. Информация Синьхуа о траурном митинге появилась в газете «Жэньминь жибао» с недельным опозданием, но не содержала антисоветских выпадов.

Воспоминания Лю Цзэжуна о В. И. Ленине были впервые опубликованы в СССР и КНР в 1960 г. Ниже они приводятся по тексту книги «Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине. Том пятый. Воспоминания зарубежных современников». М., 1969.

¹ Подробнее см. Ленин и Восток. М., 1960; А. Н. Хейфец. Ленин — великий друг народов Востока. М., 1960; Ленинская политика в отношении Китая. М., 1968; Ленин и проблемы современного Китая. М., 1971.

² См. его автобиографию в кн. Друг издалека. Батуми, 1958, с. 113—115.

³ Там же, с. 114.

⁴ Цит. по: А. Н. Хейфец. Ленин — великий друг народов Востока. М., 1960, с. 201.

⁵ См. Гражданская панихида в Пекине памяти тов. Лю Цзэжуна. — «Жэньминь жибао», 29.XI.1979.

Встречи с великим Лениным¹

Лю Цзэжун

На мою долю выпало огромное счастье не раз видеться с великим Лениным. Первый раз я представился ему, когда удостоился чести быть участником I конгресса Коминтерна в марте 1919 года. Я очень волновался перед этой первой встречей. Но Владимир Ильич принял меня необыкновенно приветливо, сердечно. Он был чрезвычайно занят, и я не смел задерживать его. Беседа была очень краткой, но она произвела на меня глубокое впечатление.

Второй раз Владимир Ильич принял меня в том же, 1919 году в связи с моей работой в должности председателя Центрального комитета² Союза китайских рабочих в России. Союз этот был организован в 1917 году, первоначально под названием Союза китайских граждан в России, главным образом с целью защиты интересов почти 60 тысяч китайских рабочих, ввезенных после начала первой мировой войны в Россию. Они прибыли по контрактам, заключенным русскими учреждениями и предприятиями с китайскими подрядчиками.

Рабочие эти, отданные всецело во власть подрядчиков, подвергались ужасной эксплуатации и жили в неопишимо тяжелых условиях. После Февральской революции рабочие начали тысячами разбегаться с мест, где они работали, и искать пропитания, пристанища, защиты и путей возвращения на родину. Первой заботой организованного тогда союза была эвакуация китайских граждан на родину. Но вскоре нормальное сообщение с Востоком было прервано, и репатриация встретилась с огромными затруднениями.

Советская власть с первого же дня после Великой Октябрьской социалистической революции проявляла большое внимание к китайским рабочим и, в частности, к вопросу об урегулировании их правового положения, оказывая союзу, преобразованному в Союз китайских рабочих в России, всемерную поддержку и всестороннее содействие. Одним из самых трудных вопросов продолжал оставаться вопрос о репатриации, и в этом отношении Советское правительство охотно шло навстречу.

В связи с работой союза я и был принят Владимиром Ильичем во второй раз — 19 ноября 1919 года в его кабинете в Кремле. Он встретил меня с такой же большой приветливостью, как и в первый раз. На протяжении всей беседы меня не оставляло чувство покоряющего обаяния, исходившего от этого великого человека. Ленин расспрашивал меня о Китае, о китайской революции. Я был молод и еще далек от должного понимания международной политики, да и знал о событиях в Китае слишком мало, чтобы рассказать ему что-то для него новое и интересное.

Сам же я почерпнул много ценного для меня из беседы с Владимиром Ильичем, услышав от него ряд глубоких мыслей по вопросам о судьбах Китая, о борьбе китайского народа с империализмом, о важности сближения между народами Китая и Советской России...

Он заинтересовался, достаточно ли союзу оказывается содействия со стороны властей. В подтверждение того, что союзу оказывается большое внимание и широкое содействие, я показал выданное мне Народным комиссариатом иностранных дел удостоверение, где говори-

¹Примечания см. в конце статьи.

лось, что я являюсь «единственным уполномоченным китайских граждан и рабочих в России по охране их интересов». В удостоверении содержались обращение и просьба ко всем учреждениям оказывать мне всяческое содействие. Неожиданно для меня Владимир Ильич тут же на этом удостоверении сделал красными чернилами следующую надпись:

«С своей стороны очень прошу советские учреждения и власти оказывать всяческое содействие тов. Лау Сну-джау.

Пр. Сов. Нар. Ком. В. Ульянов (Ленин)

19/XI 1919 г.»³

Этим исключительным вниманием к китайским рабочим, теплой дружбой к Китаю и в то же время большим доверием, оказанным мне лично, я был тронут до глубины души. Удостоверение, подтвержденное высоким авторитетом Ленина, было неоченимо для нашего союза. Впоследствии в связи с рядом обстоятельств, в особенности в связи с нашествием японских захватчиков в Китай, мне пришлось уничтожить много важных документов, но это удостоверение с собственноручной подписью Ленина я сохранил как бесценную память о нем.

Следующий раз я был принят Владимиром Ильичем в дни II конгресса Коминтерна в 1920 году⁴.

Незадолго до конгресса в Москве было получено известие о том, что китайская миссия во главе с генералом Чжан Сылином, направлявшаяся в Москву, перешла читинский фронт. Тогдашнее правительство Китая, несмотря на всю свою реакционность, после победы Советской власти в Сибири решило послать миссию в Советскую Россию, по возможности в Москву, чтобы «поговорить». Однако, опасаясь вмешательства со стороны империалистических держав, оно не решалось придать миссии официальный характер, а отправило ее под флагом продовольственной помощи китайским гражданам в Сибири. Причем китайское правительство не только не испросило согласия на отправку миссии, но даже не послало никакого уведомления Советскому правительству об этом, поручив миссии самой получить согласие на приезд в Москву по прибытии на территорию тогдашней Дальневосточной Республики.

Все это, разумеется, никак не соответствовало международным обычаям. Тем не менее народный комиссар иностранных дел Чичерин, направляя китайскому министерству иностранных дел запрос о целях и характере миссии, выражал готовность принять ее в Москве, а также желание послать в свою очередь миссию в Пекин. По предложению Наркоминдела я от имени нашего союза тоже телеграфировал в Пекин с настоятельной просьбой: во избежание возможных недоразумений сообщить Советскому правительству о характере миссии.

Однако из Пекина никакого ответа не последовало, и находившаяся в поезде миссия продолжала пребывать в ожидании сначала в Чите, а затем в Верхнеудинске. Становилось ясным, что китайское правительство не решалось обратиться к Советскому правительству с официальной просьбой принять миссию.

Между тем с приездом миссии открывалась возможность установления непосредственного контакта между представителями двух правительств, и поэтому приезд ее в Москву, независимо от пределов полномочий, был очень желателен, тем более что Советское правительство неоднократно предлагало правительству Китая вступить в переговоры и установить нормальные отношения. Для членов нашего союза приезд миссии представлялся желательным также и потому, что появилась надежда сдвинуть с мертвой точки вопрос о репатриации, разрешение которого китайское правительство очень затягивало. Я и решил тогда обратиться непосредственно к Владимиру Ильичу с просьбой, не найдет ли он возможным дать распоряжение о пропуске миссии в Москву, не дожидаясь ответа из Пекина.

Таким образом, я в третий раз был принят Владимиром Ильичем. Это было в дни II конгресса Коминтерна. Я представил свои соображения Владимиру Ильичу. Он счел возможным приезд миссии в Москву без официального извещения из Пекина и тут же написал записку в Наркоминдел с предложением распорядиться о пропуске миссии в Москву⁵. Решение Владимира Ильича еще раз показало его отношение к Китаю и то значение, которое он придавал возможности завязать отношения с китайским правительством.

Миссия прибыла в Москву 5 сентября. Ее радушно встретили и устроили со всем возможным в те времена комфортом в хорошем особняке. Очень тепло принял ее Владимир Ильич, имевший с ней продолжительную беседу⁶.

Японские и другие империалисты, встревоженные появлением миссии в Москве, оказали давление на китайское правительство. Последнее поспешило объявить о неофициальном характере миссии и предложило ей скорее вернуться в Китай. Однако это нисколько не отразилось на отношении Советского правительства к миссии и на том большом внимании, которым она была окружена во время своего пребывания на территории РСФСР.

Помимо проведения ряда встреч и деловых бесед, миссии была предоставлена полная возможность ознакомиться с Москвой и Петроградом.

В заключение генералу Чжан Сылину вручили письмо народного комиссара иностранных дел на имя министра иностранных дел Китая, где Советское правительство выражало желание установить дружественные отношения с Китаем⁷. Развивая принципы, провозглашенные в обращении к китайскому народу от 25 июля 1919 года⁸, письмо излагало основные пункты предлагавшегося соглашения (в том числе такие, как аннулирование всех старых неравноправных договоров, отказ от консульской юрисдикции, от концессий, от «боксерской» контрибуции и т. д.). Как и первое обращение Советского правительства к китайскому народу, это письмо, получившее вскоре широкую известность в Китае как «вторая советская декларация», конкретно излагало мудрую ленинскую политику в отношении Китая. Оно было радостно встречено прогрессивными кругами Китая и сыграло большую роль в движении за установление дружественных отношений с Советской Россией.

Много лет прошло с того времени, когда я встречался с великим Лениным, но светлая память о необыкновенном обаянии этого великого человека, о его исключительно теплом отношении к моей родине и к моему народу неугасимо живет во мне.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Воспоминания печатаются с небольшими сокращениями.

² Центрального исполнительного комитета.

³ В ЦПА ИМЛ при ЦК КПСС хранится автограф этой ленинской надписи. Фотокопия документа опубликована в журнале «Лиши яньцзю» (Пекин), 1979, № 6, с. 72.

⁴ Лю Цзэжун был принят В. И. Лениным после окончания работы II конгресса Коминтерна, 11 августа 1920 г.

⁵ Такой записки нет в числе опубликованных произведений В. И. Ленина, а также среди неопубликованных документов, хранящихся в ЦПА ИМЛ. Известно, что во время приема Лю Цзэжуна 11 августа 1920 г. В. И. Ленин написал записку Н. Н. Крестинскому с просьбой принять Лю Цзэжуна (см. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 51, с. 256).

⁶ Сообщаемый Лю Цзэжуном факт беседы В. И. Ленина с членами китайской военно-дипломатической миссии другими источниками не подтверждается. Известно лишь, что 2 ноября 1920 г. В. И. Ленин принял главу этой миссии генерала Чжан Сылина накануне его отъезда из Москвы и имел с ним беседу.

⁷ Здесь допущены некоторые неточности. В действительности дело обстояло так: 27 сентября 1920 г. заместитель народного комиссара иностранных дел Л. Карахан направил генералу Чжан Сылину «Обращение Правительства РСФСР к правительству Китайской Республики», в котором имеются перечисленные автором ниже пункты (см. Документы внешней политики СССР, т. III, М., 1959, с. 213—216).

⁸ См. Документы внешней политики СССР, т. II, М., 1958, с. 221—223.

Три десятилетия — три политики

З а тридцать лет существования Китайской Народной Республики в ее внешней политике произошел ряд крутых поворотов, в результате которых Китай, выступавший вначале в едином строю со странами социалистического содружества, со всеми силами мира и прогресса, ныне блокируется с империалистическими реакционными кругами на антисоветской, враждебной странам социализма платформе, идет по линии конфронтации с силами социализма, что нашло свое отражение в совершении им агрессии против социалистического Вьетнама. Китай стал прямым пособником и младшим партнером империализма, одним из опасных очагов новой мировой войны.

В обширной монографии известного ученого-международника, крупного специалиста по истории международных отношений на Дальнем Востоке профессора МГУ М. С. Капицы «КНР: три десятилетия — три политики»*, выпущенной в свет Издательством политической литературы, исследуются перипетии и метаморфозы китайской внешней политики за тридцатилетний период, обстоятельно прослеживается ход многочисленных событий, в которых проявилась эта политика, анализируются причины крутых поворотов внешнеполитического курса Пекина, показывается, как при всех этих зигзагах и поворотах сохранялась и развивалась «сквозная» стратегическая линия китаецентристских национал-шовинистических устремлений китайских руководителей. Характеризуя чреватую немалыми опасностями для дела мира и международного сотрудничества деятельность китайского руководства на международной арене, автор показывает ее деструктивную сущность, ограниченность ее возможностей, неоднократные провалы и бесперспективность великодержавных гегемонистских замыслов Пекина в области внешней политики.

В результате перед читателем возникает весьма подробный и систематически по-

строенный очерк внешней политики Китая, сочетающий энциклопедический охват исторического материала и его теоретический анализ, стремление осмыслить с марксистско-ленинских позиций всю совокупность рассматриваемых фактов. С этой точки зрения уже сам заголовок книги отмечает определенную закономерность развития внешней политики Китая в истекшее тридцатилетие.

Автор проследживает три этапа этой политики, каждый из которых охватывает примерно десять лет. В первом десятилетии КНР в целом шла в строю стран социалистического содружества, во втором десятилетии ее политика уклонилась «влево», на тропу мелкобуржуазного революционаризма, а в третьем круго свернула вправо, перейдя от левоэкстремистской, псевдореволюционной позиции к прямому военно-политическому смыканию с империализмом. Характеризуя эту закономерность, автор указывает, что «политика Пекина на каждом этапе определялась соотношением сил в руководстве, для ее утверждения и оправдания использовались свои постулаты, она выполняла свою тактическую задачу. Однако на всех этапах у пекинских националистов оставалась неизменной стратегической целью: превращение Китая в главную державу мира, диктующую волю другим государствам и обеспечивающую решение в собственных интересах тех проблем, которые-де оставлены историей, как и тех, которые будут возникать на мировой арене и касаться его».

Ныне, когда в Пекине изо дня в день ангажируются все новые и новые горы антисоветской лжи и фальсификаций и замалчиваются общезвестные факты о том, какими были взаимоотношения СССР и КНР в первые годы после победы революции в Китае, важное значение для советского и особенно для зарубежного читателя имеет яркое и исчерпывающее освещение подлинной картины этих взаимоотношений. Подчеркивая, что в отношении Китая, его народа Советский Союз неизменно проводил ленинскую внешнюю политику, оказывал ему интернационалистскую помощь в борьбе за национальную независимость и социальное освобождение, автор в главе I — «Образование Китайской Народной Республики. Ее первые внешнеполитические шаги» — излагает широкий фактический материал по этим вопросам с акцентом на период, непосредственно предшествовавший победе народной революции в Китае, и на первые годы существования КНР. Наряду с известными фактами в книге приводятся

* М. С. Капица. КНР: три десятилетия — три политики. М., Политиздат, 1979, 576 с.

ряд новых, впервые вводимых в научный оборот материалов из архивных фондов и извлечения из бесед И. В. Сталина с Шэнь Цзинго, с Мао Цзэдуном, а также из бесед советских послов в Китае А. А. Петрова и Н. В. Рошина с Мао Цзэдуном, Шэнь Цзинго, из записей о Московском совещании министров иностранных дел СССР, США и Англии в декабре 1945 г., из беседы И. В. Сталина с государственным секретарем США Д. Бирнсом и др.).

Никакие потуги нынешней пекинской пропаганды оклеветать политику нашей страны в отношении Китая не в состоянии извратить из сознания народов тот факт, что Советский Союз был первым государством, признавшим КНР сразу же после ее образования и установившим с ней дипломатические отношения, что упрочило положение народного Китая на международной арене в тот трудный для него начальный период.

Невозможно ни вычеркнуть из истории, ни замолчать то, что в самые тяжелые времена становления молодой народной республики на китайской земле Советский Союз оказал китайскому народу всестороннюю помощь и поддержку как в отстаивании завоеваний революции от посягательств империализма и китайской реакции, так и в восстановлении экономики страны и развертывании строительства, в результате чего в Китае в короткие сроки был создан ряд современных отраслей промышленности, ранее не существовавших в этой стране, а также в транспортном строительстве, в подготовке национальных научно-технических и инженерных кадров, в обучении широких контингентов рабочих и молодых профессий.

Невозможно заставить китайский народ забыть, что в это трудное время именно Советский Союз подписал с Китайской Народной Республикой Договор о дружбе, союзе и взаимной помощи, который сыграл огромную роль в укреплении международных позиций КНР и ее безопасности. Это признавали и подчеркивали в то время сами китайские руководители. Так, Мао Цзэдун при ратификации договора 11 апреля 1950 г. говорил: «Новые китайско-советские договор и соглашения юридически закрепили дружбу между великими народами Китая и Советского Союза... Они облегчили нашу работу в области внутреннего строительства и совместное противодействие возможной империалистической агрессии, но имея сохранения мира во всем мире» (с. 33).

Политика активного сотрудничества КНР с Советским Союзом и другими социалистическими странами, борьба против империализма и колониализма, выступление против агрессии, за сохранение мира привели к быстрому признанию молодой народной республики многими государствами, к расширению ее международных связей. Эта политика играла немалую позитивную роль в международных отношениях в тот период, который был, как известно, периодом «холодной войны». Эта политика вносила вклад в общее дело мирового социа-

лизма, в борьбу за сохранение международного мира и прежде всего укрепляла позиции китайского народа, обеспечивая благоприятные условия для проведения в жизнь насущных социально-экономических преобразований и развертывания строительства на экономическом фронте.

Именно так думало подавляющее большинство китайских коммунистов, стоявших на позициях интернационализма. Именно так рассматривали дружбу с СССР и социалистическими странами китайские трудящиеся. Именно это лежало в основе известных решений VIII съезда КПК, в которых указывалось, что КПК «выступает за внешнюю политику сохранения мира во всем мире и мирного сосуществования стран с различным строем... Партия прилагает усилия для развития и укрепления дружбы со странами лагеря мира, демократии и социализма, возглавляемого Советским Союзом, укрепляет солидарность пролетарского интернационализма, изучает опыт мирового коммунистического движения, поддерживает борьбу коммунистов, прогрессивных элементов и трудового народа всех стран, направленную на обеспечение прогресса человечества, воспитывает своих членов и народ в духе интернационализма, выраженного в призыве «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!»¹.

Внешне эту линию поддерживали тогда также Мао Цзэдун и его сторонники. Однако, как выявилось позднее, заявления Мао о дружбе с Советским Союзом были двуличными и лицемерными, в тот период ему приходилось еще считаться с теми кругами в ЦК КПК, которые отстаивали курс на развитие дружественных отношений с СССР (с. 89). В действительности же Мао Цзэдун и его группа уже в то время вынашивали намерения навязать социалистическим странам свою гегемонистскую платформу и приступить на этой основе к реализации великодержавно-шовинистических китаецентристских устремлений. К концу 50-х годов, взяв верх в резко обострившейся внутрипартийной борьбе, националистическая группировка Мао Цзэдуна начала осуществление крутого поворота во внутренней и внешней политике Китайской Народной Республики.

Отбросив в сторону разработанную партией и утвержденную VIII съездом генеральную линию, игнорируя объективные экономические законы и опыт социалистического строительства в братских странах, маонисты провозгласили авантюристическую политику «большого скачка», историческим предназначением которой должно было стать обеспечение экономической основы для проведения гегемонистского курса на международной арене. Одновременно начался пересмотр внешней политики и были поставлены четыре ключевые задачи:

подчинить своей гегемонии страны социализма и мировое коммунистическое дви-

¹ Материалы VIII Всекитайского съезда Коммунистической партии Китая (15—27 сентября 1956 г.). М., 1956, с. 510—511.

женне, сделать их инструментом расширения зоны китайского влияния;

навязать свой курс народам Азии и Африки и сколотить из них блок под эгидой КНР;

обострить международную напряженность, вызвать ряд локальных войн и, оставаясь в стороне от них, в конечном счете спровоцировать ракетно-ядерную войну между СССР и США;

не отказываться от сделок с империализмом, если того требуют националистические интересы Китая (с. 167).

Потерпев неудачу в попытках навязать СССР и социалистическому лагерю свою левацкую авантюристическую линию, группировка Мао Цзэдуна встала на путь разрыва с мировой социалистической системой, измены принципам социалистической внешней политики и открытой борьбы против Советского Союза и других социалистических государств. Изоляция КПК от международного коммунистического движения позволила Мао Цзэдуну и его сторонникам утвердить в партии великоханьский националистический курс и направить развитие страны по пути создания милитаристского государства, призванного служить орудием реализации гегемонистских замыслов китайского руководства.

Насущные, коренные интересы китайского народа были подчинены великодержавной политике, мелкобуржуазным доктринам «казарменного коммунизма», которые и нашли свое воплощение в волюнтаристских экспериментах в духе «большого скачка». Реализация этого курса, его провалы и связанное с этим нарастание борьбы внутри китайского руководства привели к маоистской «культурной революции», результатом чего явилось разрушение политической системы народной демократии и установление в Китае военно-бюрократической диктатуры. Страна попала в полосу длительного социально-политического кризиса и экономического зстоя. Ныне и в самом Китае можно услышать признания того, о чем с самого начала предупреждали КПСС и другие братские партии: в Пекине признают, что «скачок» вызвал хаос в китайской экономике и привел Китай на грань экономического развала, а «культурная революция» была «феодално-фашистской диктатурой».

Все это сопровождалось дальнейшим скатыванием внешней политики КНР на путь шовинизма и авантюризма. Еще в 1962—1966 гг. эволюция внешнеполитического курса китайского руководства принесла новые доказательства того, что оно не ведет какую-то теоретическую дискуссию или спор о толковании отдельных положений, а выступило в открытый поход против марксистско-ленинского учения, против единства мировых революционных сил в борьбе против империализма, за мир. В период наибольшего обострения карибского кризиса в 1962 г. КНР не оказала поддержки революционной Кубе, а, напротив, стремилась разжигать страсти вокруг кубинского вопроса, обрушилась с грубыми и насильственными фальшивыми нападениями на Со-

ветский Союз и его принципиальную линию, фактически пыталась спровоцировать военное столкновение между СССР и США. В это же самое время китайские войска предприняли широкие военные действия в Гималаях, вторглись на территорию Индии. Эта экспансионистская акция китайских милитаристов против неприсоединившейся Индии была не только ярким примером захватнических, агрессивных appetitов пекиньских гегемонистов. Она накаляла международную обстановку на Азиатском континенте и в определенной степени отвлекла внимание мировой общественности от провокаций США против Кубы.

Приводя материалы переписки между ЦК КПСС и ЦК КПК, автор убедительно показывает, что советская сторона предпринимала большие и серьезные усилия, делала все от нее зависящее, чтобы преодолеть разногласия, нормализовать отношения двух стран. В письмах ЦК КПСС выражено искреннее стремление нашей партии к нормализации советско-китайских отношений. Однако у лидеров КПК были иные намерения и цели. Пекин развернул в печати и по радио широкую антисоветскую кампанию. Перенеся возникшие разногласия на межгосударственные отношения, он пошел по пути свертывания экономических, научно-технических и культурных связей. К этому прибавились все нараставшие провокации на советско-китайской границе, открытое выдвигание территориальных притязаний на советские земли на Дальнем Востоке и в Средней Азии.

Разоблачению истинного характера национально-эгоистической гегемонистской политики Пекина способствовала его линия в период агрессивной войны США во Вьетнаме. Автором приводятся многочисленные фактический материал, свидетельствующий о том, что для пекиньских лидеров в этот период главным было использование самоотверженной борьбы вьетнамских патриотов в своих корыстных великодержавных целях, что позиция Мао и его группы, их многообразные намеки и прямые заявления эмиссарам Вашингтона о своем намерении «стоять в стороне», настойчивый и демонстративный отказ от координации усилий социалистических стран для оказания помощи Вьетнаму — все это, по сути дела, поощряло империалистов США на продолжение и расширение войны в Индокитае (с. 238).

В книге напоминает о том, что во время войны во Вьетнаме «власти КНР чинили препятствия перевозке боевой техники и специалистов из СССР в ДРВ, пытались приуменьшить значение советской помощи. И это делалось в то время, когда из СССР поступали ракеты, артиллерия и другое современное оружие, боеприпасы, радиотехнические средства, автомашины, суда, промышленное оборудование, продовольствие, медикаменты. Вьетнамские товарищи высоко оценивали советскую помощь, игравшую, как они отмечали, огромную роль в укреплении обороноспособности ДРВ и отражении американской агрессии» (с. 238).

В то время руководство КНР выступало с показными антиимпериалистическими заявлениями и декларациями. Однако чем дальше, тем яснее становилось, что это камуфляж, поскольку уже тогда был взят курс на значительное расширение связей КНР с капиталистическими странами за счет стран социализма, одним из примеров чего и являлась двуручническая линия Пекина в отношении вьетнамского народа, отстаивавшего свою свободу и независимость. В наши дни, когда появились новые документы об этом периоде, в том числе опубликованные в СРВ, смысл этой политики китайского руководства, тихой сапой готовившего сближение с империалистическими державами, выступил со всей рельефностью.

Смысл этой линии Пекина был уловлен представителями империализма, которых не взяла в заблуждение экстремистская, «ультраревOLUTIONная» до истеричности фраза о «логике китайских руководителей, достигшая своего апогея в период «культурной революции», когда, одержимая идеей великодержавного шовинизма, группа Мао позабыла на какое-то время о маскировке своих гегемонистских устремлений и, попирая общепринятые нормы международного права, начала широко применять грубое вмешательство во внутренние дела суверенных государств. Именно в этот период хунвэйбины клялись водрузить «знамя Мао» во всем мире, а китайская пресса писала, что «китайский народ морально готов всеми силами бороться за возвращение потерянных территорий, когда-то принадлежавших Китаю» (с. 385). Именно в этот период в Пекине творились бесчинства в отношении иностранных посольств и их персонала. Именно в этот период в наиболее неприкрытой, подстрекательской форме велась проповедь фатальной неизбежности и «слезности» новой мировой войны, предпринимались озлобленные нападки на развернувшийся процесс разрядки международной напряженности и любые инициативы, направленные на прекращение гонки вооружений и разоружение. Все это, однако, как указывается в книге проф. М. С. Каплицы, отнюдь не мешало тому, что «культурную революцию», ее итоги приветствовали представители империализма, и делали они это прежде всего потому, что Китайская Народная Республика была в тот период поставлена в позицию конфронтации с Советским Союзом, социалистическим союзом». «Официальные лица в Вашингтоне считают, что Мао служит американским интересам, поскольку его усилия по гальванизации китайских масс вовлекают Китай в конфликт с Россией в большей степени, чем с Соединенными Штатами Америки». — писала в феврале 1967 г. «Вашингтон пост» (с. 318).

Особый интерес в труде М. С. Каплицы представляют, на наш взгляд, две последние главы, в которых обобщается и анализируется фактический материал о внешней политике Пекина в последнее десятилетие, а также обстоятельно разбираются внеш-

неполитические доктрины и концепции китайского руководства. В это десятилетие Пекин круто повернул вправо, к развитию тесных отношений с империалистическими державами, к смыканию с ними на международной арене при одновременном ухудшении отношений с Советским Союзом и всем социалистическим содружеством. Пожалуй, впервые в нашей исторической литературе в данной монографии систематически рассматривается внешнеполитический курс нынешнего руководства, формирующийся в Пекине после смерти Мао Цзэдуна. Не случайно эти важные главы, посвященные наиболее актуальным, животрепещущим проблемам, занимают почти половину всего объема книги. Они отличаются особым обилием фактического материала и помогают читателю разобраться в существе и деталях нынешней линии Китая на международной арене. О чем же говорят эти факты?

В последнем десятилетии со всей определенностью выяснилось, что китайские руководители, руководствуясь своими гегемонистскими амбициями, пойдя «налево», теперь пришли на правый фланг, оказавшись в одной компании с империалистами и реакционерами всех мастей. Уже после IX съезда КПК Мао Цзэдун, Чжоу Эньлай и другие китайские лидеры пошли на сближение с империалистическими государствами, социалистический лагерь был объявлен несуществующим, СССР назван «врагом номер один», народ запугивали «возможным в любой момент нападением с Севера»; нагнетая вражду к Советскому Союзу, китайские власти довели дело в 1969 г. до вооруженных провокаций на советско-китайской границе. Исходя из тезиса, что для реализации гегемонистских замыслов Пекина благоприятную возможность может создать лишь конфронтация двух мировых систем, а еще лучше тотальное столкновение между СССР и США при условии, что самому Пекину удастся оказаться в стороне от такого столкновения, китайские руководители отчаянно сопротивлялись любому шагу в сторону от войны и провоцировали обострение международной обстановки. Путем к этому они все более настойчиво провозглашают создание «единого широкого международного фронта» против СССР и социалистического содружества, то есть подталкивание своих новых партнеров из числа империалистических держав и их союзников к более острой борьбе против СССР и стран социалистического содружества. Прием этот для китайских руководителей не нов и не оригинален. Они пытались пустить его в ход — так сказать, с другого конца — еще в 1958 г., когда ими был спровоцирован тайваньский кризис. Разница лишь в том, что в тот период они пытались подталкивать СССР к схватке с США, что, как известно, им не удалось. По расчетам китайских лидеров, острая военно-политическая напряженность между двумя системами может быть чревата мировой войной, которая, дескать, в силу демографических особенностей Китая менее всего ослабит его, но подрвет СССР, США, За-

падную Европу и тем самым расчистит Пекину путь к мировой гегемонии (с. 340).

«Международная напряженность, — отмечается в монографии, — нужна Пекину для мобилизации усилий народа на форсированное наращивание военной мощи КНР при сохранении на длительный период крайне низкого жизненного уровня. Напряженность, в том числе региональная, по замыслам китайского руководства, ослабит глобальные позиции его противников. Например, ближневосточный кризис должен серьезно отвлекать внимание и материальные ресурсы США и СССР, конфликтная ситуация на Южноазиатском субконтиненте, в Бирме — связывать руки Индии как влиятельной силы в Азии и в «третьем мире» в целом» (с. 340).

Нынешняя международная обстановка дает много нового материала для подтверждения и иллюстрации этих положений книги, убедительно показывая, что несут народам, в том числе прежде всего народам азиатских стран, великодержавные, гегемонистские устремления, курс Пекина на смыкание с империализмом, в том числе с империализмом США. Симптоматично, что китайская агрессия против СРВ началась на второй день после возвращения Дэн Сяопина из поездки в США и Японию. А недавняя поездка министра обороны США Г. Брауна в Пекин? Разве она не продемонстрировала тенденцию к развитию американо-китайского военного сотрудничества, направленного против интересов азиатских народов? Разговоры об «общности стратегических целей» Китая и США, об одинаковости их оценок обстановки на Среднем Востоке и в Южной Азии, за которыми последовали действия по вооружению Пакистана, поездки в эту страну З. Бжезинского и министра иностранных дел КНР Хуан Хуа, поспешивших на пакистано-афганскую границу, усилившиеся транспорты оружия по Каракорумскому шоссе — все это свидетельствует об американо-китайском сговоре, уже вызвавшем законную тревогу во многих азиатских странах, в том числе, разумеется, в Индии.

Китай ратует за сохранение и усиление американского присутствия в Азии, в районе Индийского океана, он поддерживает создание в этих районах новых американских баз, он фактически солидаризуется с американской администрацией и в связи с такой острой проблемой, как американское давление на Иран. Китайские средства массовой информации ни словом не обмолвились по поводу того, что США выслали в район Персидского залива небывалых раз-

меров военно-морскую армаду, Пекин не выступил в ООН против американских предложений о так называемых «санкциях» против Ирана.

В книге обоснованно указывается и подтверждается путем развернутого анализа основных компонентов нынешнего курса Пекина на международной арене, что этот курс не претерпел существенных изменений после ухода Мао Цзэдуна и отстранения его ближайших сторонников — так называемой «банды четырех». Кстати сказать, вряд ли следует ожидать таких изменений и после состоявшегося в феврале с. г. V пленума ЦК КПК, на котором из китайского руководства была исключена очередная группа выдвиженцев «культурной революции». В основе провозглашаемой нынешним китайским руководством политики модернизации по-прежнему остается наращивание военного потенциала страны. В ходе обсуждения программы модернизации в Китае, пишет автор, точка зрения военных кругов, требующих подчинения развития промышленности целям форсированного наращивания военного потенциала, оказалась доминирующей (с. 342).

Наследники Мао Цзэдуна в области внешней политики по-прежнему делают ставку на неизбежность новой мировой войны, на подрыв разрядки. Некоторые попытки маневрирования их в области основных международных проблем, например тезис об «отсрочке» новой мировой войны, попытки включиться в обсуждение проблем разоружения, не меняют существа их платформы, а имеют, как указывается и доказывается в соответствующих разделах рецензируемого труда, тактический характер. О неизменности основных стратегических установок Пекина, вытекающих из великодержавных гегемонистских устремлений китайского руководства, говорит вся совокупность фактов о его внешнеполитических акциях и аффилиациях. Смыкание с империализмом, гегемонистские и захватнические устремления, претензии на лидерство среди развивающихся стран, враждебность к миру социализма — таковы компоненты нынешнего курса Пекина на международной арене. Этот курс чреват немалыми опасностями для дела мира в Азии и во всем мире. Он не сулит ничего хорошего трудовому народу Китая, обрекая его на новые жертвы во имя реализации несбыточных реакционных гегемонистских амбиций китайских руководителей.

В. А. Архипов

Против маоистских извращений истории Центральной Азии

Вопросы истории народов Центральной Азии привлекают к себе все большее внимание в связи с опасной активизацией политики КНР в северо-западной части этого региона. Пекинские лидеры выдвигают агрессивные территориальные притязания к Советскому Союзу, в частности на земли Казахстана и Средней Азии. Одновременно китайское руководство проявляет, как известно, откровенно экспансионистские намерения в отношении Монгольской Народной Республики. В самое последнее время, как показывают события в Афганистане, Китай, используя в качестве плацдарма Синьцзян, ведет курс на дальнейшее расширение сферы своих гегемонистских устремлений в Центральной Азии.

Для того чтобы оправдать такого рода действия, маоистская пропаганда и некоторые китайские историки обращаются к прошлому народов Центральной Азии. Они, с одной стороны, идеализируют политику Китая и прежде всего маньчжуро-китайские завоевания, а с другой — стремятся исторически извратить и опорочить политику России, которая с XVII в. стала играть все большую роль в исторических судьбах народов Центральной Азии.

Ряд мало исследованных вопросов, касающихся этого обширного региона, освещается в недавно изданной монографии Б. П. Гуревича «Международные отношения в Центральной Азии в XVII — первой половине XIX в.»¹. Опираясь на весьма широкий круг источников, автор проследивает историю вторжения войск Цинской империи в Монголию, Джунгарию и Восточный Туркестан в период с конца XVII до 50-х годов XVIII в. Завоеватели сокрушили независимые владения монголов, уйгуров и других народов. Особенно трагична была судьба Джунгарского ханства, уничтоженного вместе со всем его населением. Тогда же цинский Китай попытался распространить свою экспансию на некоторые районы Казахстана, Средней Азии и Южной Сибири. Однако эти планы потерпели неудачу, и маньчжуро-китайские завоеватели вынуждены были отойти в пределы созданного ими на месте Джунгарии и Восточного Туркестана имперского наместничества Синьцзян.

Существенную роль в этом, как показано в монографии, сыграла твердая позиция России, ставшей на защиту казахов и других народов. Некоторые из них к тому времени уже приняли российское подданство. Зна-

чительное число казахов, алтайцев и ойратов нашло защиту от жестокой расправы маньчжуро-китайских карателей на русских укрепленных линиях в Казахстане и Южной Сибири. Этим они были спасены от физического уничтожения войсками Цинской империи.

Тем не менее в 60-х годах XVIII в. на рубежах Казахстана и Средней Азии вновь возникает опасность вторжения военных сил цинского Китая, что даже порождает попытки ряда тогдашних мусульманских государств и владений создать антицинскую военную коалицию во главе с могущественным правителем Афганистана Ахмад-шахом. Знаменательно, как отмечается в монографии, что правящие круги Цинской империи рассматривали афганского шаха всего лишь как своего «вассала». Позже это, вероятно, послужило бы поводом великоханским шовинистам для включения Афганистана в число «утраченных земель» Китая.

Характер взаимоотношений, сложившихся между цинским Китаем и народами Казахстана и Средней Азии после закрепления маньчжуро-китайских завоевателей в Синьцзяне, свидетельствует, как это видно из монографии, что цинскому правительству так и не удалось подчинить себе казахов, киргизов, узбеков и другие народы Средней Азии. Эти взаимоотношения не выходили за рамки обычных внешнеполитических связей, которые Цинская империя имела с другими государствами и владениями в Азии. Выводы, сделанные автором на основе русских и китайских источников, делают абсолютно несостоятельными ссылки маоистов на некие «исторические права» Китая на земли Казахстана и Средней Азии.

Работа показывает, как создавались исторические предпосылки территориального разграничения между Россией и Китаем в Центральной Азии, завершившегося в конце XIX в. Формирование русско-китайской границы явилось здесь, как и на Дальнем Востоке, результатом длительного и сложного исторического процесса, который был связан со всем ходом создания многонациональной Российской империи и многонациональной империи Цин. Эта граница имеет прочную договорно-правовую основу, и поколебать ее не могут никакие экскурсы китайских историков в прошлое народов Центральной Азии.

Таким образом, монография Б. П. Гуревича, в которой впервые сделана попытка дать обобщающую картину международных связей в Центральной Азии в XVII — первой половине XIX в., позволяет более глубоко понять характер внешней политики России и Цинской империи на их центрально-азиатских рубежах, а также ряд малозученных вопросов истории народов Казахстана, Средней Азии и южной Сибири. И это имеет важное значение для разоблачения антинаучных и спекулятивных концепций китайских историков, имеющих целью «подкрепить» ссылками на прошлое великодержавно-гегемонистские устремления нынешнего руководства КНР в Центральной Азии.

¹ Б. П. Гуревич, *Международные отношения в Центральной Азии в XVII — первой половине XIX в.* (отв. ред. член-корр. АН СССР С. Л. Тихвинский). М., 1959, 311 с.

Курсом на милитаризацию страны

Вышла в свет четвертая книга, завершившая серию работ по экономике КНР*. Серия подготовлена авторским коллективом Института Дальнего Востока АН СССР под общей редакцией члена-корреспондента АН СССР М. И. Сладковского. Рецензируемая монография посвящена анализу таких важных проблем, как транспорт, водное хозяйство, внутренняя и внешняя торговля, финансы и материальное положение трудящихся Китая.

В монографии собран и обработан огромный материал, выявлены основные тенденции в развитии названных сфер народного хозяйства Китая за период с 1949 по 1975 г. Следует выделить разделы о развитии транспорта, внешнеэкономических связей и о материальном положении трудящихся. В них, особенно в третьем, привлекают внимание не только обстоятельность и всесторонность анализа, но и отработанная его методика. Благодаря этому авторам удалось вскрыть наиболее существенные проявления рассматриваемых процессов.

Читатель найдет в монографии добротную информацию по исследуемым вопросам. Мы же хотим обратить внимание на два общих момента. Во-первых, авторы данной работы, как, впрочем, и всей серии, показывают громадные трудности социально-экономического строительства в первые годы народной власти, связанные с крайней отсталостью народного хозяйства в дореволюционном Китае, разрушенного и дезорганизованного за десятилетия борьбы против японской агрессии и гражданских войн. Поэтому уже тот факт, что в первое десятилетие после народной революции с помощью СССР и других социалистических стран была успешно восстановлена экономика страны и создан народнохозяйственный комплекс со всеми важными по тому времени отраслями, что многомиллионные массы города и деревни получили возможность полезно трудиться и обрели уверенность в завтрашнем дне, явился неопровержимым доказательством того, что Китай выбрал правильный путь — к социализму.

Во-вторых, материалы монографии показывают, что отход маоистского руководства от принципов научного социализма и опыта социалистических стран в конце 50-х годов проявился в великодержавном гегемонизме и вытекающей из этой идеологии стратегии

всесторонней военизации и милитаризации экономической и общественной жизни. В конце 50-х и начале 60-х годов в ходе «коммунизации» города и деревни вся страна, по существу, была объявлена военным лагерем. В 1963—1965 гг. стали стремительно расти военные расходы. В 1965 г. они составили 14,3 млрд. юаней, то есть почти вдвое превысили уровень 1957 г. Резко возросли и так называемые расходы на науку и культуру (9 млрд. юаней), которые использовались прежде всего для производства ракетно-ядерного вооружения. В результате в 1964 и 1965 гг. было проведено по одному, а в 1966 г. — три испытания атомных и водородных бомб (с. 127—128).

Милитаристские и экспансионистские устремления пекинского руководства наглядно проявились в 60—70-е годы в области развития транспорта. Строительство железных дорог все определеннее принимало военно-стратегический характер. Дороги строились главным образом в Северо-Восточном, Юго-Западном и Центральном Китае. Пекинская печать не скрывала, что строительство железных дорог в Центральном Китае имеет большое значение не только для экономического развития этого района, но и для «ускорения подготовки к войне» («Жэньминь жибао», 25.XII.1978). Что касается северо-восточного направления, то автор раздела прав, отмечая, что «столь значительное расширение сети железных дорог в районах, непосредственно граничащих с СССР, вызвано, несомненно, военно-оперативными соображениями и явилось косвенным свидетельством агрессивного характера пекинской политики на советско-китайской границе» (с. 14).

Усиленную подготовку к увеличению пропускной способности железных дорог западного направления в 60-е годы можно было воспринять как стремление пекинского руководства помочь вьетнамскому народу в его борьбе против американских империалистов. Однако в действительности эти работы велись с другой стратегической целью — обеспечить условия для будущих агрессивных войн против стран Юго-Восточной Азии, что и подтвердила война Китая против СРВ весной 1979 г.

Автор раздела убедительно показывает, что те же великодержавные экспансионистские цели преследовало пекинское руководство и при форсировании строительства автодорог в 60-е и 70-е годы. Оно велось в тех же трех стратегических направлениях. Так в Юго-Западном Китае дороги строились не только к границе сопредельных стран ЮВА, но нередко затем удлинялись и за пределы Китая, на территорию соседних стран. В Лаосе, например, по договору 1962 г., Китаем были построены три шоссейные дороги. Сверх того, Китай без согласия правительства Лаоса построил еще две дороги, одна из которых протянулась до Дьенбьенфу на территории СРВ, а другая — до Панбенга на реке Меконг.

Значительное дорожное строительство было проведено в приграничных районах СРВ. Были построены, отремонтированы или реконструированы дороги, ведущие к вьетнамским городам Лаокай, Ланшой и Монгкай. Как известно, именно эти дороги явля-

* Экономика КНР: транспорт, торговля, финансы. М., «Наука», 1979, 285 с. Ранее были изданы: Социально-экономический строй КНР (1949—1975). М., 1978; Сельское хозяйство КНР. М., 1978; Промышленность КНР. М., 1979.

дальше основными направлениями агрессии Китая против СРВ в 1979 г.

Маоистское руководство тратило громадные средства на строительство дорог, ведущих в Непал, Тибет и Пакистан. Это должно по плану Пекина, обеспечить выход Китая через высокогорные районы на ближайшие подступы к Индии. Значительная активность в дорожном строительстве в пограничных районах Юго-Западного Китая обеспечивается также стремлением Пекина обеспечить регулярную помощь сепаратистам и прокитайски настроенным мятежникам в странах Южной и Юго-Восточной Азии, а также подготовку условий для «возвращения» якобы ранее утраченных территорий в ряде стран этого крупного региона (с. 42).

Ос начала 60-х годов Пекин стал осуществлять пересориентацию своих внешнеэкономических связей на капиталистические страны. К концу 60-х годов капиталистические государства уже занимали преобладающее место во внешней торговле Китая как по стоимостным показателям, так и по важности для китайской экономики поставляемых товаров (с. 186). В 70-е годы масштабы экономического сотрудничества Китая с капиталистическими странами достигли небывалых размеров. Опираясь на помощь капиталистических стран, пекинское руководство пытается создать мощный военно-экономический потенциал. Платой за эту помощь является оголтелый антисоветизм и проимпериалистическая политика Пекина на международной арене по вопросам войны и мира, борьбы народов за свое национальное и социальное освобождение.

Внешнеэкономическая деятельность пекинского руководства в последнее двадцатилетие была поставлена на службу милитаристским целям: импорт был ориентирован на закупки военной техники, оборудования и технологий для отраслей военного назначения, а также на вынужденные закупки продовольствия, а экспорт — на оплату импорта (с. 143—204). При этом экспорт формировался искусственно, нанося громадный вред внутреннему потреблению.

Внутренняя торговля страны в этот период была рассчитана на удовлетворение самых минимальных жизненных потребностей трудящихся. Пекинское руководство проводило политику сдерживания роста производительности населения. Не удивительно поэтому, что структура розничного товарооборота остается в течение двух десятилетий почти неизменной: почти полови-

на всех потребительских товаров приходится на продовольствие, около 20 % — на одежду и обувь, 15 % — на культтовары (с. 110).

Автор раздела «Материальное положение трудящихся» с полным основанием усматривает главную причину тяжелого материального положения трудящихся Китая в том, что с конца 50-х годов целью общественного производства является не удовлетворение растущих потребностей трудящихся масс, а обеспечение великодержавных милитаристских устремлений пекинского руководства. Милитаризация проводится за счет того, что сдерживается развитие мирных отраслей промышленности, реконструкция сельского хозяйства.

Монография охватывает период до 1975 г. В последующие годы в Китае был осуществлен ряд мер по восстановлению и развитию экономики. «Однако, — как справедливо отмечается в «Заключении» книги, — это делается не с целью возврата к социалистическим формам управления и восстановления ленинских норм руководства экономикой, а для того, чтобы удержать любой ценой народное хозяйство от спада, взвинтить темпы роста милитаризации для решения великодержавных, гегемонистских задач» (с. 266). В ходе пересмотра методов ведения народного хозяйства пекинское руководство продолжает цепляться за многие маоистские постулаты. Если при Мао Цзэдуэ активно проводилась ревизия марксизма-ленинизма «слева», то после его смерти определенная часть китайского руководства перешла к ревизии экономической теории научного коммунизма с правопортунистических позиций.

Факты показывают, что нынешнее пекинское руководство отнюдь не вернулось к практике развития народного хозяйства на основе научного коммунизма и опыта социалистического строительства в других странах. «Переход к подлинно социалистической системе управления, к демократическим формам планирования в КНР, — отмечает автор «Заключения», — возможен лишь с отказом от существующего режима, с отказом от курса на тотальную милитаризацию страны» (с. 267). Однако такая перспектива явно не устраивает нынешних китайских руководителей. Они не хотят отказаться от великодержавного гегемонизма, от милитаризации экономической и общественной жизни в стране.

Г. А. Алексеев

Опыт развития по некапиталистическому пути

Народная Республика: уверенная поступь¹. Поскольку изучение опыта социалистического строительства в Монголии — стране, миновавшей в своем развитии стадию капитализма, — представляет как практический, так и теоретический интерес, то выход в свет этой работы, безусловно, привлечет внимание специалистов и широкого круга читателей.

Издательство «Знание» выпустило в свет работу Е. П. Баврина «Монгольская

¹ Е. П. Баврин. Монгольская Народная Республика: уверенная поступь. М., 1980, 64 с.

Автор на обширном фактическом материале показывает, как конкретно протекали преобразования во всех сферах жизни монгольского общества, какие серьезные трудности приходилось при этом преодолевать, сколь велика была организующая и направляющая роль Монгольской народно-революционной партии (МНРП), отмечает значение помощи и сотрудничества первого в мире социалистического государства — Советского Союза.

В работе подчеркивается, что при всей специфичности революционного процесса в Монголии там в ходе строительства социализма обнаружилось действие общих закономерностей, присущих всем странам, строящим социализм. Сложность и трудность процесса революционных преобразований монгольского общества обусловили постепенность, поэтапность его перехода к социализму, минуя капитализм (с. 4).

В исторической последовательности автор показывает, что благодаря твердому марксистско-ленинскому курсу МНРП, умелому сочетанию высокой принципиальности и революционной гибкости было обеспечено осуществление принятой на III съезде МНРП генеральной линии развития страны к социализму (с. 8).

Особенно подробно анализируется автором современное состояние экономики Монгольской Народной Республики, которая, опираясь на братскую помощь Советского Союза и других стран социализма, сделала значительный шаг в осуществлении программной задачи — завершения построения социалистического общества (с. 27). В стране неизмеримо выросли масштабы общественного производства, претерпела значительные изменения отраслевая структура народного хозяйства. Постепенно Монголия превращается из аграрно-индустриального в индустриально-аграрное государство. Автор рассматривает также процесс изменения географического размещения производительных сил, который происходит по мере изучения и освоения сырьевых ресурсов страны (с. 28).

В работе Е. П. Баврина широко освещены вопросы индустриализации. С учетом объективных социально-экономических потребностей развития Монголии первостепенное значение, наряду с развитием пищевой и легкой промышленности, придается развитию топливно-энергетической промышленности. В соответствии с этим электроэнергетическая и угольная промышленность развивается опережающими темпами. В настоящее время наблюдается быстрый рост горнорудной промышленности на базе крупных месторождений плавикового шпата, цветных металлов, бурого угля и т. п. Большое значение для развития этой отрасли имеет совместное советско-монгольское горно-обогатительное предприятие «Эрдэнэт», производящее медный и молибденовый концентраты. Первая очередь его вступила в строй в 1978 г. (с. 30—31).

Успешная индустриализация страны привела к некоторому сокращению доли сельского хозяйства в создании совокупного общественного продукта и национального дохода (с. 33). Вместе с тем сельское хозяйство и сейчас в значительной мере определяет

уровень и темпы роста национального дохода и всего общественного производства. Основой сельскохозяйственного производства остается пастбищное животноводство — оно дает 79,5 % валовой продукции сельского хозяйства. Из общего числа занятых в этой отрасли на животноводство приходится более 90 % (с. 34).

Политика МНРП и правительства МНР направленная на интенсификацию сельского хозяйства, дает свои позитивные результаты. Валовая продукция сельского хозяйства в 1978 г. по сравнению с 1940 г. удвоилась (с. 36). По поголовью скота, производству таких основных видов животноводческой продукции, как мясо, шерсть, в расчете на душу населения Монголия занимает первое место среди социалистических стран (с. 36).

Основными производителями сельскохозяйственной продукции являются сельскохозяйственные объединения (СХО) и государственные хозяйства (госхозы). В настоящее время в сельском хозяйстве решаются сложные вопросы всемерной интенсификации и повышения эффективности производства, а также целый комплекс социальных проблем.

МНРП и правительство МНР, опираясь на рост общественного производства, осуществляют программу повышения материального благосостояния и культурного уровня монгольского народа (с. 39). Около $\frac{2}{3}$ национального дохода используется на потребление. Основу фонда потребления составляет индивидуальное потребление: заработная плата рабочих и служащих, доходы членов СХО от общественного хозяйства, распределяемые по труду (с. 40).

Постоянная забота партии и правительства МНР о благосостоянии трудящихся находит свое отражение в системе государственного социального обеспечения, здравоохранения, народного образования. В Монголии осуществлена подлинно ленинская культурная революция. Введено обязательное восьмилетнее обучение. Каждый четвертый в стране учится (с. 43).

Много места в работе отведено внешнеполитической деятельности МНРП, вопросам сотрудничества Монгольской Народной Республики с социалистическими странами, и особенно с Советским Союзом, роли интернациональной помощи братских стран монгольскому народу в построении социалистического общества. Краеугольным камнем внешней политики МНРП и правительства МНР были и остаются нерушимая дружба и сотрудничество с Советским Союзом. В отчетном докладе XVII съезду МНРП говорится: «Братский союз и тесное сотрудничество между нашими марксистско-ленинскими партиями — МНРП и КПСС, ленинская дружба монгольского и советского народов служат гарантией нашего свободного, независимого развития, залогом наших нынешних и грядущих успехов и побед в деле построения социалистического общества на монгольской земле»².

Договор о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи между СССР и МНР, подписанный в Улан-Баторе 15 января 1966 г. во

² XVII съезд МНРП. Основные материалы и документы. М., 1977, с. 9.

время визита в Монголию партийно-правительственной делегации СССР во главе с товарищем Л. И. Брежневым, является еще одним шагом в деле укрепления экономических, политических и других форм связей между народами обеих стран (с. 47). Автор подчеркивает, что главная роль в укреплении братской дружбы и сотрудничества между МНР и СССР принадлежит КПСС и МНРП, которые основывают всю свою внешнюю политику на принципах марксизма-ленинизма и социалистического интернационализма (с. 48).

Экономическое сотрудничество Советского Союза с МНР весьма разносторонне. Особенно большое значение для экономического развития МНР имеют ее торговые связи с Советским Союзом, а также его кредитная и материально-техническая помощь. Благодаря всестороннему сотрудничеству с СССР в ее братской помощи в экономике Монголии произошли значительные сдвиги. Созданы новые отрасли промышленности: энергетическая, топливная, горнорудная, деревообрабатывающая, пищевая, легкая и др. (с. 51). Предприятия, построенные при содействии Советского Союза, производят около 50 % всей валовой продукции промышленности Монголии (с. 52). Важную роль в экономике МНР играют совместные советско-монгольские предприятия и объединения.

Автор подробно останавливается на участии МНР в деятельности Совета Экономической Взаимопомощи, на проблемах сотрудничества со странами — членами СЭВ (с. 17, 54—57).

В настоящее время МНР поддерживает дипломатические отношения с 89 государствами мира, торгово-экономические — с 30 странами, культурные контакты — с 50 странами, участвует в работе более 20 международных правительственных и около 50 неправительственных организаций. Монголия активно поддерживает движение сторонников мира (с. 61).

Опыт Монгольской Народной Республики, совершившей переход к социализму, минуя капиталистическую стадию развития, имеет большое международное значение. В Монголии, как и в ряде советских республик, воплотились в жизнь идеи В. И. Ленина о возможности перехода ранее отсталых народов к социализму, минуя капитализм.

Путь, пройденный Монголией, показал, что задачи социально-экономического и политического развития могут быть успешно решены при условии союза с международным рабочим движением и странами социалистического содружества (с. 63).

Т. А. Якимова,

кандидат исторических наук

* * *

СССР, США и народная революция в Китае

На путях к избавлению от иностранного порабощения и буржуазно-помещичьей диктатуры гоминьдана китайскому народу пришлось преодолеть огромные трудности и принести неисчислимые жертвы. Особенно тяжелым был период японского нашествия, длившийся почти 14 лет. Вслед за изгнанием японских оккупантов в стране разразилась кровопролитная гражданская война, развязанная гоминьдановской реакцией при всесторонней поддержке США. — так характеризуется положение в Китае накануне революции 1949 г. в недавно вышедшей книге «СССР, США и народная революция в Китае»¹.

Автор книги, А. М. Ледовский, видный советский дипломат, 10 лет (1942—1952) находился в Китае на дипломатической работе, после этого был советником посольства СССР в США и затем послом в Бир-

ме. Он был непосредственным свидетелем событий, которые описывает в своей книге.

В своем труде А. М. Ледовский подробно рассказывает о Крымской конференции союзных держав и ее решениях по дальневосточным вопросам, о дипломатии СССР, США и Китая на завершающем этапе войны на Дальнем Востоке, об освобождении Маньчжурии Советской Армией в 1945 г., о борьбе Советского Союза против экспансионистских планов США в Маньчжурии и за вывод американских и японских войск из Китая, об образовании КНР и упрочении победы народной революции.

В обширной библиографии автор кропотливо собрал многое из того, что опубликовано по исследуемой теме, в том числе мало известные у нас труды американских авторов, китайских (особенно тех, которые работали в США), а также английских и японских.

Заслуживает внимания то, что автором использованы важные первоисточники, как советские, так и зарубежные. Тщательно были изучены и критически отобраны материалы, представленные конгрессу США, которые стали рассекречиваться только с 1967 г.

На солидной историографической основе ученый проанализировал исследуемые проблемы и наметил тенденции их развития, смело вступая в полемику с американскими и китайскими авторами. Poleмический характер книги — весьма ценная особенность рецензируемого труда.

После разгрома гитлеровской Германии СССР вступил в войну на Дальнем Восто-

¹ А. М. Ледовский. СССР, США и народная революция в Китае. М., «Наука», 1979, 215 с.

ке, разбил Квантунскую армию японских милитаристов, освободил Маньчжурию, заставил Японию капитулировать. Освободительная миссия Советской Армии на Дальнем Востоке сыграла выдающуюся роль в судьбах национально-освободительного и демократического движения в странах Азии, в том числе в Китае. Советский Союз содействовал росту и укреплению китайских революционно-демократических сил, созданию Маньчжурской революционной базы. Его последовательная политика заставила американцев и чанкайшистов разоружить и удалить из Китая японцев, ускорила вывод американских войск и сорвала планы прямой военной интервенции США в Китае.

На фоне этих событий неблагоприятно выглядят разного рода политические спекуляции, распространяемые западной и пекинской пропагандой вокруг вопросов советско-китайских и американо-китайских отношений в конце войны на Дальнем Востоке и в первые послевоенные годы. Наиболее заметно волна этих спекуляций поднялась с конца 60-х и начала 70-х годов в связи с провозглашением правительством США «новой политики» в отношении Китая. Эта политика рассчитана прежде всего на то, чтобы закрепить произведенный Мао Цзэдуном и его единомышленниками отрыв КНР от СССР и стран социалистического содружества, использовать изоляцию Китая в своих империалистических целях. Тем самым США хотят взять реванш за провал политики экспансии в Китае во второй половине 40-х годов.

В русле «новой политики» делаются попытки пересмотреть утвердившиеся в американских официальных кругах и буржуазной историографии оценки событий в Китае, а также американской политики в этой стране, особенно в годы второй мировой войны и после нее.

В связи с этим в США вновь обратились к документам и материалам, причем особое внимание привлекли письма, дневники, мемуары, донесения и другие материалы ряда американских политических и военных деятелей, дипломатов и журналистов. Были извлечены на свет материалы состоявшихся в годы маккартизма «слушаний» в комиссиях конгресса США дел американских дипломатов, журналистов и ученых, в свое время обличавших пороки чанкайшистского режима и выражавших сомнение в безупречности американского курса на безоговорочную его поддержку. Ныне авторы многочисленных публикаций сожалеют по поводу того, что в Вашингтоне не прислушались тогда к советам этих деятелей, задним числом резко критикуют режим Чан Кайши. Они высказывают сожаление, что США в тот период не порвали с ним и не пошли на соглашение с Мао Цзэдуном и Чжоу Эньлаем, когда те готовы были идти навстречу Вашингтону.

«Критикуя деятелей американской администрации периода конца 40-х годов, — пишет А. М. Ледовский, — инициаторы и апологеты «новой политики» пытаются свести дело к тактическим просчетам американской

дипломатии и отдельных ее деятелей и отвести внимание американской и мировой общественности от главного факта, заключающегося в том, что политика США в отношении Китая была империалистической (каковой она продолжает оставаться и по сей день) и не могла быть иной в силу самого характера американского государства; эта политика была решительно отвергнута китайским народом, который сумел, опираясь на поддержку СССР, расстроить политические маневры США в Китае и помешать их сговору с Мао Цзэдуном и его группировкой» (с. 10—11).

Прямо противоположную политику в отношении Китая проводил Советский Союз. С первых же дней своего существования СССР проявлял к китайскому народу чувства дружбы и горячей симпатии. СССР явился первым государством, положившим в основу своих политических и экономических отношений с Китаем принцип полного равноправия и уважения суверенитета. Со времени победы Великой Октябрьской социалистической революции и рождения Советского государства идеи Октября и факт существования СССР оказывали огромное влияние на развитие антиимпериалистического и революционного движения в Китае. Политика СССР по отношению к Китаю была достойно оценена великим вождем китайского народа Сунь Ятсеном, который глубоко понимал жизненную необходимость советско-китайской дружбы и всегда призывал китайский народ к ее всестороннему развитию и укреплению. В своем предсмертном обращении к ЦИК СССР Сунь Ятсен писал: «Я твердо верю в неизменность поддержки, которую вы до сих пор оказывали моей стране».

Советский Союз полностью оправдал эти чаяния китайского народа, выраженные в предсмертных словах Сунь Ятсена. В годы самых тяжелых для Китая испытаний, когда японские милитаристы развязали агрессию против Китая, Советский Союз, единственный среди всех держав, протянул китайскому народу братскую руку помощи. СССР занял твердую и решительную позицию, призвав все миролюбивые народы к совместным действиям в целях обуздания японских агрессоров. Однако западные державы сделали все, чтобы помешать принятию и осуществлению предложений Советского правительства.

Среди многочисленных вопросов, которые разбираются в книге, обращают на себя внимание следующие.

О Крымской конференции глав правительств трех держав в Советском Союзе и за рубежом написано немало. Но в этих публикациях основное внимание уделено вопросам, связанным с завершением войны с гитлеровской Германией и послевоенным урегулированием в Европе. Переговоры по Дальнему Востоку освещены гораздо слабее. Западные, особенно американские, буржуазные историки написали об этом значительно больше, но их работы часто носят тенденциозный характер.

В книге «СССР, США и народная революция в Китае» проанализирована дип-

Дипломатическая борьба в связи с выработкой решений по Дальнему Востоку. Американская дипломатия предпринимала усиленные попытки помешать принятию выдвинутых Советским Союзом условий вступления в войну против Японии или ограничить их разного рода оговорками. Более того, США, якобы под предлогом помощи Советскому Союзу в осуществлении военных операций против Японии, настаивали на своем военном присутствии на советском Дальнем Востоке. Все это преследовало одну из главных целей — помешать Советскому Союзу и его вооруженным силам осуществить свою историческую освободительную миссию в отношении народов Китая, Кореи и других стран Азии.

Советская дипломатия на Крымской конференции расстроила эти планы и добилась такого соглашения во Дальнем Востоке, которое отвечало не только национальным интересам СССР, но одновременно и его интернациональным задачам.

В монографии обстоятельно освещены советско-китайские переговоры, связанные с выработкой и заключением договора между СССР и Китаем от 14 августа 1945 г. Ранее в советских публикациях этот вопрос столь подробно не рассматривался, комментировался лишь самый факт заключения указанного договора. В книге показана сложная борьба, которую пришлось выдержать советской дипломатии, сумевшей сорвать замыслы дипломатии США и гоминьдановского Китая, направленные на ревизию Ялтинского соглашения по Дальнему Востоку. США пытались изменить предусмотренные Ялтинским соглашением условия советско-китайского договора, чтобы открыть доступ американскому империализму в Маньчжурию и помешать превращению ее в основную базу китайской революции.

Советская дипломатия отстояла и закрепила в китайско-советском договоре основные, принципиальные положения Ялтинского соглашения, в том числе решение о полном суверенитете Монгольской Народной Республики, против чего более всего возражала на переговорах китайская делегация, поддерживаемая Вашингтоном.

Это был равноправный договор, обеспечивавший скорейшее избавление Китая от японской агрессии и открывавший путь к всестороннему советско-китайскому сотрудничеству в послевоенный период. Договор предусматривал обязательства обеих сторон не вступать в переговоры с Японией и не заключать сепаратного мирного договора, что отвечало прежде всего интересам Китая как жертвы японской агрессии. Договор предусматривал также совместное принятие мер для предотвращения новой агрессии и оказания взаимопомощи в случае нападения на одну из сторон.

Положения договора свидетельствовали о том, что Советский Союз не имеет ни малейшего намерения искать каких-либо выгодных для себя сделок с противниками за счет интересов своего партнера, тем более такого слабого, каким был в то время Китай.

Автор на основе новых фактов, содержащихся в рассекреченных в самый последний период документах госдепартамента и конгресса США, разоблачает деятельность американской дипломатии и американской военщины. Эта деятельность сводилась к развязыванию военной интервенции, осуществлению морской блокады, расчленению Китая и применению других враждебных акций. Такая агрессивная политика ставила целью помешать развитию китайской революции с первых же ее шагов.

После капитуляции Японии в Китае столкнулись два диаметрально противоположных внешнеполитических курса: курс Советского Союза на поддержку китайского народа в его борьбе за полную национальную независимость, предотвращение гражданской войны, за демократический путь развития Китая и империалистический курс США на подчинение Китая интересам американских монополий, подавление демократических сил, укрепление реакционного режима гоминьдана.

Автор показывает широкую целенаправленную, активную деятельность советской дипломатии в поддержку китайской революции. Советская дипломатия сумела сорвать враждебные и опасные для китайского народа империалистические планы США, планы военной интервенции.

После капитуляции Японии США попытались направить в Китай крупные вооруженные силы. Их общая численность составляла около 113 тыс. человек. Посылка этих войск мотивировалась необходимостью оказания помощи китайскому правительству в разоружении и удалении японцев из Китая. Но, как показали последующие события, главная цель этой акции состояла в том, чтобы продемонстрировать свою военную силу в Азии, воздействовать на политическую обстановку в Китае и подержать режим Чан Кайши.

Американское командование и гоминьдановцы не торопились с разоружением и эвакуацией японцев. Они стремились использовать японцев в борьбе с КПК и демократическими силами в Китае. Японцам было сохранено оружие, они продолжали осуществлять контроль над занимаемыми ими городами и районами, преграждая путь войскам КПК. Более того, в ряде случаев Чан Кайши с ведома и полного одобрения американцев использовал японцев в боевых операциях против народно-революционных сил.

Присутствие американских войск в Китае входило в планы общей военно-политической стратегии США на Дальнем Востоке, которые стремились поставить под свой контроль все важнейшие ключевые порты и островные опорные пункты от Тайваня до Маньчжурии, чтобы обосноваться здесь прочно и надолго. Положением осложнялось тем, что действия американцев поддерживало правительство Чан Кайши, которое не желало вывода американских войск.

Советское правительство повело решительную борьбу за вывод американских войск и быстрое разоружение и удаление

ние японцев из Китая.

При твердой и активной поддержке СССР, его дипломатии китайскому народу удалось заставить США эвакуировать из Китая все свои вооруженные силы и вывести все войска японских оккупантов.

Освещению вопросов, касающихся обстановки в Китае во второй половине 40-х — начале 50-х годов и деятельности советской дипломатии, направленной на внешнеполитическое обеспечение победы китайской революции и укрепление международных позиций КНР, помогло в значительной мере то обстоятельство, что в 1942—1952 гг. автор находился на дипломатической работе и был непосредственным свидетелем событий, происходивших в Китае и на Дальнем Востоке в целом. В качестве дополне-

ния к упомянутым выше советским и зарубежным источникам и материалам весьма полезными при подготовке рецензируемой книги оказались личные наблюдения автора и его дневниковые записи.

Книга А. М. Ледовского, несомненно, привлечет внимание партийного актива, лекторов, пропагандистов, широкой общественности, поможет составить более четкое и ясное представление об истории освободительного движения в Китае в сложный и ответственный период конца 40-х годов, как и в период, последовавший за образованием КНР, о роли, которую играли в этих событиях СССР и США.

С. К. Стасов

* * *

Политика Китая в отношении развивающихся стран

25—27 марта с. г. в Москве состоялась Всесоюзная научная конференция на тему «Политика Китая в отношении развивающихся стран». Конференция была организована Институтом Дальнего Востока АН СССР совместно с институтами востоковедения, Африки и Латинской Америки и другими научными учреждениями Москвы, Ленинграда, Киева, Владивостока. В ее работе наряду с советскими учеными и специалистами-китаеведами принимали широкое и активное участие синологи НРБ, ВНР, СРВ, ГДР, Кубы, МНР, ПНР и ЧССР. С приветствием к участникам конференции обратились вице-президент АН СССР П. Н. Федосеев и первый заместитель заведующего отделом ЦК КПСС О. Б. Рахманин.

Открыл конференцию директор Института Дальнего Востока член-корреспондент АН СССР М. И. Сладковский.

Академик П. Н. Федосеев в своем выступлении подчеркнул, что по мере развития и углубления мирового революционного процесса и его важной стороны — национально-освободительного движения все более отчетливо выявляется решающее значение в этом Великой Октябрьской социалистической революции. В дни празднования 110-й годовщины со дня рождения В. И. Ленина, сказал он, мы вновь обращаем внимание всего мыслящего человечества на созданную Владимиром Ильичем теорию национально-колониального вопроса, на то, какое значение он придавал освободительной, антиимпериалистической борьбе народов колониальных и зависимых стран, на то, что именно В. И. Ленин определил основные законы этой борьбы, так же как и законы взаимодействия ее с мировым социализмом. В эти дни мы также обращаем внимание всех коммунистов и демократов, всех патриотов и интернационалистов на то, что пекинское руководство предало заветы великого Ленина относительно взаимодействия и взаимообусловленности составных частей мирового революци-

онного процесса. Политика маоистов в отношении развивающихся стран неопровержимо свидетельствует о том, что и в этом плане действия Пекина не только не соответствуют интернационалистской функции пролетарского государства и союза таких государств, но и становятся все более враждебными ей. Политика КНР и в этом смысле не только не может более выдаваться за элемент или вариант международной социалистической политики, но и прямо противоположна той роли, которую призван историей играть в мире социалистический союз народов.

Первый заместитель заведующего отделом ЦК КПСС О. Б. Рахманин в своем выступлении подчеркнул важное значение научного сотрудничества советских китаеведов с коллегами из социалистических стран в коллективном анализе китайской проблематики в условиях серьезного осложнения обстановки в мире под воздействием сближения Китая с империализмом. Пекин из простого подпевалы политике крайней империалистической реакции во все большей мере становится ее военно-политическим приспешником. Политика китайского руководства продолжает оставаться провокационной, шовинистической, антисоциалистической. Остаются без изменений «три кита» маоистской идеологии и политики: гегемонизм, антисоветизм и «китанизированный марксизм». Более того, Пекин, как свидетельствуют факты, проявляет тенденцию к активизации именно этих сторон маоизма. Поэтому идеологическая непримиримость к маоизму, показ ущерба, нанесенного политикой маоистов развитию Китая, разоблачение маоистской «модели социализма» являются большой интернациональной помощью делу социализма в Китае, китайским коммунистам. Курс маоистского руководства Китая становится все более враждебным делу национального освобождения и социального прогресса народов Азии, Африки и Латинской Америки.

С докладом «Антисоциалистический курс внешней политики КНР в отношении развивающихся стран» выступил доктор исторических наук профессор В. А. Кривцов*. Отметив возрастающую роль развивающихся стран в современном мире, докладчик подчеркнул, что в конце 70-х — начале 80-х годов проблемы этих стран пытаются эксплуатировать в собственных геополитиче-

* В этом номере журнала публикуется полный текст доклада профессора В. А. Кривцова.

ских интересах как империалистические силы, так и пекинские руководители, действующие параллельными и совпадающими курсами. Подобная политика, имеющая целью приостановить процесс укрепления независимости и социально-экономического развития стран Азии, Африки и Латинской Америки, заставить их служить интересам империализма и гегемонизма, в корне противоречит объективным потребностям развивающихся стран и прямо противоположна по своей сути последовательно дружеской позиции стран социализма. Основываясь на данных всестороннего анализа политики руководства КНР в отношении развивающихся стран, докладчик обратил внимание на необходимость разоблачения возрастающей активности пекинского гегемонизма, таящей в себе серьезную угрозу делу национального освобождения и социального прогресса развивающихся стран, и вместе с тем подчеркнул внутреннюю противоречивость и авантюризм социал-шовинистического внешнеполитического курса Пекина.

С интересом участники конференции выслушали доклад А. Г. Яковлева (ИДВ АН СССР) «Проимпериализм маоистской внешнеполитической стратегии на разных этапах ее эволюции». На основе сравнения содержания и методов деятельности пекинской дипломатии в конце 50-х, в 60-е и 70-е годы докладчик раскрыл внутреннюю «логику» эволюции маоистской внешней политики от скрытого национализма к антисоветизму и смыканию с империализмом и мировой реакцией. А. Г. Яковлев убедительно раскрыл истинный смысл крикливой «сверхреволюционности» маоистов, провокационную роль их внешнеполитического курса в конце 50-х годов, которым маоисты, по существу, затуманивали агрессивную природу империализма, его роль как действительного источника военной угрозы, представляли его как сторону, будто бы «кровно заинтересованную в мире». В то же время тактика маоизма тех лет обнаруживала стремление к подрыву единства мирового социализма и революционных сил современности, а следовательно, готовность «взять на себя часть той важнейшей постоянной задачи империализма, которую он сам не всегда и не везде был в состоянии эффективно решать». Подобные шаги пекинской дипломатии, подчеркнул докладчик, свидетельствовали «об изначальном понимании маоистами неизбежности своей конфронтации с революционными силами современности, а следовательно, и неизбежности взаимодействия с империализмом». На смену косвенному проимпериализму конца 50-х годов в 60-е и 70-е годы приходит все более откровенный проимпериалистический курс. Уже с 1960 г. маоисты открыли «второй фронт» борьбы против социализма, обнаружив полное совпадение направлений главного удара маоистской и империалистической стратегий.

Глубокий анализ общих проблем по теме конференции содержался также в докладе делегации ГДР «О влиянии сотрудничества нынешнего руководства КНР с империализмом на развивающиеся страны», представ-

ленным доктором Б. Кауфманом (Университет им. Гумбольдта). Отмечая характерные черты пекинской внешнеполитической стратегии, докладчик подчеркнул, что «в блоке с США и с помощью империализма китайские лидеры рассчитывают взять новый разбег, чтобы осуществить в региональном и глобальном масштабе свои гегемонистские цели, которых они, используя разнообразнейшие методы и меняя партнеров, тщательно пытаются добиться еще с конца 50-х годов». В контексте этой стратегии и следует рассмотреть политику КНР в отношении развивающихся стран, которая сводится к содействию превращению этих стран в резерв мирового империализма, антисоциалистических и антисоветских сил. Пекинская пропаганда полностью отказалась от широковетательных утверждений о главенствующей роли сил национального освобождения в мировом революционном процессе. Резко сократился объем и изменился характер помощи КНР развитию стран Азии, Африки и Латинской Америки. Эта «помощь», очевидно стала орудием гегемонизма, антисоветизма, проимпериализма и направляется ныне главным образом прозападным реакционным режимам. Новая тактика включает в себя стремление направить в антисоветское русло движение неприсоединения, АСЕАН — в антисоветское и антивьетнамское и т. д. Китайские лидеры толкают развивающиеся страны на сотрудничество с империалистическими блоками и центрами капиталистической экономики и вместе с тем всемерно усиливают «экспорт контрреволюции» и подрывную деятельность в отношении стран с прогрессивными режимами, увязывая эту деятельность с империалистической стратегией. Подобная политика ослабляет авторитет КНР среди антиимпериалистических сил, но в то же время вносит элемент раскола в ряды этих сил, поэтому рассчитывать на автоматический крах пекинской политики было бы серьезным упрощением.

В выступлении главы делегации СРВ тов. Фам Дык Зыонга отмечалось, что «победа трех стран Индокитая есть победа разума, веры и совести современной эпохи и одновременно является образцом правильного, творческого применения марксизма-ленинизма к практике Индокитая и Азии в целом». Именно это обстоятельство не дает покоя тем, кто стремится распространить на Азию (и не только на нее) «китайскую модель». В этих условиях маоисты становятся ударной силой контрреволюции и реакции. «Победа революции в трех странах Индокитая, — подчеркнул тов. Фам Дык Зыонг, — является зеркалом, в котором нашла отражение реакционная сущность маоизма и Мао как предателя и пособника империализма». Политику Пекина в отношении развивающихся стран особенно наглядно разоблачили его действия во Вьетнаме, Лаосе и Кампучии.

Доклад доктора исторических наук Эстрельи Рей (Куба) был посвящен анализу поисков путей Пекина к союзу с реакционными силами Латинской Америки. Э. Рей подчеркнула, что вся история мао-

кестской политики и приспешников маоизма в Латинской Америке и странах Карибского бассейна свидетельствует о прямой связи политики Пекина с действиями и позицией североамериканского империализма в этом регионе. Именно здесь в 60-е годы маоисты развернули формирование пропекинских мелколинейных групп, выполнявших функции проводников политики китайских лидеров. После провала этой тактики и изменения общей обстановки в мире и регионе КНР перешла к действиям, направленным в конечном счете к изоляции социалистической Кубы, к отрыву освободительного движения в этом районе от мирового социализма, используя для этого главным образом средства официальной дипломатии, сотрудничество с правящими кругами соответствующих стран, попытки раскола движения неприсоединения. Этот поворот привел к разброду среди прокитайских и маоистских группировок, которые все же и до сих пор остаются политической реальностью, противодействие которой является важным фактором сплочения революционных и прогрессивных сил Латинской Америки и стран Карибского бассейна.

Результаты исследований, посвященных анализу общей характеристики пекинской политики в отношении развивающихся стран, нашли отражение в докладах о маневрах Пекина по поводу движения неприсоединения, в связи с борьбой за новый международный экономический порядок и проблемами безопасности в Азии. Факты, приведенные участниками конференции,无可争辩но свидетельствуют о намерениях пекинских лидеров подчинить эти движения и ход решения проблем мирового развития своекорыстным интересам Пекина, его политическому лидерству, о том, что по существу во всех этих вопросах политика КНР носит подрывной характер и содержит в себе явное стремление придать им антисоветскую направленность.

Участники конференции подвергли также всестороннему анализу конкретные направления и методы политики КНР в отношении развивающихся стран. Е. Д. Степанов (ИДВ) посвятил свое выступление погранично-территориальным проблемам в отношениях КНР с развивающимися странами, раскрыв главную цель Пекина в Азии — создание на этом континенте собственной сферы политического влияния, в достижении которой «картографической агрессии» отводится роль первого шага на пути давления, экспансии и провоцирования конфликтов в отношении сопредельных государств.

Другой формой пекинской экспансии КНР в Азии является использование подрывных пропекинских организаций в странах, близлежащих к Китаю. На большом фактическом материале Р. М. Асланов (ИДВ) в своем сообщении разоблачил антинародную сущность этих (часто вооруженных) организаций в Индии, Бирме, на Филиппинах, в Непале, Бангладеш, Таиланде и других странах Азии. Он охарактеризовал «прагматическую» политику Пекина по отношению к самим этим организациям как двурушническую, показал способность

китайских «специалистов» по подрывной деятельности откаться от своих агентов, бросать их на произвол судьбы.

Доклад Т. М. Котовой (ИДВ) был посвящен сотрудничеству зарубежной китайской буржуазии с Пекином. В нем был дан обстоятельный анализ трех направлений пекинской политики в данном вопросе: вовлечение этой буржуазии в процесс «модернизации», активизация ее влияния на политику страны проживания, использование ее в качестве канала сближения с развитыми капиталистическими странами и правящими кругами развивающихся стран. Т. М. Котова раскрыла историческую ограниченность этой политики, ее политические, экономические и идеологические пределы.

В докладах и выступлениях советских и зарубежных участников конференции были разоблачены враждебные действия Пекина в отношении Афганистана, стран Индокитая и Юго-Восточной Азии, маневры китайской дипломатии по отношению к Индии, странам Ближнего и Среднего Востока, Африки, Карибского бассейна. Содержательные доклады по этим проблемам были сделаны представителями СРВ, ПНР, ЧССР, МНР.

Как показали доклады и выступления участников конференции, исследования ученых СССР и братских стран социализма позволили разоблачить экспансионистскую политику КНР в отношении развивающихся стран, на конкретных примерах раскрыть проимпериалистическую сущность пекинской внешней политики в целом.

В заключительном выступлении директор Института Дальнего Востока АН СССР М. И. Сладковский, подводя итог обсуждению, сделал следующие выводы:

— пекинское руководство не только продолжает смыкаться с империалистическими и реакционными кругами, следовать параллельным курсом с ними, но и принимает на себя обязанности ударной бригады империализма;

— не обладая технико-экономическим потенциалом, необходимым для действительной помощи развивающимся странам, пекинские руководители стремятся воспрепятствовать сотрудничеству стран социалистического содружества с развивающимися странами, расчищают пути проникновения империалистических монополий в «третий мир»;

— агрессия Пекина против Вьетнама, Кампучии, провоцирование конфликтов на границах с Индией, Бирмой, участие в империалистической агрессии против народно-демократического Афганистана свидетельствуют о том, что пекинское руководство приступает к реализации своих конкретных экспансионистских планов в отношении соседних стран в Азии.

Великоханьский экспансионистский курс Пекина представляет собой прямую угрозу национальной независимости, суверенитету и территориальной целостности развивающихся стран, является серьезной помехой их социальному прогрессу.

Научно-теоретическая конференция «Характер и особенности экономического и социального развития КНР на современном этапе»

24—25 апреля 1980 г. в Институте Дальнего Востока АН СССР состоялась научно-теоретическая конференция на тему «Характер и особенности экономического и социального развития КНР на современном этапе». Перед участниками конференции выступили первый заместитель заведующего Отделом ЦК КПСС О. Б. Рахманин, академик А. М. Румянцев, член-корреспондент АН СССР М. И. Сладковский, представители организаций г. Москвы.

На пленарных заседаниях конференции были заслушаны доклады доктора экономических наук В. И. Акимова «Некоторые вопросы развития экономики КНР в настоящее время», доктора экономических наук, профессора Е. А. Коновалова «Особенности действия объективных законов социализма в КНР», кандидата экономических наук И. Н. Наумова «Вопросы методологии исследования экономического базиса в КНР», кандидата экономических наук И. Н. Коркунова «Экономическая роль государства и программа «четырёх модернизаций» в КНР», кандидата экономических наук Э. П. Пивоваровой (ИЭМСС АН СССР) «К вопросу о социальной ориентации программы «четырёх модернизаций», кандидата экономических наук А. П. Морозова «Некоторые проблемы экономического строительства в КНР» и кандидата экономических наук В. С. Миленова (ИНИОН АН СССР) «Обсуждение экономических проблем в печати КНР».

Помимо пленарных заседаний оживленные плодотворные обсуждения развернулись также на двух секциях: 1) «Характер экономического базиса, социально-классовая структура, экономическая политика КНР»; 2) «Основные проблемы экономики КНР на современном этапе».

На конференции рассматривался широкий круг социально-экономических проблем современного Китая, была дана марксистско-ленинская, научная оценка нынешней экономической политики китайского руководства, возможных направлений дальнейшего развития страны.

В докладах было обращено внимание на то, что, выдвигая программу «четырёх

модернизаций», руководство КНР преследует цель лишь развития производительных сил, обходя вопросы совершенствования производственных отношений, общественной надстройки, разрушенной в годы «культурной революции».

Практика последних двух лет выявила нереальность намеченных темпов и объемов промышленного развития, результатом чего явилась необходимость пересмотра программы. Отмечалось, что, признавая недостаточную эффективность существующих форм управления народным хозяйством, руководство КНР пытается более активно использовать экономические рычаги — специализацию и кооперирование, разделение труда, механизм прибыли и материальной заинтересованности, подготовку научно-технических кадров.

Однако все эти нововведения, имеющие некоторое внешнее сходство с прежними (первого десятилетия существования КНР) формами управления и организации производства, осуществляются в рамках маоистского милитаристского курса, приспособления экономики к общему стратегическому великоханьскому курсу.

В докладах рассматривался также вопрос о появлении в последнее время ряда принципиально новых аспектов во внутренней экономической политике, свидетельствующих о все возрастающей угрозе социалистическим элементам в экономическом базисе китайского общества, о новом, опасном этапе его размывания. Курс на милитаризацию страны, использование обобществленных средств производства в антисоциалистических целях породили в стране глубокий социально-экономический кризис. Темпы роста отраслей промышленности, не связанных с военным производством, постоянно падали, сельскохозяйственное производство оказалось не в состоянии обеспечить потребности быстро растущего населения продовольствием, а промышленности — сырьем. Военно-бюрократический режим внес коренные изменения в характер и цели производства, а также в отношения обмена, распределения и потребления — важные составляющие элементы экономического базиса. В результате игнорирования китайскими руководителями в течение длительного времени требований основного экономического закона социализма, определяющего цель производства, трудящиеся массы практически оказались отчужденными от результатов своего труда. Заложенные в первом десятилетии основы социалистических производственных отношений оказались подорванными.

Участники конференции обращали серьезное внимание также на то, что в последнее время под предлогом создания «экономической системы», якобы отвечающей специфическим условиям Китая, и поисков новых путей «оживления» экономики идет процесс возрождения многоукладности экономики, активизации мелкобуржуазной, частнособственнической стихии. В условиях отстранения рабочего класса от власти, рыхлости социальной структуры общества, отрыва КНР от социалистического сотрудничества, ориентации ее на капиталистические

страны усиливается угроза утраты важнейших социально-экономических завоеваний китайских трудящихся. Об этой тенденции свидетельствует активизация некоторых элементов частного предпринимательства, создание торгово-промышленных предприятий «семейного типа», требования Пекина «соединить плановую экономику с рыночным хозяйством», «открыть зеленую улицу» кустарям-единоличникам. Об этом же говорит и дробление кооперативной собственности вследствие перехода на систему распределения труда и хозяйственных функций за так называемыми «рабочими звеньями» и даже отдельными дворами. К активной экономической деятельности привлекаются представители национальной буржуазии, которым были возвращены конфискованные в годы «культурной революции» банковские вклады и имущество.

Внешнеэкономические связи Китая, подталкиваясь в докладах, направлены на усиление милитаризации страны. Вместе с тем невидна несовместимость попыток всеобщей модернизации экономики с милитаризацией страны. Неоправдана ставка руководства КНР на широкое использование иностранных кредитов, технологий и оборудования для реализации программы «четыре модернизации». С целью обеспечения средств для погашения задолженности по кредитам китайское руководство пошло на создание смешанных предприятий, основанных на иностранном и китайском капитале. В приморских провинциях Китая (Гуандун, Цзяньдун, Фуцзянь) намечается создание так называемых «зон свободной торговли», в которых иностранным предпринимателям разрешается торговать своей продукцией.

Попытки использовать финансовую и экономическую помощь капиталистических стран создают реальную опасность возникновения серьезной экономической зависимости Китая от этих стран, втягивания его в орбиту экономики и политики империализма. При этом китайские трудящиеся попадают под двойной пресс эксплуатации — собствен-

ного военно-бюрократического режима и мирового капитализма.

Отмечалось, что провал программы «четыре модернизации» и намеченный курс «урегулирования» на ближайшие три года явились следствием кризисного положения в экономике, в которой еще не сложились условия для ее планомерного пропорционального развития. Однако фактический отказ от этой программы не коснулся в основном планов наращивания военного потенциала. В 1979 г. прямые военные расходы были увеличены на 3,5 млрд. юаней по сравнению с предыдущим годом.

В качестве общего вывода конференция констатировала, что нынешние тенденции экономической политики китайского руководства, ориентация его на капиталистические страны не решают основной проблемы китайской экономики — повышения уровня жизни китайских трудящихся на основе развития и укрепления материально-технической базы, развития сельского хозяйства и других отраслей экономики. Существующая политика идет вразрез с жизненными интересами всего китайского народа и служит целям сил империализма и китайской эмигрантской буржуазии, она не в состоянии решить острые социально-экономические проблемы, стоящие перед страной. Все это вызывает неопределенность, неурегулированность всех процессов развития китайского общества. В конечном счете сближение Китая со странами капиталистического мира, несомненно, встретит противодействие прогрессивной общественности в стране.

Участники конференции подчеркнули, что только на путях научного социализма, а не маонизма, на путях сотрудничества с социалистическими странами, отказа от курса на милитаризацию Китай может добиться реальной модернизации страны и создания нового общества.

И. Н. Коркунов,
кандидат экономических наук

ЮБИЛЕЙ УЧЕНОГО

80-летие К. М. Попова

Исполнилось 80 лет со дня рождения и 60 лет научно-педагогической деятельности одного из выдающихся советских ученых-японистов, доктора экономических наук, профессора Константина Михайловича Попова.

Константин Михайлович родился 28 апреля 1900 г. в Порт-Артуре, где его отец проходил службу в армии. Пытливый и любознательный, он после окончания школы в Одессе направился в Киев, где поступил одновременно в Институт внешних сношений и Институт народного хозяйства. Талантливый выпускник сразу двух высших учебных заведений был в 1925 г. приглашен на работу в Госплан СССР.

Свой глубокий интерес к экономике стран зарубежного Востока, пробудившийся еще на студенческой скамье, Константин Михайлович пронес через всю свою жизнь, став создателем школы экономистов-японистов, получившей признание далеко за рубежами нашей Родины.

С 1933 г. научная жизнь Константина Михайловича была связана с Академией наук СССР. Он работал в Институте мирового хозяйства (1933—1941), в Тихоокеанском институте (1943—1948), заведовал отделом в Институте географии (1950—1966). С 1966 г. он прочно связал свою научную деятельность с Институтом востоковедения.

Изданные в довоенные годы труды Константина Михайловича «Япония — очерки географии и экономики», «Технико-экономическая база Японии» и «Экономика Японии» — явились выдающимся явлением в научной жизни, заложили основу нового направления в советском японистике — комплексного исследования характера и особенностей размещения производительных сил Японии. Константин Михайлович впервые сформулировал критерии территориально-производственного районирования Японии и разработал методологию исследования промышленных зон, которая была успешно применена в последующие годы его учениками.

В своей научной деятельности Константин Михайлович олицетворяет лучшие традиции русской ориенталистики, широту взглядов и направлений исследований. Его стремление рассматривать проблемы экономического развития Японии в неразрывной связи с различными аспектами общественной жизни нашло свое яркое выражение в фундаментальном труде «Япония — очерки национальной культуры», который был переведен на японский и английский языки и получил широкое признание как в Советском Союзе, так и за рубежом.

Большой патриот, бесконечно преданный своему народу и своей стране, Константин Михайлович неизменно стремится к тому, чтобы результаты научных исследований и его самого, и учеников его школы находили практическое применение в работе различных советских учреждений и организаций. Он принимал участие в разработке первого пятилетнего плана и много сделал в этом направлении, работая в 1944—1959 гг. в качестве консультанта по странам Востока в Министерстве внешней торговли СССР.

Крупный ученый-японист, Константин Михайлович всегда стремится к тому, чтобы его работы способствовали более глубокому пониманию советскими людьми характерных особенностей жизни и быта населения Японии и служили бы тем самым делу дальнейшего углубления взаимопонимания и укреплению дружбы между советским и японским народами. Этой благородной цели посвящена и напряженная общественная работа Константина Михайловича в качестве бессменного заместителя председателя Общества «СССР — Япония» с первого дня его образования в 1958 г.

Советские востоковеды и вся научная общественность сердечно поздравляют Константина Михайловича Попова в день его 80-летия и желают ему новых творческих успехов на благо советской науки.

80-летие А. П. Рогачева

Видному советскому китаисту профессору Рогачеву Алексею Петровичу в феврале 1980 г. исполнилось восемьдесят лет. 60 лет из них отдано синологии.

С 20 лет начал А. П. Рогачев заниматься изучением проблем Китая. Еще будучи студентом Института восточных языков им. Нариманова, он был послан в Китай. С 1924 по 1939 г. он работал в различных советских учреждениях в Китае. В эти годы А. П. Рогачев в совершенстве овладел языком страны, узнал и полюбил талантливый и трудолюбивый китайский народ, познакомился с его обычаями и традициями.

Более 40 лет А. П. Рогачев посвятил научно-педагогической деятельности. В разное время он преподавал на отделении Востока исторического факультета МГУ, китайском отделении Московского института востоковедения, в Высшей дипломатической школе, Институте восточных языков при МГУ и других учебных заведениях. Много сил и времени отдавал составлению и подготовке к изданию учебных пособий по китайскому языку, словарей, хрестоматий и другой специальной литературы. Его многочисленные ученики с благодарностью вспоминают, сколько труда, внимания и терпения вкладывал Алексей Петрович в их обучение.

Широкое признание в нашей стране получила деятельность А. П. Рогачева как переводчика китайской художественной литературы. В его переводах были изданы средневековые классические романы «Речные заводы» Ши Найяня и «Путешествие на запад» У Чэнъэня (совместно с В. С. Колоколовым), рассказы основоположника новой китайской литературы Лу Синя, роман «В горах Люйляна» Ма Фэна и Си Жуна, повесть Лао Шэ «Безмянная высота» и другие произведения.

А. П. Рогачевым совместно с Цзэн Сюфу была переведена на русский язык работа Сунь Ятсена «Три народных принципа», в настоящее время она готовится к изданию.

Уйдя на заслуженный отдых, Алексей Петрович Рогачев не перестал заниматься вопросами китайской литературы. Им подготовлены монография «У Чэнъэнь и его роман „Путешествие на запад“», новый вариант перевода романа «Путешествие на запад», совместно с А. Н. Желоховцевым опубликована статья «О литературоведческой проблематике кампании вокруг романа «Речные заводы», готовятся к новому изданию переводы рассказов Лу Синя.

В течение многих лет А. П. Рогачев является членом правления Общества советско-китайской дружбы, он немало сделал для того, чтобы народы Советского Союза и Китая больше знали и понимали друг друга.

В день 80-летия многочисленные друзья и ученики от души желают Алексею Петровичу доброго здоровья и дальнейших успехов в его плодотворной деятельности.

Сдано в набор 9/IV 1980 г. Подписано в печать 22/V 1980 г. А—01086
Формат 70×108¹/₁₆ Бум. л. 6,5 Усл. печ. л. 18,2 Уч.-изд. л. 19,95
Изд. № 31432 Заказ 942 Цена 50 коп. Тираж 20 883 экз.

Издательство «Прогресс» Государственного комитета Совета Министров
СССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли
Москва, 119021, Зубовский бульвар, 17

Чеховский полиграфкомбинат Союзполиграфпрома
Государственного комитета СССР
по делам издательств, полиграфии и книжной торговли
г. Чехов Московской области